

РИШЕЛЬЕ

Франсуа
Блюш

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришелье (1585–1642), известен миллионам читателей по романам Дюма. Но реальный облик одного из крупнейших государственных деятелей Франции сильно отличается от созданного писателем. Первый министр короля Людовика XIII управлял страной в сложный период становления абсолютизма, борьбы Франции за гегемонию в Европе, рождения новой культуры, рвущей с наследием Средневековья. Выдающаяся роль Ришелье во всех этих процессах наглядно показана в книге профессора Франсуа Блюша (род. 1925) — известного французского историка, автора десятков монографий и справочников, посвященных истории Франции XVII–XVIII веков. Его биографическое исследование обобщает факты жизни и деятельности самого Ришелье и его современников, подводит итог научным дискуссиям, касающимся сложной и противоречивой фигуры «великого кардинала».

- [Франсуа Блюш](#)
 - [НЕОБЫЧНОЕ ЭССЕ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ЗАГАДКА РИШЕЛЬЕ](#)
 - [СЕМЬЯ ДЮ ПЛЕССИ](#)
 - [ВЛИЯНИЕ ЗНАТИ](#)
 - [ЭПОХА СВЯТЫХ](#)
 - [ПЬЕР ДЕ БЕРЮЛЬ](#)
 - [ГОДЫ УЧЕБЫ](#)
 - [ЕПИСКОП ЛЮСОНСКИЙ](#)
 - [МУДРОСТЬ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ](#)
 - [ФРАНЦИЯ И ЕВРОПА](#)
 - [ПРЕСТИЖ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ](#)
 - [ДОЛЖНОСТЬ РАСПЛЫВЧАТАЯ И СОМНИТЕЛЬНАЯ](#)
 - [КОРОЛЬ И КАРДИНАЛ](#)
 - [КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ](#)
 - [ВЕРА, ЗАКОН, КОРОЛЬ](#)
 - [ТРЕБНИК И МАКИАВЕЛЛИ](#)
 - [БАСТИЛИЯ И ВЕНСЕННСКИЙ ЗАМОК](#)
 - [ОБОЮДНАЯ СУРОВОСТЬ](#)

■ ПОСТРАДАВШИЕ ОТ «КОРОЛЕВСКОГО ПРАВОСУДИЯ»

- ЮМОР И ЛЮБЕЗНОСТЬ
- ДОБРОДУШНЫЙ РИШЕЛЬЕ
- РИШЕЛЬЕ И ЖЕНЩИНЫ
- КОРОЛЕВСКИЕ ДУХОВНИКИ
- ФАВОРИТЫ И ФАВОРИТКИ
- ГАСТОН И ЕГО «ГАСТОНАДЫ»
- ДЕЛО БУТВИЛЯ
- ХОЗЯИН МОРЕЙ
- NAVIGARE NECESSE EST
- ОСАДА ЛА-РОШЕЛИ
- КАПИТУЛЯЦИЯ ЛА-РОШЕЛИ
- МАЛЕРЬ
- РАЗРЫВ
- СУЗСКИЙ ПЕРЕВАЛ
- МИЛОСТИВЫЙ МИР
- «ДЕНЬ ОДУРАЧЕННЫХ»
- КОНЕЦ ВИЦЕ-КОРОЛЕЙ
- УКРЕПЛЕНИЕ ПРЕССЫ
- ЛЕТОПИСЕЦ ИЛИ АПОЛОГЕТ?
- «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ»
- В ЗАЩИТУ РАЗУМА
- ВОСПИТАННИКИ КАРДИНАЛА
- СЛУГА ДВУХ ГОСПОД?
- МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ
- КАРДИНАЛЬСКИЙ НЕПОТИЗМ
- КАРДИНАЛЬСКОЕ ВЫСОКОМЕРИЕ
- ГЕРЦОГ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬ
- ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА
- НАЛОГОВАЯ ВОЙНА
- ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ
- СОБРАНИЕ ПОЭТОВ
- СПОР О «СИДЕ»
- КАРДИНАЛ И ТЕАТР
- ГОД КОРБИ
- 1637-й
- СВЯТЫЕ В ТЮРЬМЕ
- В ПРЕКРАСНОМ ЗАМКЕ
- БЛАГИЕ ССОРЫ

- [ИСКУШЕНИЕ ГАЛЛИКАНСТВОМ](#)
- [СТРАННЫЙ БОГОСЛОВ](#)
- [ОБЕТ ЛЮДОВИКА XIII](#)
- [ДОФИН ЛЮДОВИК](#)
- [ДВОРЕЦ КАРДИНАЛА](#)
- [ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВА](#)
- [ТРИ ДВОРА](#)
- [РАСКОЛОВШАЯСЯ ИСПАНИЯ](#)
- [ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗЛОПАМЯТНОСТЬ?](#)
- [СМЕРТЬ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ](#)
- [ПОСЛЕДНИЕ ЗАГОВОРЫ](#)
- [ИЗ КВЕБЕКА В МОНРЕАЛЬ](#)
- [СМЕРТЬ КАРДИНАЛА](#)
- [ДЖУЛИО МАЗАРИНИ](#)
- [КАРДИНАЛЬСКОЕ СОСТОЯНИЕ](#)
- [ПОПЫТКА ПОРТРЕТА](#)
- [НАСЛЕДСТВО РИШЕЛЬЕ](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [Европейские правители](#)
 - [Как Генрих IV шесть раз сменил вероисповедание](#)
 - [Людовик XIII Справедливый](#)
 - [Фавориты Людовика XIII](#)
 - [Правительственные чиновники](#)
 - [Маршалы Франции \(1610–1643\)](#)
 - [46 академиков эпохи Ришелье](#)
 - [Карьера министра-кардинала](#)
 - [Кардинал, мишень памфлетистов](#)
 - [Надгробное слово герцогини д'Эгийон](#)
 - [Портрет кардинала Ришелье](#)
 - [Министерство Ришелье: суровость, величие, мастерство](#)
 - [Кардинал Ришелье и великий Корнель](#)
 - [Золотой век анаграммы](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ХРОНОЛОГИЯ](#)
- [ГЛОССАРИЙ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

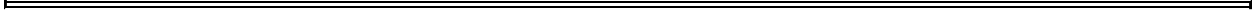
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)

- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)

◦ [159](#)

Франсуа Блюш Ришелье

*Памяти моего друга Жака Ингольда и воздавая
должное г-ну Эдуару Балладюру*

НЕОБЫЧНОЕ ЭССЕ

Свою объемистую книгу Франсуа Блюш окрестил «эссе». Что ж, каждый автор вправе называть свое детище, как ему вздумается. И все же под термином «эссе» обычно понимается литературное произведение малых форм — статья, очерк, этюд. Что же касается «Ришелье» Блюша, насчитывающего в оригинале почти пятьсот страниц, то это довольно необычное эссе, скорее напоминающее однотомную энциклопедию.

Действительно, труд Блюша — подлинный клад знаний, в котором можно обнаружить любую мелочь, касающуюся самого Ришелье, связанных с ним лиц и событий его времени — все это на протяжении семидесяти двух глав, или скорее отдельных очерков, каждый из которых вполне самостоятелен. За ними следуют семнадцать приложений, в числе которых обстоятельная хронология и глоссарий. Их дополняют множество таблиц в тексте, уточняющих детали сообщаемого материала.

При этом великий знаток описываемой эпохи, автор десятков книг (в том числе справочников) по истории Франции XVII–XVIII веков Франсуа Блюш беседует с читателем как с равным, на уровне своей эрудиции. Он сыплет словно из рога изобилия терминами и понятиями, с его точки зрения, общеизвестными, такими, например, как «Контрреформация», «тридентская система» или «места безопасности». Все это, разумеется, знакомо специалисту-историку, но вряд ли понятно рядовому читателю, держащему в руках русский перевод «Ришелье». К счастью, в книге, как уже указывалось, имеется глоссарий, помогающий расшифровать большинство неясных терминов. Здесь, правда, есть известное неудобство, поскольку поминутное лазанье в словарь, находящийся в конце книги, нарушает целостность восприятия прочитанного, но с этим можно примириться.

Гораздо существеннее другое. Подробнейшим образом освещая все, что относится к деятельности главного героя и его окружения, Блюш оставил без внимания важнейший этап истории Франции и Западной Европы, предшествующий появлению Ришелье, хотя это время сыграло весьма важную роль в его становлении как великого политического деятеля. Учитывая это, будет не лишним предпослать русскому переводу книги Блюша краткий очерк периода, называемого обычно эпохой Реформации и религиозных войн.

Это было весьма бурное, переломное время, когда менялись целые

пласты жизни народов, пылали костры инквизиции и старый феодальный мир прилагал последние судорожные усилия, чтобы удержать господство, переходившее в руки другого хозяина и другого строя. В этой кровопролитной борьбе доминирующую роль сыграла религия, выступавшая в двух взаимно исключающих ипостасях — католицизме и протестантизме.

Католическая церковь, веками господствовавшая на Западе, была плотью от плоти феодального общества, которое ее породило и которое она, в качестве идеологии, верно обслуживала, утверждая его богоданность, закономерность и справедливость. Эта церковь, со всеми ее пышными атрибутами, была очень дорогостоящим учреждением. Но короли и феодалы охотно шли на затраты, получая взамен нечто неизмеримо большее — санкцию на свое безраздельное господство.

Однако сначала в Италии и Фландрии, а затем и повсюду в Западной Европе началось становление буржуазии, постепенно прибиравшей к рукам экономику, а затем устремившейся и к политической власти. Новому господину нужна была и новая идеология. Собственно, она была не такой уж и новой: буржуазия вовсе не собиралась отказываться от религии вообще и от христианства в частности. Но ей было нужно не то христианство, которое обслуживало старый мир, ей была нужна религия, которая бы санкционировала ее власть. Эта религия должна была отличаться от католицизма своей простотой и дешевизной — меркантильной буржуазии деньги были нужны не для того, чтобы строить дорогостоящие соборы и проводить пышные службы, а для того, чтобы вкладывать их в дело, создавая банки и фирмы. И в соответствии с этим становилась ненужной вся прежняя организация церкви, с ее папой, кардиналами, епископами, монастырями и земельной собственностью. Такова была отправная точка могучего духовного движения, охватившего Западную Европу на грани Средневековья и Нового времени и получившего название Реформации, поскольку смысл его сводился к коренной реформе Церкви.

Главными идеологами Реформации, выступившими почти одновременно, оказались немец Лютер и француз Кальвин. Воодушевленная Лютером, с католицизмом порвала большая часть Германии (кстати, именно здесь и возник термин «протестантизм» в смысле протеста сторонников Реформации против католических епископов и князей), кальвинизм же совершил победное шествие по Северной Европе. Так или иначе, сторонники Реформации в течение XVI века одержали победу в значительной части европейских государств, включая Англию,

Нидерланды, Швейцарию, Данию, Швецию, Норвегию и Восточную Прибалтику.

Феодальный мир попытался взять реванш. Под эгидой папства и реакционной Испании началось попятное движение, называемое обычно Контрреформацией или католической реакцией. Его главными «подвигами» стало создание ордена иезуитов (1540) — передового отряда католицизма, созыв Тридентского собора (1545–1563), провозгласившего тезис о «непогрешимости папы» и создание центрального инквизиционного трибунала в Риме (1542), который прославился лютой жестокостью в преследовании еретиков. Моральное и физическое истребление любых форм инакомыслия — будь то «запрещенные» книги, «крамольные» проповеди или сами носители «крамолы» — стало общей нормой. Все это вызвало в ряде стран массовые кровавые столкновения, известные под именем «религиозных войн» и завершившиеся только к середине следующего века общеевропейской Тридцатилетней войной (1618–1648), приведшей в итоге к более или менее устойчивому политическому и религиозному размежеванию.

Религиозных пертурбаций не избежала и Франция, но там они прошли на свой манер. В первой половине XVI века появились робкие ростки лютеранства, быстро задушенные правительством, а с 40-х годов стал бурно развиваться кальвинизм, сторонников которого окрестили «гугенотами». Однако если в большинстве других государств протестантизм приняла буржуазия, во Франции он оказался преимущественно достоянием провинциального дворянства. И этому была своя причина. Поскольку двор, аристократы и крупная буржуазия (из ее рядов, как известно, выходило «дворянство мантии», чиновное дворянство, кормившееся от государственного пирога) были ревностными приверженцами католицизма, который санкционировал их благополучие, провинциальному дворянству, оказавшемуся в оппозиции к правительству и элитарным слоям, не оставалось ничего другого, как поднять знамя протестантизма. Современники прекрасно понимали суть дела и отличали от гугенотов религиозных (то есть идейных) гугенотов политических — иначе говоря, тех, кто избрал протестантскую конфессию из чисто политических соображений, используя ее организационные формы для борьбы с аристократией.

Подспудная борьба привела к кровавым столкновениям, а затем и к подлинной гражданской войне, охватившей вторую половину XVI века и получившей обобщенное название «гугенотских войн». Их было в общей сложности десять, и шли они с переменным успехом, однако время

показало, что потенциал католиков во Франции был все же выше того, чем располагали протестанты. Это стало ясно уже в результате кровавой Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 года), ставшей первым массовым избиением гугенотов. Для большинства населения Франции в конечном итоге протестантизм оказался неприемлемым — ей вплоть до наших дней суждено было остаться католической страной. На определенном этапе это понял даже «главный еретик» Генрих Наваррский — рассудив, что «Париж стоит мессы», он в очередной раз перешел в католичество, чем обеспечил себе корону Франции.

Однако, став французским королем (1589), Генрих IV совершил непростительную ошибку. Желая ублажить своих верных в прошлом союзников-гугенотов, он издал в 1598 году Нантский эдикт, который делал протестантизм не только дозволенной религией, но и давал протестантам в качестве гарантии их независимости 147 крепостей на юге Франции во главе с Ла-Рошелю (так называемые места безопасности), что создавало как бы государство в государстве. Этим актом, помимо всего прочего, король подписал себе смертный приговор — католики его не простили, и он был убит фанатиком Равальяком в 1610 году. Смерть Генриха IV вызвала новую волну сепаратизма в стране. Крупные феодалы вновь подняли головы, то тут, то там вспыхивали крестьянские восстания, и казалось, что вот-вот начнется вторая серия гугенотских войн. В таком виде получил наследство отца слабый Людовик XIII, в таком же виде он передал его своему первому министру.

Отталкиваясь от этого факта, Франсуа Блюш и начинает свою незаурядную книгу. Ее ключевая глава — «Король и кардинал». Одиннадцать очерков, которые ей предшествуют, — это боковые ходы, призванные, по выражению автора, «развлечь» читателя и постепенно ввести его в ту атмосферу, в которой совершилось чудо — превращение скромного люсонского епископа во властелина Франции и крупнейшего политика Западной Европы. Путем подробнейшего и разветвленного анализа Блюш сумел ненавязчиво показать, как Ришелье справился со всеми поставленными перед ним задачами и привел вверенную ему Францию к славе и могуществу, превратив ее в доминирующую державу всего Запада. В этом прежде всего состоит, на наш взгляд, и глубинное содержание книги Блюша, и ее подлинное значение: изданная во Франции совсем недавно, в 2002 году, она стала последним словом французской и мировой «Ришельенианы».

Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с теми или иными положениями автора, но при чтении книги среди спорных или неясных

положений мы обнаружили только одно, требующее безусловной корректировки. Блюш мимоходом заметил, что абсолютная монархия во Франции ведет начало от Людовика Святого — иначе говоря, с XIII века. Согласиться с этим, при всем уважении к автору, совершенно невозможно. Общеизвестно, что абсолютная монархия как форма власти выросла из сословной монархии только на грани XV–XVI веков, и король Франциск I (1515–1547) впервые начал в своих актах утверждать: «ибо такова есть НАША воля».

Разумеется, это частное замечание ни в коей мере не может повлиять на высокие достоинства книги Блюша и ее общую оценку.

Анатолий Левандовский

ВВЕДЕНИЕ

*Он сделал господина игрушкой своей,
Но кукла эта стала владыкой королей.*

Анонимные стихи

Эта книга может удивить, да и сам ее замысел поначалу представлялся нам опасным. В самом деле, биография кардинала Ришелье — героя весьма противоречивого — заслужила не нескольких сотен, а многих тысяч страниц. Как можно в столь узких рамках нарисовать портрет столь выдающегося государственного мужа, единственного в своем роде? Да еще и связать его с историей Франции, которую он воплощал на протяжении двадцати лет? С Европой эпохи барокко? С Контрреформацией^[1], которую он трактовал на свой лад? С государством, которое он прославил и чьим слугой, руководителем и теоретиком был? С Людовиком XIII, наконец, которому он помогал безо всяких корыстных побуждений; с этим монархом, чьим неутомимым и преданным опекуном являлся Арман Жан дю Плесси?

У нас было два выхода: попытаться рассказать все, рискуя получить учебник, или совершить отбор, представляя малоизвестные черты характера нашего героя, вспомнив позабытые остроты или неправильно истолкованные анекдоты. Мы выбрали второй путь, стремясь заинтересовать образованного читателя, но не наскучить ему, познакомить его с некоторыми фактами, но не утомлять — короче говоря, «развлечь», как говорили авторы Великого века. И посему данное произведение ни в коей мере не является трактатом — это всего лишь эссе.

Подобный выбор предоставил автору некоторую свободу. Оправданно или нет, мы остановились лишь на некоторых деликатных пунктах, слишком упрощаемых историографией. Например, мы без колебаний углубились в нюансы христианства после Тридентского собора и в период зарождавшегося янсенизма. Нам также показалось более интересным проследить за первыми шагами Французской Академии или спорами по поводу «Сида», чем погружаться в детальное изучение Тридцатилетней войны — в большей степени немецкой, чем французской.

Чтобы дополнить наше произведение, касающееся Ришелье, его жизни, деяний и трудов, у нас возник замысел поместить в конце несколько — а именно семнадцать, — приложений, самая компактная часть которых (хронология и глоссарий), как нам кажется, обогатила и украсила основной текст.

ЗАГАДКА РИШЕЛЬЕ

*Ко мне был слишком добрым кардинал,
Дабы о нем сказал я злое слово,
И слишком много он мне сделал злого,
Дабы о нем я доброе сказал*

Корнель

*Слишком трудно узнать какого-то человека, о
котором льстецы говорят столько хорошего, а враги —
столько плохого.*

Вольтер

Опросы общественного мнения со всей определенностью показывают, что наши современники помещают кардинала Ришелье в пятерку великих исторических персонажей Франции в компании Людовика Святого, Жанны д'Арк, Людовика XIV и Наполеона. При этом кардинал-министр, являясь памятником коллективных воспоминаний, остается человеком, достойным скорее восхищения, чем любви.

Во времена его длительного правления (1624–1642) — бурного, удивительного, блистательного, продуктивного — этого великого человека осыпали насмешками, клеветой, ненавистью. У него было больше врагов, чем у Людовика XI, которого обвиняли в садизме и жестокости. Его смерть послужила толчком к появлению многочисленных памфлетов, как справедливых, так и клеветнических. Тем не менее потомки довольно быстро осознали его правоту. Кольбер приводил его в пример Королю-Солнцу. Историки эпохи Просвещения, безжалостно нападавшие на бедного Людовика XIII, Ришелье, напротив, восхваляли. Ришелье больше не представал узурпатором королевской власти — его рассматривали как «ниспосланного Провидением заместителя» слабого правителя. Позднее якобинцы видели в нем завоевателя мнимых «естественных границ» Франции. Начиная с Третьей республики, официальные историки, ведомые Эрнестом Лависсом и его учениками, простили Ришелье его кардинальский сан и принадлежность к Святой церкви. Было забыто, что он ограничил льготы Нантского эдикта. Ссылаясь на известный отрывок «Политического

завещания», большая часть авторов приветствует кардинала, изложившего простую и благотворную программу: уменьшение власти протестантов, знати и Австрийского дома.

Разумеется, школьники, учащиеся коллежей и лицеисты с легкостью пренебрегают содержимым классических книг и в первую очередь рассматривают помещенные там иллюстрации. Мы все помним Ришелье, руководящего осадой Ла-Рошели и наблюдающего за своими пушками, поставленными на знаменитой плотине, которую он приказал построить, чтобы закрыть с моря вход в крепость. Подобная отвага, которой тогда восхищались все — от простого французского солдата до знаменитого маркиза Спинолы, дает французам повод уважать кардинала. Но за уважением тут же следует критика: легенда бросает тень на этого слишком властного и скрытного прелата. Вслед за Лависсом описывать Ришелье берется Александр Дюма, который создает образ «человека в красном».

«Человек в красном» — это скорее отражение эмоций. Но историк обязан понимать, а не судить. Перед ним встает вопрос: был Ришелье красным из-за своего кардинальского одеяния или из-за пролитой крови?

Кардинал, каким мы привыкли видеть его благодаря роману «Три мушкетера», жесток, безжалостен, скрытен, лжив и лицемерен, полон предрассудков, упорен в своей ненависти. На него работают такие агенты, как Рошфор и дьявольская Миледи. «Вот как пишется История!» — восклицал Вольтер. В данном случае она пишется почти исключительно при помощи одного-единственного романа, к тому же не слишком правдивого и неверно понятого. В самом деле Дюма имел весьма своеобразную точку зрения. Если вы в этом сомневаетесь, перечитайте «Трех мушкетеров». Кардинал, «человек в красном», в общем-то является полупризраком, придуманным Атосом, Арамисом, Портосом и д'Артаньяном. В конце произведения он собирается покарать д'Артаньяна, но вместо этого дарует ему прощение и указ о производстве в чин лейтенанта мушкетеров. И д'Артаньян тут же клянется преданно служить кардиналу.

А вот в романе «Двадцать лет спустя» (возможно, лучшем произведении Дюма), четверо друзей, оказавшихся по разные стороны баррикад, приходят к согласию, сожалея о Ришелье, восхваляя его и предпочитая Мазарини. Позднее, гораздо позднее, выйдет в свет «Красный сфинкс», он же «Граф де Море». Этот новый, несколько ходульный исторический роман Дюма-отца углубляет и расширяет черты характера Армана дю Плесси. В нем Ришелье изображен сердечным, чувствительным, сожалеющим о судебной ошибке, сочувствующим горю и

стремящимся положить ему конец. К сожалению, некоторые специалисты полагают, что этот роман не принадлежит Дюма.

Последние веяния, — поскольку в истории тоже есть своя мода, — считают Ришелье великим богословом или, во всяком случае, добрым христианином Контрреформации и добрым священником. Но если принять это на веру, то как же тогда быть с жертвами этого «добряка»: Марией Медичи, хранителем печати Марильяком, маршалами д'Орнано, другим Марильяком, Монморанси, Бассомпьером и Витри, приором Вандомским, герцогом Пюилораном, графом Бутвилем, господами де Сен-Прейлем, де Лестранжем и де Капестаном, командором де Жаром, графом де Шале, Луи Дезей де Корменаном, графом де Капель и другими, не считая Сен-Мара, сделавшего все возможное, чтобы заслужить свою участь? Они просто перевернутся в своих могилах.

Понятно, что невозможно предпочесть тот или иной образ этого двуликого Януса, не рискуя ввести читателя в заблуждение. Ришелье если и был гением, то совершенно нетипичным.

ПОСМЕРТНЫЕ ЭПИТАФИИ РИШЕЛЬЕ

Сонет

Бессильны короли, и зов земных богов
Не слышен небесам, молчащим одиноко.
Ни лавры доблести, ни мудрости покров
Не отдалят приход назначенного срока.
Свидетельство тому для будущих веков —
Министр, что покой нашел в могиле этой.
Быть может, сохранят лишь несколько стихов
Молву о том, кто был известен всему свету.
Величием до звезд превознестись готов,
Он пышностью затмил полдневное светило
И отдавал приказ движению ветров.
Но весь его апломб могила поглотила,
И, душу вырвав из земных оков,
Величия лишь тень в надгробье сохранила^[2].

Эпитафия

Солдатом был почиющий здесь муж,
Прелатом и купчиною к тому ж,
И в каждом деле был он молодчина:

Всю жизнь имущих грабил как солдат,
Святую церковь предал как прелат
И государство продал как мужчина.

Еще одна эпитафия

Всех смертных разделив судьбу,
Здесь Ришелье лежит в гробу.
Я слезы лью, я удручен:
Ведь с ним лежит мой пенсион^[3].

СЕМЬЯ ДЮ ПЛЕССИ

Арман Жан дю Плесси родился 9 сентября 1585 года в Париже в семье мелких дворян с границ Пуату и Анжу.

Франсуаза Гильдехаймер

Отец кардинала Ришелье был очень достойным человеком.

Таллеман де Рео

Образ Ришелье вызывает множество воспоминаний. Например, его замаранное грязью епископство в Люсоне; впрочем, это общепризнанная ошибка кардинала. Все время назойливо повторяется версия о скромном происхождении семьи дю Плесси — заставлявшая, вероятно, не раз переворачиваться Ришелье в его могиле, отвергнутая господами Тапье и Муснье, но все еще присутствующая у некоторых авторов^[4]. Сегодня признано, что «фамилия Ришелье была очень известной при дворе Генриха III» (М. Кармона); но наблюдается расхождение мнений в том, что касается древности и благородства рода^[5].

Отметая мнение о происхождении из «малой аристократии», историограф Андре Дю Шен в 1631 году^[6] опубликовал генеалогическое древо, возводившее «доказательства» знатности министра аж к 1201 году. Дю Плесси считали уроженцами Пуату, принадлежащими к старинному рыцарскому роду. К несчастью, Дю Шен не имел ни образованности, ни чутья Шерена, хотя даже Шерен не смог бы гарантировать родственную связь, удобную тогдашней власти. На самом деле о дворянстве можно уверенно говорить, лишь начиная с шестого предка, некоего Соважа^[7] дю Плесси, сеньора Вервольера, жившего в 1388 году, супруга Изабо Ле Груа де Беларб. Ранее 1400 года дворянские корни не прослеживаются; хотя в XVIII веке подобное происхождение позволит пользоваться придворными почестями^[8].

Сын этого Соважа, Жоффруа, женился на девице Перрин де Клерамбо, знатной даме и наследнице сеньории Ришелье; таким образом, Ришелье вошло в состав фамилии как родовое имя. Это был маленький феодал, в 1631

году ставший герцогством и весьма расширившийся к этому времени. Дю Плесси-Ришелье не отказываются от протекции обладающих властью соотечественников — герцогов Монпансье и Рошешуар — и заключают весьма выгодные и почетные браки. Три из них очень важны: в 1489 году заключается союз с прославленным домом Монморанси^[9] — Франсуа II дю Плесси женится на Гийонне де Лаваль. В 1542 году заключается брак между Луи дю Плесси, дедом кардинала, и Франсуазой де Рошешуар^[10]. В 1565 году заключен брачный союз между Луизой дю Плесси, тетей министра, и Франсуа де Камбу. Эти несколько деталей поясняют слова Таллемана де Рео: «Отец кардинала Ришелье был очень достойным человеком», а также еще более определенную фразу кардинала де Реца: «Ришелье был благородного происхождения».

Древность рода и заключенные брачные союзы являлись при монархии двумя важными пунктами, позволявшими семье занять место в аристократической иерархии. Не следует забывать и о ценности службы и вознаграждении за нее. Дед министра-кардинала Луи I дю Плесси († 1551) умер «во цвете лет», «честно отслужив королям Франциску I и Генриху II» (отец Ансельм); его брат Жак был епископом Люсона; другие его братья прославились как неутомимые вояки. Один из них, Франсуа, по прозвищу Деревянная Нога († 1563), специализировавшийся на осадных войнах и рубивший гугенотов, являлся губернатором Гавра. Другой, Антуан († 1567), также обладавший искусством ведения осады и бившийся с гугенотами, был губернатором Тура. Военная служба этих неустрашимых дю Плесси способствовала карьере Франсуа III де Ришелье (1548–1590), отца кардинала.

Этот персонаж окружен тайной. Преждевременная кончина на пике почестей и подъема по служебной лестнице (главный прево Франции, государственный советник, капитан королевских гвардейцев), он фигурирует в списке награжденных орденом Святого Духа — голубая лента — 31 декабря 1585 года. Это почти безупречный *cursus honorum* ^[11]. Главный прево не числился среди высших должностных лиц, состоявших при короле, но, будучи главой учреждения и высшим должностным лицом при дворе, он пользовался почти всеми привилегиями, принадлежавшими высшей знати^[12]. Обязанности его считались очень важными: он был судьей, подобно королевскому прево, но судьей военным. Он также был полицейским, следившим за безопасностью не только королевского семейства, но и всего двора, когда он сопровождал государя в поездках, и его полицейские полномочия не имели границ. Генрих III доверял ему:

Франсуа Ришелье, довольно враждебно настроенный по отношению к протестантам, был в лагере «добрых французов» и в 1588 году, после убийства герцога де Гиза, не испытывал ни малейших угрызений совести, арестовав главу Лиги — Ла Капель-Марто, городского прево. Однако никто не посмел упрекнуть его в том, что он не смог защитить Генриха III, ставшего жертвой монаха Клемана. Генрих IV не только оставил его на должности главного прево, но и сделал капитаном королевской гвардии. В поворотный момент смены двух царствований главный прево рискнул и принял правителя-протестанта; кардинал, его сын, проклянет протестантизм, но будет любезно вести переговоры с протестантом Тюренном. Если бы мы не боялись оказаться обвиненными в беспочвенных домыслах, то могли бы выдвинуть такую гипотезу: Генрих IV способствовал карьере главного прево, и последний (хотя и взявший себе жену из среды буржуазии и по уши залезший в долги) обладал всеми необходимыми достоинствами, чтобы стать герцогом. Его назначение, вероятно, уже лежало на столе короля.

Когда Франсуа дю Плесси стал рыцарем ордена Святого Духа 31 декабря 1585 года (будущий кардинал-министр уже родился, но еще не был крещен), во Франции было — вернее осталось — всего лишь сто сорок рыцарей этого ордена, представлявших девяносто фамилий. Отныне дю Плесси не упоминаются в числе мелких дворян. Их место при дворе, и они прекрасно там устраиваются. Еще немного — и они стали бы герцогами. При Людовике XIII герцогства раздаются с легкостью: пять за шесть лет регентства^[13] (1610–1616), затем восемь за семь лет совместного правления матери и сына (1617–1624) и, наконец, одиннадцать — из которых три для семьи Ришелье и одно для Пюилоранов — за восемнадцать лет правления министра. Если бы Франсуа III Ришелье не умер так рано, монархия не стала бы ждать 1631 года, чтобы ввести дом Ришелье в привилегированный клуб герцогов и пэров.

Что же происходит с кланом Ришелье между 1590-м — годом для семьи убийственным и 1622-м — годом получения кардинальского звания одним из ее представителей, удачливым и сверходаренным? О них забыли, забыли на целое поколение. Дело в том, что наш герой обладал всем необходимым, за исключением привилегии рождения. В этот период ему едва ли исполнилось пять лет, и место главы семьи заняли сперва вдова главного прево, затем ее старший сын Анри, родившийся в 1580 году. Он провозглашает себя главой семьи и «маркизом де Ришелье» — такова мода, — стремясь сохранить «скорее дорогостоящее, чем приносящее выгоды» наследство Франсуа III, заставляя признать себя в армии и при дворе и

завоевывая доверие Марии Медичи. Ловкий человек, действующий наверняка!

После смерти главного прево у его вдовы Сюзанны де Ла Порт осталось пятеро детей: *Франсуаза* (род. в 1578 г.); *Анри*, так называемый маркиз Ришелье (род. в 1580 г.); *Альфонс Луи* (род. в 1582 г.); *Арман Жан* (1585–1642), герой нашей книги; *Николь* (род. в 1586 г.). У нее нет ни малейшего повода стыдиться их происхождения. Ее отец, адвокат Франсуа де Ла Порт († 1572), служил интересам Мальтийского ордена, который в благодарность произвел в рыцари его сына Амадора, сводного брата г-жи Ришелье. Амадор, деятельный и удачливый, сменил одного из Бурбон-Вандомов на посту главного приора, и его карьера возвысила клан Ла Портов. В любом случае госпожа де Ришелье, урожденная Ла Порт, хотя и не имевшая состояния, не осталась без поддержки. К тому же положение вдовы кавалера ордена Святого Духа обеспечивало ей определенный вес в обществе.

Начиная с 1586 года Ришелье практически избавляются от своей провинциальности; свою роль здесь сыграло и пожалование голубой ленты, отмечающее их положение при дворе и знаменующее их восхождение. Крещение их третьего сына Армана выглядит знаковым. Мальчик родился в Париже, в приходе Сент-Эсташ, на улице Булуа (или Булуар), 9 сентября 1585 года. Очевидно, он был окрещен сразу же после рождения, но «дополнительное крещение», торжественная церемония, состоится в церкви Сент-Эсташ только 5 мая 1586 года. Причиной подобной задержки явилось «здоровье новорожденного, тщедушного, болезненного, подверженного детским недомоганиям» (Р. Муснье). Столь долгая отсрочка позволила ребенку укрепить здоровье, а его отцу, не так давно представленному к награде и «гордому обретенной славой», достойно подчеркнуть свое положение. В честь этого события дом главного прево, особняк Лосе, украшается настоящей триумфальной аркой — огромным, сколоченным плотниками портиком с геральдическими и символическими панно. Четыре больших полотна, каждое со своим латинским девизом, посвящаются маленькому Арману и иллюстрируют семейную религиозную и роялистскую традицию. В разгар войны с Лигой это двукратное подтверждение лояльности конечно же имеет глубокий смысл.

Крестными отцами Армана Жана стали два маршала Франции, Арман де Гонто-Бирон и Жан д'Омон; крестной матерью — его бабка Франсуаза де Ришелье, урожденная Рошешуар. Из особняка Лосе к огромной, вечно недостроенной церкви Сент-Эсташ двинулся настоящий княжеский кортеж. Во главе кортежа — благородная крестная, вся в черном, но

украшенная диадемой с драгоценными камнями. Следом идут два маршала, отец ребенка, его друзья, двоюродные братья и соратники, капитан-лейтенанты гвардии, множество рыцарей Мальтийского ордена и голубой ленты и, наконец, полевая жандармерия с алебардами в руках. Из особняка Суассон следит за процессией королевская семья: Екатерина Медичи, Генрих III, Жуайез и д'Эпернон. Король выглядит восхищенным. Он пожаловал своему главному прево 118 000 экю. Почему же Франсуа Ришелье, столь любимый, столь привечаемый при дворе, так бездарно распорядился этими деньгами?

Прежде чем проследить за удивительной карьерой нашего героя, следует упомянуть о судьбе братьев и сестер министра. Старшая, Франсуаза (1578–1615), первым браком по бывала замужем за Бово — дворянином-пуатевинцем. Второй раз она выйдет замуж в 1603 году за другого уроженца Пуату, дворянина средней руки Рене де Виньеро († 1625), сеньора дю Пон де Курле, рядового дворянина парламента. Второго ребенка главного прево, «маркиза» Анри (1580–1619), мы вскоре обнаружим среди подданных и приближенных Марии Медичи. Он будет способствовать восхождению своего младшего брата. Альфонс Луи (1582–1653) прославится под именем архиепископа Эксан-Прованса, архиепископа Лиона (1625), кардинала (1629) и духовника короля. Последний отпрыск великого Прево, дочь Николь (1586–1635), в 1617 году выйдет замуж за Урбена де Майе из старинного туренского дворянского рода^[14], маркиза де Брезе и с 1632 года маршала Франции — полководца не слишком успешного, но преданного кардиналу-министру, своему шурину и покровителю. Их сын Арман де Майе, герцог Брезе^[15] (1619–1646), станет знаменитым моряком; дочь Клер Клеманс де Майе-Брезе в 1641 году выйдет замуж за герцога д'Энгиена^[16].

Семья дю Плесси, по крайней мере после Франциска I, никогда не была рядовой. Здесь хватало сильных личностей: Франсуа Деревянная Нога, главный прево и даже Анри-«маркиз», который довольно рано начал надеяться на маршальский жезл. С другой стороны, в истории редко встречалось такое количество злобы и клеветы, направленной на одного человека — кардинала-герцога. Соедините эти два пункта — и поймете, почему семью Ришелье считали безумцами.

Конечно, французы эпохи барокко, мало сведущие в медицине, еще меньше разбирались в психиатрии. Они не знали — да и мы до нашего времени не знаем, — передается ли безумие по наследству. А ведь четыре члена семьи Ришелье были признаны полупомешанными, включая самого

кардинала-министра — если верить Галлеману де Рео, он иногда воображал себя конем. Кардинал Лионский периодически мнил себя Богом Отцом. Остается еще маршальица Брезе — говорят, Николь де Ришелье отказывалась садиться на публице, опасаясь разбить свое «седалище»^[17], поскольку считала его стеклянным.

Этот симптом странен. Что он может означать? Случается, что некоторые индивидуумы теряют понятие о своей телесной целостности^[18]; если так, то почему бы им не бояться потерять «седалище»? Удивляет то, что оно представлялось стеклянным. Возможно, здесь прослеживается связь с навязчивым стремлением к *табурету* ^[19]. Подозрения усилились, когда принцесса Конде, ее дочь, насильно выданная за будущего победителя при Рокруа, начинает вести себя столь странно, что приходится вежливо, но твердо удалить ее от двора. Возможно, что и мать (Николь де Брезе) и дочь (принцесса Конде) были — наследственно или под влиянием среды — несколько неврастеничны; но это не повод, чтобы считать безумным весь их род, особенно министра^[20].

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ (ДАТЫ РОЖДЕНИЯ)

1553 Генрих IV
1555 Малерб
1563 Мишель де Марильяк
1573 Мария Медичи
1581 Сен-Сиран
1581 Винцент де Поль
1585 Ришелье
1585 Янсений
1587 Оливарес
1588 отец Мерсенн
1589 мадам де Рамбуйе
1590 Вуэ
1592 Бэкингем
1594 Густав Адольф
1595 Анри де Монморанси
1596 Декарт
1597 Ге де Бальзак

1598 Франсуа Мансар
1601 Людовик XIII
1601 Анна Австрийская
1602 Филипп де Шампен
1606 Пьер Корнель

Эта таблица дает нам богатейшие сведения. Министр-кардинал был на 12 лет младше королевы-матери и на 16 лет старше Людовика XIII.

Ришелье являлся современником своего врага Оливареса.

И, наконец, он родился на четыре года позже Сен-Сирана и в тот же год, что и Янсений. А между ними — два богослова и два политических философа.

ВЛИЯНИЕ ЗНАТИ

Дворянство имеет одно большое преимущество, которое с восемнадцати лет делает человека известным и уважаемым и ставит его в такое выигрышное положение, какое кто-либо другой может заслужить лишь к пятидесяти годам.

Блез Паскаль

Несколько лет назад один ученый профессор, желая описать Ришелье в немногих словах, сказал: он был дворянином, священником и слугой государства. Эта прописная истина представляется мне сегодня глубокой, особенно из-за выбора слов и их порядка. Начнем, если хотите, с конца. Служение государству составляло основу политики кардинала-герцога: в него входили верность монархии, повиновение королю, приведение знати к подчинению, разоружение партии протестантов, административная централизация, усиление армии и флота, деятельная борьба с Австрийским домом и вдобавок устройство внутри страны крупных престижных учреждений (Французской Академии, королевской типографии). Во внешней политике — стремление к независимости перед лицом папы и императора и усилия по поддержанию в Европе французского перевеса сил.

Две другие составляющие тройной формулы обозначают мотивации этой честолюбивой программы, отсюда важность, а также значимость расположения каждого термина. Что Ришелье был священником, разумеется, важно, и об этом полезно лишний раз напомнить. Множество французов смущает этот факт, как и то, что он сделал своим преемником Мазарини, другого кардинала. Веря и говоря, что Ришелье вел светскую политику, — что не совсем верно, — многие не учитывают, что, будучи не просто священником, но рукоположенным в Риме епископом и кардиналом Святой церкви, великий министр представлял собой компонент Контрреформы и всегда стремился быть верным Тридентскому собору. Следовательно, о его вере не следует забывать, хотя ее трудно сравнить с экзальтированностью кардинала Берюля или пылкой набожностью Винченца де Поля. Однако многие его мысли, слова, поступки плохо согласуются с тем, чего ждут от хорошего священника. Его любовь к войне, его жадность, постоянная склонность к обману и лжи, суровость, с которой

он обходился со своим королем, иногда почти граничащая с садизмом жестокость, в которой не было ничего евангелического; никакие государственные или личные интересы не способны извинить столько прегрешений. Вот почему справедливо и законно не преувеличивать важность священства нашего странного кардинала.

Зато или вместо этого Ришелье является дворянином. «Дворянство имеет одно большое преимущество, которое с восемнадцати лет ставит человека в выигрышное положение», — писал Паскаль. Таков случай нашего героя, принявшего сан в двадцать один год, а в тридцать семь ставшего кардиналом. Дворянство было земельным и военным. Ришелье всю свою жизнь будет собирать земли (в Рюэе, Фонтенбло, Сен-Жермене и Париже), что не помешает ему оставаться парижанином. Что касается войны, она была для него «идеей фикс», в полной мере отвечая его честолюбивым замыслам. Учась в Академии кавалерии господина Плювинеля, Арман Жан рассчитывал завоевывать свои чины в атмосфере еще сохранившегося рыцарства, которое поддерживали крупные и мелкие дворяне королевства, католики и протестанты. Внутрисемейные события вынудили его стать священником, но он еще возьмет блистательный реванш — в 1628 году, стоя на большой дамбе, запирающей ЛаРошель, и в 1630 году, восседая верхом на площади Пиньероли. Вокруг него, вместе с ним или в оппозиции к нему ту же склонность к войне обнаруживали многие служители церкви: кардинал-инфанти, архиепископ Анри де Сурди, кардинал де Лавалетт и др.

Ришелье родился в 1585 году, в разгар религиозных войн. Эта бесконечная гражданская война открыла неожиданные перспективы для дворянства, не столько в смысле обогащения — за исключением выкупов и грабежей, — сколько в смысле независимости. Кроме того, принадлежность к какой-нибудь конфессии, провинции, местному клану способствовала возникновению новых отношений, весьма напоминавших феодальные. У короля была собственная армия. Свои армии были у принцев и протестантских вожakov, кроме того, существовали вооруженные банды, ищущие нанимателя наемники; в этой бесконечной анархии участвовали знать, дворяне, лжедворяне и авантюристы. В период 1562–1634 годов любой человек с амбициями, у кого хватало отваги и удачи, мог фактически беспрепятственно вести «дворянскую жизнь» (не работать руками, не торговать, не занимать административные должности), если на то была воля Провидения, и стать признанным дворянином — два поколения военной службы или четыре поколения без уплаты податей. После 1634 года — эти изменения были заложены кардиналом — король

наведет порядок, устранив лжедворян. Но в XVI веке существовал довольно легкий способ стать дворянином: доказать, что ты обладаешь феодами и на протяжении двух поколений не платишь налогов, налагаемых на мещан за приобретение феода. А если подобная собственность сочеталась с почетной воинской службой по крайней мере на протяжении двух поколений, то такая семья весьма редко причислялась к простолюдинам. Положение о податях января 1634 года усложнит жизнь лжедворян; «большое расследование» Кольбера (1666–1674) окончательно упорядочит состав второго сословия.

Из этого следует, что вся жизнь Ришелье, а не только его управление страной, протекала в момент наивысшего пика производства в дворяне. Имея лошадь, широкополую шляпу и шпагу, вы гордо въезжали на постоялый двор, и его хозяин уважительно обращался к вам: «Мой господин». Таким образом, становится понятно, что Атос (граф де ля Фер) был настоящим дворянином, а д'Артаньян и Портос — солдатами удачи и лжеаристократами. Потому-то, дабы доказать свое истинно благородное происхождение, дворяне называли себя маркизами, подобно старшему брату кардинала-министра; однако лжедворяне тут же переняли эту манеру, о чем свидетельствует Лабрюйер.

В этой смутной аристократической неразберихе крутилось столько народу, что истинные аристократы (военные, или «старинные», или некогда назначенные королевской грамотой благодаря своим феодам или судейской службе) смирились с наплывом мошенников (что сохранилось и до наших дней) и не тратили попусту время, отделяя зерна от плевел. Лишь иногда они проявляли снобизм по отношению к судейским. Откуда пошло предубеждение, разделившее дворян шпаги и мантии. Но знаменитое противостояние, которому уделяется так много внимания в университетских трактатах, никоим образом не соответствовало борьбе социальных классов: со времен Генриха II до Людовика XIII судьи занимали важное место как при дворе, так и в правительстве и администрации (интенданты и дипломаты). *Шпага* и *мантия* означали «сословия», параллельные профессии, иногда стиль жизни и поведения. Дворяне мантии были более образованны и отличались строгими нравами. Дворяне шпаги транжирили деньги, любили риск и показную мишуру; дворяне мантии предпочитали тишину, размышления, экономное ведение хозяйства. К тому же «сословия» часто относились к личности, а не роду. В семье Арно были и те и другие; у Марильяков Луи Марильяк был маршалом и дворянином шпаги, а Мишель Марильяк — дворянином мантии, хранителем королевской печати.

Ришелье повезло (в политическом смысле) в том, что некий крайне тщеславный человек назвал бы неудачей в плане социальном: он родился дворянином с военными традициями по линии дю Плесси, а по линии матери происходил из судейского дворянства и буржуазии. Из этого следует, что, во-первых, он мог гордиться происхождением из семьи старинной аристократии, что подтверждает мелкий подлог в начале генеалогического древа. Во-вторых, он не имел ни права, ни желания презирать дворян мантии. Он всегда был сторонником синтеза обоих сословий, превращая своих кузенов Ла Портов в губернатора, великого приора и маршала Франции.

Некоторые авторы считают его врагом мантии. Это неверно и нелогично. Большинство «воспитанников» кардинала были судейскими (или стали ими) — и большинство дипломатов на службе короля, и большинство информаторов, необходимых главному министру. Назначая верного слугу государства на какой-либо пост или повышая его в чине, он никогда не забывал подтвердить его благородное происхождение — по крайней мере дать ему один из титулов маркиза без маркизата. В своей, дворянской, среде он ценил только сторонников и преданных ему людей. В окружении равных ему он поддерживал Тюренна, но презирал его брата, герцога Бульонского. В чуждом окружении он не собирался ни унижать, ни превозносить высшую знать: он сражался с высокопоставленными бунтовщиками (Вандомом и Монморанси), но вознаграждал знатных верноподданных. То же касалось аристократии мантии. Ришелье не меньше, чем короля, раздражал эгоизм парламентских судей и их непроходимое упрямство, когда им не нравились королевские эдикты. Это не мешало ему использовать таланты Машо, Лаффема, Сегье, Лобардемона или будущего канцлера Мишеля Ле Телье. А ведь все эти люди, сотрудники короля и кардинала-министра, происходили из судейских.

Ришелье за сто лет до Монтескье знал или догадывался, что в основе монархии лежит честь. Наследственность, традиции, образование, начало карьеры научили его, что аристократия является стражем и гарантом этой чести. Сильному государству, о котором мечтал Ришелье, требовался фундамент из верности и чести. Требовалось заставить второе сословие понять это. Вместо того чтобы сражаться на дуэлях, пусть аристократия поставит свою шпагу на службу правителя! Вместо того чтобы культивировать свои различия, пусть шпага и мантия устроят мирное и чистосердечное соревнование в служении государству — каждый согласно своей компетенции, желанию и выбору.

ЭПОХА СВЯТЫХ

*Нет, она была галликанской, эта эпоха, и
янсенистской!*

Верлен

*Эпоха царствования Людовика XIII... была
полностью христианской или отмеченной
христианизмом.*

Жан де Вигери

*С Людовиком XIII на троне воцарилась
набожность.*

Жорж Гойо

«История церкви XVII века является, вопреки тем или иным видимым колебаниям, непрерывной историей святости» (Р. Даррико). Речь идет об истории Франции. О периоде между XVI веком, знаменитым испанскими святыми, и XVIII веком, прославившимся святыми итальянскими. «Но святость не зависит от эпохи, напротив. Лучше двигаться от святости к эпохе, а не наоборот» (Ж. де Вигери).

Существует святость, признанная церковью — через беатификацию, а потом канонизацию. Есть также святость неканоническая, кроме того, существует святость тайная. Все эти три формы процветали во Франции между 1610 и 1660 годами, в самую созидательную эпоху. Эти пятьдесят лет оказали влияние на историю уже тем, что направили ее в определенное русло. Ришелье не управлял неизвестно чем неизвестно как; его управление страной осталось в памяти как особый период, сегодня представляющийся прекрасным или ужасным. Несомненно, ему было удобно окружить себя святыми. Эти люди не занимались политикой (за исключением Берюля, преуспевшего в этом лишь наполовину), но само их присутствие, их прямое или косвенное влияние являлось необходимым — особенно когда всемогущий министр «христианнейшего» короля сам являлся священником и князем Римско-католической церкви.

За два года до возвращения Ришелье в королевский совет или, если

угодно, за шесть месяцев до того, как папа сделал его кардиналом, Григорий XV «приступил к одному из самых невероятных процессов канонизации святых, когда-либо происходивших на протяжении веков» (Р. Даррико). Никто из канонизируемых не был французом, но все они предлагались в качестве образца для Франции, где Контрреформация задержалась из-за религиозных войн. Они проявили себя если не на Тридентском соборе, то по крайней мере в своих делах. Это были Игнатий Лойола (1491–1556), «апостол нового времени», основатель ордена иезуитов; его товарищ Франсуа Ксавье (1506–1552), отважный миссионер; Тереза Авила (1515–1582), реформатор и мистик; Филипп Нери (1515–1595), воспевший религиозное рвение. Три испанца, один итальянец. Не подумайте, что Григорий XV позабыл о Карло Борромео, благочестивом архиепископе Миланском. Его предшественник Павел V уже канонизировал его в 1610 году, словно Рим хотел обессмертить Тридентский собор, на котором блистательный Борромео был подобен неумолимому апостолу.

Подхватив это начинание, Франция стала плодить и создавать множество святых и блаженных. За Борромео последовали прелаты — например, Ален де Солминьяк (1593–1659), епископ Кагора. За Франсуа Ксавье миссионеры — Жан-Франсуа Режи и канадские мученики. За святой Терезой монахини — Жанна де Лестоньяк (1556–1640), племянница Монтеня и основательница ордена сестер Непорочной Девы Марии. Кроме того — если попробовать установить иерархию заслуг святых, — не следует забывать святую Жанну де Шанталь, бабу мадам де Севинье и основательницу ордена Визитации, Винцента де Поля и его ревностную помощницу Луизу де Марильяк, а также Жана Эда.

Параллельно тому, что можно было бы назвать официальной святостью, существует список потенциальных святых. Самыми известными среди них были кардинал де Берюль, основатель Французской орагии; Олье, кюре Сен-Сюльписа и основатель семинарии; отец Кондрен, преемник Берюля в генералитете Орагии; аббат Сен-Сиран, которого Ришелье в 1638 году заключит в Венсеннский замок. Между святыми канонизированными и незаслуженно забытыми нет какого-то явного отличия. Почему Римская церковь отказалась канонизировать Олье, чья семинария выпустила сотни достойных священников и епископов, набожных и прилежных? Почему незаслуженно забыли Кондрена, назидательного мистика? Почему был забыт Пьер де Берюль, которому «приписывали сорок пять чудес, совершенных с помощью его заступничества»?

В эпоху Людовика XIII существовала и третья категория «святых», неканонизированных, небеатифицированных и не слишком известных. Жозеф Гранде, автор произведения, озаглавленного «Святые отцы Франции XVII века» (1897–1898), упоминает семьдесят «канонизированных» им святых. Половина из них принадлежат к епархиальному духовенству; вторая половина — к новым орденам: ораторианцам, лазаристам, сulpicianцам, выпускникам семинарии Сен-Николя-дю-Шардонне. А ведь Гранде в трех томах биографии занимается только священниками. Следовало бы пополнить его списки, добавив к ним епископов, монахов, монахинь и мирян.

Среди прелатов выделяются Бартельми Донадьё де Гриль, епископ Комменжа с 1626 года, и Жан-Батист Голь, епископ Марсея с 1642 года (я бы еще добавил кардинала Лионского Альфонса дю Плесси де Ришелье, старшего брата нашего героя). Среди монахов — Оноре Парижский (1566–1624), капуцин; дом Мишель Ружье, бенедиктинец, приор Ля Реоля с 1636 года; брат Фиакр Сен-Маргеритский (1609–1684), босоногий августинец из Парижа, предсказавший рождение Людовика XIV и его брата Филиппа Орлеанского. Среди монахинь, названных Бремоном «прекрасными аббатисами, которые меньше чем за тридцать лет восстановили в королевстве изрядно подорванный престиж ордена Святого Бенедикта» — Мари де Бовилье, аббатиса Монмартрская, Мадлен де Сурди, Луиза де л'Опиталь, Анна-Батильда де Арлей, Клод де Шуазе-Праслен, Лоране де Бидо, Мари и Рене Лотарингские, Франсуаза Шартрская (аббатиса Фаремутье), Маргарита Анженская...

Хватало и благочестивых мирян — «святость воссияла среди христианского народа» (Р. Даррико). Но в ту эпоху церковь не обращала на эту святость внимания. Был ли так же слеп и Ришелье? Нам это неизвестно. Мы знаем только, что он предчувствовал и даже ощущал *атмосферу святости* (например, ораторианцы, надеясь стать святыми, не сильно заботились о мнении канонического совета и в конце концов забыли дело отца Кондрена, генерала ордена).

Во всяком случае, мы знаем, что Его Высокопреосвященство имел достаточно полное и ясное представление об истоках подобной душевспасительной атмосферы: Тридентском соборе и Контрреформации.

ПЬЕР ДЕ БЕРЮЛЬ

Этого кардинала принимали за блаженного^[21].

Таллеман де Рео

Один из самых святых людей, которых я знал.

Винцент де Поль

Существует один Бог, и все в Его присутствии является чистым небытием.

Пьер де Берюль

Пьер, кардинал де Берюль (1575–1629), создатель и эталон «эпохи святых», никогда не был канонизирован. И отнюдь не Ришелье — который был младше его на десять лет и являлся его неблагодарным должником, всемогущим соперником и победителем — провел из любви к нему (даже если втайне им восхищался) процедуру беатификации. Их карьеры какое-то время развивались параллельно, но позже пересеклись: на первый взгляд из-за политики, в реальности — по причине их противоположных моральных и религиозных взглядов. Ришелье никогда не признавал Берюля, но тот всегда оставался для него живым упреком.

Не лишенный дипломатии^[22], Пьер де Берюль ненавидел прагматизм, присущий публичному человеку. Будучи министром, он никогда не руководствовался так называемыми государственными соображениями. В богословии Арман Жан дю Плесси в сравнении с Пьером де Берюлем был сущим ребенком. В плане политическом тот же Берюль был младенцем по сравнению с министром-кардиналом.

Снисходительный Берюль поддержал позицию епископа Люсонского перед королевой-матерью, способствуя ее примирению с сыном. В 1624 году он играл одну из главных ролей (особенно при получении папского позволения) в устройстве бракосочетания Генриетты Французской — дочери Генриха IV — с будущим Карлом I Стюартом Английским (Берюль мечтал вернуть Англию в лоно католической церкви). Он способствовал франко-испанскому сближению в 1627 году и поддерживал Ришелье в его схватке с Ла-Рошелем. Берюль дал множество превосходных советов при

выборе новых епископов.

Зато он никогда не разделял взглядов Ришелье по поводу Вальтеллины. Он до конца оставался предан Марии Медичи. Он все больше одобрял Мишеля де Марильяка и его поклонников, осуждая даже косвенный захват позиций, имевших целью повергнуть католическую Испанию. Он считал, что Франции следовало бы встать «во главе католической политики, *Gesta dei per Francos*^[23]. Великая цель — воссоздать христианский мир; средствами к чему является союз с Испанией и обращение Англии» (Жан Данжен). Кардинал де Берюль, возможно, не являлся главой «партии святош»^[24], но он был ее крестным отцом, ее покровителем, вдохновителем, ее живым символом. Одному Богу известно, какая жестокая судьба — изгнание? слежка? требование отставки от приората? — ожидала бы его на следующий день после «Дня одураченных» (11 ноября 1630 г.). Однако, попав в опалу 16 сентября 1629 года, 2 октября Берюль благоразумно скончался...

Мы называем этого замечательного человека «создателем эпохи святых», и это не случайные слова. В духе Тридентского собора и по примеру Карло Борromeо Берюль, похоже, воплотил в самом себе самое убедительное из того, что предложила Контрреформация: «тесно сочетая набожность с догмой, какой на самом деле оказалась личная благодать Берюля» (Бремон). С помощью своей кухни госпожи Акари он основал в Париже первый французский орден терезианских кармелитов (1604); уже в 1629 году во Франции насчитывалось 43 кармелитских монастыря. В том, что Берюль интересовался орденом кармелитов, не было ничего удивительного: как и Тереза Авильская, он был одновременно созерцателем и деятельным человеком. Не случайно последователем Берюля являлся Винцент де Поль^[25]. Любовь к ближнему в нем органично соединилась с мистицизмом.

Берюлю приписывают также основание ордена урсулинок (1610), он неоднократно помогал в реформе орденов, конгрегации и многочисленных аббатств. Он вдохновил Бурдуаза на строительство приходской церкви и семинарии Сен-Николя-дю-Шардонне. Его имя и его влияние обнаруживаются в самом духовном течении Контрреформации от Кондрена, Бургоня, Винцента де Поля и Ольева до Боссюэ. Но его самым грандиозным деянием было создание Французской оратории (1611–1613), удачной адаптации одноименного римского учреждения, задуманного святым Филиппом Нери.

Первая идея была богословской. Берюль, простой священник, захотел

«возвысить состояние священства». Светский священник, подавленный престижем своего собрата-монаха, не пользовался особым уважением. Давно позабыли, что он, по выражению Тридентского собора, «ежедневно служил каналом для необыкновенного чуда, называемого преосуществлением»^[26]. Верный служитель Христа оказывался как бы уничижителем веры. Прибавьте сюда моральный и социальный аргументы. Священник 1610 года — по крайней мере во Франции после полувека религиозных войн — нечасто становился таковым по призванию^[27]. Он был или материально заинтересован в своей должности, или безразличен к ней и представлял собой нечто вроде церковного наемника, а не ревностного апостола, носителя слова Божия.

Созданная в 1611 году Берюлем под единым патронатом Христа и одобренная папой Павлом V 10 мая 1613 года, новая конгрегация принялась собирать, а вслед за тем и воспитывать людей, «призванных исполнять все функции, приличествующие священному ордену, не заботясь о бенефициях и оставаясь подчиненными епископальной юрисдикции» (Ж. Виар). Руководство в монастырях-ораториях было лучше, чем в ораториях Нери, и они были более автономны, чем оратории иезуитов. Оратории — в 1629 году во Франции насчитывалось 17 монастырей — в самом деле отвечали идеалу, о котором мечтал их благочестивый основатель. «Большей частью они были хорошими монастырями, к тому же наименее мирскими, насколько это возможно; строгими, даже суровыми и очень простыми... Они имели особый статус. Этого требовало их происхождение, их интеллектуальное образование, а еще больше возвышенность их духовной доктрины» (Анри Бремон).

Последнее не было исключительным достоянием ораторий. Благодаря Берюлю та же возвышенность была предложена всему западному христианскому миру, особенно членам мирских клерикальных институтов, основанных в подражание ораториям: лазаристам Винцента де Поля, созданным в 1625 году, сульпицианцам Олье (1641), эудистам, основанным в 1643 году. Она была определена и уточнена в многочисленных сочинениях «апостола Суцего Глагола» (Урбан VIII), особенно в его *тагнит орис* ^[28]: «Рассуждения о состоянии и почестях Иисуса Христа через невыразимый союз божественности с человечностью в подчиненности и покорности, которые ей присущи, и отношении Пресвятой Богородицы к этому восхитительному состоянию». Это произведение вышло в свет в феврале 1623 года. (Ришелье уже был кардиналом, Берюль еще нет.) Оно будет переиздано еще раз в июле и еще

два раза до 1634 года; о нем вспомнят вновь в 1644 году, когда Бургонь опубликует «Полные сочинения» основателя Французской оратории.

Доктрина Берюля была теоцентрической: «Бог, — по его словам, — является нашим началом и концом». Величие есть самый значительный из множества атрибутов Господа. Но Бог, о котором идет речь, не является «Богом философов и ученых» (Паскаль) — это Бог Откровения, обрамленный тремя чудесами веры (Троицей, Воплощением и Искуплением). Все эти чудеса сильно занимали Берюля; но, как замечает аббат Бремон, набожность побуждала его предпочитать Воплощение. Отсюда следует, что догмы и благочестие являлись для него и его последователей неразделимыми. Теоцентризм «О состоянии и почестях Иисуса Христа» является, следовательно, прежде всего христоцентрическим.

Этот христоцентризм является в высшей степени библейским, поскольку Новый Завет определял Христа как посредника между Творцом и его творениями и провозглашал, что отныне к Господу можно прийти только через Христа. К тому же христоцентризм может лишь направить набожность, которая молчаливо хранится в сердце и обращается к Христу. Именно здесь корень различий. Для Людовика XIII, кардинала Ришелье, для большинства католиков и протестантов того времени Бог справедлив, как король, и суров, как он же. Все они боялись ада. Бог Берюля, напротив, был Богом, воплощенным через любовь, осужденным и распятым за доброту, Богом прежде всего милосердным и любящим.

По своему значению этот образ Бога можно сопоставить лишь с системой Коперника или по крайней мере с народной набожностью. Наивное, пылкое поклонение сердцу Иисуса (Святому Сердцу) от святого Жана Эда (1601–1681) до Маргариты-Марии (1647–1690), подхваченное культом сердца Богородицы и ставшее чем-то вроде противоядия скептицизму эпохи Просвещения, явилось следствием объединения догмы и мистицизма, характеризующего основателя Оратории. За пределами доктрины он также предлагал своим сторонникам обет служения Марии, которого требовал от священников Оратории и который Гриньон де Монфор горячо проповедовал в своих миссионерских походах внутри страны. Еще он предложил обет служения Иисусу, мало соответствующий христианской свободе, проповедуемой протестантами, — наивную форму набожности, которую Берюль навсегда отметил знаком любви.

Пьер де Берюль, всегда проводивший мессу с бесконечным благочестием, «скончался в святости у алтаря» 2 октября 1629 года^[29].

ГОДЫ УЧЕБЫ

Политические склонности Ришелье не были исключительно даром врожденным или Божьим; они являлись прогрессирующим результатом опыта со своей долей ошибок и, что еще более важно, способности извлекать из них урок.

Жозеф Бержен

Хотя политическая компетентность Армана Жана дю Плесси и не была «даром врожденным или Божьим» (Ж. Бержен), Ришелье имел другой врожденный (или Божий) дар — честолюбие. Это честолюбие довольно рано проявило себя на поприще управления государством; вначале оно было честолюбием военным, потом духовным, связанным с обстоятельствами, часто выходящими из-под контроля самого их участника. Первый потенциальный Ришелье, возможно, добился бы успеха, несмотря на свое хрупкое здоровье, дослужившись, как минимум, до жезла маршала Франции (или гротмейстера артиллерии, или генерала инфантерии, являвшихся высшими должностными лицами при короле). Второй Ришелье мог бы стать архиепископом Парижа или Лиона, духовником короля, кардиналом: можно быть кардиналом и входить в Королевский Совет, не обладая политической властью. Но выяснилось, что истинным был третий Ришелье, эфемерный государственный секретарь (1616–1617) и министр иностранных дел (1624–1642), «прогрессирующий результат опыта» честолюбца, свернувшего с предназначенного ему пути.

В 1588–1594 годах Ришелье живет в провинции, обучаясь в Сомюре, а на каникулы приезжая в отчий дом. Затем он продолжает обучение в Париже (1595–1600), зачисленный в аристократический Наваррский коллеж, знаменитый «золотой молодежью той эпохи» (Ж. Бержен), а живет, возможно, у адвоката Дени Бутилье, друга Ла Портов. В это время у него появляются два верных друга: Клод Бутилье, которого станут называть его «воспитанником», будущий сюринтендант, и его брат Себастьян, будущий каноник Люсона.

Анри дю Плесси, королевский паж, а потом дворянин парламента (палаты депутатов), с блеском представлен ко двору. Альфонс, средний, предназначен церкви и, очевидно, получит епископство Люсонское. А

Арману, самому младшему, хочется, несмотря на слабое здоровье, стать военным. Поэтому он поступает в знаменитую Академию кавалерии, которой руководит Плювинель. Дворянин парламента, управляющий конюшней Его Величества, будущий автор «Королевского манежа» (1623), Антуан де Плювинель принимает в свое заведение молодых людей, предназначенных служить при дворе или собирающихся посвятить себя военной карьере, и обучает их фехтованию, танцам, верховой езде и, разумеется, хорошим манерам. В недалеком будущем Ришелье может надеяться получить полк.

Но в 1603 году Альфонс дю Плесси, назначенный епископом Люсона — епископального города, который Генрих III, а затем Генрих IV сохраняют за семьей главного прево, — отказывается от митры и решается стать картезианским монахом. Программа обучения Армана Жана меняется — так решает Анри. Арман должен незамедлительно готовиться принять епископский сан. Не важно, что у него нет призвания, его мнения никто не спрашивает. Тем более что диоцез — это больше, чем полк. Будущему прелату необходимо изучить философию. Его посылают в коллеж в Кальви, потом в Наваррский коллеж и, наконец, в Сорбонну, где он собирается сдавать бакалавриат по богословию^[30]. Получая льготы, превращаясь в знатного вельможу и одаренного студента, будущий кардинал завершает цикл обучения к 1607 году. 17 апреля в Риме он посвящен в епископы кардиналом Живри. Все это может показаться читателю простым и легким, но на самом деле Рим задержал пожалование инвеституры Ришелье и каноникам Люсона, возражая против назначения слишком молодого епископа^[31].

Зато пять или шесть месяцев, проведенных в Риме в 1607 году, заставляют Ришелье позабыть о своих ожиданиях и беспокойствах. Он осматривает город, учится понимать толк в искусстве, античном и современном, ощущает на себе влияние Италии. Параллельно его принимают в папском окружении, он беседует с Павлом V, принимающим его не как семинариста, а как «многообещающего молодого человека» (маркиз д'Аленкур), покоряет посла Франции^[32] и просвещает французскую колонию. Но маловероятно, чтобы Павел V заявил: «Этот молодой человек станет однажды великим политиком». И если какой-нибудь знатный римлянин задумывался в то время о будущем Армана дю Плесси, «брата господина Ришелье»^[33], то скорее он думал: «Этот юный епископ прославит церковь».

Возглавив диоцез в двадцать два года, то есть очень молодым, Ришелье

уже считает, что о нем позабыли, когда в двадцать девять лет его избирают представителем духовенства на собрании Генеральных штатов в 1614 году. Это собрание, открывшееся 27 октября — всего несколько недель спустя после совершеннолетия Людовика XIII — и закрывшееся 23 февраля 1615 года после знаменитой речи епископа Люсонского, было не слишком успешным (король так и не выполнил данных обещаний), но немало помогло Ришелье. Вновь проявляет свое недовольство знать, и королева-мать в сентябре 1616 года отправляет в тюрьму того самого принца Конде, который недавно провозгласил созыв Штатов. Напрасно среднее дворянство требует отмены налога, выплачиваемого королем должностными лицами, и поднимает вопрос о продаже государственных должностей. Третье сословие так и не добилось внесения закона о независимости (от папы и императора) в фундаментальные правила, свод постановлений королевства. Духовенство безрезультатно требует принятия решений Тридентского собора. Дворяне, ожидавшие от Штатов «ослабления монархической власти» (Л. Бели), неприятно удивлены. В целом побеждает королева-мать. В 1615 году «испанские браки» — Людовика XIII с Анной Австрийской, дочерью Филиппа III, и Елизаветы Французской с будущим Филиппом IV — довершают ее дело и ее победу. Что касается епископа Люсонского, тут же назначенного духовником молодой королевы и секретарем королевы-матери, ему еще следует покорить короля, наследного принца с 1610 года, совершеннолетнего с 27 сентября 1614 года, сочетавшегося браком 28 ноября 1615 года, но еще находящегося в переходном возрасте...

Наследник Генриха IV является персонажем не менее загадочным, чем будущий министр-кардинал. Почитатель отца, совершенно не стыдившегося своей распущенности, Людовик вырастет болезненно стыдливым. Мало любимый матерью, Марией Медичи, открыто проявлявшей свою благосклонность к младшему сыну Гастону, он будет сперва сражаться с ней, потом простит, снова станет сражаться, а затем начнет мучиться угрызениями совести, что так и не простил ее. В области чувств последующие поколения, незаконно смешав политическую историю с рассуждениями интимного порядка, навсегда объявят его «полным комплексов»; его также сочтут тайным содомитом^[34]. В действительности же дело было в робости, неловкости и суровой набожности Людовика. Женившись слишком рано (в четырнадцать лет), три с половиной года прождав медового месяца, ничего не зная о любви и ревности, он так и не полюбит свою прекрасную и пленительную королеву и тем не менее никогда ее не обманет. Мы еще увидим, как Людовик XIII

станет заполнять фаворитками и фаворитами пробелы своей любовной жизни. В этом религиозном и неуравновешенном монархе, целомудренном и страдающем, одолеваемом страхом перед Господом, было много двойственности, эгоцентризма и фальшивого благочестия.

Все это постепенно открывает для себя Арман Жан дю Плесси, епископ Люсонский, севший вслед за своим братом Анри на раззолоченный корабль королевы-матери. Король не понят и нелюбим. Что касается будущего кардинала, то он служит победительнице. Духовное честолюбие заменяется политическими играми. Но лагерь победителей, озабоченный делом Конде, забывает, что суверенитет во Франции является монополией монархии и что Мария Медичи не может больше править за своего сына, поскольку регентство официально отменено в 1614 году. У королевы-матери есть фаворитка — ее молочная сестра Леонора Галигаи, вышедшая замуж за Кончино Кончини, амбициозного флорентийца, поддерживаемого кланом д'Антраг. Кончини является *valido* вдовы Генриха IV. В 1613 году королева-мать делает его маршалом Франции — к большому неудовольствию Конде и знати. В 1616 году маркиз д'Анкр, маршал, государственный советник, первый дворянин Палаты, первый мажордом короля, губернатор Нормандии, но не первый министр, вводит в Совет трех своих протеже: Барбена, Манго (хранителя королевской печати) и епископа Люсонского. Конде, сидя в тюрьме, не скрывает своего гнева, Анри де Ришелье может гордиться своим младшим братом, Мария Медичи довольна. Король же в ярости — он тут же невзлюбил Ришелье. Он не выносит ни самоуправства маршала д'Анкра, ни его бесстыдства, ни его роскоши, ни наглости, с которой тот высказывается о потомке Людовика Святого, сыне Генриха Великого. Кончини заслуживает ответного удара, и он не замедлит последовать. А наш епископ Люсонский недолго останется на посту государственного секретаря.

24 апреля 1617 года Николя де л'Опиталь, маркиз де Витри, капитан королевской гвардии, имея на руках приказ об аресте Кончини, ставит последнюю точку в жизни ненавистного фаворита. Он знает, что является инструментом королевского правосудия. Тем же вечером Витри становится маршалом Франции. Когда полковник д'Орнано сообщает королю о смерти маркиза д'Анкра, тот восклицает: «Большое спасибо! Огромное спасибо всем! С этого часа я король». Эти слова повторяют слова Генриха III после убийства герцога де Гиза: «Теперь я король!» Сведение счетов приводит к государственному перевороту, аресту и расправе над маршальшей д'Анкр. Для Марии Медичи, сосланной в Блуа, начинается более чем четырехлетний период испытаний (она вернет себе место в Совете только в

начале 1622 года), который разделяет и епископ Люсонский, раздражающий короля и беспокоящий де Люиня, нового фаворита, одного из самых опасных противников королевы-матери. Но хотя Людовик становится во главе Совета, пройдет много времени, прежде чем он поймет, что при де Люине не играет там никакой роли.

Ришелье, уже завоевавший немало сторонников и информаторов, боится оказаться жертвой королевского предубеждения и уезжает из Блуа в Люсон. Но королю недостаточно его добровольной отставки. 7 апреля 1618 года молодого епископа высылают в Авиньон. Он использует вынужденное пребывание там, чтобы поработать над своим сочинением «Основы вероучения». В феврале следующего года королева-мать, подбадриваемая д'Эперноном, внезапно уезжает из Блуа. 22 февраля 1619 года начинается первая война между матерью и сыном. Этот странный конфликт, поражающий множество людей, «благочестивых и добрых французов», католиков и протестантов (Мария Медичи, убежденная папистка, часто поддерживала реформистов), даст Ришелье неожиданный повод смягчить враждебность Людовика. Король в самом деле рассчитывает на него, стремясь положить конец семейной распре. 30 апреля в Ангулеме подписывается мирный договор, а в июне признательная королева-мать делает Ришелье своим канцлером.

Но династический мир длится недолго. 7 июля 1620 года начинается вторая война между матерью и сыном, одна из самых коротких и наименее кровавых войн в мире. Она знаменуется сражением у Пон-де-Се^[35], названным «смешной историей», — легкой победой сына над войсками матери. Французы не понимают, в чем смысл этих семейных ссор. Протестанты спрашивают себя, касается ли этот спор их. Католики считают, что лучший способ укрепить преданность королю — это развязать войну с протестантами. В конце концов, фрондируя, критикуя короля, переделывая королевство, как минимум на бумаге, уже не понимаешь, что делаешь, и чувствуешь себя способным на предательство и оскорбление Его Величества. В Пон-де-Се хотя бы не использовали мушкеты.

Арман дю Плесси, используя свою репутацию дипломата и советника, вновь вмешивается в ссору матери и сына, надеясь уладить дело полюбовно. Он еще раз, хотя и не единолично, проводит переговоры и кладет конец короткому конфликту Анжерским договором (10 августа 1620 г.). Помимо прочих условий мира король обещает наградить епископа Люсонского кардинальской шляпой. Впрочем, он тут же жалеет об этом. Ришелье, с которым он не решается больше обращаться вольно, не только раздражает его, в чем нет ничего нового, но и пугает. Король считает, что

Ришелье амбициозен, авторитарен и вызывает опасения; он дает себе слово никогда не вводить его в Совет. Он также считает, что, если Ришелье станет кардиналом, трудно будет запретить ему эту привилегию. Впрочем, гораздо больше его волнует протестантский вопрос: он подкрепляет союз Франции с Наваррой (октябрь 1620 г.), производит Люиня в коннетабли, подавляет мятеж на юге и ведет безуспешную осаду Монтобана (1621 г.). До подписания мира в Монпелье (19 октября 1622 г.) и смерти Люиня (15 декабря 1622 г.) у короля хватает иных забот, помимо продвижения по службе епископа Люсонского.

Ришелье внимательно наблюдает за событиями. В голове у него постепенно складывается программа, изложенная впоследствии в знаменитом «Политическом завещании»: ослабить: 1) знать; 2) протестантов (или наоборот) и 3) Австрийский дом. Действительно, Австрийский дом постоянно напоминает о себе королю. Весной 1621 года Филипп IV, шурина Людовика XIII, наследует своему отцу Филиппу III, между тем как в Нидерландах заканчивается двенадцатилетнее перемирие между Испанией и Голландией. Согласно франко-голландскому соглашению, заключенному Генрихом IV, Франция обязана оказать Голландии финансовую помощь перед лицом новой угрозы.

Все это разумные доводы, но хотя Ришелье ждет своего кардинальства целых два года, этой задержке он обязан также своими оплошностями. Потом станут говорить, что он готовился к своей великой участи путем проб и ошибок. Королева-мать делает то же самое. Они проявляют себя слишком открыто. Слишком хлопчут, утомляя короля, министров, двор и римскую курию. Духовник Людовика, отец Арну, враждебно относится к возвышению епископа Люсонского. Рим ничего не знает о настроении короля Франции. Что касается Люиня, которому Ришелье постоянно льстит^[36] до такой степени, что раздражает его, он сам не знает, должен или не должен он защищать дело Люсона перед королем. В Риме, куда напрямую, вопреки обычаям, пишет соискатель, у него есть доверенный осведомитель, гораздо более надежный, чем посол Франции, — Себастьян Бутилье. Во Франции, то есть по крайней мере при дворе и в городе, Ришелье чередует требовательную назойливость и «напускное безразличие». Он выглядит посмешищем, когда Франсуа де Фанкан в августе 1621 года обращается к нему с «советами», весьма напоминающими упреки. В конце концов королева-мать в начале 1622 года находит путь в Совет с помощью Анри де Гонди, первого кардинала де Реца (1572–1622), умершего 13 августа 1622 года. А 5 сентября Арман Жан дю Плесси получает долгожданную кардинальскую шляпу.

Для Марии Медичи это настоящий успех (она никогда не умела предвидеть), триумф ее протее, залог его будущей славы. В начале 1624 года из Совета изгнаны Силлери и Пюизье; 13 августа 1625 года впадает в немилость Ля Вьевиль; 29 апреля 1626 года бывший епископ Люсона^[37] входит в Королевский Совет после шести лет «блуждания в пустыне». Начинается, несмотря на сопротивление короля, восемнадцатилетнее исключительное участие Ришелье в делах абсолютистской власти.

ЕПИСКОП ЛЮСОНСКИЙ

Ришелье был превосходным епископом, а епископ подготовил в нем министра.

Люсьен Лакруа

Хотя мистические устремления Берюля казались ему странными, наш епископ Люсонский может расцениваться как один из прекрасных епископов, представителей Контрреформации.

Франсуаза Гильдехаймер

На протяжении пятнадцати лет, с 1608 по 1623 год, Ришелье исполнял обязанности епископа Люсонского. Когда он придет к власти, у него будет важная роль — сперва значительная, потом определяющая — в назначении епископов. Известно, что согласно Болонскому конкордату (1516) епископов назначал король Франции; можно догадаться, что в этом пункте он особенно внимательно прислушивался к советам своего министра. А ведь практически все авторы сходятся во мнении, что в эту эпоху королевский выбор был по большей части удачным. Не были ли связаны удачные назначения епископов с пятнадцатилетним опытом будущего министра? Во всяком случае, вполне очевидно и вполне логично, что всемогущий Ришелье знал все обязанности прелатов. Тридентский собор (сессии 23 и 24) обобщил и уточнил их. Епископ Люсонский приложил все усилия, чтобы превратить их в программу. «Епископы являются не просто администраторами, уполномоченными папой, но учителями веры, наследниками апостолов» (Р. Тавено).

Французский епископ к тому же имел множество обязанностей. Кроме своих духовных функций, он исполнял политическую, административную, экономическую и социальную роль. Церковь имела имущество, которым следовало управлять. Она занималась образованием (начальная школа) и оказывала помощь (благотворительность, больницы, богадельни). Во всех этих делах Ришелье — умный, деятельный, знающий, амбициозный — проявил себя весьма способным; и это оказалось не лишним в его подготовке к ведению государственных дел.

Остается изучить его склонность к деликатной области духовного

воспитания, внутренней жизни и духовности. Следует знать, что Ришелье во времена своего великого руководства страной не доверял собственной интуиции. Будучи не в состоянии контролировать относящиеся к конкордату дурные привычки (покровительство сыновьям из знатных семей или династий^[38]), кардинал проявил достаточно скромности, интеллектуальной порядочности и религиозной искренности^[39], чтобы просить совета у духовных лиц, более сведущих в духовной области, чем он сам. Таким образом Берюль, отец Кондрен и Винцент де Поль добились через Ришелье значительного пополнения руководящих кадров диоцезов.

Люсон, несмотря на жалобы своего молодого епископа, имел доход в 18 000 ливров; это никоим образом не было «жалкое епископство»^[40]. И не вина французской церкви, если этой суммы не хватило на покрытие семейных долгов Ришелье. Арман Жан дю Плесси проводил свое время в ожидании возможных вакансий в других диоцезах королевства. Он был амбициозен, а золото, как известно, является движущей силой амбиций.

«Люсон не вошел бы в ранг городов, если бы не тот факт, что он считался епископством» (А. Жувен де Рошфор). Это был большой поселок, наподобие Алета на юге, который прославился благодаря Николя Павильону. Подобно тому же Алету, Люсон находился в самом сердце пустынной местности, между океаном и болотами. Бедными были не только прихожане, но и все Нижнее Пуату, истощенное моральными и материальными ранами религиозных войн. Кафедральный собор находился в «плачевном состоянии»; епископская резиденция была почти непригодна к обитанию. А Ришелье отнюдь не обладал бескорыстием Павильона и его стремлением к бедности^[41].

Место проживания (не при дворе, а в своем диоцезе) являлось первым критерием епископского усердия. У Ришелье не было постоянного места проживания. То он пишет о неудобстве своего должностного жилища, пострадавшего сначала от гугенотов, а потом от небрежения его собственной семьи. То бежит от болот, губительных для его хрупкого здоровья, и живет в Куссее, возле Пуатье. С 1610 года он решает сделать своим местопребыванием Париж. Наконец, начиная с 1620 года, он доверяет управление диоцезом викарному епископу Жаку де Флавиньи. Таким образом, он жил возле своего собора лишь с января 1609-го до осени 1616-го, с мая 1617-го до весны 1618-го и еще раз приехал туда в 1619 году. Ж. Бержен, терпеливо проведший эти подсчеты, упоминает о его «нерегулярном физическом участии в делах своего диоцеза при отсутствии какого-либо безразличия или небрежности с его стороны»^[42]. Похоже,

частые отлучки и краткие появления епископа не мешали ему быть «трудолюбивым администратором». По примеру будущего Ришелье-министра Ришелье-прелат не боялся поручать дела другим, при этом зорко следя за исполнением решений, принимаемых от его имени.

Но тот же разоблачитель частых отлучек Ришелье не боится поставить его в ряд с прославленными епископами того времени. «Он был типичен, — пишет Бержен, — для молодого поколения прелатов, занимавшихся реформой своих диоцезов, открытых новым идеям и методам, принимавших законы и посещавших свои округа». В нашем случае Люсон имел особые заслуги: «в Пуату духовное и пастырское превосходство церкви было неоспоримым», особенно благодаря репутации и европейским блеском академии в Сомюре. Губернатором Сомюра был прославленный Дюплесси-Морней, «папа гугенотов», старинный соратник и друг Генриха IV. Как бы случайно первая проповедь Ришелье в кафедральном соборе Люсона 25 декабря 1608 года, в Рождество, включала в себя евангельский призыв к «всенародному миру».

Было бы ошибкой приписывать будущему кардиналу такие добродетели, как веротерпимость (в лучшем случае он соглашался на гражданскую терпимость) или экуменизм. Разве не опубликовал он в Пуатье книгу в 268 страниц под названием: «Основы вероучения католической церкви, защищаемые от сочинения, адресованного королю четырьмя пасторами так называемой реформированной церкви»? И разве не издаст он у Красуази трактат^[43] под названием «Трактат, представляющий наиболее простой и верный способ обращения тех, кто отделился от церкви»? Будучи представителем Контрреформации, если он и мечтал об объединении церквей, то не путем компромиссов, а только после всеобщего обращения протестантов, предложенного в Риме и на Тридентском соборе.

Пока же Ришелье достаточно активно действует в Люсоне, находясь в самом начале своего пути. Он осознает необходимость и срочность реформ. Весной 1609 года он пишет: «Уверяю Вас, я не стану манкировать своими обязанностями, поскольку здесь все находится в таком запустении, что на восстановление потребуется год». Местному духовенству неведом строгий церковный порядок. Многочисленные мощные и богатые монастыри распоряжаются десятками бенефициев. Они получают с них доход, доверив управление знатным дворянам — Суассону, Сюлли, Рогану, де ля Тремуу^[44]. Если епископ Люсона собирается вести свою игру, он должен «сочетать строгость и такт». Те же самые добродетели позволяют ему если

и не приручить кафедральный капитул, то по крайней мере уменьшить его враждебность и стремление к независимости. Такие проблемы и подобные же конфликты были нередки во времена Генриха IV и Людовика XIII. В целом Ришелье решал их достаточно успешно, и эта ловкость не раз помогала ему на протяжении его карьеры.

Лишенному власти над аббатствами и монастырями старинных орденов, молодому епископу Люсона приходит в голову счастливая мысль привлечь в свой диоцез представителей новых и динамично развивающихся орденов. Так, он призывает на помощь капуцинов, а затем ораторианцев. У капуцинов^[45] имеется прекрасный монастырь в Фонтенеле-Конт (диоцез Майезе). Эти проповедники и устроители приютов любимы в народе. В 1609 году они строят в Люсоне небольшую богадельню. На следующий год Арман Жан дю Плесси связывается с отцом Жозефом, который будет играть столь большую роль на протяжении всей его карьеры. Отец Жозеф в 1613 году возглавит капуцинов Турени, но для этого ему придется подождать, когда в Сабль-д'Олонь будет основан первый монастырь ордена.

В 1609 году епископ Люсонский пытается сделать самое неотложное. Он поражен печальным состоянием местного белого духовенства. Священники плохо образованны, недисциплинированы, небрежны, не только не проявляют должного рвения, но часто и не имеют к своим занятиям никакой склонности. Вряд ли они могут хорошо наставлять свою паству. Такое мнение складывается у него уже после посещения первого прихода. Как только Ришелье устраивается на месте — и когда ему позволяет здоровье, — он объезжает свой диоцез, наблюдая, изучая и поднимая значение приходских церквей. О его визитах становится известно заранее, чтобы посещаемые могли подготовиться к его приезду. Люсонский епископ пользуется своими поездками, чтобы проповедовать. Даже если его паства находит проповеди чересчур сложными, ей льстит, когда с ней говорят о высоких материях. К тому же будущий кардинал руководит таинством конфирмации — в католичестве конфирмация дополняла крещение, о котором часто забывали или пренебрегали им в плохо управляемых диоцезах.

Между двумя визитами Ришелье созывает, — если это возможно, то ежегодно, — синоды, из которых два первых состоялись в 1609 и 1610 годах. Он следует в этом предписаниям Тридентского собора. Протоиереи и деканы не могут отказаться от присутствия на этих собраниях под угрозой штрафа. Главные решения тут же переходят в разряд *синодальных ордонансов*. Ордонансы 1613 года, напечатанные и распространенные,

подводили итог и определяли задачи последующих собраний.

За синодальными инструкциями скрывается серьезность поставленных перед приходскими священниками задач. Епископ Люсона вменяет в обязанность своим священникам «набожность и целомудрие». Им запрещается вести торговлю и играть в азартные игры. Они должны носить приличествующую их сану одежду. Их призывают пополнять свои познания; уважать церковные таинства; серьезно относиться к роли исповедников^[46]; ежедневно читать римский требник^[47]; уделять самое большое внимание воскресной или «приходской» мессе. В часы богослужения кабаки должны быть закрыты. Во время мессы священникам следует внимательно относиться к проповеди — не рассуждать о распоряжениях местной администрации или королевских указах, а наставлять верующих (и это притом, что большинство святых отцов вообще не умели проповедовать). В помощь им епископ Люсона рекомендует «Инструкцию» своего помощника Флавины — простое и доступное изложение Божьих заповедей, — пока не выходит его собственное «Наставление христианину» (1618). Священник должен читать «Отче наш», «Верую» и Десять заповедей на французском, поскольку народ не понимает латыни. Что касается евхаристии, то будущий кардинал рассчитывает, что у верующих появится привычка причащаться почаще: одно причастие в месяц или, как минимум, четыре причастия в год.

Трезвый и прагматичный Ришелье не ждет быстрых результатов. Например, у него возникает организационная сложность, которую не способны решить синоды: как набрать достойных священников, если сеньоры и аббаты утверждают приходскими священниками неизвестно кого? На этот счет у Ришелье есть два рецепта: 1) вести дела осторожно и тактично^[48]; 2) основать свою семинарию. Возможно, он был первым епископом во Франции, вступившим по этому вопросу в переговоры с Пьером де Берюлем. Берюль основал во Франции Ораторию в ноябре 1611 года; в апреле 1612 года Ришелье получил грамоту, позволяющую открыть в Люсоне епископальную семинарию; в том же 1612 году Берюль направил ему наставников. Но пришлось ждать 1617 года для постоянного размещения ораторианцев, занятых подготовкой приблизительно полудюжины кандидатов в священники. Иными словами, пылкий энтузиазм, проявленный в формировании священников, дал весьма скромные результаты. Семинария Люсона не дала практически никаких результатов. В 1625 году ее, похоже, уже собирались закрыть, во всяком случае, в ней находился всего лишь один священник Оратории.

Что можно сказать в целом о епископском служении будущего кардинала-министра? Он проявил себя достойным учеником, скрупулезно следовавшим правилам Тридентского собора, ловким и умелым руководителем, педагогом (его предписания просты, наставления тоже). Невозможно назвать его «блистательным епископом» в эпоху Солминьяка, Виаларта де Эrsa, Павильона, Голя; но мы можем считать его «прекрасным епископом», раз его великодушно называют так Ролан Муснье, Жозеф Бержен и Франсуаза Гильдехаймер^[49].

Жозеф Бержен оправдывает это качество, умело направляя наш взор на одну из рекомендаций епископального синода: «Священники многих приходов должны еженедельно встречаться в городах диоцеза, дабы обоюдно информировать друг друга о моральных и пасторских проблемах своего прихода». Это был не один из декретов Тридентского собора, а прекрасная идея Карло Борromeо, осуществленная на практике в Миланском диоцезе. Во Франции эта директива, похоже, стала «первой в реформе французской церкви».

Исключительные способности Ришелье проявлялись во всем. С одной стороны, он готовился выступать перед Генеральными штатами, блистать в доме королевы-матери, стать министром, а с другой — с легкостью опережал лучшие мысли внимательных и ревностных священников, гораздо более набожных, чем он.

МУДРОСТЬ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ

Счастлив король, которого Господь одарил матерью, полной любви к его персоне, государственным усердием и опытом, дабы руководствоваться им в своих делах!

Ришелье (1615)

Вы самый неблагодарный из людей! Я способствовала Вашему возвышению. Вы были вхожи в мой дом. Я просила короля сделать Вас кардиналом... Сегодня Вы забыли о долге верности.

Мария Медичи (1630)

Столько людей сыграло значительную роль в возвышении Ришелье — людей столь различных, как Кончини или будущий кардинал де Берюль, — что мы чуть не забыли о самом главном человеке: королеве-матери. «Самый неблагодарный из людей» помнил об этом всегда — до самого 1642 года, когда они оба умерли.

Мария Медичи три с половиной века изнемогала в чистилище суровых историков. Франция, не колеблясь простившая кардиналу-министру его черную неблагодарность, в отношении Марии Медичи отличалась необъяснимой злопамятностью. Так и слышишь: «Эти Медичи — захудалый род» (Ж. де ля Варенд); королева-мать была «грубой, сварливой и не слишком умной» (Баттифоль). Герцогиня де Верней называла ее «грубой банкиршей» (Таллеман де Рео). Но это только злословие, а не аргументы, и уж тем более не доказательства.

Постоянно слышишь: «Род Медичи не был старинным; французская знать считала, что, связывая себя браком с Медичи, короли Франции совершают мезальянс» (Морис Аллем). Было позабыто их блистательное возвышение, их родственные связи и союзы. Вдова Генриха IV вела свой род от Лоренцо Великолепного великих герцогов Тосканских; и первых (по женской линии) от королей Польши (Ягайло), Венгрии и Чехии (Ягеллоны, а затем Габсбурги), германских императоров Габсбургов (Максимилиан I, Фердинанд I), королей Арагона (Фердинанд Католик) и Кастилии (Филипп Красивый, Хуана Безумная). Она была в родстве с герцогами

Бургундскими, Капетингами и Валуа (Людовиком Святым, Филиппом VI, Иоанном Добрым), а также с миланскими Сфорца. Поколения банкиров буквально переполнены императорскими и королевскими родственниками. Мария Медичи насчитывала в своей семье трех пап: Льва X, Клементя VII и Льва XI. Она была — что составляло предмет ее гордости — внучатой племянницей Карла V. Ей привычна была гордость: меценатство, семья (Лоренцо Великолепный, Лев X), верность католицизму (Людовик Святой) являлись ее навязчивой идеей. Дочь Жанны Австрийской (1547–1578), внучка императора Фердинанда I и чешской принцессы Анны Ягеллонки, Мария Медичи была *гордой представительницей Габсбургов*, а ни в коем случае не *грубой банкиршей*; хотя верно и то, что прозвища просто так не раздаются.

Королева-мать, к счастью, была награждена и другим прозвищем — «Мать Европы». Она стала тещей Филиппа IV, короля Испании; Карла I Стюарта, короля Англии; Виктора-Амадея I, герцога Савойского. Она была тетей императрицы Элеоноры Гонзага, жены Фердинанда II; двух герцогинь Лотарингских и герцогов Мантуанских (Ферранте и Винченцо II). Однако многочисленных знатных родственников оказалось недостаточно, чтобы защитить ее от злой участи. «У нее было мало добродетелей и мало изъянов, — писал Ларошфуко. — Тем не менее, после такого блеска и величия эта принцесса, вдова Генриха IV и мать стольких королей, была упрятана в тюрьму собственным сыном-королем и кардиналом Ришелье, обязанным ей своей фортуной. Она была покинута другими королями, ее детьми, которые не решились даже принять ее в своих государствах, и умерла в нищете и голоде в Кельне после десятилетней травли».

Когда будущий кардинал привлек внимание королевы-матери, та, разумеется, не была еще Матерью всей Европы. Однако она пользовалась значительным авторитетом, ставшим следствием ее возвышения. Период ее регентства при дворе можно описать следующими словами:

Жить в эпоху Марии
Без лести и лжи,
Значит, жить в золотом веке.

Так судит об этом Франсуа де Ларошфуко, разоблачитель кардинальской диктатуры, ностальгически вспоминающий эпоху правления королевы-матери, как золотой век. Так же судит об этом Малерб,

считавший себя пророком:

Взрастивши лилии^[50], дожили мы до срока,
Когда твоей заботой поднялись они высоко.

Королева-мать, что говорит в ее пользу, поощряла и поддерживала своих сторонников. Вокруг нее вились всячески угождавшие ей дворяне из ее родни, которые позже разделили с ней черные дни (ссылку в Блуа, войны матери и сына и т. п.). Сама Мария также была привязана к вернейшим своим слугам, и епископ Люсонский долгое время был ее любимцем. В мае 1617 года в Блуа он уже являлся главой совета королевы-матери и хранителем ее печати; два года спустя (июнь 1619 г.) он становится по совместительству сюринтендантом ее дворца и финансов. Именно по настоянию своей матери все еще колеблющийся Людовик XIII добился для Ришелье кардинальской шляпы (1622), а впоследствии ввел его в Совет (1624). Поступая так, Мария Медичи имеет двойную мотивацию. Она хочет вернуться в правительство через парадный вход и рассчитывает иметь в лице епископа Люсонского безоговорочного союзника. Она страстная натура, во всех отношениях легковверная и наивная; эмоции она мешает с серьезными планами; она либо любит, либо ненавидит. И недалек день, когда она возненавидит того, кого так любила и кто предаст ее.

Столь иррациональный и чувственный характер сильно влияет на ее критический ум. Как и ее сын Гастон, Мария Медичи подвержена влиянию маленького клана сторонников крайних мер. В него входят кардинал де Бонзи († 1621), отец Шантелуб († 1641), аббат Луи де Рюсслей († 1622), доктор Вотье. Двое последних вскоре станут злейшими врагами Ришелье; в 1630 году, когда короля сочтут умирающим, Вотье решит, что кардинал собирается унаследовать его трон. В окружении королевы в Блуа также возникают конфликты на почве непомерных амбиций. Именно Рюсслей благодаря своим клеветническим инсинуациям был виновен во встрече «маркиза» Анри де Ришелье с «маркизом» де Темином — двух военных с горячей кровью, — встрече, ставшей роковой для старшего из братьев Ришелье. Они оба ждали от Марии Медичи назначения на пост губернатора Анжера...

По сравнению с другими начиная с 1619 года Арман Жан дю Плесси, с одной стороны, и Пьер де Берюль — с другой, придерживаются при королеве-матери умеренных позиций. Берюль из миролюбия стремится положить конец нелепому военному противостоянию королевы-матери и

короля; Ришелье делает то же самое из политических устремлений. Остаться верным своей благодетельнице, при этом максимально угождая Людовику XIII, — вот его постоянная забота. Принижая роль Берюля, Ришелье претендует на то, чтобы убедить потомков, что именно ему Франция обязана быстрым и счастливым окончанием двух семейных войн. Обещание, а затем и получение кардинальской шляпы станет компенсацией за его осторожность и гибкость.

Став кардиналом (1622), а затем и весьма влиятельным министром (1624), Его Высокопреосвященство старается отдалиться от дома королевы-матери. В плане политическом ему это удается. Если верно, что с 1624 по 1629 год управление королевством подобно триумвирату — король, королева-мать и кардинал, — то хорошие отношения между министром и королевой-матерью близки к тому, чтобы перенести их на короля. Капитуляция Ла-Рошели в 1628 году является лучшим свидетельством усиления этих связей. С другой стороны, министр-кардинал поддерживает и оттачивает свой художественный вкус, поскольку королева-мать покровительствует искусствам. Вольтер пишет, что Париж обязан Ришелье «Люксембургским дворцом, акведуками, достойными Рима, и местом для публичных прогулок^[51], до сих пор носящим имя королевы». Ришелье обязан ей Малым Люксембургским дворцом, знакомством с каноником Можжи, эрудитом и меценатом, а также с великими художниками — Соломоном де Броссом и Рубенсом.

Отметим, что Ришелье еще не был министром, когда 22 января 1622 года Рубенс приступил к написанию 24 полотен «Истории Марии Медичи». Ришелье выступает в этом деле посредником. Королева-мать пожелала сделать западное крыло Люксембургского дворца «символом королевского примирения и единства» (Пьер Кайе) после пяти лет ссор. Соломону де Броссу доверено строительство, Рубенсу — живопись, Ришелье и Пьереску — иконографическая схема. Здесь представлены все известные события в жизни Марии от ее рождения до примирения с Людовиком XIII: свадьба с Генрихом IV, рождение Людовика XIII, коронация королевы, испанские свадьбы, мрачные картины семейных ссор, радость примирения и в конце «Триумф истины». Эта галерея Медичи, не аллегорическая, не мифологическая, но полная символов, имеет ценность как историческая и политическая хроника. Оказывается Рубенс, как и Ришелье, был политиком...

ФРАНЦИЯ И ЕВРОПА

Монсеньор, мы получили огромное удовольствие, узнав, что король призвал Вас вести его великие и важные дела.

Мэр и эшеваны Ла-Рошели

Дела Европы сделали его более чем когда-либо необходимым его господину и государству.

Вольтер

Возвращение Ришелье в Совет датируется 29 мая 1624 года. Одиннадцать дней спустя, 10 июня, Франция, согласно двенадцатилетнему перемирию, заключенному в 1621 году, берет на себя обязательства помочь Фландрии, которой угрожает Испания. Пять месяцев спустя Кёвр, будущий маршал д'Эстре, начинает оккупацию Вальтеллины, стратегической долины, связывающей испанский Милан с Франш-Конте и Бельгией. Эти два события показательны. Благодаря им становится понятно, что кардинал-министр очень быстро включился в ведение и внешней и внутренней политики. Они также показывают, что Людовик XIII, несмотря на свою набожность и противостояние с королевой-матерью и Берюлем, наконец избавился от парализующего волю почтения к Австрийскому дому. А Ришелье, долгое время вынужденный лавировать между королем (доверие которого ему необходимо было завоевать) и Марией Медичи (с которой следовало вести себя осторожно), обладал необходимыми гибкостью и трезвостью, чтобы повести странный «триумвират» по путям, намеченным еще Генрихом IV. В основе такого выбора лежала расстановка сил — демографических, религиозных и политических.

Франция с населением приблизительно в 20 000 000 человек^[52] являлась в то время самым большим государством Европы. За ней шла Испания (7 000 000 человек на полуострове, 2 000 000 в Нидерландах, не считая Франш-Конте и итальянских владений) и Священная Римская империя (около 15 000 000). Польша (около 9 700 000 жителей) и Россия (8 500 000) не имели политического веса на континенте. Англия с ее значительным военным флотом насчитывала едва ли 5 000 000 жителей.

Голландия, сражавшаяся с Испанией, имела всего лишь 1 700 000 жителей, а Дания и Швеция — по 1 100 000 душ каждая.

Политические или стратегические альянсы не всегда заключались согласно религиозным убеждениям. И первая мировая держава, которой являлась Испания, и ее главная соперница Франция поддерживали Контрреформацию. Тем не менее католическая Франция (19 000 000 католиков против 1 000 000 протестантов) заключила союз с кальвинистской Голландией, а затем и с немецкими протестантами и лютеранской Швецией. Империю — обескровленную с 1618 года Тридцатилетней войной^[53] — рвали на части католики и протестанты, а также лютеране и кальвинисты. Иногда доходило до абсурда. Из ненависти к кальвинистскому Пфальцу, курфюрсты-лютеране (Саксонский и Бранденбургский) примкнули к католическому лагерю императора. В другой раз архиепископ Трирский, протеже Ришелье, оказался связанным с франко-протестантским лагерем.

Кардинал Ришелье, по природе своей политик, способный оставить о своем правлении хвалебные воспоминания, особо настаивал на двух этапах своей войны против Австрийского дома: *тайном* — с 1629 по 1635 год и *открытом* — с 1635 по 1642 год. Конечно, невозможно отбросить 1635 год и объявление Францией войны в рыцарском стиле, с герольдом, предназначенное произвести впечатление на общественное мнение Европы. Зато в 1629 году позиция Франции была, если можно так сказать, весьма галантной. Она позволяла не слишком изменять Монзонскому договору по поводу Вальтеллины (5 марта 1626 г.), не отбрасывать франко-испанское соглашение против Англии (20 апреля 1627 г.), не иронизировать по поводу смехотворной испанской военно-морской «помощи» (январь-февраль 1628 г.), вставшей на якорь перед осажденной Ла-Рошелью. Словом, раз испанцы это позволили, Франция решила начать тайную войну (ее называют также *скрытой*) начиная с осени 1624 года, едва Ля Вьевил впал в немилость, а Ришелье «получил шансы на выигрыш», как тогда говорили. Деликатный вопрос о Вальтеллине не на шутку занимал канцелярии, требовал разработки стратегий, завладевал умами лучших творцов папской дипломатии.

Вальтеллина, верхняя долина Адды, населенная католиками, входила в состав протестантского «серого края» или республики гризонов^[54], которая была союзницей Франции. Она обеспечивала миланских испанцев двойным сообщением: через Тироль на восток к Нидерландам и на запад к Вене. В 1620 году Испания заняла Вальтеллину под предлогом защиты

жителей этой маленькой территории от гнета протестантских сеньоров. «Первого франко-испанского конфликта по поводу Вальтеллины удалось избежать в 1622 году: Оливарес предложил эвакуировать из долины войска и разместить там вместо испанских войск папские» (Ж. Беренжер). Однако подобное компромиссное решение было эфемерным. В 1624 году Кёвр отправляется занимать верховья Адды, пока герцог Савойский Карл Эммануил I, «сателлит французской дипломатии», атакует Геную, союзницу Мадрида. Заключенный в конце концов Монзонский договор станет очередным компромиссом. Гризоны вскоре вновь возьмут Вальтеллину под свой контроль; испанские и имперские войска больше не смогут пользоваться этим проходом. Однако Ришелье, используя честолюбие королевы-матери, сумеет заинтересовать Людовика XIII итальянскими делами, что подтвердят в 1629 году битвы на Сузском перевале и при Пиньероле.

Для империи тем временем начался долгий, кровавый конфликт, названный Тридцатилетней войной (1618–1648). До 1629 года эта была «немецкая война» за наследование императору Матиасу Габсбургу, умершему в 1619 году, между его кузеном ультракатоликом Фердинандом Штирийским и Фридрихом V — курфюрстом Пфальцским, кальвинистом, поддерживаемым «евангелической унией». Война также была религиозной, хотя лютеранские князья предпочитали католика Фердинанда II реформатору Фридриху V. Курфюрст Пфальцский потерял в этой войне свой сан курфюрста, переданный герцогу Баварскому. Фердинанда II поддерживал Филипп III Испанский; но, будучи поборником Контрреформации, он пользовался также симпатией Людовика XIII, вероятно, умело подготовленной Ришелье. С точки зрения военной Фердинанд II одержал верх благодаря тактическому таланту Тилли, брабантского генерала, нанятого Католической лигой (победа у Белой горы 8 ноября 1620 г.). Однако антипротестантское усердие Фердинанда отдалило от его дела многих его сторонников-лютеран, например, ландграфа Гессен-Кассельского, курфюрста Саксонского, и настроило против него Голландию, союзницу Франции. «Интернационализация конфликта шла полным ходом» (Богдан). Ришелье, будучи настороже и постоянно получая информацию от отца Жозефа и его капуцинов, не преминул этим воспользоваться.

Однако то, что обычно называют «датским периодом» нескончаемого конфликта, было всего лишь эпизодом немецкой войны, поскольку Кристиан IV, появившийся на сцене весной 1625 года, был лютеранином, герцогом Гольштейнским и членом германского округа Нижней Саксонии.

Перемещение боевых действий к Балтике обеспокоило императора, ответившего призывом на военную службу графа Альбрехта Валленштейна (1579–1634), герцога Фридланда. Протестант из старинной чешской знати, перешедший в католичество и очень богатый, Валленштейн проявил себя несравненным организатором, отважным кондотьером и превосходным полководцем. Он присоединился к Фердинанду во главе более чем двадцатитысячной армии, которой он не только командовал, но и лично платил. Он согласился сотрудничать с Тилли, своим католическим коллегой, главой баварцев. Он прошел почти всю Нижнюю Саксонию, захватил Померанию, заставил назначить себя герцогом Мекленбургским, одержал верх над наемным войском Дании. Фердинанд II никогда не достигал такого могущества, как в 1629 году.

Император сделал Валленштейна генералиссимусом и адмиралом, но его мания величия беспокоила князей империи, Испании, Польши и Швеции — не начнет ли он строительство боевого флота? Людовик XIII и Ришелье, тем не менее его не опасались. Вынужденные по-прежнему наблюдать за Испанией и сдерживать императора, они не усматривали ничего тревожного в усилении престижа и власти венского Габсбурга. 1629 и 1630 годы, чрезвычайно важные для Франции, для империи стали решающими. 28 марта 1629 года Фердинанд публикует свой знаменитый «реституционный эдикт», предусматривающий возвращение католической церкви собственности, конфискованной или секуляризованной начиная с середины XVI века. Это объединило против Вены все протестантские силы империи. 7 июня император навязывает Кристиану IV Любекский мир. Но немецкие князья, даже католики, были обеспокоены поведением Валленштейна и его нанимателя. Кондотьер готов подчинить себе империю и внушить императору желание абсолютной власти. В 1630 году в Регенсбурге, где собрался сейм для избрания римского короля, курфюрсты империи, поддерживаемые Тилли и его баварцами, в конце концов добиваются от Фердинанда отставки Валленштейна и роспуска его армии наемников. «Деятельность отца Жозефа, агента Ришелье, принесла богатые плоды^[55]» (Жан Беренжер). А 15 июня 1630 года Франция подтвердила союз с Нидерландами.

Начиная с 1629 года французская дипломатия достигает грандиозных успехов. Назначенный кардиналом барон де Шарнасе, доблестный солдат и искусный дипломат, добивается примирения короля Польши Сигизмунда III и короля Швеции Густава Адольфа (1594–1632), ведших с 1617 года почти не прекращавшуюся войну. Также он способствует заключению Барвальдского договора (23 января 1631 г.), положившего начало франко-

шведскому сотрудничеству. Франция берет на себя обязанность поддержать шведскую армию, уже высадившуюся на землях империи. Единственная оговорка: скандинавские союзники Франции обязаны уважать католическую веру. Три человека — Ришелье, Шарнасе и отец Жозеф — искусно кладут конец честолюбивым устремлениям Фердинанда II, мешают Оливаресу (поддерживавшему в Вене испанскую партию, подобную той, которую во Франции называли «партией святош»), позволяют Людовику XIII и Ришелье вновь оживить тайную войну против Габсбургов. Тридцатилетняя война, столь ужасная для населения империи, но отвечающая «великому замыслу» Ришелье, входит в «шведский период».

Густав Адольф во главе армии, костяк которой составляют шведы, отобранные с помощью рекрутского набора, беспрестанно совершенствует тактику, подтверждая свое прозвище Северный Лев. Его вмешательство, если верить Декларации от 31 июня 1630 года, продиктовано заботой о «защите германских свобод». На самом деле шведский король стремился ликвидировать угрозу балтийскому побережью со стороны Валленштейна; он считает, что императора нужно остановить и что под угрозой дело Реформации. Более того, командуя сильной и дисциплинированной армией, он хотел осуществить на практике давно задуманные или усовершенствованные им планы битв и кампаний. С императорской стороны Тилли, стремящегося остановить шведов, преследуют ошибки и неудачи. При его попустительстве происходит жестокое разграбление Магдебурга (май 1631 г.), следствием которого является сближение Густава Адольфа с курфюрстами Саксонии и Бранденбурга. Наконец, Тилли был разгромлен шведами под Брейтенфельдом (17 февраля). После столь блистательного успеха Северный Лев победно шествует по Южной Германии, чтобы разместить свое войско на зимние квартиры в Майнце на Рейне, обеспокоив этим своего нанимателя и союзника кардинала Ришелье. Решительно, эта война не была похожа ни на одну другую.

Почему Густав Адольф на следующий день после победы при Брейтенфельде не пошел на Вену? Historики дискутируют об этом до наших дней. Была ли это боязнь чрезмерно растянуть свои линии коммуникаций? «Стремление попасть в рейнские епископства, которые он желал вернуть евангелической церкви, забыв свои обязательства по отношению к Франции? Или стремление застраховаться от французских амбиций, получив гарантии со стороны Востока?» (Жорж Ливе). Или совсем просто — как некогда у Ганнибала, а впоследствии у Карла XII и Наполеона — это было опьянение успехом, часто возникающее при

слишком быстрой победе?

Весной 1632 года боевые действия возобновляются: Густав Адольф возвращается к своему наступательному плану. 14 апреля он одерживает верх над Тилли, смертельно раненному у Рейна на реке Лех, затем движется на Мюнхен, куда триумфально входит, имея на своей стороне бывшего курфюрста Пфальцского. Фердинанд II, вынужденный отправить в абсурдную отставку своего лучшего кондотьера, вновь передает ему командование войсками, но Валленштейн, «человек болезненно гордый, воспринял свое отстранение как глубочайшее унижение» (Ж.-Л. Вуазен). Он сперва растерян, но через некоторое время ему удается собрать армию в 100 000 человек, прогнать из Чехии саксонцев и снять осаду Нюрнберга (октябрь). Шведы отступают, чтобы расквартироваться на зиму в Саксонии. Валленштейн останавливает их в пути, и происходит ужасное сражение при Лютцене, «запутанное и кровавое», приводящее к поражению Валленштейна, а также к гибели короля шведов (17 ноября 1632 г.).

Смерть героя приводит в отчаяние весь протестантский лагерь империи: победитель императоров, Северный Лев, мог бы стать «императором единой протестантской Германии» (Ж. Бержен). Разве практически не разрушил он за три года военной кампании гегемонистские происки Вены? Но сама Швеция не поддается панике. Стокгольмский сенат, твердо ведомый канцлером Оксеншерна, решает продолжать войну, отныне возглавляемую лучшими командирами покойного (Торстенсоном, Горном, Банером), в то время как сам канцлер управляет страной за десятилетнюю королеву Кристину Ваза. Эти факты доказывают, пишет Жан Беренжер, «что политика Густава Адольфа была политикой не одного человека, а целой нации».

А пока шведы оставались победителями, Ришелье извлекал выгоду из своей тонкой и эффективной тайной войны.

ПРЕСТИЖ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Ибо несть власти не от Бога.

Святой Павел

Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как он него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ибо такова есть воля Божия.

Святой Петр

Мы все являемся в некотором роде жертвами романтического представления о царствовании Людовика XIII и образе простоватого короля, находящегося под тиранией своего деспотичного кардинал-министра. Однако эти представления ошибочны, а с тех пор, как самой сложной задачей министра стала, по его собственному выражению, победа над рабочим кабинетом монарха, и неправомерны.

Людовику XIII могло не доставать физического обаяния, он мог противоречить самому себе, колебаться, мямлить, лепетать — он не был от этого менее уважаем народом и духовенством, обожаем солдатами и возвышаем знатью. Любой другой мог быть смешон своей чрезмерной стыдливостью, причудами, упрямством, жестокостью, двусмысленными привязанностями и ханжеством; кто угодно, но только не Людовик XIII. Французы не сказать чтобы знали, но чувствовали, что их король велик; что этот капризный ребенок имел твердый характер; что этот жестокий человек был чувствителен; что, будучи нерешительным, он способен был сделать правильный выбор; что этот лишенный харизмы глава государства являлся преданным слугой общества. Но прежде всего это был Король; король, наместник Господа (как все правители, правящие по божественному праву); король, служивший Франции (ибо он был «старшим сыном церкви»). Приводимая ниже таблица резюмирует французскую королевскую власть, иногда сравниваемую с неким мистическим телом:

Этот религиозный характер французской королевской власти, особенно подчеркивающийся при Людовике XIII, является личной убежденностью и повседневной реальностью той эпохи. За тщедушной, далеко не всегда заметной фигурой короля угадываются небесный свет и величие, которые представляются его уделом, подчеркивая власть и авторитет, вытекающие из божественного права.

Ришелье, изучивший и право и богословие, понимает это политическое воплощение королевского фактора. Его самого сделала кардиналом церковь; согласно христианским канонам, именно Бог сделал Людовика королем — точнее Королем. Служить ему, служить усердно, последовательно, верно, убежденно, посвятить ему жизнь, все свои силы — значит подчиниться Всемогущему и следовать наставлениям святого Петра. Претендовать на разделение с королем власти, коей он единственный является хранителем, было бы святотатством; кроме того, это было бы противоречием королевской традиции, здравому смыслу и самому разуму...

...Ибо не является царствованием, когда царствуют двое... (Корнель)

[56]

Людовик XIII, несомненно, был лучше известен и лучше понят в эпоху романтизма. Можно вспомнить, например, о монументальном

исследовании Пьера Шевалье «Людовик XIII, корнелевский король»^[57]. Но что любопытно: публика, полностью согласная с реабилитацией монарха, продолжает преувеличивать роль и реальную власть кардинала-герцога. Хлесткое суждение Вольтера — «Ему не хватало только короны» — еще находит своих почитателей, даже если эти последние не считают больше Людовика Справедливого «слугой священника». Лучше информированная часть общества, напротив, вынашивает идею или образ *двоевластия* или некоего *дуумвирата*. Говорящие термины, но в данном случае трудные для интерпретации и непонятные для теоретиков абсолютной власти. «Верховная власть не более делима, чем точка в геометрии» (Карден Ле Бре, 1632). Вот почему ученый Жозеф Бержен, избегая слов «двоевластие» и «дуумвират», предпочитал называть это «успешным сосуществованием». Это добродушное выражение прекрасно налагается на эксперимент практически уникальный в истории: «разделение власти между Людовиком XIII и его главным министром».

Сен-Симон, великий поклонник монарха, сделавшего герцогом его отца, писал: «Любое из великих деяний, которые свершались тогда, происходило только после того, как было обсуждено королем и Ришелье в самой глубочайшей тайне». И добавил с редкостным для себя здравомыслием: «Кто бы мог сказать, не будучи там третьим, какую часть каждый из них имел в их задумывании, разработке, планировании того, кто будет ими руководить и осуществлять; который из двух присоединился, пониженный и поправленный?»

Ответ скрыт в самом вопросе. Решает монарх, исполняет министр. Самое трудное для автора замысла заключается в убеждении лица, принимающего решения. Мы еще рассмотрим детально, что предпринимал Ришелье, чтобы добиться нужного ему решения Людовика.

ДОЛЖНОСТЬ РАСПЛЫВЧАТАЯ И СОМНИТЕЛЬНАЯ

Ришелье в принципе являлся человеком короля и был обязан проводить его политику, не имея какой-то определенной роли и обязанности.

Жозеф Бержен

Кардиналу-министру при исполнении своих обязанностей не хватало надежности, этой привилегии современного функционера. Король мог поймать своего излишне нервного министра на слове всякий раз, когда тот просил своей отставки. А ведь Ришелье делал это очень часто. В ноябре 1630 года, в «День одураченных», король мог бы предпочесть Арману дю Плесси Мишеля де Марильяка^[58]. В 1642 году король во время заговора Сен-Мара мог бы предпочесть непреклонному министру своего *милого друга* ^[59].

В остальном слово «должность» не имеет большого смысла. Никогда выражение «первый министр» не означало при Людовике XIII всемогущества главного министра. В 1624 году, когда король, подталкиваемый матерью и сознающий всю посредственность своего окружения, призвал Ришелье к управлению страной, он не выказывал в его отношении ни малейших признаков симпатии. Хотя кардинала называли «главой Совета», он был им лишь благодаря своему положению князя церкви. Долгое время Ришелье был неприятен своему господину, находившему его слишком самоуверенным, надменным, тщеславным, не заслуживающим доверия. Доверие было завоевано лишь со взятием Ла-Рошели (1628), но и оно было эфемерным и относительным, как свидетельствуют первые часы «Дня одураченных».

Как нам кажется, большая часть авторов придают слишком большое значение грамоте от 21 ноября 1629 года, назначающей кардинала «первым министром государства». Капетингские институты королевской власти на самом деле не предусматривали никакого «первого министра». С другой стороны, «главный министр», как его называли в то время, имел гораздо более двойственное положение. «Ришелье, в принципе, являлся человеком короля и обязан был проводить его политику, не имея какой-то определенной роли и обязанностей» (Ж. Бержен). Главный министр может

представляться «некоей частью самого короля... его советчиком и участником его трудов» (Флешье); но это не значит, что его немедленно не могут заменить на кого-то другого.

Следовательно, подобное странное сосуществование не является в полной мере всевластием. Ришелье мог копить почести и должности — попечитель Сорбонны, гроссмейстер навигации и торговли, губернатор Бретани, Бруажа и Гавра, начальник каторжных работ, аббат Ключи, Премонтре и тринадцати других аббатств; он мог с гордостью носить голубую ленту ордена Святого Духа, кичиться своим герцогством-пэрством, герб которого украшал его новенький дворец^[60]; но ему было достаточно хоть немного не понравиться своему господину, чтобы оказаться удаленным от двора и управления и быть сосланным в какое-нибудь мрачное приорство.

Но дело было не только в возможной опале. Людовик XIII, несмотря на свою физическую и умственную стойкость, мог внезапно умереть (и король и кардинал были слабы здоровьем). А ведь у него не было детей — по крайней мере до 1638 года. И ни для кого не было секретом при дворе и в городе, что, если королем станет Месье, «первый министр» тут же будет лишен всех своих почестей, должностей, титулов и доходов, возможно, даже призван на суд и осужден покинуть Францию.

Всем было известно, что кладбища полны незаменимыми людьми. Ришелье, невзирая на всю свою власть, считался заменимым. Именно это отличало его от Бэкингема и Оливареса, его собратьев и современников, *validos* английского и испанского королей. Правая рука Людовика XIII не имел с ними ничего общего. Он «пользовался расположением короля, но в этом расположении не было интимности, личного расположения», очевидного у Стюартов и у Филиппа IV Испанского. Людовик XIII — не такой добряк, как его отец Генрих IV, и менее доверчивый, чем его сын Людовик XIV, — хранил и навсегда сохранил дистанцию. *Ришелье обладал важным запасом способностей, необходимых для должности министра*, но ими обладали и другие. Не посещая частных особняков, замков и парламентов, король Франции имел под рукой канцлера, сюринтенданта, четырех опытных государственных секретарей, маршалов, компетентных государственных советников, полностью посвятивших себя королевской службе, введенных в курс дела всех пружин молодой административной монархии, которая пришла на смену былой патриархальности и беспорядку.

Вот почему Арман Жан дю Плесси, кардинал-герцог Ришелье, этот столь сильный и столь прочно закрепившийся у власти человек, будет до

самой смерти так же уязвим, как Кончини или Робеспьер.

КОРОЛЬ И КАРДИНАЛ

Силы и возможности министра пугали и тревожили короля, в то время как со своей стороны министр страшился импульсивности своего суверена. Непрерывность управления зависела от способности Людовика XIII понимать и поддерживать замыслы Ришелье и, с другой стороны, от воли к власти Ришелье, целиком поставленной на службу королю.

Ив-Мари Берсе

Множеством факторов можно объяснить то согласие, которое среди бесконечных случайностей способствовало единству суверена и его министра на протяжении восемнадцати лет. Они оба отличались хрупким здоровьем. У короля были приступы эпилепсии; он умирал от туберкулеза; он переболел рядом тяжелых болезней. Ришелье всю свою жизнь мучился приступами мигрени; он болел малярией; он был покрыт гнойниками и страдал от ужасного геморроя. Да, их здоровье было хрупким, но железная воля давала им возможность терпеть боль. Воин, любитель псовой и соколиной охоты, Людовик дни, месяцы, можно даже сказать, годы проводил верхом; в военных кампаниях он разделял простую жизнь солдат; Ришелье выдавал свою хроническую усталость только подергиванием мускулов его аскетичного лица.

Они были патриотами по расчету, традициям, чувствам, которые разделяли со своей облеченной плотью родиной. Если они исполняли свою службу — службу короля и службу его помощника, — то не из любви к абстрактной власти, а из врожденного чувства долга. Дело было не в службе, дело было во Франции. Когда они пришли к управлению государством (они освятили, смягчили, очеловечили это понятие, чтобы государство, родина и Франция наложились друг на друга и пришли к согласию), они обновили великую страну. Они действовали совместно, стремясь закрепить в капетингском королевстве преданность власти, превратившуюся впоследствии в патриотизм. Они одновременно работали над десятком проектов, не испытывая нужды спорить или торговаться по их поводу. Они хотели, чтобы Франция стала великой, процветающей, грозной и блистательной. Они хотели, чтобы знать продолжала властвовать

и командовать страной, но чтобы она в то же время служила преобразованной монархии. Они хотели, чтобы за неимением возможностей искоренения «ереси» законы обеспечивали королевству и королю религиозный мир. Они хотели, чтобы чиновники стали выразителями правительственной воли; чтобы «судейские крючки» не требовали больше своей независимости; чтобы епископы проявляли усердие; чтобы церковь не злоупотребляла своими законными привилегиями и так далее. Они не мечтали ни об Эльдорадо, ни об острове Утопия. Впрочем, они вообще не мечтали; они творили, сосредоточивая реальные или потенциальные силы старой монархии, чтобы сделать из Франции первое государство в Европе.

Когда люди соглашались по стольким пунктам, тесное сотрудничество становится если не приятным, то по крайней мере логичным. Достаточно, чтобы каждый из двух актеров занимал свое место: чтобы Ришелье никогда не повторял ошибок Кончини или Люиня и не стремился поучать короля или доминировать над ним. Чтобы король был достаточно терпеливым, смиряясь с интеллектуальным превосходством своего подчиненного; в нашем случае королевская набожность и его естественная осторожность по отношению к кардиналу-священнику сыграет заслуживающую внимания роль, особенно когда им в разгар Контрреформации понадобится осуществлять парадоксальную внешнюю политику.

Историки часто сожалеют, что не могут участвовать в тайных встречах и слушать секретные переговоры; например, узнать, как кардиналу удавалось добиваться одобрения королем своих планов. К счастью, публикация бумаг Ришелье помогает нам встать на верный путь. В своих «сообщениях» королю или в докладных записках Ришелье то приводит убедительную совокупность аргументов, то составляет план проекта, чтобы его господин решил пункт за пунктом, делая пометки на полях. Можно было бы восстановить хронологическую последовательность этих бесконечных политических дискуссий. Пример 1629 года кажется нам довольно типичным, чтобы проанализировать весь механизм.

«Сообщение, составленное королю после взятия Ла-Рошели для пользы его дел», занимает свое место среди важных политических дел. Ришелье назначено выступить с этим сообщением не с глазу на глаз вечером, а на важном Совете, проводимом 13 января. Он торжественно начинает: «Теперь, когда ЛаРошель взята, если король желает показать себя самым могущественным монархом мира и самым уважаемым государем, он должен обдумать перед Богом и тщательно и в полной тайне изучить вместе со своими верными креатурами, что желаемо его персоне и что

следует преобразовать в его государстве». «Касаемо внутренней политики» необходимо, чтобы король «окончательно разрушил гнездо ереси», взяв Кастр, Монтобан и Ним. Следует «снести с лица земли те замки, которые не являются пограничными», и «как следует укрепить те, что являются пограничными». Следует помешать парламентам угрожать «так называемым суверенитетом», противоречащим «благу королевства». Король должен проявить свою власть; ему обязаны «безоговорочно подчиняться и большие, и малые»; он назначит хороших епископов; он выкупит земли, отчужденные от домена, и тому подобное. Программа реформ во внешней политике также составлена: «Еще остаются беспорядки, которые следует урегулировать, но для первого раза довольно исправления основных».

Вторая часть сообщения королю, изложенная уже не с таким пафосом и страстью, является частным ударом, как говорят игроки. Если король ее подписывает, она становится декларацией тихой войны, началом знаменитой «тайной войны» против чрезмерных экспансионистских устремлений Австрийского дома: «Следует принять в качестве постоянного плана противодействие быстрому продвижению Испании. Ввиду того что эта нация имеет целью увеличить свое господство и расширить свои границы, Франция должна думать только об укреплении собственных границ, и *строить порты*, чтобы иметь сообщение со всеми соседними государствами, и помогать им защищаться от притеснений Испании, когда на то представится случай». Откуда для короля вытекает необходимость «обрести могущество на море»; «укрепиться в Меце и продвинуться до Страсбурга, если возможно, чтобы обеспечить вход в Германию»; иметь также «открытый выход» в швейцарские кантоны и т. п. Стараться избегать «разжигания *открытой* войны с Испанией», но не бояться «быть признанными благодаря силе в Италии», а также «думать о Наварре и Франш-Конте, как о принадлежащих нам землях, поскольку они прилегают к Франции».

Словом, на двух страницах текста кардиналом-министром изложена вся внутренняя и внешняя политика. Король может оспаривать некоторые пункты, но 13 января 1629 года положение Ришелье беспроегрешное: он не боится потенциальной отставки.

Три месяца спустя Людовик XIII, отныне уже «признанный благодаря силе в Италии», готовится уехать из Сузы — 28 апреля он направлялся в Лангедок, — оставляя командование армией своему «кузену», кардиналу Ришелье. Накануне их расставания кардинал определяет свое положение. С одной стороны, сохраняются проблемы в Италии; с другой стороны,

продолжается война с протестантами. Министр представляет своему господину меморандум из восьми статей: «Пункты, которые облегчат королю решение накануне его отъезда» (иными словами: указания, данные кардиналом по его просьбе). Шесть первых касаются позиции в отношении наблюдения за герцогом Савойским, столь же ненадежной, сколь и возможной. Вероятно, король не слишком в курсе событий, и поэтому вопросы помогают руководить ответами. Но в этом и заключается мастерство Ришелье.

I. Кардинал пишет: «Знать, что делать в случае, если месье Савойский откажет в необходимых поставках продовольствия королевской армии или исподтишка помешает его доставке». Примечание короля: «Взять силой то, что не хотят дать добровольно, вступив в государство герцога». Далее Ришелье пишет: «II. Если не получено продовольствие из Казале, как то, которое должно поставляться, так и то, которое привозят из Прованса?» Людовик XIII еще более уверен в себе: «В этом случае ярываю договор, и мы вступаем в войну». Остальное соответственно.

Взамен кардинал-министр, похоже, отвечая на «запрос» короля, вручает ему «Сообщение» о том, что он «должен сделать по прибытии в Лангедок». Он советует ему остановиться в Балансе и сгруппировать там свои войска (28 000 человек, которые до конца года необходимо увеличить до 50 000); осадить Прива, захватив множество городишек, таких как Ле-Виган, Барьяк, Лагорс, Але, Шанж, Сюмен и т. п. Он просит его «*опустошить* все города, которые невозможно захватить»: Ним, Кастр, Монтобан. «Сообщение» заканчивается так: «Ваше Величество не должно, по моему мнению, испытывать никаких трудностей при получении всех городов, которые пожелает. Все условия, которые они предложат, будут хороши, лишь бы они выказали абсолютное подчинение Вашему Величеству, так чтобы их укрепления были разрушены, и чтобы они оставались в тех же границах, как все другие города Франции».

Обратите внимание на это «*по моему мнению*», смягчающее советы, которые больше смахивают на приказы. В начале «Сообщения», из учтивости и осторожности, кардинал прежде всего пишет следующую фразу: «Невозможно подать достоверное сообщение Его Величеству о том, что он должен делать по прибытии в Лангедок, поскольку, возможно, ему будут предложены другие диспозиции, которые оно не может себе представить, и такие — в некоторых мятежных городах, — что оно будет вынуждено начать свое наступление на них».

Мораль этих трех примеров проста: Ришелье приходилось быть весьма убедительным, чтобы вызвать у короля подобное послушание. Монарх

должен был питать к нему большое доверие, чтобы согласиться послушно следовать советам, иногда больше напоминающим приказы. Однако, размышляя над пометками короля, можно быть уверенными, что Людовик XIII не был «свадебным» королем. Никогда еще в истории исключительный культ государства не объединял столь прочно двух людей.

КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ

Способный государь является для государства большим сокровищем. Рассудительный Совет, каким он и должен быть, является сокровищем не меньшим, но согласие обеих сторон особенно драгоценно, поскольку от него зависит процветание государства.

Ришелье. Политическое завещание

Издавна известно или подразумевается, что король не осуществляет власть в одиночку — «своей головой» и согласно «своей благодати». Несмотря на абсолютную власть, «он во многом полагается на свой Совет, — пишет Ришелье, — и ничего не делает, не выслушав его мнения» («Политическое завещание»). Вплоть до революции знаменитая формулировка «Король и его Совет» или «Король, будучи на своем Совете» будет отмечать тысячи королевских решений. Похоже, Франция эксклюзивно обладала подобными коллегиальными отношениями, предохранительной мерой против тирании или деспотизма. Ришелье был не только привлечен в Совет благодаря убеждениям и политическому складу ума, но и нашел там свою выгоду: если ему необходимо было одолеть короля, он должен был заполучить в союзники самых важных членов Совета. Таким образом, он постепенно становился руководителем и наставником государя.

Совет являлся органом, от которого монарх получал информацию, у которого он мог навести справки, с которым мог подискутировать и которому, наконец, мог объявить свое решение. Во французском праве Совет единственен в своем роде — это аксиома. На практике он разделяется на заседания или сессии — их состав и компетенция часто меняются, — предназначенные для нужд финансов, юстиции, решения спорных вопросов и королевской администрации. Такие сессии также для удобства назывались «совета́ми»; они были не менее авторитетными, чем единый Совет.

Примером «идеального» Совета всегда являлся Совет регламента 1661 года — величественный, благородный, рациональный, символически отмеченный присутствием Декарта и реально — Кольбера. Он был отмечен сессиями «правления» и частным Советом; это учреждение, которому

завидовали все канцлеры Европы, представляло собой настоящий каркас административной монархии. Увы, этот Версаль государственного права еще не существовал при Людовике XIII, этот прекрасный классический Совет еще не был создан. Во времена Ришелье мы видим будущий институт власти еще в зачаточном состоянии. Размытость структур, некоторая неразбериха, конфликты полномочий могут использоваться дальновидным политиком — а кардинал-министр был именно таким, — но в самой природе великого государственного мужа заложено если не постоянное преобразование, то по крайней мере постоянное действие. В 1616 году «Совет является толпой» (Ж. Барбей) и хаосом. В 1630 году тот же самый Совет, подретушированный главным министром, становится почти гармоничным. Это Кольбер еще до Кольбера.

Постановление от 18 января 1630 года ставит на первое место *Совет дел и депеш*. Именно его имеют в виду, говоря о совершенном Совете. Говорят также об узком или кабинетном совете, или о совете министров. Его члены называются министрами (или государственными министрами). Совет дел и депеш собирался по вторникам и был верховной инстанцией, прямым предшественником Верховного Совета Людовика XIV.

Совет государства и финансов собирался утром в четверг. Наряду с королем и королевой он объединял в недавнем прошлом принцев, кардиналов, герцогов-пэров, офицеров короны. Во времена Ришелье его состав разбавляют государственные секретари, государственные советники и несколько следователей. Эта сессия Совета еще сохраняет обширный и разнообразный круг обязанностей: духовенство, судебные споры, службы, ренты, домен, налоги, публичные работы и т. п. Среда предназначалась для более специализированного *Совета по финансам*. Это малый предшественник Королевского Совета, развившегося позднее по указанию Кольбера. Наконец, в субботу проходил *частный Совет*, предок советов партий 1661 года.

Это перечисление, неточное и неполное, дает лишь слабое представление о запутанности подобных структур. Мне известны лишь два ученых, способных не потеряться в этом лабиринте: покойный Ролан Муснье, автор положения по «Постановлениям Королевского Совета при Людовике XIII», и мой коллега и друг Мишель Антуан, единственный специалист по Совету.

Новое постановление от 1630 года, подготовленное еще 3 января 1628 года «в поле перед Ла-Рошелью», заботится об отделении настоящих специалистов (государственных советников, назначенных королевской грамотой) от любителей (государственных советников, назначенных

патентами), а также о распределении следователей по кварталам.

Ни Людовик XIII, ни Его Высокопреосвященство не хотят отныне видеть в Совете бестолковых принцев, амбициозных герцогов, некомпетентных дворян, прелатов, не имеющих административных навыков. По воле Ришелье, юриста без диплома, хитрого, несмотря на свою горячность, вынужденного лавировать («День одураченных» еще впереди), общая структура Совета неустанно уточняется, упорядочивается и совершенствуется.

ВЕРА, ЗАКОН, КОРОЛЬ

Я обещаю [Вашему Величеству] использовать все свое умение и весь авторитет, который ему было угодно мне дать, чтобы уничтожить партию гугенотов, сбить спесь со знати, заставить всех его подданных исполнять свой долг и возвысить его имя в глазах иностранных наций до того положения, в котором ему надлежит быть.

Ришелье. Политическое завещание

Победить гугенотов — или, вернее, их партию, — сбить спесь со знати, успешно выступить против Австрийского дома — знаменитая программа Ришелье, представленная в его «Политическом завещании» и учившаяся наизусть в школах Франции вплоть до середины XX века, является простым, дидактичным, но трижды ошибочным резюме. Предполагается, что всемогущий министр был человеком системы, абстрактной идеологии, тогда как он всегда был реалистом и прагматиком. Забыто, что рассматриваемая программа была задумана и сформулирована *a posteriori* ^[61]. Наконец, забыто, что королевская воля была выражена в этом смысле уже в конце царствования Генриха IV, а кардинал лишь доработал ее.

Так называемая тройная программа епископа Люсонского является всего лишь способом проиллюстрировать аксиому государственного права (и политической философии) капетингской Франции: *вера, закон, король*. *Вера* напоминает, что король является государем по божественному праву («Послание к римлянам», XIII, 1), что обязывает его уважать Закон Божий и закон естественный. В обстановке Контрреформации это предполагает, что он является добрым христианином, точнее добрым католиком. Защита церкви и ее привилегий составляет часть клятв при коронации французского монарха. Новые религиозные войны, предлогом для которых стала поездка Людовика XIII в По (1620) и его торжественное подтверждение присоединения Наварры, произошли задолго до вхождения Ришелье в Совет (1624). *Закон* имеет, очевидно, простой и принудительный смысл, который мы придаем в наши дни формулировке «Правовое государство». Он является всего лишь законом. Ни знать (принцы, герцоги,

губернаторы провинций, офицеры короны), ни протестанты (обычно республиканцы благодаря своему кальвинизму) не стали бы уклоняться от законов, а это всегда было первым требованием монархов во Франции. Кончини, которого сегодня понимают лучше^[62], пытался восстать против претензий и тех и других. Теперь его помещают как «государственного человека, между Сюлли и Ришелье, в списке великих министров, строивших абсолютную монархию» (Элен Дуччини). Марии Медичи нелегко пришлось с реформами 1611 года, со знатью с 1614 по 1617 год.

Король представлял в то время верховную власть. Или скорее напоминал одновременно о всемогуществе монарха и его границах. Король наступает по трем позициям, потому что он подчиняется Богу и потому что законы короля не могут нарушить ни божественное, ни естественное право. Но если государь является сувереном, его власть, столь же твердая для государства, как и для других наций, не будет ни ограниченной, ни по-настоящему спорной. А ведь в то время в мире Контрреформации хватало юристов, монархов и канцлеров, чтобы пересмотреть вопрос о независимости короля Франции. Под религиозным и феодальным предлогами это сделал Кончини, стоящий ниже папы и императора. Благодаря подобному софизму Австрийский дом мог бы на практике превратить Капетинга в вассала, в то время как папа мог бы беспрестанно диктовать свой закон галликанской церкви. Известно, что Кончини готовился к битве с Габсбургом и что эта наступательная политика послужила причиной его убийства.

Оспаривать оригинальность тройной формулировки Ришелье не значит оспаривать его гений или критиковать его поведение. Ему практически в одиночку предстоит вести программу спасения государства, которую капетингская монархия до того имела лишь в набросках.

ТРЕБНИК И МАКИАВЕЛЛИ

У Ришелье на одном столе лежали требник и Макиавелли.

Аббат Шуази

Именно между Эразмом и Макиавелли — которые пишут в одно время, начиная с одной и той же интеллектуальной традиции — проходит самая широкая этическая трещина.

Квентин Скиннер

Блестящее высказывание аббата Шуази — *У Ришелье на одном столе лежали требник и Макиавелли* — постоянно беспокоило или по крайней мере волновало тех, кто восхищался кардиналом-министром, но боялся в некотором роде за спасение его души. Не станет ли великий человек святошей? Век святых, время лучезарной, но недолговечной истинной набожности не мог помешать расцвету многочисленных подделок под святость — бескорыстных или совершаемых ради наживы. Во «Всеобщем словаре» Фюретьера достаточно слов, описывающих авторов подделок: смиренник, лицемер, пожиратель распятия, святоша, ханжа. Неужели Ришелье был лицемером?

Этот вопрос тянет за собой другой. А вернее множество других. Читал ли кардинал Макиавелли? И не открыло ли ему чтение трактата «Государь» действенную и быструю концепцию государственных интересов? Макиавелли умер в 1527 году. «Государь» (1513) вышел уже после его смерти, в 1532-м. Произведение и его автора быстро сочли дьявольскими. Мгновенно было забыто, что флорентийский дипломат никогда не разрабатывал эту доктрину; он довольствовался изучением нескольких простых вопросов, конкретных примеров. Отсюда пессимизм, явное презрение к людям; наконец, слишком большое место, которое в сочинении уделяется мысли о «политической целесообразности». Все притворялись, что «Государь» не оказал на них никакого влияния, а тем временем гуманисты Северной Европы популяризировали само понятие политического интереса. Гишарден, со своей стороны (1483–1540), воскресил эту тему, окрестив ее государственным интересом. Отныне на

Западе смело заговорили о государственных интересах. *Ragione di Stato* стало в Италии названием шести трактатов и эссе, от книги Ботеро (1589) до произведения Лодовико Сеттала (1627). Во Франции Перро д'Абланкур, переводчик Тацита, писал: «Государственный интерес обеспечивает себя всевозможными привилегиями; то, что ему представляется полезным, становится дозволенным; а все то, что ему необходимо, становится приличным в политике».

Можно было считаться эразмианцем — это относится и к церковному экуменизму, — никогда не читая самого Эразма. Люди назывались или считались вольтерьянцами, не прочитав у Вольтера ничего кроме «Кандида». Это говорит о том, что Ришелье мог весьма легко заимствовать идеи или формулировки, приписываемые флорентийцу, но взятые на самом деле у Тацита, Тита Ливия, Томаса Мора или Жана Бодена. В остальном в «Государе» или в «Рассуждении по поводу первой декады Тита Ливия» хватает банальностей, подобных тем, какие вы найдете в «Политическом завещании» ловкого кардинала^[63]. В этом знаменитом произведении всемогущий министр Людовика XIII упоминает о государственных интересах всего три раза.

Что касается присутствия на рабочем столе Ришелье требника, этот факт должен полностью успокоить беспокойные души. Это символ, означающий, что ни кардинальский пурпур, ни высшая власть, ни усмиренная гордость, ни удовлетворенное тщеславие не отклонили Его Высокопреосвященство от канонических предписаний Рима и подчинения церкви. Конечно, какой-нибудь злопыхатель — возможно, протестант, — предпочел бы требнику Библию; но он лишь продемонстрировал бы этим свое незнание и подчеркнул невежество. На самом деле требник никогда не был отделен от Священного Писания, никогда не отделялся от того, что называют фактическим богословием.

Как же определить Армана Жана дю Плесси, который не был ни вольнодумцем, ни ханжой^[64] в религиозном вопросе? Как разновидность центриста, представляющего то, что вскоре, в эпоху Людовика XIV, назовут «средним путем». («Следует идти посередине: именно на этой дороге справедливость и мир обмениваются искренними поцелуями», — напишет Боссюэ в подражание 84-го псалма). Вера Ришелье была искренней, что доказывает его поведение. В 1623 году, возвращаясь из Лангедока, кардинал думал, что умирает; он молил об исцелении Деву Марию и приказал построить в Сомюре, в Нотр-Дам-дез-Ардильер, часовню. Можно было подобно ему быть священником без призвания и не быть при этом ни

безбожником, ни лицемером. Да, его вера была истинной, и он старался не противоречить ей в политическом плане: осуждал богохульство, святотатство, атеизм, а также ересь (истинную или предполагаемую) и ученый либертинаж. Он был одержим боязнью ада — как и Людовик XIII, — но также преданностью христианским заветам и верностью римским догмам.

Кардинал-министр умело вливал по капле веры в свои планы, вводил в свою политическую деятельность не одно понятие, заимствованное из католической религии. Так, он требовал «управлять своим намерением» (этот термин пришел от казуистов), что означало «наметить благотворное окончание своих действий, которые первоначально могли быть достойными порицания» (Фюретьер). Следует добавить, что выражение «управлять своим намерением» является находкой, достойной иезуитов («...общества, — пишет Мориак, — чье царство также находится в этом мире»). В этом нет ничего удивительного: Ришелье применяет к Франции их довольно двусмысленную стратегию, имеющую целью объединить всю Европу через общество Иисуса: фактически это тонкое религиозное оправдание захвата территорий.

Кто может решить, достоин ли осуждения — или всего лишь лицемерен — характер подобных компромиссов? В этом отношении постоянное ручательство дает кардиналу отец Жозеф, но его ручательство трудно назвать душеспасительным. Если такой святой человек, как его «серое преосвященство», тайный советник, проповедник Крестовых походов, основатель и директор почти мистической конгрегации (сестры Кальвера^[65]), одобряет и даже неустанно поддерживает двусмысленную политику, почему Его Высокопреосвященство, главный министр христианнейшего государства должен сомневаться и даже прекращать деликатное дело, терпимое Римом и многократно используемое в королевстве Французском?

В глубине души, не слишком отделяя Евангелие от Христа, Ришелье рассчитывает совместить, по крайней мере неявно, пространные рассуждения Декарта и декреты Тридентского собора. Его «политический католицизм» (выражение принадлежит Мориаку) предвещает политический католицизм Людовика XIV.

БАСТИЛИЯ И ВЕНСЕННСКИЙ ЗАМОК

При этом министре Бастилия всегда была полна.

Вольтер

Я счастлив выйти из тюрьмы в такое время, когда никто оттуда не выходит.

Ларошфуко

Юный герцог де Марильяк — Франсуа, будущий герцог Ларошфуко, обессмертивший себя своими «Максимами», — был арестован в конце октября 1637 года по приказу кардинала-министра, несмотря на поддержку Шавиньи и маршала де ля Мейлере. Он помогал герцогине де Шеврез и боялся самого худшего. В итоге он получил два года ссылки в свои владения, которым предшествовала неделя в Бастилии. В своих «Мемуарах» он рассказывает об опыте, вынесенном из этой недели заключения: «То малое время, которое я там жил, живо дало мне понять, что все, что я видел до сих пор, является отвратительным образом власти кардинала». Он говорит также об «огромном числе несчастных всех сословий и полов, проходящих через эту ужасную тюрьму». Это, безусловно, метафора, поскольку Бастилия в ту эпоху насчитывала едва ли пятьдесят камер. Но особенно Ларошфуко поразил социальный статус некоторых узников. Там находился маршал де Бассомпьер, сидевший с 1631 года; доктор Вотье, сторонник королевы-матери; маршал де Витри, сидевший с 1637 года; командор де Жар, спасшийся от эшафота в 1633 году; господа дю Фаржи и дю Кудре-Монпансье, сидевшие с 1635 года. А также граф де Крамай-Монлюк — весьма яркая личность, переносивший свое заключение куда лучше двух маршалов. «Зрелище стольких достойных жалости объектов (*sic*), — добавляет Ларошфуко, — еще больше способствовало естественной ненависти, которую я уже питал к правлению кардинала Ришелье».

Бастилия и Венсеннский замок стали по воле кардинала «государственными тюрьмами» — *тюрьмами*, куда король мог поместить «столь же знатных, сколь и опасных личностей» (П. Кувра), которых он не хотел судить обычным судом. Но что такое «опасная личность»? Витри в декабре 1636 года нещадно избил архиепископа Анри де Сурди, называя

его *требником* и *святошей*. Заслуживало ли это шести с половиной лет тюрьмы? Вне всякого сомнения, Его Высокопреосвященство с удовольствием диктовал королю список опасных лиц. Там были и несправедливо осужденные, порой без серьезных причин и всегда надолго: бедный Бассомпьер провел в старинной крепости двенадцать лет своей жизни.

Но мрачность стен этого уже ставшего анахронизмом памятника не должна вводить нас в заблуждение. Узники Бастилии жили не в темницах — они предназначались лишь для тех, кого хотели «разговорить» до суда, как командора де Жара. В 1627 году Венсан Ланглуа, бывший интендант кардинала, жаловался, что его заключили в Бастилию, не позволив взять с собой слугу. В 1640 году Бассомпьер и его любовница Мари Кретон д'Эстурмель де Гравель играли в карты с комендантом крепости. Кстати, последнего звали Шарль Ле Клерк дю Трамбле, и он был братом отца Жозефа, помощника кардинала.

Заключенные заказывали себе пищу у трактирщика, принимали посетителей, могли ругать кардинала и даже составлять заговоры. Рец, например, уединялся с Краалем. Ришелье, вероятно, об этом кое-что знал. Его полиция работала хорошо. Он знал все. Но если можно было без особых мучений жить в Бастилии, там можно было также и умереть: таков случай бедного Ланглуа де Франкана († 1627), впавшего в немилость памфлетиста.

В Венсенском замке умирали гораздо чаще: в 1626 году — маршал д'Орнано; в 1629-м — великий приор Вандомский; в 1635-м — герцог Пюилоран. Вопреки легенде эти важные узники не были отравлены, просто в камерах были очень нездоровые условия. Аббат Сен-Сиран, заключенный в замок в 1638 году, не был переведен в более пригодную для жизни камеру и также умер.

Воспоминание о государственных узниках тянет за собой очередной вопрос о взаимном влиянии и ответственности короля и кардинала, кардинала и короля. Были ведь и королевские узники, осужденные (и ожидавшие помилования) или сосланные, но в глазах современников все они были жертвами ужасного Ришелье. На самом деле король был защищен своим божественным правом. И осужденные, и сосланные — все узники должны были бы винить в этом короля. Однако король был сувереном. Его не так-то легко было разжалобить. У него хватало других забот, и он доверял в этом кардиналу-министру — удобное решение, поскольку его называли Людовиком Справедливым.

ОБОЮДНАЯ СУРОВОСТЬ

Гораздо лучше заставить себя бояться, чем любить.

Макиавелли

Я заставляю отбывать наказание перед тем, как вознаградить.

Ришелье

Я дарю своим подданным справедливость.

Людовик XIII

Невозможно быть справедливым, если не являешься человечным.

Вовенарг

По странной сентиментальности наше время представляет политический тандем Людовик XIII — Ришелье в образе некоей двуединой суровости, иногда граничащей с крайней жестокостью. При подобном представлении забываются три факта: 1) тридцать шесть лет религиозных войн (1552–1598); 2) число заговоров, подавленных при Генрихе IV; 3) последствия двух предыдущих пунктов. Действительно, при Людовике XIII мы наблюдаем новые религиозные войны и новые заговоры. Что следует делать правителю, столкнувшемуся с сепаратистами, насильниками, заговорщиками? Почему формулировка Макиавелли «Гораздо лучше заставить себя бояться, чем любить» — фраза до странности банальная, изобличает макиавеллиевского злодея? Ришелье, несомненно, знал это высказывание; король, вероятно, нет; но оба воплощали его на практике, не считая, что грешат перед Божескими законами или законами природы. Следовательно, нет смысла переоценивать суровость, царившую во Франции эпохи барокко. Стоит измерить персональную суровость короля и кардинала-министра и попытаться оценить с помощью нескольких известных примеров меру ответственности каждого.

Первым принимаемым в расчет элементом является монархия как данность — древняя, почтенная, боготворимая, неоспоримая. Во Франции никогда не было двоевластия или дуумвирата. Невозможно поставить в один ряд суверена и его подданного. Решает только король, абсолютный монарх. Только король может миловать — такова королевская прерогатива. Когда правитель управляет своим государством, как истинный наместник Божий, его суждения считаются вытекающими из божественного права; он едва ли может ошибиться. Если его решения представляются верными, остается лишь «позволить свершиться королевскому правосудию». Если его решения кажутся несправедливыми, это не его ошибка — вероятно, кто-то другой подал ему плохой совет, — и тогда люди восклицают: «Ах, если бы король знал!»

В данном случае дурным советчиком имел все шансы стать Арман дю Плесси, Его Высокопреосвященство кардинал Ришелье. По этой причине наш герой никогда не прекращал исполнять роль защитного экрана, щита. Он должен был хранить репутацию короля, к которому относился по отечески. Если действующий монарх является «первым слугой государства», то главный министр должен постоянно исполнять роль второго слуги. Монархия не является ни диктатурой, ни исключительной властью.

Король был не абстракцией, а воплощением своего королевства. Даже его слабости и ошибки подтверждают этот постулат. Людовик XIII в данном случае был человеком из плоти и крови. Он отнюдь не был добряком. Бальзак и Сен-Симон лгут по его поводу, как истинные льстецы. В «Государе» Ге де Бальзак пишет: «Его мягкость часто корректировалась суровостью бремени, которое он нес». Сен-Симон, упоминая убийство Кончини, написал без смеха, что этот неверный фаворит был «убит вопреки самым точным и неоднократным запретам Людовика XIII».

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ УЗНИКИ

1626

Д'Орнано Жан-Батист д'Орнано (1581–1626), генерал-полковник Корсики, рыцарь ордена Святого Духа в декабре 1619 г., маршал Франции 7 апреля 1626 г. арестован 4 мая 1626 г., заключен в Венсеннский замок, где умер 2 сентября.

1629–1632

Марильяк Луи де Марильяк (1573–1632), граф де Монтлор, брат хранителя королевской печати, стал маршалом 2 июня 1629 г., командующим армией в Италии 10 ноября 1630 г. арестован 21 ноября 1630-го, казнен 10 мая 1632 г.

1634–1635

Пюилоран Антуан де л'Аж, сеньор де Пюилоран, племянник через брак Ришелье, герцог и пэр с декабря 1634 г. арестован 14 февраля 1635 г., умер в Венсеннском замке 1 июля.

Доктор Эроар, наблюдавший за дофином с самого рождения, писал о нем: «...темперамента сангвинического, смешанного с холерическим», «холерической природы», иногда «изможденный гневом». «Я убью вас!» — кричал малыш мадам де Монгла, своей гувернантке. Очень рано будущий Людовик XIII избрал себе прозвище Людовик Справедливый. Говорят, он боялся стать Людовиком Заикой (поскольку заикался). На самом деле причина в том, что с самого нежного возраста сын Генриха IV путал справедливость и суровость. Он считал себя «справедливым в душе» (отец Шевалье), но душа его часто купалась в суровости. Его преемник Людовик XIV будет более откровенным. Будучи дофином, он скажет, что мечтает, чтобы его называли Людовиком Суровым (Ж. де Вигери).

В деле маршала Анкра было ясно, что король дал понять — ничего не говоря, довольствуясь намеками, — что в глубине души он предпочитает аресту смерть. Иначе почему же он незамедлительно сделал Витри, этого услужливого убийцу, маршалом Франции? Затем последовала целая серия арестов, ссылок и опал, а затем отказ в королевском помиловании накануне казней. Король был так искусен, так красноречив (он, который был заикой), отказывая в каждом прошении о помиловании, что невозможно было не заметить, как он доволен исполнением роли верховного судьи. При его царствовании «Людовика XIII знали, как волевого и строгого государя; но никто не знал, что суровые решения его правительства чаще всего были его делом... Он делал вид или заставлял верить в то, что единственным виновником был Ришелье», — писал Луи Баттифоль.

На самом деле Людовик XIII был целиком ответствен за все казни и аресты. Часто он даже не пытался скрыть свою радость; в случаях бедного Шале (1626), Бутвиля (1627), Лестранжа и маршала-герцога Монморанси (1632) это было более чем очевидно.

Участие Его Высокопреосвященства было, очевидно, более скромным и тайным. Иногда к осторожности его побуждала профессиональная этика.

Он пытался выглядеть нейтральным при аресте и заключении в тюрьму хранителя королевской печати Мишеля де Марильяка (1630). Но после четвертого или пятого раза он уже не скрывал своей злобы, иногда весьма мелочной, иногда близкой к садизму. Можно понять, за что он предал королеву-мать, преследовал Анну Австрийскую, сражался с Месье: здесь политические доводы всегда могли быть удобно оправданы неким высшим смыслом. Однако трудно извинить священнику эпохи святых рвение, проявленное в осуждении и казни маршала Марильяка (1631–1632). Его позиция по отношению к командору де Жару, помилованному только на эшафоте (1633), тоже отдает садизмом. Много позднее, в 1638 и 1639 годах, Ришелье играет в кошки-мышки — не слишком сильный образ — с несчастным аббатом Сен-Сираном, его заботами помещенным в Венсеннский замок. Наконец, ответственный за арест главного конюшего Сен-Мара, он вынудил Людовика XIII поступить исключительно сурово. А ведь де Ту, соучастник и друг казненного, возможно, мог бы спасти свою голову.

Но в целом, хотя кардинал-министр редко миловал, королевская суровость в 1624–1642 годах превосходила кардинальскую. Скажем честно: сутана его Высокопреосвященства не так уж сильно запятнана кровью, как об этом рассказывают легенды.

ПОСТРАДАВШИЕ ОТ «КОРОЛЕВСКОГО ПРАВОСУДИЯ»

Злые поступки приводят человека на эшафот.

Фюретьер

1626. 19 августа: Казнь в Нанте графа де Шале (Анри де Талейрана).

1627. 22 июня: Казнь в Париже графа де Бутвиля (Франсуа де Монморанси) и графа де Капеля (Франсуа де Росмадека).

1632. 10 мая: Казнь в Париже Луи, маршала де Марильяка. — Сентябрь: Казнь в Лионе Сира де Капестана. — 6 сентября: Казнь виконта де Лестранжа (Клода де Отфора). — 12 октября: Казнь в Безье Дезея де Корменана. — 30 октября: Казнь в Тулузе Анри, герцога и маршала де Монморанси.

1633. 10 ноября: В Труа командор де Жар (Франсуа де Рошешуар) получает помилование только на эшафоте.

1641. 9 ноября: Казнь в Амьене де Сен-Прейля (Франсуа де Жюссака), губернатора Арраса.

1642. 12 сентября: Казнь в Лионе маркиза де Сен-Мара (Анри Куафье де Рюзе), главного конюшего, и его друга Франсуа Огюста де Ту.

ЮМОР И ЛЮБЕЗНОСТЬ

Кардинал часто щекотал сам себя, чтобы посмеяться.

Он приказывал найти Буаробера и других, кто мог его развлечь, и говорил им: «Повеселите меня, если знаете что-то интересное».

Таллеман де Рео

Таллеман, Светоний эпохи барокко, в основном мало склонный льстить Ришелье, тем не менее писал: «Его Высокопреосвященство любил посмеяться». Склонный к плохому настроению, много страдавший физически, почти всегда утомленный, кардинал неоднократно испытывал потребность развлечься в непринужденной обстановке. А его пристрастие «поржать» в тесном кругу породило предположение о том, что «он воображает себя лошадью».

Его ум был умом того времени, его юмор отличался от нашего. Подобно Генриху IV, Ришелье обожал прозвища: Жан де Решинье-Буазен был «отцом Гуроном», Буаробер — «Деревом», Мазарини — «Братом Палашом». Когда Шавиньи (чье родовое имя было Бутилье) решил переименовать особняк Сен-Поль на улице Руа-де-Сисиль в Бутилье, чтобы унижить бывших графов де Санлис, кардинал расхохотался и воскликнул: «Все швейцарцы захотят пойти туда выпить; они прочтут „Особняк Бутылка“!»

В то же время Ришелье позволял шутить с собой только самым близким людям. Братья Ботрю — Гильом, граф де Серран, академик; Николя, сеньор Ножан, капитан придворной гвардии — считались самыми остроумными. Демаре де Сен-Сорлен развлекал кардинала и рассказывал ему анекдоты. Но самым записным шутом был аббат Буаробер, который говорил все что угодно, поскольку знал, когда остановиться. Кардинал не мог без него обходиться. Буаробер являлся членом Французской Академии и информатором Ришелье, развлекал его, служил посланником, шпионом, доверенным лицом. Ему принадлежит знаменитая шутка:

— Родриго, у тебя есть сердце?

— Нет, у меня есть бубны (карточная масть) ^[66].

Эта шутка составляла часть бурлескной пародии, задуманной, составленной и поставленной, «чтобы развлечь кардинала и удовлетворить зависть, которую он испытывал к „Сиду“» (Таллеман де Рео). Великолепный комедиант, аббат Буаробер распределял роли трагикомедий Корнеля между лакеями и поварами министра.

Его Высокопреосвященство и вправду любил порой скаламбурить. Таллеман приводит в пример такой короткий анекдот. Когда некий месье де Лансак вошел, кардинал попросил своего пажа придумать на его счет *игру слов*.

— Монсеньор, — сказал юный шутник, — мне нужен пистоль.

— Как, один пистоль?

— Да, монсеньор, мне нужен один пистоль, без этого я не стану придумывать.

Монсеньор согласился.

— *Пистоль Лансак* (*pistole en sac* — пистоль в сумке), — сказал паж, засовывая золотой к себе в карман. И получил еще десять за то, что развеселил своего знаменитого хозяина.

«Маленькие истории» Таллемана де Рео кроме этой сцены, которую считают подлинной, содержат также множество других. Будущая маркиза де Мольни, Шарлотта Брюляр де Пюизьё была, как пишется в этих историях, «ужасно смышленной». Девушка пела и танцевала, знала немецкий, испанский, итальянский. Двору и городу ее скороспелые таланты были известны не меньше, чем ее проделки. И так случилось, что Ришелье, навещая мадам Пюизьё, выразил желание послушать пение прелестной Шарлотты. Та была в плохом настроении и заставила себя долго просить. Наконец, она выдала вульгарнейшую «песенку лакея», заканчивавшуюся такими словами:

*У меня сильно болит vistanvoire,
И еще сильнее палец.*

Тогда невозмутимый кардинал повернулся к мадам де Пюизьё и холодно произнес:

— Мадам, я советую вам лучше следить за *vistanvoire* вашей дочери.

А кто узнал бы этого надменного прелата, настоящего хозяина Франции в благосклонном меценате, растроганном старой мадемуазель де Гурне? Мари Лежар (1566–1645), мадемуазель де Гурне, носила звание «приемной дочери» Мишеля Монтеня, для которого она издала его

знаменитые «Опыты». Монтень был ее страстью, ее навязчивой идеей. Она говорила лишь о нем и его произведении. В 1626 году она опубликовала «Тень мадемуазель де Гурне», смешанный сборник произведений в стихах и прозе. Ею тайно восхищались или насмехались над ее видом, словами, пристрастиями. Ее кошки также были общеизвестны, их звали Донзель (Шлюшка), Минетта и Пиайон (Пискля).

Ришелье забавлялся, осыпая ее комплиментами, используя устаревшие или вышедшие из употребления слова, которые он позаимствовал из ее «Тени».

— Вы смеетесь над бедной старухой, — наконец сказала Мари де Гурне. — Смейтесь, великий талант, смейтесь; вам надо, чтобы весь мир способствовал вашему развлечению.

Кардинал принес свои извинения приемной дочери великого Монтеня, а затем заспорил с Буаробером, здесь присутствующим, поскольку именно он привел старую даму к министру. Завязался диалог, похожий на торговую сделку:

— Следует кое-что сделать для мадемуазель де Гурне. Я даю ей две сотни экю пенсии.

Буаробер попросил прибавки, сославшись на то, что у дамы есть служанка, внебрачная дочь пажа Ронсара. Кардинал добавил пятьдесят ливров в год.

— Есть еще маленькая Пиайон, это ее кошка.

— Я дам ей двадцать ливров пенсионера, при условии, что она будет есть вволю.

— Но, монсеньор, она ведь окотилась!

Тогда кардинал добавил «еще пистоль на котят» (Таллеман). Что касается доброго Буаробера, этот день больше чем когда-либо подтвердил его прозвище «просителя за скорбящих Муз».

ДОБРОДУШНЫЙ РИШЕЛЬЕ

Гийом Кольте вовсе не был смехотворным поэтом.

Антуан Адам

*Очень добрый человек, имевший мало чувств, но
весьма любивший выпить.*

Таллеман де Рео

Итак, в глубине ужасного, всемогущего кардинала скрывалось человеческое существо — несомненно, милое, но всю свою жизнь прятывшее свою чувствительность и слабости. Разумеется, ни в «Мемуарах», ни в «Политическом завещании» Ришелье не открывает свое тайное лицо, а «Маленькие истории» Таллемана де Рео редко можно расшифровать. Жаль, что не пожелали открыть правду Буаробер и отец Жозеф, два человека, перед которыми Ришелье не таился. Вовенарг, записавший диалог Ришелье и Корнеля^[67], должен был бы написать подобный диалог «Серого преосвященства» и Буаробера. Но знаменитый капуцин, исполнитель двусмысленных миссий, поклонник великого министра, разбавил свои посмертные откровения спасительной ложью — быть может, по христианской щепетильности. Что касается Буаробера, с которым Ришелье часто был резок, отчитывал по любому поводу и в душе презирал, его суждения кажутся нам порой непонятными.

Среди образованных людей, которых часто посещал кардинал-министр, некоторые, подобно Буароберу, играли практически шутовскую роль, другие были слишком льстивы. Кольте, стоя посередине, занимал уникальное место; а отношения между этим поэтом — сегодня полностью забытым^[68] — и его знаменитым покровителем богаты интересными сведениями. Дело в том, что они демонстрируют нам добродушного Ришелье.

Гийом Кольте (1598–1659), быстро попавший в число «скорбящих детей Буаробера», был адвокатом и сыном прокурора. Он был не таким уж бедным и не таким богемным, каким его сделала репутация, поскольку имел сельский дом в Валь-Жуайе, возле Сен-Жермен-ан-Лэ. Шаплен сообщает нам, что Кольте делил жизнь «между Аполлоном и Бахусом», но

больше прославился как поэт. Активный член кружка «Славных пастухов», академик, он был известен при дворе (его жаловал Месье), в особняке Рамбуэ и среди множества гуманистов (чью доброту и педантизм, как пишет Антуан Адам, он разделял). В 1638 году Гийом Кольте собирался опубликовать поэму на рождение дофина, будущего Людовика XIV. В это время он уже несколько лет входил в ближний круг кардинала Ришелье.

Кольте, которого Ришелье очень ценил, действительно числился среди «пяти знаменитых поэтов» (так они назывались в «Ля Газетт»), чьи «величественные» стихи входили в «Тюильрийскую комедию» (1635), «Большую пастораль» (январь 1637 г.) и «Слепого из Смирны» (февраль 1637 г.). Инициатором написания драм был сам кардинал; проект, состав исполнителей и первоначальные темы произведений были делом Шаплена, причем секретным. Авторами стихов были Кольте, Буаробер, Л'Этуаль, Ротру и Корнель. Каждый писал свою часть стихов в течение одного месяца.

Трое из «пяти авторов» были академиками — Кольте, Буаробер и Л'Этуаль, но ни одна из трех их комедий не сохранилась. (Как заметил Жан Ко, ни один из академиков не создал шедевра.) Зато благодаря Пелиссону, Вольтеру и Теофилю Готье первая комедия почти обессмертила «бессмертного» Кольте. Приведенная ниже сцена произошла в начале 1635 года — за несколько недель до вступления Франции в войну, — когда кардинал, решивший стать настоящим автором пьесы, представил своим поэтам окончательный текст «Тюильрийской комедии». У Ришелье в тот день было хорошее настроение, свидетельством чему является продолжение нашего рассказа.

В части произведения, принадлежавшей Кольте, он посвятил шесть александрин описанию Тюильрийского пруда. Похоже, эта короткая часть весьма порадовала кардинала, «совершенно потерявшего разум». После завершения чтения министр в буквальном смысле осыпал своего поэта благодарностями: Кольте получил 600 ливров (4200 евро) за шесть стихов о пруде. Самые удачливые поэты — Малерб, Делиль, Бирон — никогда не получали столько за такие короткие тексты. Приятно удивленный Кольте не замедлил поблагодарить своего покровителя двестишием:

Арман, за мои шесть стихов давший мне шесть сотен ливров,
Не могу ли я по той же цене продать тебе все мои сочинения?

Кардинал пообещал ему шестьдесят пистолей, добавив, что «король не

так богат, чтобы оплатить остальное».

Взамен похвал и подарков (кто скажет, что Ришелье не был либералом?) автор замысла «Тюильрийской комедии» осмелился предложить небольшую поправку в столь великолепно оплаченный текст. Там, где поэт написал заурядную александрину «*Тростник погрузился в водный ил*», кардинал предлагал заменить *погрузился* глаголом *окунулся*. XVII век любил — и еще больше при Людовике XIV — туманные, возвышенные слова. Ришелье считал *окунулся* «более точным и живописным» (Т. Готье). Министр был прав, считает автор «Гротесков», и Кольте, будь он поучтивее, склонился бы перед поправкой своего великодушного покровителя. Но нет, Кольте отказался заменять *погрузился* на *окунулся*: это низкое слово, подходящее для прозы и невообразимое в поэзии. Ришелье настаивал, требовал. Усугубляя свое положение, Кольте, вернувшись домой, в пространным письме изложил министру свои мотивации и законные требования.

Это «весьма развеселило кардинала»; и когда некоторые придворные поздравляли его с тем, что никто не осмеливается ему возражать и что он воистину великий триумфатор, он отвечал им со смехом, как об этом пишет Пелиссон: «Господа, вы ошибаетесь, поскольку вот Кольте, который спорит со мной из-за одного слова и превосходным образом мне сопротивляется».

Великий министр проявил себя великодушнее многих, а Кольте — более упрямым, чем обычно. Упрямый стихотворец любой ценой отстаивал свой глагол *погрузился*. Кардинал часто обманывался, согласно Менажу, то есть уделял излишнее внимание предметам совершенно бесполезным.

РИШЕЛЬЕ И ЖЕНЩИНЫ

*Сладострастно живи в согласье с телом...
Плотских утех желай лишь таких, как у Герцогини.*

Аноним. Наставления кардинала Р.

*Кардинал любил женщин; но он боялся короля,
бывшего сплетником.*

Таллеман де Рео

Кардинал, много писавший, никогда не вдавался в детали своей частной жизни. Подобная строгость не слишком обычна в эпоху барокко, время всяческих излишеств. Однако уникальное положение, заставлявшее министра быть священником и прелатом, побуждало его к тайне и сдержанности. Была ли у него частная жизнь, которая сохранилась в семейных разговорах (с его племянницей, аббатом Буаробером, с его секретарями), во время отдыха, размышлений, за чтением, медитацией, молитвой, составлением заметок? Неизвестно. Хранил ли он какие-нибудь личные секреты? Было ли ему что скрывать? Опять-таки неизвестно. Зато на его счет существует множество домыслов и обвинений, редко когда невинных.

Ги Патен, этот злопыхатель, считал, что за два года до смерти — то есть в 1640 году — у кардинала-министра «еще было на содержании три любовницы». Первой была герцогиня д'Эгийон. Второй, которую фамильярно звали Пикардийкой — маршалыша де Шольн. «Третьей была некая прелестная парижская девица по имени Марион Делорм». Патен, несомненно, получил этот букет сплетен от маршала Бассомпьера, вряд ли проникшегося симпатией к кардиналу за двенадцать лет пребывания в Бастилии.

Два первых обвинения были чистой воды клеветой. Мадам д'Эгийон (1604–1675), вдова господина де Комбале, отличавшаяся скорее интуицией, чем умом, любимая племянница Его Высокопреосвященства, боготворила своего дядюшку, более двадцати лет председательствовавшего в ее салоне. Она всячески нежила его, холила, лелеяла, с обожанием на него смотрела; словом, создавала полную видимость несуществующей любовной связи. На смертном одре Ришелье сказал ей: «Помните, что я любил вас более всех

других». Это были практически его последние слова. Такого не говорят любовнице, если испытывают постоянный страх перед адом, тем более когда умирающий является священником и смерть уже совсем рядом.

Случай с Марион Делорм не таков. Эта дама, которую Бассомпьер зло называл «публичной шлюхой», будущая подруга Сен-Мара, Сент-Эвремона и Великого Конде, фигурировала среди светских осведомителей, которые при дворе и в городе тайно работали на Его Высокопреосвященство. Александр Дюма понял это. Таллеман де Рео и кардинал де Рец считали, что у нее была краткая связь с Ришелье. Согласно Таллеману, у них было всего два любовных свидания. Если это правда и если правда, что Марион отвергла сто пистолей, предложенных кардиналом, остается только заключить, что министру не хватило щедрости, а мадемуазель Делорм не хотела, чтобы ее считали проституткой, даже высокого полета.

Легенда, согласно которой герцогиня д'Эгийон имела двух детей-бастардов, прижитых со своим дядей, столь абсурдна, что не заслуживает даже обсуждения. Другая сплетня превратила графа Шавиньи (1608–1652), министра и «воспитанника» Ришелье, в сына молодого епископа Люсонского и мадам Бутилье, урожденной Мари де Бражелон. Факт возможный, но маловероятный — во всяком случае, не поддающийся проверке.

Когда заслуживающий у нас доверия Таллеман пишет: «Кардинал любил женщин», он имеет в виду, что он не был содомитом. Если бы он был таковым, то, имея столько врагов, которых нажил себе Ришелье, об этом непременно прослышали бы памфлетисты и рифмоплеты. Что же касается амурных связей, мы можем приписать ему только вероятную связь с мадам Бутилье в двадцать два года и интрижку с Марион Делорм. Остается вопрос с королевами. Злые языки сделали Ришелье любовником Марии Медичи. Доказательств нет, предположение слабое. Множество авторов приписывают ему неразделенную любовь к Анне Австрийской, но кто при дворе не был влюблен в прекрасную испанку?

В любом случае досье получается очень тонким. В 1625 году соперником Его Высокопреосвященства стал Бэкингом; вскоре кардинал понял, что Анна Австрийская «испытывает к нему стойкое отвращение» (С. Бертьер). Все позволяет считать, что пресловутое дело с алмазными подвесками было придумано Ларошфуко. Мадам де Мотвиль заявляла, что Ришелье в один прекрасный день решил поведать королеве о своих чувствах, но был прерван неожиданным появлением Людовика XIII. И, наконец, де Рец пишет в своих «Мемуарах» по поводу 1629 года: «Королева-мать предупредила короля, что Ришелье влюблен в королеву, его

жену; это заявление возымело свой эффект, и король был этим чрезвычайно задет».

Эти анекдоты ничего нам не дают, кроме того, что несколько приоткрывают завесу над личностью великого министра. Складывается впечатление, что Ришелье благодаря болезненной религиозности контролировал свои чувства и сопротивлялся искушениям. (Если он и вправду сбил мадам Бутилье с пути истинного, то до того, как принял руководство над своим епископством.) Если красота Анны Австрийской и волновала его, его отношения с ней чаще всего заключались в том, чтобы умастить ее, в попытках шпионить за ней, в постоянном стремлении отвлечь ее от тоски по испанскому прошлому и сделать большей француженкой. То есть в основном это была политика. А вот история с подвесками совершенно абсурдна: как в 1625 году, через год после своего вхождения в Королевский Совет, только лишь терпимый королем, но еще не любимый им, министр мог бы из мести королеве обвинить ее перед супругом? И, наконец, как верить мадам де Мотвиль по поводу несвоевременного объяснения в любви, когда известно, что в 1631 году кардинал отказался от тайной встречи с королевой, заподозрив в этом западню, подстроенную послом Испании?

По темпераменту Ришелье никогда не страдал от пылких чувств. Он был слишком поглощен публичными делами, слишком озабочен своим долгом, слишком ревнив к своей власти, чтобы рисковать положением ради любовных интрижек. Это не был ни Арамис, ни кардинал де Рец. Ему не была введена наука соблазнения. Соблазнитель не нуждается в молодости и красоте. Соблазнитель — это тот, кто умеет говорить с дамами и говорит им то, что они желают услышать. Кардинал умел говорить с мужчинами — с королем, министрами, послами, людьми церкви, со своими «воспитанниками», агентами, шпионами, с военными, моряками; женщин он совершенно не знал. Его совместная жизнь с мадам д'Эгийон в глазах общества была неуместной: его брат Альфонс, кардинал Лионский, не раз пытался заставить его это понять. С королевой кардинал почти всегда вел себя по-мальчишески. Вдали от нее он был во власти фантазий, вблизи — бормотал глупости. Он был так же неестествен и неловок с прекрасной, благородной и пугливой Анной Австрийской, как бедный Людовик XIII со своими фаворитами и фаворитками. И в политике, и в частной жизни их поведение часто оказывалось одинаковым.

КОРОЛЕВСКИЕ ДУХОВНИКИ

Долгом правителя является внимательно и терпеливо выслушивать все то, что духовник считает обязанным ему высказать,

Клод Аквавива (1602)

Все усилия Ришелье по сохранению доверия своего господина и получению от него одобрения его действий оказались бы напрасными, если бы окружение короля отвергло или хотя бы оспаривало идеи кардинала, подрывая этим его влияние. Чтобы завоевать несколько квадратных футов кабинета Его Величества, кардиналу приходилось весьма внимательно наблюдать за окружением короля, особенно за его духовниками и фаворитами.

Духовниками всегда, вплоть до 1773 года, были иезуиты. Исключив раз и навсегда конкуренцию — ораторианцев, доминиканцев, капуцинов и другие ордена, — монархия исключила возникновение бесконечных и отвратительных ссор между претендентами. Взамен она поместила корону Франции под опеку (или подобие опеки) сынов Игнатия Лойолы. Иезуиты, верные девизу своего основателя, действовали «к вящей славе Господней». Им, преданным своему четвертому обету (безоговорочное подчинение папе), не было никакого смысла покровительствовать королевству Французскому. В обстановке Контрреформации странно было бы, если бы орден иезуитов не служил в первую очередь интересам католических королей Испании, страны, сохранившей себя от протестантизма, а также владениям Австрийского дома, венского Габсбурга, правителя Священной Римской империи, с трудом мирившегося с религиозной двойственностью.

В подобных условиях король Франции должен был сохранять трезвость ума и критически относиться к словам своего духовника. Что касается последнего, то, даже имея собственные взгляды на управление государством, ему надлежало быть достаточно честным или достаточно мудрым, чтобы не стать политическим советником монарха. В принципе он был всего лишь доверенным лицом короля, проводником его душевных порывов, но не его политических решений. Нельзя сказать, что восемь королевских духовников периода Людовика XIII верно следовали этой программе.

Отец Котон при Генрихе IV был великолепен — ловкий, осторожный, твердый, тонкий. Ему досталась задача не из легких — его подопечным был бывший гугенот, которого многие французы считали обратившимся только ради выгоды. В целом отец Котон оставил хорошие воспоминания о своей нелегкой службе. Не имея возможности заставить короля отказаться от брани, он нашел компромисс. Вместо «В Бога! В душу!» Беарнец постепенно привык ругаться «Черт возьми!». Но, воспользовавшись периодом регентства и поощрением Марией Медичи, Пьер Котон не просто воспитал в сыне Генриха IV крайнюю набожность, но также способствовал в 1615 году «испанским свадьбам» и нахваливал Людовику XIII испанскую монархию. Его знаменитая осторожность в политических делах в период правления Людовика XIII претерпела некоторые изменения. Он ушел со своего поста в 1616 году. Следовательно, с самого раннего детства у Людовика XIII был духовник, склонный выходить за пределы своей роли. Разумеется, к 1616 году епископ Люсонский имел время заметить подобное поведение и извлечь из него уроки.

Арну, пришедший на смену Котону, был навязан королю Люинем. Он не старался уменьшить воинственность своего подопечного, вовлеченного в новую религиозную войну. Зато, как ни странно, он позволил себе — слишком рано и слишком открыто — критиковать Люиня, что способствовало его падению. В очередной раз вмешавшись в то, что никоим образом его не касалось, Люинь предложил королю отца Сегирана, которого это повышение, похоже, «опьянило» (Р. Пиллорже). Он тут же вышел за границы своей роли, претендуя на власть над епископами. Но самой большой его глупостью было то, что он решил, будто король одобряет грубость в отношении королевы-матери. Это привело к его отставке в последние дни 1625 года.

Отцу Сегирану наследовал Жан Сюффрен. Любопытно, что на этот раз Людовик выбрал себе в духовники исповедника своей неумной матушки. Подозрительный Ришелье посчитал нужным дать отцу Сюффрену осторожные советы: «Не стремитесь распорядиться епископствами и аббатствами, ведь подобные вещи зависят непосредственно от короля, как и все другие милости». Напрасная трата времени. Духовник пожелал выбирать — или рекомендовать — епископов. В остальном он, насколько возможно, действовал в интересах партии королевы-матери, обличая Ришелье как жестокого преследователя своей покровительницы. Подобная наглость и послужила причиной его отставки. До того момента кардинал не добился от королевских духовников какого-нибудь прока для себя.

Больше повезло ему с отцом Мелланом, с которым он уже был знаком

по Авиньону. Редкая птица, этот добрый отец Меллан исполнял свои деликатные обязанности, никогда не посягая на политику. Тем более он никогда не предавал доверие главного министра. К несчастью, он умер 4 октября 1635 года. Тогда Ришелье назначил на эту должность некоего Гордона, по происхождению шотландца. Выбор оказался неплохим. Когда Рим и орден иезуитов начали давить на него, требуя вынудить Людовика отказаться от войны с королем Испании, он уведомил об этом Ришелье, тотчас пресекшего это дело.

Воодушевленный двумя предыдущими избранниками, кардинал в 1637 году назначил духовником отца Николая Коссена, последователя Франциска Сальского и моралиста. Список его обязанностей оставался прежним: он был обязан заниматься только грехами Его Величества. Никаких государственных дел. На самом деле Коссен очень быстро начал вмешиваться во все, не скрывая от короля своих взглядов. Он высказывал свое мнение о мадемуазель де Лафайет, об испанской войне, о налогах, о политике кардинала в отношении империи. 8 декабря добрый отец буквально бросился к ногам своего суверена, умоляя его заключить мир с католической Испанией. Он зашел слишком далеко, поскольку заключение мира означало опалу Ришелье. Два дня спустя Людовик XIII выслал Коссена в Бретань. Кардинал спустя некоторое время осознал свою ошибку: этих королевских духовников невероятно трудно выбрать и за ними почти невозможно уследить! Орден иезуитов ловко отмежевывался от неосторожных. Он опасался, что король Франции, подталкиваемый своим главным министром, не примет духовника, выбранного против воли последнего. Однако Ришелье не собирался восстанавливать против себя сынов Лойолы и назначил очередного иезуита — старого, почти восьмидесятилетнего, который показался ему внушающим доверие.

Этого нового королевского духовника звали Жак Сирмон; по мнению «Ля Газетт» он был «одним из ученейших людей Европы». Ришелье дал ему понять, что духовник не вмешивается ни в политику, ни в государственные дела, ни в раздачу бенефиций — он лишь исповедник короля. Сирмон тут же начал побуждать Людовика XIII посвятить королевство Деве Марии, «но в 1642 году он все же вмешался в политику» (Ж. Минуа), высказав свое мнение по делу Сен-Мара; а в 1643 году пытался диктовать королю законы будущего регентства, и уже этого король ему простить не смог.

Эта короткая история о королевских духовниках на самом деле напрямую касается нашего героя. Она показывает, что «человек в красном», ужасный и опасный кардинал-министр не был таким уж всемогущим; что

его уловки не всегда удавались и не всегда были безошибочными. Через духовников Его Высокопреосвященство хотел держать короля в руках. Это удавалось ему едва ли в половине случаев.

Духовники Людовика XIII

Пьер КОТОН 1608–1616
Жан АРНУ 1617–1621
Гаспар де СЕГИРАН 1621–1625
Жан СЮФФРЕН 1625–1631
Шарль МЕЛЛАН 1631 — † 1635
Жак ГОРДОН 1635–1637
Николя КОССЕН 1637
Жак СИРМОН 1638–1643

ФАВОРИТЫ И ФАВОРИТКИ

Фаворит: Пользующийся расположением
правителя.

Фюретьер

Никогда ни к кому не привязывайтесь... Никогда не
имейте фаворитов.

Людовик XIV

Часто разочаровывавшийся в духовниках, Ришелье искал и нашел новый способ влиять — даже отрицательно — на своего господина короля и устранить с его горизонта другие влияния. Людовик XIII был неудачлив как в любви, так и в дружбе, являя в этом смысле полную противоположность вечному повесе, своему отцу. Но за неимением друга (по сути, Ришелье был его единственным другом — другом странным, которого не любили, боялись и ненавидели), Людовик Справедливый имел фаворитов. В этом нет ничего удивительного — такова была мода в Западной Европе в период между 1598 и 1642 годами.

В двух соседних с Францией странах фаворит являлся настоящим *alter ego* своего суверена. В Англии все глаза были прикованы к герцогу Бэкингему, помогавшему Якову I († 1625), а потом Карлу I и ставшему вскоре «самым властным и ненавидимым персонажем королевства» (А. Сюзми). В Испании тот, «кто пользовался расположением правителя», имел громкое имя и исполнял определенную, почти официальную функцию. Он назывался *valido*. Во времена Филиппа III это место принадлежало герцогу Лерме (1598–1618), при Филиппе IV — графу-герцогу Оливаресу (с 1622 по 1643 год), современнику и сопернику Ришелье. *Valido* являлся доверенным фаворитом, «облеченным властью» (Б. Бенассар).

Этот испанский обычай не мог быть использован во Франции, хотя регентство вознесло на вершину иностранную чету *validos*, супругов Кончини. Людовик XIII, став совершеннолетним^[69] и избавившись от Кончини, недолго думая сделал своего фаворита — сокольничего Шарля д'Альбера — герцогом де Люинем, *valido*, коннетаблем (!) и хранителем королевской печати. При дворе и в городе быстро раскритиковали эту связь

(1617–1621), спрашивая себя, к чему надо было устранять маршала д'Анкра, чтобы заменить одного фаворита, отягощенного множеством титулов, на другого такого же. Что до короля, до самого конца сентиментально привязанного к своему сокольничему, он осознал свою ошибку. Начиная со смерти де Люиня (1621) и до заговора Сен-Мара (1642), любимчики Людовика были исключительно «сердечными фаворитами» (за которыми пристально следил Ришелье), но не *validos* [70].

Но если и была область, где ум и хитрость Его Высокопреосвященства почти всегда оказывались несостоятельными, то это были его постоянные усилия контролировать сердечные привязанности короля. То он ошибался в нем, то ошибался в себе, хотя был в общем-то весьма прозорливым. В его оправдание можно лишь сказать, что прогнозировать увлечения Его Величества, интриги двора, разочарования, опалы и новые милости было чрезвычайно трудно.

Был ли когда-нибудь влюблен Людовик? Да, отвечает второй герцог Сен-Симон: «Никогда любовь не владела им целиком, но он думал, что защищен от нее, и ошибался». Нет, писал Таллеман де Рео: «Его увлечения были странными; от любви у него осталась лишь ревность». И разве не ограничивались его увлечения странными фантазиями и несколькими пылкими желаниями, удовлетворенными или подавленными? Говоря о Мари де Отфор, король, доверившись первому герцогу де Сен-Симону, заявлял, что он, как монарх и наместник Бога на земле, должен отказываться от своих желаний, чтобы подчиниться Небесам и подать пример остальным.

Похоже, только Таллеман де Рео считал, что Людовик XIII изменял королеве. Барада был «яростно» любим королем (1626); с Сен-Маром Его Величество порой был слишком ласков (1641). Мы уже говорили о фаворе де Люиня, этой «непристойной привязанности» (Бассомпьер); но слова маршала ничего не доказывают, поскольку де Люинь и король буквально соревновались в набожности и имели одного духовника, отца Арну. Людовик XIII почти всегда сводил роль фаворита (или фаворитки) к внимательному и понимающему слушателю. Он «всегда имел потребность в наперснике, которого называли *фаворитом* и который мог развеять его печальное настроение и выслушать его горькие откровения» (Вольтер).

Во времена министерства Ришелье сменили друг друга шестеро таких любезных наперсников: будущий маршал Туара (1624), современник Ришелье, впоследствии впавший в немилость; Франсуа де Барада (1625–1626); Клод де Сен-Симон (1626–1636); мадам де Отфор (1630–1635 и 1637–1639); мадемуазель де Лафайет (1635–1637); и, наконец, маркиз де

Сен-Мар (1639–1642). Четыре фаворита и только две фаворитки! Историография весьма интересуется этим фактом и явным преобладанием мужчин. Пьер Шевалье, биограф того, кого он называет «корнелевским королем», пишет достаточно ясно: «Вряд ли можно спорить с тем, что Людовик XIII имел глубокие гомосексуальные наклонности», сдерживавшиеся, как он считает, всякий раз его набожностью и боязнью греха (и мы можем добавить: его ужасом перед адом).

На самом деле «странное целомудрие Людовика XIII», его наивная стыдливость, его общепризнанная робость были, возможно, вызваны «непристойностями, печальным свидетелем которых он был в детстве... Самый целомудренный из всех наших королей был рожден тем, кто считался самым распущенным» (А. Франклин). В своем «Дневнике» доктор Эроар отмечает, что в святой четверг будущий Людовик XIII, не слишком довольный тем, что должен омыwać ноги маленьким нищим, заявил, что предпочитает иметь дело с девицами. В итоге, измученный комплексами, запятнанный неудачей в первую брачную ночь, этот монарх был чувствителен к женским прелестям, но сами женщины внушали ему страх. Он не умел вести себя с дамами и юными девицами. Иногда он делал над собой усилие. Мадемуазель^[71] в 1637 году нашла двор приятным по причине «влюбленности короля в Мари де Отфор, которую он старался развлекать все дни напролет», но подчеркнула, что дамы были вынуждены следовать за его величеством на охоту, и Мари де Отфор с трудом выносила бесконечные разговоры возлюбленного о псовой и соколиной охоте.

Кроме рассказов и размышлений об охоте монологи короля, через день впадавшего в меланхолию, заключались в жалобах на всех и вся, особенно на тиранию кардинала. «Он не любил сам себя» (мадам де Мотвиль), недолго был верен дружбе (в этом убедились Туара и Барада), баловал сверх меры того, кого в следующий момент мог безжалостно лишить своих милостей (Барада, Сен-Симон).

Ришелье под разнообразными предлогами подвергал немилости фаворитов, подозревавшихся в том, что они вредили ему в глазах короля: Барада в 1626 году, Сен-Симона в 1636 году. Барада был первым конюшим, капитаном Сен-Жермен, первым дворянином Палаты. Сен-Симон — первым конюшим (1627), главным инспектором охотничьего надзора (1628), государственным советником (1629), первым дворянином Палаты, губернатором Бле (1630), Мелена, Санлиса и Фекана, рыцарем ордена Святого Духа (1633) и, наконец, герцогом и пэром в январе 1635 года. Он начинал в качестве пажа и завоевал доверие короля благодаря двум вещам: стремени и охотничьему рожку. Людовик научился у него менять коня, не

спускаясь на землю, и доверял ему свой рог, как человеку, «никогда не терявшему голову».

С Луизой де Лафайет почтение уступило место благоговению и платоническим чувствам. Она была красива, целомудренна, непреклонна, бесконечно благоразумна и умела слушать королевские монологи. Именно Ришелье поставил ее на пути у короля. Король был покорен и сделал ее своей наперсницей. Это был 1635 год, когда Людовик не без колебаний объявил войну католической Испании. Луиза, подобно отцу Коссену, склонялась в сторону мира. И Ришелье не оставалось ничего другого, как убедить набожную подругу Его Величества, что она уготована служить Господу, и поместить ее в монастырь. В 1637 году Луиза постриглась в монахини. Мадемуазель де Лафайет была преемницей мадам де Отфор (1616–1691), которая опять сменила ее в должности фаворитки (1637–1639). Девушка из хорошей перигорской семьи, Мари де Отфор обладала всеми достойными качествами — красивая, живая, умная, соблазнительная, с прелестными голубыми глазами. С ее помощью Ришелье рассчитывал иметь шпиона у королевы и верное ухо у короля. И в очередной раз испытал жестокое разочарование. Король напрасно пожирал глазами «мадам де Отфор, которую он не решался любить». Эта дама одержала победу не только над королем, но и над королевой, и, не давая никакой информации кардиналу, в конце концов объединилась с интриганкой герцогиней де Шеврез. Людовик XIII ненавидел мадам де Шеврез, которую называл «дьяволом», и теперь Ришелье нетрудно было убедить его удалить Мари де Отфор.

Странное дело — кардинал-герцог не только не размышлял над своими просчетами и поисками их причин, но в 1639 году продолжил свою политику влияния и наблюдения. Его заботами мадам де Отфор была заменена — и каким достойным собеседником! — «романтическим героем», юным маркизом де Сен-Маром, будущим заговорщиком «с лицом девушки и душой бретера» (Пьер Гаскар), печальным персонажем, соблазвившим Людовика XIII, но не сумевшим погубить Ришелье и Францию.

ГАСТОН И ЕГО «ГАСТОНАДЫ»

Месье Орлеанский всегда был достаточно добр и умен.

Таллеман де Рео

Месье герцог Орлеанский имел, за исключением храбрости, все, что было необходимо порядочному человеку.

Кардинал де Рец

Я, помнится, слышал, что трусость — мать жестокости.

Монтень

Если и был во времена министерства Ришелье персонаж, всегда присутствовавший на переднем плане событий или за их кулисами, то это Гастон Французский (1608–1660), герцог Анжуйский, затем Орлеанский, младший брат Людовика XIII. Он являлся прямым наследником трона вплоть до рождения будущего Людовика XIV в сентябре 1638 года — положение блестящее, но в реальности неудобное и опасное, подвергавшее его всякого рода искушениям, а его нерешительный характер едва ли мог подготовить его к господству. В царствование Генриха III его брат Франсуа, герцог Алансонский, оказался в подобном же положении, но его история не стала поучительной.

Вначале Гастон казался более способным, чем его брат. Он получил «заботливое и весьма религиозное воспитание» (Р. Пиллорже), и его гувернер д'Орнано, сын маршала и сам в будущем маршал, являлся очень достойным человеком. Месье открыто предпочитал его своей матери Марии Медичи, и этот факт не замедлил сказаться на политической истории правления. То, что он был так близок к наследованию королевской власти, повлекло за собой еще более важные последствия. Гастон два раза появился в Ла-Рошели — один раз в 1627 году, второй — в 1628-м, но ни король, ни кардинал не собирались доверить главное командование принцу столь юному и «наиболее легкомысленному из всех людей» (Шале).

Почитатели Месье уверяли, что король «не хотел делиться лаврами» с братом. Зато Гастон был окружен ореолом наследника престола. Воспользовавшись этим, он с 1626 года окружает себя друзьями, истинными или ложными, почитателями искренними или фальшивыми, прихлебателями и сотрапезниками (вскоре он заводит себе большой княжеский дом). Вокруг герцога Орлеанского можно встретить самых разнообразных персонажей: неумную герцогиню де Шеврез, президента Ле Куанье, месье дю Фаржи, герцога де Бельгарда, будущего герцога де Пюилорана, — короче, всех врагов Ришелье.

Некоторые из них компрометируют Месье. Таков случай графа де Монтрезора, его злого гения. Таков и Бурдейль, племянник знаменитого Брантома. При помощи своего кузена Сент-Ибара (Перюсса де Кара), он организует покушение на кардинала-министра. Граф д'Обижу и виконт де Фонтрейль д'Астарак, «знаменитые безумной отвагой и распущенностью своих нравов» (Арлетт Жуана), числятся среди самых мятежных приверженцев Месье и ярых врагов Ришелье. Очевидно, Гастон Французский их слушает, одобряет (за исключением тех случаев, когда они слишком открыто говорят об убийстве их светлейшего врага) и поддерживает *volens nolens* [\[72\]](#).

Окруженный этими людьми, брат Его Величества часто терял всякую связь с реальностью и забывал свои обязанности. Он был и всегда оставался «оплотом недовольных» (А. Жуана). Началось это в 1626 году — принцу только исполнилось восемнадцать — в год его вынужденной женитьбы на Марии де Бурбон-Монпансье.

Этого брака хотела королева-мать. Герцогиня де Монпансье королевской крови; она самая богатая наследница королевства; брак помешает Гастону вступить в какой-нибудь мезальянс; у Людовика XIII нет наследника, настало время обеспечить будущее королевского престола. Тут же образуется партия «противников брака» Месье (она потянет за собой цепочку злосчастий: арест и смерть маршала д'Орнано, казнь графа де Шале и т. д), вдохновляемая герцогиней де Шеврез, подругой Анны Австрийской. Месье слишком молод. Пусть он остается холостяком. Если король умрет, Гастон наследует ему и женится на своей невестке. Этот прекрасный план содержит, как минимум, два пробела: 1) как объяснить смерть монарха (болезнью или убийством?), 2) пожелает ли королева выйти замуж за своего деверя, этого юношу, которого отец Кондрен считал «вспыльчивым и разнузданным»? Ответ на последний вопрос известен: позднее королева сказала Людовику XIII, что в этом случае «для нее едва ли что-нибудь бы изменилось»!

Поскольку ни один принц не может жениться без согласия короля, план женитьбы Месье представлен Людовику. Как и всегда в подобных случаях, монарх советуется со своим главным министром. Последний отвечает «Рассуждениями по поводу брака Месье», полными тех колебаний и ложных противопоставлений, которые понятны в полной мере лишь богословам. В середине текста, «длинного, запутанного, туманного» (Р. Муснье), кардинал находит способ донести до короля гипотезу о повторном браке королевы, его жены, с Гастоном. Тогда король без колебаний приветствует брак с Монпансье. Во всем этом деле — очень сложном, которое нам пришлось упростить, — Гастон, брат короля, участвует «как заложник, которым манипулируют оба лагеря». Отныне, в случае необходимости или по своему желанию, он будет заложником добровольным.

В 1630 году он окажется — это никого не удивило и не будет удивлять — в числе жертв «Дня одураченных». В тот же год в Эксе народное восстание провозгласит, что оно «связано с Гастоном», так что бедный Гастон часто оказывается «бунтовщиком вопреки самому себе». 30 января Месье покидает двор и удаляется в Орлеан, свой удел. В марте 1631 года он уезжает из Франции в Лотарингию. 30 марта королевское заявление осуждает его поведение. 28 апреля он прибывает в Нанси, радушно принятый герцогом Лотарингским. 30 мая он поспешно публикует «Манифест», открыто враждебный Ришелье, которого он ненавидел с самого начала. Наконец, 15 августа герцог Орлеанский воссоединяется с королевой-матерью в Бельгии.

Овдовев спустя десять месяцев после первого брака и отказавшись в 1629 году от женитьбы на Марии Гонзага, Гастон решает скрепить свою независимость, женившись тайно в Нанси на сестре герцога Лотарингии Маргарите де Водемон (3 января 1632 г.). Папа и кое-кто из католиков сочтут этот союз законным; что будут оспаривать король, кардинал, парламент и ассамблея духовенства. 5 апреля декларация Людовика XIII обвинит пособников Месье и королевы-матери в оскорблении Его Величества. Действительно, в это время Гастон Французский отправился в Лангедок на встречу с герцогом де Монморанси, имея в планах взбудоражить королевство и изгнать кардинала. Результаты не замедлили себя ждать. Вскоре Месье приходится расстаться со своими сторонниками. 29 сентября 1632 года он примиряется с братом, а 30 октября позволяет казнить Монморанси, свою «правую руку». Кое-где в королевстве начинают считать, что Месье бросает своих приверженцев или по крайней мере приносит им несчастье.

Однако потребуется два года, прежде чем Людовик XIII простит своего брата. Это событие будет отмечено королевским заявлением от 16 января 1634 года. Что не помешает Месье заключить 12 мая договор с Испанией (и не в последний раз). Но, несмотря на упорный «диалог глухих», Людовик XIII, столь суровый, когда он того желает, и столь же терпимый к своему младшему брату, подписывает в октябре того же самого 1634 года успокаивающую декларацию: Гастон Французский может вернуться во Францию, но не ко двору, а в свой домен в Блуа. 8 октября брат короля покидает Бельгию.

Возможно, он мог бы наслаждаться вновь обретенным миром (между 1635 и 1638 гг. Франсуа Мансар под его руководством перестраивает замок Блуа), но амьенские заговорщики в середине октября 1636 года подготовили — по их словам, с его благословения — убийство Его Высокопреосвященства. Они не убили своего врага только потому, что, как они сказали, Месье Орлеанский испытал запоздалое раскаяние. В 1638 году королева производит на свет дофина (5 сентября), а затем второго сына (Филиппа Французского, 21 сентября 1640 г.). Заговоры утрачивают свой предлог — династическую необходимость. Месье пора бы это понять, но ничего не меняется. Ему не хватает ума или авторитета; во всяком случае, он не способен удержать своих сторонников. Как бы случайно он принимает участие в попытке захвата власти графом де Суассоном в 1641 году — на самом деле метившего в кардинала. Смерть графа, следующая за капитуляцией его союзника герцога Бульонского, не приносит ему ничего хорошего.

Но самая странная (и наименее простительная) «гастонада» — это его главная, решающая, бесполезная, абсурдная и бесчестная роль в заговоре Сен-Мара в 1642 году. В который уже раз Гастон Французский предаёт своих союзников, в который раз он открывает все их тайны, в который раз позволяет их казнить без видимого сожаления. И напрасно его сравнивают с королями династии Валуа: Валуа были более рыцарственными и, следовательно, более гуманными и христианскими, чем Месье Орлеанский, сегодня практически реабилитированный. Был даже придуман якобы оправдывающий его поступки некий «долг бунтаря», подлинность и ясность которого остаются весьма сомнительными. Была даже подготовлена доктрина, программа, либеральная для XX века, но не для XVII, и, увы, анахроничная. Быстро позабылось, что Гармодий и Аристокитон, Жак Клеман, Равальяк и Дамьен^[73] были или будут названы либералами; позабылось, что Фенелон и Сен-Симон, желчные критики Людовика XIV, были еще более авторитарны, чем объект их критики. Чем

больше изображают Гастона Французского добрым, любезным, тонким, воспитанным и либеральным человеком, тем больше его лишают смягчающих вину обстоятельств, которые могли бы извинить многие его преступления, опрометчивые шаги и предательства. За триста лет, увы, не нашлось ни одного слова, способного изменить портрет Месье, нарисованный де Рецем: «Месье герцог Орлеанский имел, за исключением храбрости, все, что необходимо честному человеку; но поскольку он не имел ничего из того, что могло отличить в нем великого человека, он не находил в себе самом ничего, что могло извинить, или возместить, или хотя бы поддержать его слабость. Поскольку она царила в его сердце благодаря страху, а в его уме благодаря нерешительности, она запятнала всю его жизнь».

ДЕЛО БУТВИЛЯ

Дуэль является вершиной моды.

Лабрюйер

*Сложно найти надежное средство, чтобы
остановить эту страсть.*

Ришелье. Политическое завещание

Знаменитая дуэль 12 мая 1627 года является одним из символических образов министерства Ришелье. Она в некотором роде обессмертила графа Франсуа де Бутвиля, арестованного на пути в Лотарингию и казненного 22 июня. Мрачная легенда возлагает вину за случившееся на Ришелье. В «Большом Ляруссе» ясно сказано: «Кардинал потребовал его казни» — совершенно бездоказательное обвинение.

Дуэль, странное истолкование чести и долга чести, была распространена среди французского дворянства с середины XVI до середины XVII века, а пик ее пришелся приблизительно на 1598 год. За двадцать лет, с 1588 по 1608 год, более 7000 дворян пали на дуэли. Церковь приравнивала дуэль к убийству, а государство издавало санкционирующие ее указы (в 1602, 1610, 1613, 1614, 1617, 1623 годах). В феврале 1626 года официальный эдикт выразил королевскую волю о сокращении подобных сражений, слишком часто ведущих к смертельному исходу (надо сказать, что с 1621 года количество дуэлей постоянно возрастало). С момента выхода эдикта дуэль больше не являлась проступком, а стала преступлением и оскорблением Его Величества. Следовательно, драться на дуэли в 1627 году на самой красивой площади столицы являлось откровенным вызовом власти. Король не собирался больше терпеть подобное.

Месье де Бутвиль не был заштатным дворянином. Он принадлежал к дому Монморанси, то есть к самой старинной и самой славной знати, давшей Франции множество коннетаблей и маршалов (в этом роду был даже один святой — Тибо де Марли). Добавим, что Монморанси были в родстве с Капетингами. Однако это лишь усугубило вину закоренелого дуэлиста.

Франсуа де Монморанси-Бутвиль, которому было всего двадцать

восемь лет, уже насчитывал в своем активе двадцать две дуэли. Это был опасный рецидивист, хотя некоторые предпочитали называть его «образом беспокойной юности» (Ж.-Ф. Сольнон). Охраняемый своим именем и блестящей репутацией, он до этого момента ни разу не арестовывался и не предстал перед судом. Его последнее осуждение прошло заочно; ему пришлось бежать в Бельгию, без труда добившись покровительства инфанты Изабеллы, правительницы Нидерландов. Изабелла вымолила для него прощение у Людовика XIII, и Бутвиль надеялся получить от него также отмену судимости. Но король согласился лишь на частичное прощение: виновный мог вернуться во Францию, но ему запрещалось появляться при дворе и в городе. Пренебрегши запретом и вызвав своего соперника графа де Бёврона-Аркура на Королевскую площадь, Бутвиль превратил свой поступок в оскорбление Его Величества.

12 мая 1627 года, в день дуэли, был канун Вознесения. Этот факт еще больше рассердил такого набожного монарха, каким являлся Людовик XIII, тем более что дуэлянт уже и ранее осквернял убийствами «святые дни».

И самое главное: дуэль 12 мая была смертельной. Граф де Капель, кузен и секундант Бутвиля, с легкостью убил Бюсси д'Амбуаза, секунданта графа де Бёврона. Оставшимся в живых не оставалось ничего другого, как спасаться от королевского правосудия. Бёврон отправился в Италию (он был убит испанцами в 1628 году); Бутвиль и Капель выбрали дорогу в Лотарингию. Слишком доверяя своей невероятной фортуне, Бутвиль решил сделать остановку. Двоюродные братья были арестованы в Витриле-Франсуа и препровождены в Париж с весьма многочисленным эскортом. Луи де Понти, восхищавшийся Бутвилем, а теперь жалевший его, шепнул ему на ухо: «Месье, если можете спастись, то не бойтесь это сделать».

Делом Бутвиля была захвачена вся Франция. При дворе, в городе, среди военных, чиновников и народа многие надеялись на мягкое наказание или помилование. Но парламент был безжалостен. Капель и Бутвиль могли рассчитывать только на королевское помилование. Красноречивыми просителями о таком помиловании выступили Месье, брат Его Величества, Конде, первый принц крови, и герцог де Монморанси, знаменитый кузен осужденных.

Ришелье был в этом деле консультантом. Как обычно, он составил точную, ясную и логичную докладную записку, перечислив аргументы за помилование и аргументы против него. Будучи священником, он обязан был осуждать дуэль, но его отец некогда участвовал в дуэли, за что был на некоторое время отправлен в ссылку. Как дворянин, Ришелье старался прощать слишком неосторожных, но храбрых дуэлянтов; тем не менее его

старший брат в 1619 году погиб от неосторожного удара шпаги. Как политик, он знал о связи между Монморанси, графом де Бутвилем и Месье и партией испанофилов. Исходя из всего этого, он, похоже, склонялся в сторону сурового приговора. Следствием чего явилось его жесткое заключение: «Речь идет либо о прекращении дуэлей, либо об отмене эдиктов Его Величества». Его Величество сделал свой выбор.

Понти, случайно и косвенно вмешавшийся в это дело, Понти, в чьих «Мемуарах» кардинал-министр изображен не самым положительным образом, был бы счастлив изобличить этого прелата. Однако в данном случае он указывает на другого виновного. По его мнению, именно король и только король приговорил осужденного к смертной казни. Забывая — и в этом его недочет — первостепенный факт об оскорблении Его Величества, мемуарист, таким образом, резюмирует наказание Бутвиля: «Король пожелал сделать из него пример, особенно из-за святых дней, которые тот осквернил столь кровавыми поединками. Не смягченный мольбами первых лиц королевства, он с помощью проявленной в данном деле суровости показал всей знати, что ей следует сохранять свою храбрость и гордость для служения ему и интересам его государства»^[74].

Отказ в помиловании потряс двор и армию. Через год после заговора Шале и казни д'Орнано это было расценено как предостережение, адресованное знати. Нельзя сказать, что после этого число дуэлей сильно сократилось. В 1631, 1632 и 1633 годах число смертельных исходов на дуэлях даже возросло. В марте 1634 года последовал новый эдикт о запрещении дуэлей, столь же бесполезный, как и эдикт 1626 года. Королевская суровость помогла мало, однако провокаций в духе бедняги Бутвиля старались избегать. Дрались повсюду, даже в рвах Лувра. В 1643 году мадам де Мотвиль описала дуэль, состоявшуюся на Королевской площади между Морисом де Колиньи и Генрихом Лотарингским, герцогом де Гизом, и спокойно прибавила: «Этот бой принес много славы герцогу де Гизу».

ХОЗЯИН МОРЕЙ

Когда кардинал взял на себя ответственность за море, торговля была почти полностью разрушена, а у короля не было ни одного корабля.

Пометка к «Политическому завещанию»

Сила армии не только в том, что король силен на суше, но также в том, что он силен на море.

Ришелье. Политическое завещание

В октябре 1626 года Людовик XIII создает, благоволя своему главному министру, абсолютно новую должность: «гроссмейстера, начальника и сюринтенданта морского и торгового флота Франции», хотя тремя месяцами ранее другим королевским приказом он упразднил престижную должность адмирала Франции. Это было не просто переименование титула, тешащего тщеславие (адмирал числился среди важнейших придворных должностей), но настоящая революция, сравнимая с открытием Коперника. Ранее адмирал мог ничего не знать о морских делах: таков случай Колиньи († 1572), к тому же он не имел власти над побережьем от Соммы до Леринских островов и по-настоящему не занимался ни управлением, ни политикой, ни стратегией. В случае с Ришелье совсем другое дело: если он получил от своего господина подобные полномочия, то исключительно потому, что сумел доказать ему «важность власти на море и, следовательно, необходимость морского флота» (Этьен Тайлемит). Страны с гораздо меньшим населением, чем Франция, — Голландия, Англия, — имели многочисленные эскадры. Испания с помощью своих галер господствовала на Средиземном море, ее галионы с легкостью пересекали Атлантику, вывозя драгоценные металлы из Америки. Даже Дания и Швеция насчитывали в своем военном флоте больше кораблей, чем Франция. В 1625 году Монморанси не смог одержать верх над гугенотским флотом Ла-Рошели без помощи кораблей, закупленных в Голландии. Как защищать бесконечные морские границы королевства без флота, военных портов, береговой охраны? Король не был дураком, а кардинал, вероятно, превосходно умел убеждать. Постоянная опасность со стороны протестантов Ла-Рошели, приход к власти в Англии Карла I (1625),

стремившегося к власти на море, недоверие Франции к Испании, ненадежному союзнику и вечному антагонисту, были лучшими аргументами в выступлениях кардинала. К тому же еще герцог Монморанси, адмирал, отставленный к выгоде Его Высокопреосвященства, начал понимать недостатки морской политики Франции, угрожающие ей опасностью. Ришелье будет продолжать и совершенствовать реформы, предложенные Монморанси; таковы парадоксы истории. Но в данном случае не столько парадоксально, сколько несомненно: 1) рекомендации Монморанси были внимательно выслушаны его преемником; 2) Ришелье объединил в себе два ценных качества: ум и прагматизм, редко встречающиеся вместе.

Адмирал Франции имел власть только в Пикардии, Нормандии и Гиени, но, перекупив должность у герцога де Монморанси в 1626 году, новый гротмейстер с полного согласия короля стал больше чем адмиралом. Под его началом оказалось управление портами (Гавром в 1626 году, Бруажем в 1627 году и т. д.). Затем он взял на себя управление береговыми островами, имевшими стратегическое значение (Ре и Олерон). Управление Бретанью с Брестом сделало его^[75] адмиралом Бретани. Между 1629 и 1635 годами кардинал пополнил свою морскую коллекцию адмиральством Прованса, где находились порты Леванта, Марсель, стоянка корпуса галер, и Тулон — порт скромный, но с большим будущим.

В 1635 году, в очередной раз с согласия Людовика XIII, Его Высокопреосвященство приказал Пьеру де Гонди уступить должность начальника каторжных работ Франции маркизу де Пон-Курле (Франсуа де Виньеро), своему племяннику. Несмотря на свою невероятную работоспособность и совмещение должностей, кардинал, став настоящим «морским хозяином», был вынужден переуступить свою власть. У него были затруднения лишь с выбором Разильи и Сегирана; но свою семью он использовать не боялся. Командор Амадор де Ла Порт, будущий великий приор Мальтийского ордена, дядя Ришелье по материнской линии, был его незаменимым, деятельным и компетентным помощником. Комендант Гавра в 1626 году, построивший по приказанию Ришелье в 1628 году крепость, дядя Амадор командовал одним из трех портов запада (двумя другими были Брест и Бруаж).

Кардинал вписал в свое «Политическое завещание» такую амбициозную фразу: «Похоже, что природа пожелала сделать Францию морской империей, выгодно разместив два ее побережья, обеспеченных превосходными портами на океане и Средиземном море». Это мнение оптимиста. Кольберу придется перестать пользоваться Гавром, заменить

занесенный илом Бруаж Рошфором, и серьезно перестроить Брест, что Ришелье мог бы сделать уже давно. При этом Кольбер не слишком радовался наличию двух побережий — по его мнению, Его Высокопреосвященство забыл, что эта двойная выгода является одновременно досадной помехой. Вместо того чтобы сожалеть о том, что Испания в силу своего географического расположения разделяет Средиземное море и Атлантический океан и, следовательно, два французских флота, он переворачивает проблему с ног на голову и смело заявляет: Провидение «пожелало, чтобы Франция своим положением разделила испанские государства^[76], дабы их таким образом ослабить» («Политическое завещание»).

События в Ла-Рошели не способствуют тому, чтобы у кардинала-министра сложилось высокое мнение о британских адмиралах и кораблях. Голландия, несмотря на протестантизм, связана с Людовиком XIII. Чтобы понять морскую стратегию Его Высокопреосвященства, нам следует избегать любых анахронизмов. Во Франции эпохи барокко, в противоположность эпохе Людовика XIV и Кольбера, не считалась врагом будущая коалиция Англии и Нидерландов. Морским противником была Испания, Испания Филиппа IV и графа-герцога Оливареса. Именно против нее, как уверял Ришелье короля, потребуется сорок галионов на западе и тридцать галер в Леванте^[77].

Должность гроссмейстера и сюринтенданта морского флота позволяла ее обладателю объединить адмиральства, то есть унифицировать военно-морской флот. Гроссмейстер являлся на флоте тем же, чем коннетабль и генерал инфантерии были для войск сухопутных. Но эта прекрасная и, бесспорно, прогрессивная реформа представляла лишь один из аспектов замысла кардинала. Поскольку до Кольбера и Сеньеле не существовало специального морского министерства, гроссмейстерство являлось первым настоящим морским департаментом. Более того, оно объединяло три функции: административную, судебную (в решении дел на местах) и стратегическую. С 1626 года кардинал, — имея еще неполное руководство, — демонстрировал свое намерение не оставить без внимания ни одну из этих областей. Его заслуги и деятельность примечательны, если вспомнить, что гроссмейстерство дало Ришелье, кроме всего прочего, полномочия будущего министра торгового флота и колоний^[78]

Когда кардинал вошел в Совет, у Франции было в Средиземном море только двенадцать плохо оснащенных галер, а на западе король располагал лишь базой преданных ему корсаров. Так, например, Абрахам Дюкен (отец

знаменитого адмирала), несмотря на то что был протестантом, передал Ришелье свою морскую артиллерию, чтобы сражаться с Ла-Рошелею. Пришлось кардиналу-министру, так торопившемуся создать океанский флот, сперва покупать военные корабли за границей — круглые «нао» в Голландии, галеры на Мальте. И, наконец, ему понадобились арсеналы, способные строить, вооружать корабли и возводить береговые укрепления.

Пусть не вводит читателя в заблуждение громкое слово «арсенал». «При Ришелье само понятие военного порта находится в зачаточном состоянии» (Жан Майер). Брест использовался как укрытие от штормов. Бруаж, противостоявший Ла-Рошели, также был «штормовым убежищем»: о том, что он заносится песком, забыли, когда начала возрастать осадка кораблей. Тем не менее требовались именно арсеналы, поскольку доки для постройки гражданских кораблей не всегда подходили для оснастки кораблей военных. Требовались строители морских кораблей — в основном прибывавшие из Голландии, — чтобы как можно быстрее построить на западе тот флот, о котором мечтали король и кардинал. Гавр и Бруаж были кладовыми и «сухими доками. Это были временные прибежища, а не арсеналы» (Ж. Майер). Кольбер будет вынужден предпочесть Брест и Рошфор, не забыв о Дюнкерке.

Когда Людовик XIII объявил войну Испании, его министр занимался морским флотом менее девяти лет. Его Величество, хотя и не имевший еще обещанных Ришелье пятидесяти круглых кораблей и тридцати галер, не отступил, приготовив к сражению, как пишет Мишель Верже-Франчески, «тридцать пять линейных кораблей, двенадцать кораблей поддержки, двадцать четыре галеры, три фрегата, десять брандеров, одну бригантину, четыре фелуки; тысячу пушек; 5500 матросов на западе, 9755 человек в Леванте». Это уже не случайность, а результат, ставший возможным благодаря усердию и компетенции командора Амадора де Ла Порты, «второго тайного советника кардинала» (М. Верже-Франчески) и одного из самых доверенных лиц Ришелье.

Кардинал создал гидрографические школы, стремясь поставить на ноги офицерский корпус — странное лоскутное одеяло из старых моряков, юных рыцарей Мальтийского ордена, корсаров — католиков и гугенотов, — и не слишком приспособленных к морской жизни полковников. Речь шла о получении из всего этого более или менее прочного сплава — пополнения экипажей. Именно здесь использовались идеи адмирала Анри де Монморанси, первый набросок «классового строя» Кольбера и современного «учета военнообязанных моряков». Наконец, Франция обязана Ришелье «некоторым числом статей, касающихся морского права»

(Э. Тайлемит), которые были внесены в кодекс Мишо (1629). Но самой заметной оказалась роль кардинала-министра в подготовке умелых военачальников для командования двумя королевскими флотами. Пон-Курле, племянник Его Высокопреосвященства, с пятнадцатью галерами взял верх над таким же количеством галер испанцев, встретившись с ними в Вадо, около Генуи, 1 сентября 1638 года. Сурди отобрал Леринские острова у Испании (1637), разбил флот Оливареса в Гветарии (2 августа 1638 г.), закрепил этот успех в 1639 и 1640 годах, а потом впал в немилость за то, что не смог взять Таррагону (сентябрь 1641 г.), и вернулся в свой диоцез в Бордо. Отставка столь блистательного военачальника, непревзойденного стратега и тактика — одна из крупных ошибок Ришелье. На смену Сурди пришел Майе-Брезе, племянник кардинала, талантливый моряк, который разгромил иберийский флот в Барселонской бухте (июнь-июль 1642 г.) и нанес двойной удар в бухте Карфагена 4 сентября 1643 года в знаменитом сражении, названном «морским Рокруа» — посмертной победе хозяина морей.

NAVIGARE NECESSE EST

Navigare necesse est (Плавать необходимо).

Девиз ганзейцев

Общеизвестно, что так же, как государства расширяют свои границы благодаря войне, они обычно обогащаются в мирное время благодаря торговле.

Ришелье. Политическое завещание

Едва заняв должность гроссмейстера, Его Высокопреосвященство, уже год вынашивавший «великий замысел», получив поддержку знатока, выступил на ассамблее нотаблей (2 декабря 1626 г. — 24 февраля 1627 г.). Знатока звали Исаак де Разильи (1578–1635); у кардинала вскоре появится повод восхититься его отвагой во время осады Ла-Рошели. Разильи, «мелкие дворяне из окрестностей Шинона, то есть соседи, вассалы и практически родственники дю Плесси» (Хаузер), прославились в длительных путешествиях, а в рассматриваемую нами эпоху — на королевском морском флоте. Франсуа де Разильи, старший брат Исаака, в 1612 году совершил путешествие в Бразилию; сам Исаак в 1632 году станет вице-королем Новой Франции; Клод де Разильи де Лоне, его внук, станет его преемником в Канаде.

Исаак являлся автором знаменитого текста, датированного 26 ноября 1626 года и озаглавленного «Докладная записка шевалье де Разильи господину светлейшему кардиналу де Ришелье, главе Королевского Совета и сюринтенданту торгового флота Франции». Произведение, скромно представленное как «рассуждения простого матроса», изобилует «страницами, в которых чувствуется дыхание открытого моря». Разильи никогда не пользовался казенным языком. Судите сами: «Те, кто правит государством, несерьезно относятся к навигации»; или: «Необходимо, чтобы король ежедневно публично говорил всем, что его любимцами станут те, кто умеет строить корабли». А вот великолепное высказывание, настоящая находка: «Всякий хозяин моря обладает большой властью на земле». Эта фраза будет преследовать кардинала, одолевать его, она повлияет на его «Политическое завещание»; она будет упомянута в знаменитом произведении адмирала Мэхэна «Влияние морской силы на

историю» (1890).

Близкое сотрудничество Разильи и Ришелье касалось почти исключительно сферы военно-морского флота. Но это была только часть целого, с тех пор, как морское гроссмейстерство перестало быть самоцелью. Да, это был элемент власти, величия и престижа — но также возможность торговли, средство основать в заморских странах колонии и, наконец, канал для христианизации этих стран. Все это в той или иной степени было упомянуто в записке Разильи. Что касается «христианизации», эта часть записки роднила Разильи с отцом Жозефом. Тем не менее речь шла не о богоугодном деле — в записке преобладали практицизм и национальная гордость, но это не смутило кардинала.

Французы, считал Разильи, должны отказаться от своих «старых химер»: идеала автаркии — постоянно опровергаемой окружающей страстью к наживе, — отказа от флота, тщеславного и бесплодного самодовольства. Король Испании, «с тех пор, как он вооружился на море, захватил столько королевств, что в его землях никогда не заходит солнце. Голландия, маленькая нация, имеет огромный флот. Мы же, чтобы противостоять Рогану и Субизу, должны призывать на помощь иностранные корабли даже из протестантских стран! Не менее важен флот для тех, кто ведет морскую торговлю, как на западе, так и в Леванте. Морские державы с гораздо меньшим населением, чем Франция, с выгодой для себя поддерживают торговые компании (основание английской Ост-Индской компании датируется 1600 годом; голландской — 1602 годом). В записке Разильи содержится „план создания королевских компаний“ по торговле и колонизации, десятилетний план, предлагающий „завоевать Эльдorado“» (Хаузер).

Ассамблея нотаблей позволит Ришелье изложить свое мнение «о великой разрухе во французской торговле», насущных проблемах морского флота, портов, строительных доков. «Великий план», морской и колониальный, «отказ от старых химер» Разильи превращается в королевские (то есть национальные) планы и проекты, новые и амбициозные. Возможно, и даже наверняка они послужили возникновению новых химер. Впрочем, часть их с началом открытой войны (1635) против Австрийского дома — самой деликатной части программы — была отставлена, или вернее отложена до времен Кольбера.

Крупные компании того времени отличались друг от друга. Голландская компания в Индии была исключительно торговой — по крайней мере поначалу. Английские компании, которые копировал Ришелье, имели двойную направленность: торговлю и колонизацию.

Голландцы и англичане обладали тройным превосходством: 1) их поддерживало государство; 2) частным лицам не приходилось долго упрашивать власть об активном содействии; 3) у этих наций существовала морская традиция, им было неведомо предубеждение против потери дворянства в связи с занятием торговлей. Иногда ошибочно говорят, что Ришелье отдавал прискорбное предпочтение государственным компаниям. Но это неверно, так же как поздние упреки Кольбера в плохо понятом «кольберизме». Если кардинал и поддерживал инициативу государства, то исключительно потому, что частные лица пребывали в нерешительности. Что касается вопроса о лишении дворянства, то не стоит заблуждаться — Ришелье боролся с этим предубеждением. В майской декларации 1628 года, основывающей кампанию Новой Франции из ста участников, мы читаем: «А в случае, когда среди числа поименованных компаньонов найдется кто-то незнатного происхождения, мы желаем и подразумеваем пожаловать дворянством до двенадцати поименованных участников...» Позднее кардинал ввел в кодекс Мишо (1629) статью, уточняющую, что морская торговля не ведет к потере дворянства. Но мнение о том, что торговлей могут заниматься лишь «плохие французы», еще долго будет преследовать французскую элиту; это будет ощущаться даже в 1756 году во время полемики по поводу «дворянина-коммерсанта».

Одним из первых последствий довольно эфемерного энтузиазма нотаблей явилось строительство военно-морского и торгового флота. Это было делом инспекторов побережий, посланных или рекомендованных гроссмейстером: Луи Леру д'Анфревиля, генерального комиссара морского флота, посетившего порты запада от Кале до Байонны, и президента де Сегирана, тщательно проинспектировавшего торговые города Леванта^[79].

В том, что касается компаний, следует отметить, что результаты, достигнутые Его Высокопреосвященством, оказались непропорционально малы в сравнении с планами их создателя. То кардинал настойчиво поощрял развитие новых компаний и их слияние (компании Морбиана и «ста участников» (1626 г.), ставшие компанией Новой Франции в 1628 г.). То он действовал беспорядочно и, можно сказать, во всех направлениях сразу. В 1626 году была создана компания Сен-Кристофа — ставшая в 1635 году компанией Американских островов. В марте 1628 года — Компания дальних плаваний. В 1642-м — Ост-Индская компания.

В Канаде компания Новой Франции удалась лишь наполовину. Неспособная сохранить Квебек — свой первый город, который она потеряла между 1629 и 1632 годами, несмотря на храбрость Шамплена, — она довольно точно исполнила два пункта своего устава (служить престижу

короля и обращать краснокожих), но нарушила технические требования — оказалась неспособной обеспечить намеченное заселение колонии, в основном интересуясь наживой от рыболовства и добычи пушнины. Торговый люд, так же как кандидаты в колонисты, предпочитал снегам Канады Карибский бассейн. Покинув Сен-Кристоф, французы Антильских островов устраивались в Гваделупе и Мартинике. Они были более многочисленными, чем их соседи из Акадии или Сен-Лорана. В 1641 году командор Пуанси, губернатор Подветренных островов, прибрал к рукам остров Тортуга, вотчину морских разбойников, ключ от Санто-Доминго — будущей французской колонии и житницы сахарного тростника. Африка была менее заселена, однако следует отметить появление в 1638 году первой французской фактории возле устья реки Сенегал, а в 1542 году — еще одной эфемерной фактории на Мадагаскаре.

Впрочем, начиная с развертывания «открытой» войны (1635 г.), великий замысел кардинала перестал воплощаться в жизнь. Вынужденные сражаться с войсками Австрийского дома (*tercios*, галионами и галерами Испании и имперцами Вены), Людовик XIII и его министр позабыли о земляпашцах Акадии, «невестах» Квебека, авантюристах Индийского океана. «Поистине, правитель не должен иметь забот, дум или сердечных устремлений превыше войны и военной дисциплины» (Макиавелли).

Стремясь к власти, хозяин морей Ришелье упустил благоприятный момент, возникший из-за демографической ситуации во Франции, и не смог основать в заморских колониях вице-королевства и французские провинции.

ОСАДА ЛА-РОШЕЛИ

Король решил в 1627 году лично отправиться осадить ЛаРошель, чтобы избавить от ереси самую большую крепость, которую он имел во Франции.

Луи де Понти

Низвергни их и истреби их семя, Исполни гневный приговор судьбы, Не слушая ни злобных поношений, Ни жалобной о милости мольбы.

Малерб

Осадная война играла важную роль в стратегии XVII века. В нескольких строках знаменитый Монтекуколи так описывает искусство осады городов: «Следует стать лагерем, окружить место, отрыть траншеи, сделать подкопы, поставить батареи, захватить прилегающую к стенам территорию, преодолеть контрэскарп, перейти ров с помощью скрытых проходов, заминировать стены, пробить брешь и пойти на приступ». Но эта схема мало напоминает знаменитую осаду Ла-Рошели, которая в национальной мифологии занимает место, сравнимое с драмой Алезии или, для юго-востока Франции, с сопротивлением Монсегюра. Множество элементов делают это историческое событие поистине уникальным. Каким образом окружить морской порт? Как помешать военному флоту Англии прийти на помощь осажденным? Как сломить «решение всего народа сопротивляться до смерти, чтобы защитить свою религиозную, политическую и экономическую независимость»? (Лилиан Крете).

На первый взгляд вся нация ополчилась против одного мятежного города. На деле это было противостояние законного государства, католического и королевского, и «государства кальвинистского», этого «государства в государстве», как называет его Ришелье в своем «Политическом завещании». А это значит, что цель выходила далеко за пределы «стремления к независимости ларошельцев». Ее размеры приобретали международный размах, поскольку Великобритания, Голландия и Испания играли здесь прямую или косвенную роль. Вся Европа от Лиссабона и Рима до Кракова, Женевы и Эдинбурга встала на ту или другую сторону. Дело станет столь важным и символическим, что в

конце драмы никто не сочтет смешными панегирики, прославляющие триумф короля Франции, «непобедимого Геркулеса», сокрушителя чудовищ и победителя королей.

Из «Политического завещания» мы можем вынести ошибочное мнение, что Ришелье благословил войну против гугенотов Франции. Королю не надо было дожидаться своего министра. Он начал войну против гугенотов с конца 1620 года, когда Ришелье был еще далек от власти; он воевал с протестантами Юга в 1621 и 1622 годах. И в первую очередь он воевал не против ереси, а против неповиновения, отсутствия гражданских чувств, бунта, постоянно возникающего в стране, активного и вызывающего.

Кардинала, который как бы пришел на смену своему государю, вынудили вступить в борьбу два фактора: открытое неповиновение Субиза и его брата Рогана и его вступление в новую и столь важную должность гроссмейстера торгового и военно-морского флота. Начиная с этого момента, ЛаРошель выходит на первый план кардинальских забот. Дело не только в том, что город и его жители представляли наиболее явную часть сопротивляющихся реформистов, а город становится местом сбора протестантских синодов. ЛаРошель также занимала одно из первых мест в новом административном домене главного министра. Это был второй или третий по величине порт во Франции, знаменитый как своими моряками и корсарами, так и своими укреплениями. Самые современные из его бастионов, «построенные по голландскому образцу», считались «лучшими в Европе» (А. д'Обинье). «Ни один город королевства не был укреплен лучше... Первая из новых куртин достигала 1600 туазов, то есть немногим более 3100 метров» (Л. Крете). ЛаРошель опиралась на свою неуязвимость, предприимчивый характер своих жителей и их безупречную храбрость; город обладал также древними и важными привилегиями.

ЛЮДОВИК XIII: 24 ГОДА ВОЙНЫ

Правление длилось 33 года. 9 лет прошло без войн, 24 года было посвящено войнам (не обязательно на протяжении целого года).

1614–1616 Первая война принцев

1619 Первая война матери и сына

1620 Вторая война принцев

Вторая война матери и сына

1621–1622 Первая (новая) Религиозная война

1624–1629 Экспедиция в Вальтеллину
Восстание крестьян
Вторая и третья (новые) Религиозные войны
Первая Итальянская кампания (*тайная война*)
1630 Вторая Итальянская кампания
1632 Восстание герцога Монморанси
1633 Людовик XIII оккупирует Лотарингию
1635–1643 Война против Австрийского дома

ЛаРошель имела эшевенгов, которых жаловали дворянством, начиная с 8 января 1373 года, с прерогативами, подтверждавшимися каждым новым королем. Она обладала правом свободной торговли даже в случае войны и даже с купцами вражеской стороны. Ни один король не мог войти в город, не поклявшись «на Евангелии... уважать местные свободы и права» (Л. Крете). Вероятно, подобные преимущества и традиции вскружили ларошельцам голову (пережитки былой гордыни можно видеть в городе до сих пор). Опираясь на эти явные признаки автономии, они понемногу склонялись к желанию или даже необходимости независимости. В то время как протестанты Монтобана, Нерака, По и Сен-Жан-д'Анжели считали себя принадлежащими к Франции, французы-ларошельцы, будучи практически республиканцами, фактически отвергали доктрину божественного права монарха и преданности королю его подданных, следуя в этом «Христианскому установлению» Кальвина. Они жили при республике, а возможно, при демократии.

Без этого напоминания история Ла-Рошели и ее великой осады остается непонятной. По сути, это было столкновение разных цивилизаций.

Битву при Ла-Рошели, точнее ее осаду, предвидели уже давно. В 1622 году, в конце предыдущей войны, Людовик XIII приказал построить в двух километрах к востоку от городских укреплений форт Луи и передал командование им полковнику Пьеру Арно по прозвищу Силач. Он пообещал впоследствии разрушить форт, но так и не сделал этого. Ларошельцы видели в этом форте угрозу и даже вызов своей независимости. С другой стороны, Роган и особенно его брат Субиз на протяжении всего 1625 года совершают немотивированные провокации. Субиз устраивает стычки в портах запада, Бретани, Медока и Ре. В 1626 году напряжение нарастает, и ларошельцы призывают Карла I и его фаворита Бэкингема спасти их свободу и сохранить их привилегии. Король приказывает усилить защиту Марана, Бруажа (его губернатором 4 февраля 1627 года станет Ришелье), (Элерона и, наконец, Ре, губернатором которого стал Туара, уже являвшийся губернатором форта Луи. В феврале 1626 года

Ришелье отправляет подкрепление в Они. Назначение кардинала-министра на должность гроссмейстера морского флота в октябре следующего года сильно беспокоит англичан — и короля, и герцога Бэкингема. С весны 1627 года «Англия и Франция на грани разрыва. От войны холодной они переходят к войне ограниченной» (Л. Крете). В августе ларошельцы замечают, что на подступах к форту Луи началось строительство небольших укреплений, и расценивают это как переход к открытым военным действиям. Считая себя атакованными, 20 сентября они стреляют по форту тремя ядрами. Они тут же требуют у Бэкингема 2000 солдат, но получают только 450. С октября они активизируют корсарскую войну — море еще свободно, а каперство всегда было их «фирменным блюдом». Это приводит к осаде Ла-Рошели, которая продлится около тринадцати месяцев (20 сентября 1627 г. — 28 октября 1628 г.) — осаде тяжелой, жестокой и парадоксальной.

Почему парадоксальной? Потому что, хотя осажденные называли себя верными подданными Его Величества (правда, при условии сохранения их древних привилегий), они — хотя это и отрицали — с самого начала вступили в соглашение с иностранной державой. И потому что Бэкингом, великий адмирал, очаровательный, энергичный и тщеславный, не имел ни одного качества гроссмейстера морского флота Франции. Он хотел командовать лично — по крайней мере в 1627 году, — в то время как Ришелье умел, когда это было необходимо, передавать полномочия другим. Он ничего не смыслил в генеральной стратегии, что являлось одним из плюсов кардинала. Он презирал материально-техническое обеспечение, постоянный предмет заботы Ришелье. Результатом стал плачевный финал отправившейся на помощь экспедиции под его руководством — донельзя плохим. По чему Бэкингом не поставил свой флот на якорь лицом к континентальным побережьям Они, не обстрелял из пушек форт Луи и прилегающие к нему территории, а вместо этого сконцентрировался на острове Ре, население которого едва ли когда-нибудь благосклонно относилось к гугенотам, его союзникам? Неизвестно. Единственное, что известно о Бэкингеме, — он искал успеха, славы или утоления своего тщеславия. Судьба ларошельцев его не трогала.

20 июля 1627 года великий адмирал герцог Бэкингом во главе своего флота атакует остров Ре, морской бастион Ла-Рошели; 22 июля из-за численного перевеса англичан, несмотря на все свое мужество, Туара вынужден отступить в форт Сен-Мартен, который решил не сдавать ни в коем случае. Его умелая и героическая оборона признана — даже Ришелье, который его недолюбливал, — большим подвигом. Очень кстати в ночь с 7

на 8 октября он получает подкрепление в солдатах и припасах, выдержав 6 ноября жестокий приступ англичан, и имеет удовольствие наблюдать, как снялся с якоря и уплыл несолоно хлебавши весь флот противника.

В это время вокруг Ла-Рошели организуется осада. Король и кардинал становятся главнокомандующими. Шомбер стоит во главе одного полка; герцог Ангулемский и Бассомпьер оспаривают и делят второй полк^[80]. Каждый полк должен создать длинную линию обложения^[81] и заняться множеством дел: следует выполнять строевые упражнения, платить солдатам, следить за ними, не давать им дезертировать. А денег не хватает, поскольку кардинал должен не только найти средства на оплату войскам, но и снабдить их зимней одеждой и головными уборами на случай плохой погоды. Прежде чем наземное окружение будет полностью завершено, проходят недели и месяцы. Тем не менее ларошельцы пока еще могут прокормить себя благодаря небольшим портовым суденышкам: плоскодонкам, баркасам, шлюпкам; они могут также питаться рыбой, приносимой приливом. Вот почему Ришелье очень быстро понимает, что осажденным следует отрезать выход в океан. Не случайно он привез с собой итальянского изобретателя Помпео Таргона, неистощимого выдумщика, гибрид Косинуса и Трифона Турнесоля^[82]

Первое же предложение Помпео оказывается весьма неглупым: оно заключается в постройке небольших деревянных оборонительных башен — числом тринадцать — для наблюдения и расстановки вех вдоль длинной линии обложения. За этим как из рога изобилия сыпятся новые идеи. Это не только «хитроумные и превосходные машины», обладающие «ужасающим» действием. Самую полезную из них испытывает лично кардинал. Таргон после пяти месяцев работ решает попробовать целиком перегородить вход в порт «посредством больших эстакад из цепей, поддерживаемых трубами и бочками, а также понтонов и плавающих батарей» (Л. Крете). Но в конце ноября, развеянная штормом и продырявленная ядрами ларошельцев, великолепная эстакада разваливается. Ришелье и его помощники начинают сомневаться в гении сеньора Таргона.

В счастливый для себя момент кардинал призывает своего протеже, архитектора Клемана Метезо, который начинает «монументальное творение», знаменитую плотину из камней протяженностью 1400 метров (при ширине бухты 1600 метров), которая, похоже, одна способна преградить доступ в порт, не мешая приливам и отливам. Подрядчиком назначен Жан Тирио. Основание плотины «имело около 16 метров высоты,

а главная часть, которая должна была превышать самый высокий прилив, достигала 8 метров». Первый камень был заложен 30 ноября 1627 года. Кардинал-министр верил в эффективность плотины и оказался прав, хотя работы заняли четыре месяца. К счастью для французов, англичане не торопятся на второй приступ. А Оливарес — временный союзник Франции — тем более не торопится протянуть руку помощи своему сопернику.

Сближение с Мадридом проходит в два этапа. 5 марта 1626 года заключен договор в Монзоне, который не устраивает Ришелье, но радует Берюля, Марильяка и королеву-мать и кладет конец франко-испанским спорам по поводу Вальтеллины. 20 апреля 1627 года, в то время как портятся франко-британские отношения, заключен франко-испанский договор с намерением помешать Англии. Ришелье, конечно, не ждет от него ничего особенного, разве что возможности сорвать соглашение Англии и Испании, которые вместе могли бы составить весьма сильную морскую коалицию — самую сильную в мире, далеко превосходящую Голландию, Данию и Францию.

Так или иначе, плотина построена. Ночная попытка ларошельцев разрушить ее (22–23 января) проваливается. Маркиз Спинола будет восторгаться этим сооружением во время недолгого визита испанской эскадры — равнодушной, надменной, грозной, приплывшей в конце января под фальшивым предлогом дружеского договора 1627 года. Дон Федерико Толедский, адмирал эскадры, воспользовавшись протокольной неясностью, встанет на якорь, чем сильно беспокоит Людовика XIII, но несколько не удивит его верного министра. Он никогда не рассчитывал на помощь своих соседей — даже католиков, — чтобы справиться с гугенотами Ла-Рошели.

КАПИТУЛЯЦИЯ ЛА-РОШЕЛИ

Оба они любили войну; но Людовик XIII был королем-солдатом, а Ришелье — стратегом и тактиком.

Жан-Франсуа Солнон

Эти впечатляющие бастионы, заслонявшие от нас небо, некогда возведенные на крови и слезах наших отцов... не угрожают более нашей свободе.

Ге де Бальзак

Начиная с 10 февраля 1628 года Его Высокопреосвященство занимается осадой в одиночестве. До этого, когда он совмещал свои многочисленные основные обязанности (морскую стратегию в масштабах всего королевства, изнуряющий поиск ресурсов для финансирования операций, материально-техническое обеспечение войска в Ла-Рошели и работы по ее окружению на суше и море) с осторожным участием в верховном командовании, король никогда не вмешивался в дела своего министра. Теперь же — по крайней мере вплоть до мая-апреля, когда Людовик XIII вернется к войскам, — Ришелье становится полновластным хозяином, именуемым в королевском приказе «генерал-лейтенантом войск Пуату, Сентонжа, Они и Ангума». Это и ответственность за окружение Ла-Рошели, продолжающееся уже пять месяцев, и заботы по предотвращению склок между маршалами, а также распущенности младших офицеров и всего войска. Зато его больше ничто не сдерживает в желании побыстрее покончить с этими упрямыми бунтовщиками, некая харизма позволяет ему позабыть на время об отсутствии короля. Это счастье для него, так как дела здесь идут совсем непросто, о чем свидетельствует дуэль Ля Кутансьера. Те, кто помнит неправдоподобный эпизод с бастионом Сен-Жерве из «Трех мушкетеров», вскоре поймут, что Дюма ввел их в заблуждение.

3 марта 1628 года (то есть спустя два года после сурового эдикта, запрещавшего дуэли, или менее чем через год после казни Монморанси-Бутвиля) в «поединке» (Лириан Крете) на полдороги между линиями французов и стенами осажденной стороны сходятся в гражданском платье

два дворянина из лагерей противников, Шарль де Ла Мейлере и Жонас де Ля Кутансьер. Встреча проходит во время короткого перемирия: обе стороны затаив дыхание следят за поединком. Именно Ла Мейлере, племянник командора де Ла Порта, двоюродный брат Ришелье, комендант одного из фортов королевской армии, послал Кутансьеру вызов в письменной форме, переданный трубачом королевской кавалерии. Его противник, вызванный подобным образом — «призванный», как тогда говорили, — пуатевинский дворянин-протестант Жонас де Безе де Ля Кутансьер, служит в ла-рошельской армии. Как предписывает вызов, они прибывают верхом, в камзолах, каждый вооружен шпагой и парой пистолетов. Пока их не прервала стража, у них есть время обменяться пистолетными выстрелами: Ла Мейлере ранен; его противник триумфально возвращается в город под приветственные крики своих братьев по оружию. Кардинал вынужден исполнить свой долг. Если бы здесь был король, Ла Мейлере, возможно, поплатился бы за свой вызов жизнью; но, будучи кузеном всемогущего кардинала, он пощажен и изгнан из армии на три месяца.

Ришелье понимает, что мораль моряков и особенно солдат подорвана. Осада чересчур затянулась и проходит слишком спокойно. Множатся мелкие и крупные нарушения. Кардинал требует усилить дисциплину, заставляет следить за кабаками, вводит в девять часов вечера комендантский час, укрепляет ряды военных священников.

Если дело и сдвинулось, то потому, что ларошельцы не только страдают от жестоких ограничений — вскоре им придется есть крыс, мышей, слизняков, траву, — но и пользуются проникновением в крепость смельчаков, пробирающихся тайными наземными и морскими путями. Кардинал знает о фанатичном упрямстве ларошельцев. Он знает, что город сдастся, если только найдется средство туда проникнуть, либо с помощью мины, либо взорвав ворота; или же если последние оставшиеся в живых жители (а умерших к этому времени уже много) не смогут больше держать оружие.

Ночью 11 марта экспедиция, возглавляемая будущим маршалом Марильяком и лично кардиналом, подбирается к воротам Мобек, считающимся самыми уязвимыми. Но она терпит неудачу: так и не подошли подрывники, заблудившиеся в болотах. На следующий день Шомбер не может взять ларошельский форт Тасдон. Эти две попытки показывают главнокомандующему, что все отныне держится на завершении его знаменитой плотины и ее способности закрыть доступ англичанам — они могут вернуться — и самим ларошельцам. В рапорте, посланном

королю 6 марта, главный министр сообщает о вражеской шлюпке, вышедшей из Ла-Рошели в «полной темноте» и «попутном ветре», обманув «охрану галер и шлюпок». Он сообщает также, что часть кораблей, использовавшихся, чтобы перекрыть канал, погрузилась в ил. Пришлось исправлять положение, удвоив их число «кораблями, плавающими поверх утонувших кораблей... Это будет верное средство, что ничто не проникнет с моря в ЛаРошель». Впрочем, шторм, разрушивший творение инженера Таргона, не повредил простой и грубой плотине системы Метезо и Тирио. Вплоть до возвращения короля (17 апреля) Ришелье активно пользуется своим генеральским патентом. «Это был его первый опыт, — писал Вольтер, — он показал, что решительность и гений слиты в нем в одно; он также строго поддерживал дисциплину в войсках, как в свое время порядок в Париже, хотя и то, и другое было одинаково трудно». Когда возвращается Людовик XIII, кардинал-министр продолжает играть главенствующую роль в восстановившемся дуэте командования королевскими силами.

Тем не менее весной происходят два новых важных события. 30 апреля мэром осажденного города становится Жан Гитон, неукротимый ларошельский моряк, символ сопротивления любой ценой. С 11 по 19 мая английский флот под командованием лорда Денби, шурина герцога Бэкингема, нагруженный продовольствием для Ла-Рошели и не боящийся молодого французского флота, отказывается от попытки силой разрушить плотину, хотя и все еще незавершенную. «Английский генерал, встав на якорь, похоже, пришел только для того, чтобы стать праздным свидетелем осады Ла-Рошели» (Р. П. Арсер). Но разве могли бы так долго продержаться ларошельцы, не надейся они на обещанную английскую поддержку?

Подобно синьору Дзордзи, венецианскому послу и гостю королевского лагеря, мэр Гитон убежден в одном: «Освобождение города может прийти только с моря». Как и Дзордзи, он знает, что плотина не завершена — ее слишком широкое отверстие охраняется лишь десятком небольших кораблей, соединенных тросами, — и лорд Денби может и должен расширить проход. Но англичане ведут себя нерешительно. Гитон не перестает напоминать им, как до, так и после убийства герцога Бэкингема (2 сентября), об их февральских обязательствах. К тому же он укрепляет защиту города, подбадривая сражающихся. Ларошельцы непохожи на людей, которым не хватает оружия и продовольствия: они продолжают осыпать королевские войска тысячами ядер. С помощью пасторов двух храмов Гитон поддерживает религиозный и воинственный пыл осажденных. Военной песней защитников цитадели и добровольцев

становится псалом 68, называемый псалмом воинов^[83]:

Да восстанет Бог, и расточатся враги его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его.

Как рассеивается дым, Ты рассей их; как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия.

А праведники да возвеселятся, да возрадуются пред Богом и восторжествуют в радости.

Однако чем больше проходит времени, тем больше укрепляются плотина и морское превосходство королевских войск. Июль и август становятся для осажденных ужасными. В июле жители города уже питаются кожей коз и ягнят, очищенной от шерсти и вываренной. Однако мэр Гитон, поддерживаемый пастором Жаном-Пьером Сальбером, отказывается благословлять фанатика, вызвавшего убить Ришелье^[84]. В августе положение ухудшается: «пятьдесят людей *всех полов и возрастов* [умирают] ежедневно от голода и слабости» (Л. Крете). Даже Гитон полумертв от голода.

В начале сентября в обоих лагерях распространяется смятение. Король, устав от монотонной лагерной жизни, охотится со стороны Сюржера. Кардинал, одолеваемый лихорадкой, также уезжает из лагеря, что, однако, не мешает ему получать полную информацию и отдавать приказы. Во время шторма 29 июля плотина так сильно пострадала, что оказалась в том же состоянии, в каком она была к концу мая; в августе из-за отсутствия средств и рабочих рук не происходит никакого серьезного восстановления. Теперь за неимением лучшего король и кардинал вновь заслушивают инженера Помпео Таргона, до сих пор не понимая, кем его считать — гением или шарлатаном. В первые дни сентября королевская армия страшится нового появления английского флота, на этот раз вполне способного разрушить плотину. Ходят слухи, что он вскоре появится. Но смерть Бэкингема отложит это прибытие на месяц — счастливая отсрочка для кардинала, гибельная для Гитона. Ларошельцы, отказавшиеся в августе от предложенной Людовиком XIII капитуляции и возмущенные тем, как Ришелье 7 сентября обошелся с их непочтительными парламентарями, совершенно убиты известием о смерти фаворита Карла I и надеются только: 1) что *восстанет Бог* (Псалом 68), 2) что Гитон сотворит чудо и 3) что большой британский флот, на который они так надеются, придет им на помощь, несмотря на гибель своего адмирала. И вот 30 сентября, в то время как смерть от голода или болезней продолжает свою жатву в Ла-Рошели,

особенно среди стариков и бедноты, английская армада становится на якорь на виду у города. Это настоящий удар для королевской армии. Возможно, через несколько дней многомесячные усилия кардинала будут сметены, а умирающий город спасен.

На этот раз английский флот состоит из 114 кораблей, 13 из которых принадлежат гугенотам (Субиз поднимает белый штандарт). Карл I надеется, что возглавляющий флот лорд Линдсей окажется лучше злополучного Денби. Но, похоже, все оборачивается против него. То нет попутного ветра, то английские корабли оказываются мишенью наземной и морской французской артиллерии под командованием самого Людовика XIII, то британские брандеры не попадают в цель, то назначенному наступлению препятствует отлив, то капитаны малых кораблей не подчиняются лорду-адмиралу. Гугеноты армады взбешены; гугеноты Ла-Рошели ничего не понимают в действиях союзников. С 3 по 25 октября флот лорда Линдсея не добивается никакого положительного результата. Кардинал, король, моряки католической армии, плотина Ришелье-Метезо, Бассомпьер и, наконец, очнувшиеся королевские войска торжествуют над противником. Оставленный своими союзниками, Гитон хочет спасти 6000 последних жителей города, который в период своего расцвета, в 1626 году, насчитывал 27 000 жителей. Власти Ла-Рошели вынуждены уступить требованиям королевской власти, восстановленной здесь с таким трудом.

Капитуляция 28 октября не является договором — это «помилование», но оно менее жестоко, чем то, чего страшились бунтовщики. Дополненное статьями ноябрьского эдикта, оно дарует сдавшимся бунтовщикам практически полную амнистию, за исключением двух последних мэров (хотя Гитон станет позднее офицером королевского флота), двух пасторов и десяти нотаблей, которые будут высланы. Торжествует католическая вера; впрочем, король во всеуслышание подтверждает, что протестанты Ла-Рошели могут свободно исповедовать свою религию; взамен упразднены все привилегии города, особенно привилегия выбора мэра и эшевенгов, как это уже было в 1621 году в Сен-Жан-д'Анжели. Один пункт становится камнем преткновения между Ришелье и королем — пункт, касающийся городских фортификаций. Кардинал, сам губернатор города Бруаж, столь дорогого его сердцу, знает, что Франции не хватает хороших морских арсеналов. Ла-Рошель, как это только что подтвердила осада, является прекрасно укрепленным местом. Она могла бы стать крупным французским арсеналом запада перед лицом англичан, испанцев или любой другой морской державы... Король хочет простить жителей, но желает, чтобы город был наказан за свое неповиновение. Очевидно, что прав

кардинал, вдохновленный мыслями о глобальной стратегии. В его теперешнем поведении столько же гения, сколько было в замысле и строительстве знаменитой плотины.

29 октября кардинал совершает въезд в сдавшийся город. Зрелище воистину ужасное. «Улицы и дома, — пишет Пойти, — были в большом количестве завалены мертвыми телами, которые не удавалось ни сжечь, ни похоронить в земле». Что касается живых ларошельцев — их осталось около 6000 человек — ослабленных голодом и телесной слабостью, они напоминали «скорее скелеты, чем живых людей». 1 ноября наступает очередь въезда в город короля-победителя. Он остается там до 18 ноября, а потом триумфально возвращается 23 декабря в Париж, затем командует молниеносной кампанией в Пьемонте и, наконец, уничтожает в Лангедоке последние очаги сопротивления протестантов, которое герцог Роган, вопреки всякой надежде, поддерживает как может^[85], вплоть до заключения «милостивого мира» в Але.

28 октября закончилась история осады, но не история плотины. С 6 по 8 ноября в Они свирепствует шторм, который 7 ноября разрушает, как минимум, сорок туазов плотины. Если бы Гитон продержался еще один месяц, все могло измениться. Вот так в 1628 году Ришелье воспользовался фортуной не в меньшей степени, чем своим гением.

МАЛЕРБ

*Наконец явился Малерб,
и первым во Франции
Заставил соблюдать в стихах
правильный размер.*

Буало

*Говорят, что за час до смерти он внезапно
пробудился от оцепенения, чтобы побранить свою
экономку, си девушую у его постели, за слово, порочащее,
по его мнению, французский язык.*

Таллеман де Рео

Предвосхищая капитуляцию Ла-Рошели (28 октября 1628 г.), семидесятилетний Малерб, будучи поэтом-перфекционистом, за шесть месяцев написал «свой последний шедевр» (Морис Аллем) «Оду королю, явившемуся покарать восстание ларошельцев» (март 1628 г.). 160 стихов были полны лести и восхвалений:

Восстань, о наш король, как подобает льву,
И молнией снеси последнюю главу
Мятежной гидры...

Сдержанный тон официальных од и стихов не мешал восторгам старого поэта. От романтического барокко сохранились лишь отдельные описания сражений и осады. Он упоминал аргонавтов, Тритона, Мегеру, Ясона и Юпитера; называл ларошельцев «бешеными зверями» и «ядовитыми змеями»; превратил их в «чернейших чудовищ»; обещал им «справедливую кару». Людовик XIII сделал ему комплимент, сказав, «что никогда не видел столь прекрасных стихов». Что касается кардинала, тот наслаждался словами, посвященными его славе:

Позволь им помогать приумноженью дел,

Которые творить Господь тебе велел.
А чтобы защитить творенья рук твоих,
Забота Ришелье не оставляет их.
Прелат сей славный жив стремлением одним —
Все земли озарить величием твоим.
Лишь для того своей он жизнью дорожит,
Что эта жизнь, король, тебе принадлежит.

Ришелье хвалит старика: «Я молю Господа, чтобы еще тридцать лет [Малербу было уже за семьдесят] вы могли бы одаривать нас подобными свидетельствами молодости вашего ума». Он называет стихи оды «великолепными»: «Лучшие умы обязаны вам честью признавать все, идущее от вас, совершенным».

На расстоянии в 375 лет мы не столь чувствительны к дифирамбам, как Людовик XIII и его министр; поэтические восхваления быстро стареют. Тем не менее Ге де Бальзак в прозе и Малерб в поэзии остаются провозвестниками классицизма Людовика XIV, жившими в эпоху Людовика XIII. И хотя от первого потомкам осталось только имя, второй стал примером — редким, но пленительным — «чудесного согласия слогов». Несомненно, за неимением времени, необходимого для оценки, или должной чувствительности кардинал-министр не удостоился подобных привилегий^[86].

РАЗРЫВ

Я всегда буду обоснованно бояться попасть под подозрение короля или королевы [матери], оскорбив какой-нибудь предмет их страсти. И, однако, в государственных делах необходимо, чтобы монархи находили правильным совершить без их ведома, и чтобы они подчиняли чувства своим интересам.

Ришелье (13 января 1629 г.)

То, что Мишель Кармона, написавший биографию Марии Медичи, назвал «великим разрывом»^[87], то, что эта властительница и ее друзья по партии нерешительно называли *предательством*, заключалось в разрыве королевы-матери с бессовестным, неблагодарным прелатом. Разрыв был тем более очевидным и глубоким, поскольку произошел после четырех лет «безоблачного (или почти безоблачного) согласия» между королем, который правил и решал, вдовствующей королевой, поддерживавшей его, и кардиналом, явно намеренным преданно служить как одному, так и другой (16 мая 1625 г. — 13 января 1629 г.). Некоторые авторы считают, что Мария Медичи все еще была основным действующим лицом этого триумvirата; во всяком случае, она сама в это верила или считала себя вправе этого требовать. Королева-мать была рада браку своей дочери Генриетты и английского короля Карла Стюарта (1625 г.), устроенному ее верным Берюлем, и браку Гастона с Мари де Бурбон-Монпансье (1625 г.). Она радовалась Монзонскому договору (1626 г.), казавшемуся, сблизившему Францию с Испанией, и договору от 20 апреля 1627 года — также творению Берюля, похожему скорее на протокол о сотрудничестве. 28 июня следующего года она подарила Ришелье Малый Люксембургский дворец, прилегающий к ее собственному. Этот царский подарок являлся знаком доверия и признательности, и он же обнаружил у Марии Медичи недостаток ясности ума и избыток наивности.

Именно в 1628 году проявляются первые трещины. Основополагающую роль в этом прямо или косвенно сыграла осада Ла-Рошели (сентябрь 1627 г. — октябрь 1628 г.). С одной стороны, король, довольный огромными заслугами кардинала, своей удачей и успехом, наконец одаривает его полным доверием^[88]. С другой стороны, Ришелье

убеждается, что франко-испанский союз всего лишь иллюзия, и, ободренный поведением короля, чувствует, что сможет наконец убедить его в опасности, которую представляет горделивый Австрийский дом. Наконец, королева-мать вынуждена славить победителя Ла-Рошели, но опасается, что потеряет покровителя, ставшего неблагодарным из-за своего теперешнего успеха.

Впрочем, вдове Генриха IV нет причин волноваться. У нее есть сторонники. По крайней мере трое из них полагают, что имеют статус государственных мужей: Пьер де Берюль и братья Марильяки. Увы! Эти главные фигуры партии королевы-матери станут жертвами правосудия, уготованного для них безжалостным победителем — Берюль скончается в опале, Мишель де Марильяк умрет в тюрьме, его брат Луи будет обезглавлен. Их заслуги будут забыты. Берюль был непревзойденным дипломатом, о чем порой заставляли забыть его вспыльчивость и некоторая наивность. Луи де Марильяк, несмотря на самоуверенный вид «придворного офицера» или тщеславного щеголя, был умелым военным, о чем пишет де Понти. Что касается Мишеля де Марильяка, составителя знаменитого кодекса Мишо, государственного секретаря в 1624 году, хранителя королевской печати в 1626 году, то Ришелье был чрезвычайно рад иметь его своим коллегой. Он был прекрасным юристом и администратором, человеком государственным (как видите, это качество было присуще не только министру-кардиналу).

Главы католической партии являлись наследниками Лиги XVI века. Они были в некотором смысле теми, кем в XIX веке стали «ультра»: консерваторами в плане политики и радикалами в социальном плане. Набожные, привечаемые в Риме, они желали наследовать ему в борьбе против протестантов, параллельно проводя внутренние реформы; и эти два пункта, как им казалось, автоматически влекли за собой третий: сближение с Испанией и Священной Римской империей, чтобы не дробить силы Контрреформации. Королева-мать, привязанная к Австрийскому дому, из которого она происходила, жаждущая союза с Испанией, являлась их идолом, если можно употребить сей образ в столь религиозной среде. И она была амбициозна и «хотела править» (Сен-Симон).

Доказательством тому стало Мантуанское дело, которое хронологически развивалось параллельно осаде Ла-Рошели. Логически противоречивое, оно ставило власть перед выбором, иногда весьма сложным. Винченцо II Гонзага, герцог Мантуи и маркиз Монферрато, умер 26 декабря 1627 года. В завещании он указал своим законным наследником своего двоюродного брата по французской линии Карла Гонзага, герцога

Неверского, прибывшего в Мантую 17 января. Быть герцогом Мантуи значило править в одноименном герцогстве — ключевом на севере Итальянского полуострова, а также владеть маркизатом Монферратским, между Турином и Генуей, также ключевым, центром которого являлась крепость Казале.

Мантуя принадлежала империи, и согласие на правление нового герцога зависело от императора, но права на титул герцога Неверского были оспорены Карлом Эммануилом Савойским. Испанцы же хотели аннексировать Мантую, чтобы лишить Савойю Монферрато. Император заставляет ожидать своего решения — в итоге неблагоприятного для герцога Неверского, герцог Савойский в это время осаждает Казале, а испанцы выходят из Милана, чтобы захватить Мантую. Совершенно поглощенный осадой Ла-Рошели, Ришелье может поддерживать герцога Неверского и Мантую лишь морально, умоляя их продержаться до конца 1628 года. Кроме того, он опасается открытой войны с Испанией, которую Франция, не оправившаяся еще от последних военных тягот, по его убеждению, вести не в состоянии. В то же время, если Монферрато перейдет под контроль Испании, международные последствия для Франции могут быть самыми непредсказуемыми. Королева-мать решительно высказывается против помощи Неверу, поскольку в свое время он настраивал против нее Людовика XIII. Слово желая еще больше усложнить и так уже запутанную проблему, Месье, брат короля и вдовец, не скрывает своего намерения жениться на Марии Гонзага, дочери герцога Неверского!

Подкрепленный престижем капитуляции Ла-Рошели, осознавая необходимость спасения Казале и Карла Неверского, кардинал-министр в декабре решается представить королю (заинтересованному) и королевематери (настроенной против) на частном Совете следующую программу: «Сир, поскольку благодаря взятию Ла-Рошели Ваше Величество положило конец самому славному для себя и полезному для государства предприятию, которое Вы сделали в своей жизни, Италия, притесняемая на протяжении года армиями короля Испании и герцога Савойского, ожидает получить из Ваших рук освобождение от своих злосчастий; Ваша репутация обязывает Вас взять под свою руку Ваших соседей и союзников, которых хотят несправедливо лишить их владений... Я бы решился обещать Вам, что, если Вы примете такое решение и исполните его, как надлежит, то исход этого предприятия будет для Вас не менее счастливым, чем в деле Ла-Рошели... Я не пророк, но считаю, что Ваше Величество должны осуществить это намерение, снять осаду Казале и принести мир

Италии в мае месяце. И, вернувшись со своей армией в Лангедок, подчинить его себе и принести туда мир в июле месяце»^[89]. Представленный таким образом, этот политический и стратегический план является чем-то вроде компромисса, призванного несколько утихомирить происпанскую партию. Но Марию Медичи, все больше поворачивающуюся к Испании, он несколько не успокаивает, а Людовику XIII для его принятия требуется несколько дней. Накануне выезда короля в направлении Савойи (15 января 1629 г.), 13 января проводится Совет, на котором кардинал долго приводит основания, подтверждающие запланированный им поход. Попутно министр отказывается от всякого личного интереса: речь идет о государстве, короле, королеве-матери и королевстве. Он осыпает похвалами королеву-мать и льстит ей. Напрасный труд: та его никогда не простит. Разрыв совершен, скрыть его невозможно. На протяжении двух лет бывший епископ Люсона и вдова Генриха IV будут враждовать друг с другом, обмениваясь рубящими и колющими ударами. «Записка, поданная королю» 13 января 1629 года, становится первым шагом к трагикомедии, известной под названием «Дня одураченных» (11 ноября 1630 г.).

В разгар зимы начиналось то, что Ришелье назовет «тайной войной» против Австрийского дома.

СУЗСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Никогда Людовик XIII не заслуживал столько славы благодаря самому себе.

Вольтер

*Достаточно сказать: «Я был при Аустерлице»,
чтобы услышать в ответ: «Вот храбрец!»*

Наполеон

Французская армия вынуждена была штормовать Сузский перевал 6 марта. Произошел небольшой бой.

Виктор Тапье

Многие французы сегодня уже не помнят, что значила в свое время битва на Сузском перевале — сравнимая фактически с осадой Ла-Рошели, — а ведь событий 6 марта 1629 года хватило, чтобы успокоить военные поползновения герцога Савойского, прекратить (десятью днями позднее) осаду Казале испанцами, упрочить суверенитет союзника Франции Карла Неверского в герцогстве Мантуанском; словом, «принести мир Италии», говоря словами Ришелье.

Партия королевы-матери не скрывает своей враждебности к новой экспедиции в Италию. Хранитель королевской печати Марильяк думает только о своем кодексе. Духовные наследники Берюля страшатся столкновения с королем Испании, лидером Контрреформации и союзником Франции в борьбе против Ла-Рошели. Они считают, что необходимо прежде всего разгромить остатки протестантской партии. И те и другие твердят, что время года не благоприятствует переходу через Альпы.

Вследствие этого начиная с конца ноября 1628 года, когда король вернулся в Париж, и до 15 января 1629 года, когда он покинул Париж во главе своей армии, кардиналу-министру понадобится шесть недель, чтобы убедить своего господина «остановить завоевательное наступление испанцев» — короче, решительно приступить к разновидности *тайной* войны, что соответствует интересам Франции и ее союзников. Без принятия его «Записки, поданной королю» не было бы ни спасения Казале

— этой монферратской крепости, столь важной для герцога Мантуанского, — ни возвращения из Пьемонта, ни битвы на Сузском перевале. Вот почему следует считать Ришелье настоящим победителем всего предприятия в целом и его блистательного военного начала в частности.

Множество великих полководцев и их армий, от Ганнибала (в 218 г. до н. э.) до Бонапарта (май 1800 г.), не боялись горных вершин и мороза, пересекая с востока за запад альпийские горы высотой 2000 метров. И тем не менее похоже, что Людовик XIII на Сузском перевале (500 метров) подтвердил для потомков собственную военную репутацию, поскольку эпоха барокко — эпоха Матамора и капитана Фракасса^[90] — избегала классических интерпретаций.

В своем любопытном «Сравнительном жизнеописании трех первых королей династии Бурбонов» Сен-Симон в таких выражениях воспевает достоинство и отвагу Людовика Справедливого: «Он был там лично и отдавал все приказы с такой прозорливостью, хладнокровием, пронизательностью, точностью, что никогда не отступал... сражаясь посреди своего войска». Из *смешной истории*, сравнимой со «смешной историей» у Пон-де-Се (1620 г.), опереточного боя, который длился менее двух часов и стоил французам всего лишь сорока двух убитых, герцог сотворил сражение века.

В самом деле, укрывшись за тремя «баррикадами», быстро возведенными графом де Соль, 2500 сражающихся пьемонтцев и испанцев герцога Савойского, защищавших ущелье, не могли долго сопротивляться 15 000 солдат короля Франции. Словно вновь ожили воспоминания о Генрихе IV и его белом плюмаже! Видели, как Людовик XIII топтался в снегу вместе с пехотинцами; как он взял в руки шпагу, сопровождаемый Ришелье, который был обеспокоен королевской неосторожностью; как повел в огонь элиту своего дворянства — принцев, герцогов и маршалов, столь же упорных, как их суверен. Так родился миф и началась эпопея.

Упоминание о Сузском перевале тут же было добавлено в список подвигов знати, отмечая храбрецов и баловней удачи. Благодаря отцу Ансельму и его знаменитым генеалогиям можно освежить в памяти весь список самых блестящих воинов королевской армии. Следом за королем идут кардинал, принц крови граф де Суассон и граф д'Аркур из Лотарингии; в списке славы фигурирует не менее трех действующих (Бассомпьер, Шомберг-старший и Креки) и семь будущих маршалов: Шомберг-младший, Дю Плесси-Праслен, д'Омон, Граней, Ла Мейл, Виллерау и Брезе. А также командор де Валенсей, инженер Паган, герцог де Ля Тремуай. И, наконец, простой волонтер Франсуа де Рошешуар,

будущий автор «Максим».

Даже лишенная легендарности и барочных прикрас история Сузского перевала сохраняет свою важность. Это не первый бой короля, о храбрости которого до сей поры никто не знал, но это первое сражение за пределами королевства. Между капитуляцией Ла-Рошели (28 октября 1628 г.) и капитуляцией Прива (29 мая 1629 г.) его присутствие и поведение на Сузском перевале выявляет у этого правителя с хрупким здоровьем железную волю к власти. За этот успех его поздравит королева-мать.

Что касается кардинала, он также проявляет себя с наилучшей стороны. Капитуляция Ла-Рошели была в глазах французского народа и народов других стран его победой, даже рискуя вызвать раздражение и ревность короля. Сопровождая своего господина в Италию, не пытаясь блеснуть, заботясь о Его Величестве, Ришелье, искусный создатель славы короля, отныне мудро отходит в сторону. В свой срок он получит вознаграждение. Совсем близкое окончание последней религиозной войны в Лангедоке должно польстить Людовику XIII и еще больше сблизить его со своим политическим советником. В Сузе, спустя всего лишь два месяца после угрозы отставки (13 января), кардинал выглядит неприступным.

МИЛОСТИВЫЙ МИР

В пятницу, в 6 день июля 1629 года, в час после полудня, ордонанс о милости Его Величества, написанный накануне, был оглашен под звук трубы на площади перед дворцом Его Величества и на всех перекрестках и площадях города Нима.

Пьер Шютен

Ришелье сократил численность гугенотов.

Янсений

Хронология неопровержима: тридцать один год (1598–1629) разделяет Нантский эдикт Генриха IV и «милостивый мир» в Але. Тридцать один год вскоре отделит этот мир от возобновления гонений на протестантов (1660 г.). А ведь Нантский эдикт известен всем, в то время как Алесский мир (28 июня) и подтвердивший его Нимский эдикт (июль 1629 г.) неизвестны широкой публике.

Нантский эдикт был частью легенды Генриха IV. С течением времени позабылся его конъюнктурный характер (король стремился положить скорейший конец религиозным войнам). Позабылось, что не было никакой хартии о религиозной терпимости. Позабылось, что, несмотря на свою видимость постоянно действующего закона, его текст мог быть исправлен, пересмотрен или вообще отменен. Если бы Генриха IV не убили, продолжал бы он покровительствовать подсудным протестантам, мирился бы с сохранением мест безопасности? Никто этого не знает. Хотя протестантское меньшинство представляло во Франции 1620 года «государство в государстве», эта вызывавшая беспокойство реальность покоилась на двух основах: жизнеспособности кальвинистских синодов и существовании протестантских гарнизонов. И хотя между 1621 и 1629 годами религиозные войны возобновились, они вряд ли были такими ожесточенными в местах безопасности.

Нимский эдикт, напротив, был заключен на длительный срок, и всю заслугу в этом следует приписать кардиналу. Враги Ришелье обвиняют его в том, что текст эдикта был составлен на скорую руку, чтобы положить конец раздорам с протестантами, что давало ему намного больше свободы

перед лицом князей и городов Священной Римской империи. Это обвинение беспочвенно — кардинал никогда не импровизировал. Будучи священником, он считал Реформацию достойной сожаления ересью. Неутомимый помощник короля, он страдал от кальвинистского республиканизма. Полностью разделяя требования Тридентского собора, он был шокирован нападками на таинство евхаристии. Как администратор, он считал, что налог должен питать королевскую казну, а не военную казну партии реформистов. И, наконец, он разделял надежду на соединение церквей во главе с папским Римом.

Эта критика, недоверие, оговорки, даже стремление положить конец парадоксальной реальности существования протестантского государства в самом сердце католического королевства не мешали кардиналу одобрять то, что называют гражданской терпимостью. В конце мая Ришелье формулирует «Проект королевской декларации о призыве к мятежным городам подчиниться Его Величеству»; это первый вариант будущего Алесского мира. В «Проекте» читаем:

«Мы в последний раз объявляем наше намерение: *мы желаем сохранить наших подданных Р.П.Р.*, кои будут подчиняться и жить в подчинении нам, *свободно исповедуя свою религию*, как и было прежде» и так далее.

Алесский мир, заслуга которого полностью принадлежит кардиналу, хотя все лавры достались королю, был именно МИЛОСТИВЫМ. 29 июня Ришелье подчеркивает это в коротком письме королеве-матери: «Уверен, что Ваше Величество испытывает огромную радость не только от того, что король даровал мир своим подданным, но и от способа, с коим это было сделано. *Король не заключил мир со своими подданными, как он это делал прежде, но даровал им милость*».

Милость или нет — текст мирного договора следует рассматривать как облегченный вариант Нантского эдикта. Следовательно, это компромисс, вытекающий из первого компромисса. Свобода совести подтверждена, свобода вероисповедания — тоже, повсюду, где разрешал это Нантский эдикт. Реформисты могут сохранить «своих пасторов, храмы и кладбища» (В. Тапье). Святоши тут же начнут критиковать это помилование, как и прощение, обещанное бывшим бунтовщикам, как и сохранение судебных привилегий, дарованных с 1598 года французским протестантам (знаменитые палаты Эдикта).

Но за это реформисты будут лишены военных привилегий, некогда сопровождавших Нантский эдикт: «Все места безопасности, в которых они проживали, все те, что были до сих пор у них в руках, — пишет кардинал,

— будут стерты с лица земли. Потребуется немного времени на осуществление этого дела, от которого Франция получит несказанное благо»^[91].

Разумеется, протестантская партия уже не оправится. Мечта о ла-рошельской республике будет оставлена навсегда. Р.С.Р. не будет больше государством в государстве. И хотя ни Ришелье, ни отец Жозеф не отказываются от возможности будущего аннулирования статей эдикта (которому будет мешать конфликт с Австрийским домом), сам эдикт о помиловании, несмотря на свои недостатки, является «подлинным успехом» — таковы слова протестантского историка Жана Беренжера.

Мы обнаружим протестантов во Французской Академии (Конрар), в корпусе маршалов Франции (Гассьон, Тюренн, граф де Шомбер) и даже среди герцогов — хотя число обращенных сократилось. Следовательно, нужно сохранять некоторую объективность и не видеть во французских протестантах 1630-х и 1640-х годов гонимых мучеников веры, быков на арене, попадающих под уколы бандериллий «партии святош» (образ принадлежит Эмилю Ж. Леонару).

В 1629 и 1630 годах протестанты живут относительно спокойно, и кардинал, по-видимому, старается их защитить.

ОБРАЩЕНИЕ ЗНАТИ

1620 Обращение Максимилиана II де Бетюн-Сюлли.

1628 Герцог де Ля Тремуай, глава гугенотов, разочарованный и наполовину разбитый, отрекается от протестантизма и в Ла-Рошели клянется в верности кардиналу Ришелье.

1629 АЛЕССКИЙ ЭДИКТ О МИЛОСТИ

1633 (27 октября) В Льеже Фредерик Морис де Ла Тур, герцог де Бульон, воспылав любовью к Элеоноре Катрине Февронии де Берг, ревностной католичке, тайно переходит в ее веру (и женится на своей возлюбленной 1 января 1634 г.)

1643 Отречение Гаспара III де Колиньи, маршала Франции, герцога Шатильона.

1645 Отречение Шарля де Сен-Мора, маркиза и будущего герцога де Монтозье (1644).

1668 (27 октября) Обращение Анри де Ла Тура, иностранного принца, виконта де Тюренна, главного маршала королевских лагерей и войск.

1685 АННУЛИРОВАНИЕ ЛЮДОВИКОМ XIV НАНТСКОГО

ЭДИКТА

1686 (май) Жак-Номпар де Комон, герцог де Ла Форс, отрекается от кальвинизма под принуждением.

«ДЕНЬ ОДУРАЧЕННЫХ»

Я делал все возможное по отношению к королеве, моей матери, чтобы утихомирить ее, но поскольку я ничего не смог от нее добиться, я заявил ей, также как и всем другим, что желаю поддерживать кардинала вопреки всему, ибо его и мои несчастья происходят из-за испанцев.

Людовик XIII (по А. Контарини)

Двумя самыми известными деяниями министра Ришелье являются взятие Ла-Рошели (1628) и «День одуроченных» (1630). В этом сравнении нет ничего искусственного^[92]: знаменитый и все еще удивительный «День одуроченных» означал разрыв того, что называли «временным и непрочным триумvirатом» (1624–1630)^[93] (П. Шевалье). Он означал также выбор короля, отдавшего предпочтение лагерю «добрых французов», готовых перейти в рукопашную с Габсбургами, а не «святошам» — кланом Марильяка, продолжателя Лиги, поддерживающего королеву-мать Марию Медичи. Именно после капитуляции Ла-Рошели Марильяк невзлюбил своего бывшего протеже, этого неблагодарного кардинала, обращавшегося теперь ко всем покровительственным тоном!

В период между падением Ла-Рошели и Алесским миром размолвка увеличивается, ширится трещина между политикой «святош» и «добрых французов» (П. Шевалье). Королева-мать враждебно воспринимает прямое вмешательство Франции в борьбу за наследование Мантуанского герцогства, развернувшуюся в 1627 году. На Совете в Париже 29 декабря 1628 года Ришелье настаивает, чтобы Франция помогла герцогу Неверскому. Этому противостоят королева-мать, Мишель де Марильяк и кардинал де Берюль. За предлогом продолжения борьбы против протестантов внутри страны и страхом развязывания европейского конфликта они скрывают свою солидарность — религиозную и политическую — с обеими ветвями Габсбургов. Впервые, пишет Шевалье, два мнения, «несовместимость которых приведет к политическому перевороту 11 ноября 1639 года, оказываются четко определенными и противоположными». С 1629 года король, объединившись с партией своего первого министра, начинает против Австрийского дома знаменитую

«тайную войну», которая только в 1635 году перейдет в войну открытую, беспокоящую «святош», а потом и наводящую ужас на них.

Но это краткое изложение не совсем верно. Было бы ошибкой считать безоговорочным влияние кардинала на своего господина: в одном только 1629 году этот беспокойный, нервный человек по крайней мере дважды потребует у Людовика XIII своей отставки (13 января и 15 сентября). Было бы также ошибочным недооценивать политическое влияние лагеря Берюля. Ордонанс хранителя королевской печати, известный под шутливым названием «кодекса Мишо», зарегистрирован в парламенте 15 января, а 2 июня следующего года Луи де Марильяк становится маршалом Франции. Поединок продолжается. Согласно Шевалье, именно Берюлю принадлежат слова: «Кардинал-мистик и кардинал-политик не могут слышать друг друга». 27 февраля того же 1629 года Берюль попытается задобрить Ришелье, с волнением поведав ему о моральных переживаниях Марии Медичи. Берюль говорит об этом Марильяку, который подбивает мать Его Величества к сопротивлению.

В 1629 году отношения между королевой-матерью и «кардиналом-политиком» очень осторожны; это поединок на рапирах с наконечниками. Тем не менее в один прекрасный день, в Фонтенбло, 13–14 сентября, происходит взрыв. Кардинал узнает, «что она не может слышать разговоров о разрыве с Испанией»; что касается короля, тот узнает, что его мать «больше не обратится за помощью к кардиналу и не станет ему доверять». Однако жертвой столкновения является не «кардинал-политик», а «кардинал-мистик», бедный Пьер де Берюль, впавший в немилость 16 сентября и умерший 2 октября 1629 года.

Конец 1629 года по крайней мере временно благоприятствует Ришелье. В письме от 1 ноября король пишет ему: «Будьте всегда уверены в моей привязанности, которая продлится вечно». 29 декабря, получив титул генерал-лейтенанта Его Величества, кардинал покидает двор, чтобы отправиться командовать войском в Италию (где он подтвердит свои военные таланты, а также познакомится с Мазарини, не представляя, что этот ловкий дипломат станет однажды его последователем, а потом и наследником на политической арене Франции).

В 1630 году размолвка, разделяющая первого министра^[94] и королеву-мать, набирает обороты. С одной стороны, он добавляет себе престижа взятием Пиньероля (22 марта), что раздражает его бывшую покровительницу. С другой стороны, его записка о делах в Италии (13 апреля) заставляет Людовика XIII без промедления вступить в бой по ту сторону гор. Договор, заключенный 15 июня с Соединенными

провинциями, протестантской республикой, увеличивает трещину, пролеглившую между Марией Медичи и Ришелье. Серьезная болезнь короля — в Лионе с 22 по 30 сентября — задерживает окончательное объяснение. Король должен прямо решить, выбирает ли он войну (и, следовательно, сохраняет доверие к Ришелье) или принимает обоснованность возражений своей матери — то есть выбирает мир и дает Ришелье отставку. Повод предоставляется лишь в ноябре. Все зависит от Людовика XIII, этого легковозбудимого, часто колеблющегося и непредсказуемого правителя.

В субботу 9 ноября король прибывает в Париж. На следующий день, в воскресенье, после обеда, он навещает мать и информирует ее о послеобеденной программе, что возбуждает надежду в чувствительной, израненной душе Марии Медичи. Действительно, Людовик принимает своего брата, Месье, и «мирит» его с министром-кардиналом (Ришелье не остается ничего другого, как пойти королю навстречу). Наконец, король собирает ограниченный Совет в составе первого министра, королевы-матери и хранителя королевской печати Марильяка; он объявляет им, что назначает Луи де Марильяка командующим итальянской армией (Ришелье не может этому помешать). Хранитель печати удаляется удовлетворенный; Мария Медичи задерживает кардинала, ставшего вдруг униженно внимательным и подрастерявшего свое обычное высокомерие. Она объявляет ему, что он впал в немилость; его отстраняют от должности сюринтенданта дома королевы-матери — отставка уже решенная в 1629 году, — и все члены его фамилии отсылаются от ее двора, особенно мадам де Комбале^[95], его дражайшая племянница. Людовик XIII напрасно пытается утихомирить мать; потом, видя явное и вполне объяснимое замешательство своего верного министра, он просит его вернуться завтра утром в Люксембургский дворец, чтобы побеседовать еще раз (Ришелье остается покориться, хотя он мало рассчитывает на эту встречу). Именно в момент такого острого кризиса как никогда проявляется хрупкость этого сверходаренного, сверхчувствительного и ранимого человека.

Вечером того же воскресенья лидеры «партии святош» поздравляют себя с новой раздачей политических карт, отмечая будущее повышение по службе и ссылку врагов.

На следующий день, в понедельник 11 ноября, в 11 часов в Люксембургском дворце Мария Медичи проводит у себя совещание со старшим сыном. Король предупредил ее о визите кардинала; но, ненавидя министра и надеясь навязать Людовику XIII свои политические взгляды, королева-мать приказала закрыть Ришелье доступ к ней в апартаменты. К несчастью для нее и к счастью для ее врага, она забыла запереть прямой

проход из часовни в свои покои.

Король и его мать погружены в спор, когда дверь внезапно отворяется. Слышится знакомый голос:

— Ваши Величества говорили обо мне?

Задвижку на двери часовни можно было бы сравнить с носом Клеопатры, так как ее существование, несомненно, изменило ход истории. Об этом свидетельствуют два антагониста. Ришелье позднее заявит, что Господь помог ему «с незапертой дверью»; а вдова Генриха IV скажет: «Если бы я не забыла запереть задвижку, кардинал бы погиб». Эта фраза поражает своим редким и запоздалым юмором, но верна ли она? Последующее позволяет в этом усомниться.

Продолжение истории очень просто. Королеву-мать охватывает такая ярость и разочарование, что она теряет хладнокровие и контроль над своими словами. Кардинал не может ответить на адресованные ему оскорбления. Кроме того, он умен и догадывается, что, устраивая подобный спектакль, мать Людовика XIII сама роет себе могилу. Король ошеломлен, но сохраняет здравомыслие, «раздраженный придворной сценой, в которой мать заставляет его выбирать между ней и слугой»: он приказывает кардиналу удалиться (потом он передаст ему просьбу присоединиться к нему в Версале тем же вечером) и прерывает встречу. Возможно, Ришелье, не зная о решении своего господина, серьезно подумывает удалиться в одно из своих аббатств; считается также, что его друг кардинал де Лавалетт советовал ему сохранять полное доверие к монарху.

Однако на протяжении всего дня 11 ноября, учитывая громкие вопли королевы-матери, бегство министра-кардинала с перекошенным лицом и прочие мелкие детали, по городу быстро распространяется слух об опале Ришелье, подогреваемый теми, кто ненавидит Его Высокопреосвященство: хозяйка Люксембургского дворца победила своего сына, кардинал, очевидно, вот-вот получит отставку и будет сослан. «Святоши» торжествуют, упиваясь этими косвенными доказательствами. Что касается кардинала, пока что несосланного и неотставленного, он собирается присоединиться к своему правителю в Версале, не будучи ни в чем уверенным. Он уверится в своем политическом будущем только следующей ночью. Король, осознавая важность предшествующих событий и их последствий, собирает ночной Совет. Речь никоим образом не идет об измене политике «добрых французов», а тем более об отставке Его Высокопреосвященства и возвеличивании вождей «партии святош». Напротив, Людовик XIII, наконец увидевший, на что способна в гневе и ярости его мать, выбирает лагерь своего верного министра.

За сим 12 ноября следует арест хранителя печати и приказ об аресте маршала Марильяка, направленный в Италию на адрес Шомбера; Мария Медичи впадает в немилость (она получит приказ о ссылке 23 февраля 1631 года). Понедельник 11 ноября почти тут же станут называть «Днем одураченных». Это название — плод острословия Гильома Ботрю, графа де Серрана, будущего академика, известного своими меткими фразами.

КОНЕЦ ВИЦЕ-КОРОЛЕЙ

Казнь герцога Монморанси, рас пахнувшего дверь всякого рода опасным мятежам... показала всему миру, что ваша твердость равна вашей осторожности.

Ришелье. Политическое завещание

Ах! Где же Ты, Господь, знающий о моей невинности? Господи, где же Твое Провидение? Где Твоя справедливость? Приди, Господь, мне на помощь!

Маршал де Марильяк

На следующий день после «Дня одураченных» партия королевы-матери, поначалу пребывавшая в растерянности — в связи с арестами братьев Марильяк, — была полностью разоружена. Мария Медичи, сосланная собственным сыном в Компьен (февраль 1631 г.), бежит в ночь с 18 на 19 июля и пытается укрыться в Испанских Нидерландах, где к ней в августе присоединился ее сын Гастон. Вскоре они на собственном горьком опыте узнают, что ссылка не всегда является наилучшим местом для руководства заговорами. Младший брат Людовика XIII, ненавидящий Ришелье, совершенно позабыл об осторожности и ведет себя вызывающе, убежденный, что его старший брат никоим образом не сможет ему помешать. Тем хуже для тех, кого он собирается утянуть за собой или подтолкнуть к действию!

Первым делом он тайно или почти тайно вступает 3 января 1632 года в Нанси в брак с Маргаритой де Водемон, лотарингской принцессой^[96]. Король, кардинал, парламент, епископы будут оспаривать этот союз, который Австрийский дом, Святой престол, Янсений и другие сочтут религиозно законным. Однако настоящая проблема этого брака не духовная или каноническая, а политическая. Согласно французскому праву, ни один член королевской фамилии (особенно наследник) не может вступить в брак без разрешения короля. Дело о признании или отказе от брака Месье будет тянуться, затягиваться... вплоть до королевской грамоты на имя парламента от 5 мая 1643 года, то есть через пять месяцев после смерти Ришелье.

Ожидая исхода дела, Гастон Французский устраивает заговор. 5 апреля 1632 года королевский акт провозглашает королеву-мать и Месье виновными в оскорблении Его Величества. Можно говорить и о предательстве, поскольку все происходит с одобрения и при денежной помощи Оливареса. В промежуток между июнем и сентябрем произойдет восстание в Лангедоке, которое не принесет никакой выгоды герцогу Орлеанскому, но от которого пострадает Монморанси — не безвинный, но внушающий сочувствие.

На самом деле интриги Марии Медичи и злополучные предприятия ее младшего сына помогают министру-кардиналу проводить свою политику подчинения грандов и убеждают его господина соглашаться на нее безо всяких угрызений совести. Особенно если в ней соединяются или пересекаются различные причины, предлоги, суровые обстоятельства. Однако не так легко выбрать между административной чисткой, наказанием заговорщиков, контрударами королевского правосудия и простыми подозрениями.

Король и его первый министр страдают от независимости, а вернее непослушания губернаторов провинций. С 1624 года кардинал только и мечтает привести их к повиновению. Такой случай предоставляется после «Дня одураченных». В 1631 году король, разумеется, руководствуясь советом Ришелье, решительно подчиняет своей власти некоторых из этих злоупотребляющих своим положением вице-королей. В Бургундии герцога де Бельгарда сменяет принц Конде. В Пикардии заменены два лотарингских принца. Людовик XIII благодарит герцога д'Эльбёфа, тут же заменяя его герцогом де Шеврезом. В Экс-ан-Провансе Карл Лотарингский, герцог де Гиз, заменен маршалом де Витри, убийцей Кончини. И, наконец, 16 сентября бывшее вакантным губернаторство Бретани отдается лично сюринтенданту торговли и навигации, министру-кардиналу, что великолепно дополняет многочисленные должности и звания, уже сделавшие его хозяином морей (по крайней мере в пределах королевства).

Но наряду, или лучше будет сказать, помимо провинциальных губернаторов, Франция располагает несколькими вице-королями — вполне уместное слово, — как признанными, так и нет, под предлогом служения народу ограничивающими законную власть главы государства. Таков старый Ледигьер (умер 28 сентября 1626 г.), коннетабль, то есть первый офицер короны, признанный воин — в отличие от де Люиня, — и обращенный протестант. Январским эдиктом 1627 года Людовик XIII благоразумно аннулирует эту старинную должность.

С 1584 года должность генерала-полковника инфантерии, по

влиятельности стоящая рядом с самыми крупными должностями короны, занята герцогом д'Эперноном (1554–1642), бывшим миньоном, некогда называвшимся «полукоролем». Теперь он больше не фрондирует, находясь под покровительством своего сына, кардинала де Лавалетта, друга Ришелье.

С начала 1631 года в королевстве существует лишь три крупных персонажа, теоретически способных вернуться к власти или на ее орбиту (при условии, что умрет Людовик XIII): это братья Марильяки и герцог Монморанси. Старший из них, Мишель де Марильяк, уже стар. Со «Дня одураченных» он живет под надзором. После бегства королевы-матери король приказывает посадить его в замок Шатодён, где он умрет 7 августа 1632 года, когда будет переводить «Книгу Иова».

«Козлом отпущения» становится Луи де Марильяк, его брат (1572–1632), храбрый солдат, первый дворянин палаты, капитан стражи Марии Медичи, маршал Франции с 1629 года, арестованный на посту командующего итальянской армией своим коллегой Шомбергом вечером того же «Дня одураченных». Уверенный в добром отношении короля, Ришелье играет с этим «творением королевы-матери» (И.-М. Берсе), виновном лишь в верности своей покровительнице, в кошки-мышки. Дело не так просто: невозможно объяснить всем и каждому, что осуждение этого маршала является удобным способом наказать Марию Медичи, на кухне которой^[97] женат Марильяк, а также Гастона Французского и его сторонников. После нескольких месяцев тюремного заключения в Сент-Менегульде Марильяка, являющегося губернатором Вердена, переводят в этот город, и он предстает перед чрезвычайной комиссией (май — ноябрь 1631 г.). Маршал подозревается в связях с Лотарингией, Пьемонтом и Испанией, а следовательно, в предательстве. В его деле ничего нет; суд — состоящий в основном из дижонцев — не добивается признания его виновным. Это не устраивает ни кардинала, который уже не выпустит свою жертву, ни короля, взбешенного побегом матери и интригами Гастона.

В ноябре Марильяка переводят из Вердена и собирают новую чрезвычайную комиссию под председательством Шатонёфа, хранителя печати. Этот трибунал заседает в Рюэле, городе, принадлежащем министру-кардиналу. На сей раз речь идет уже не о предательстве, а о нарушении долга. Подозреваемый ведет себя наивно. Он говорит де Понти: «Им не в чем обвинить меня, разве что в слишком верной и преданной службе Его Величеству», — и в другой раз: «Видите, месье, во всем том, в чем я чувствую себя виновным, нет ничего, за что следовало бы высечь даже пажа». Никакие государственные интересы не оправдывают проявленную к

нему несправедливость. Ему вменяют в вину некие «финансовые нарушения в армии Шампани и работах в крепости Вердена» (И.-М. Берсе). И этого обвинения достаточно, чтобы 8 мая 1632 года старый вояка был осужден на смертную казнь тринадцатью голосами против десяти. Разделение голосов позволит Ришелье «показать свое удивление» (Понти). Он заявит комиссарам, «что не было никого, кто подумал бы, что месье де Марильяк осужден на смерть несправедливо» (отец Ансельм), но что подобный вердикт сделал бы честь «хорошим и неподкупным судьям»^[98]. Таковы парадоксы казуистики. Святой Винцент де Поль исповедует практически ту же философию, его письмо с утешением преданной ему Луизе де Марильяк гласит: «То, что вы сообщили мне о господине маршале де Марильяке, представляется мне достойным великого сострадания и удручает. Восславим же удел и счастье тех, кто удостоен чести претерпеть муки Сына Божьего... Итак, не будем более плакать, но приобщимся к воле Господа нашего». В реальности же это дело ужасно, можно даже сказать, непростительно, поскольку «процесс, несправедливый по отношению к маршалу, явился результатом личной вражды короля и его министра, а в особенности желанием преподать жестокий урок сторонникам королевской матери» (И.-М. Берсе).

Не менее жестокой, но более понятной в интересах государства стала в тот же год казнь другого маршала, другого важного персонажа, другого врага жестокого кардинала. Мы имеем в виду всемогущего сеньора Генриха II, герцога де Монморанси и де Дамвиля, первого барона, пэра Франции, бывшего адмирала, маршала Франции, рыцаря ордена Святого Духа, губернатора Лангедока, называемого «славнейшим из храбрецов», сына коннетабля, крестника короля Генриха IV, человека «доблестного, благородного, любезного, щедрого, не считающегося с затратами, любимого и уважаемого военными» (отец Ансельм). Он был казнен в Тулузе 30 октября 1632 года.

Монморанси не простил Ришелье лишения его должности адмирала Франции^[99], которую не смогло компенсировать маршальство. Он является губернатором Лангедока, ревнивого к своим привилегиям, который Ришелье мечтает превратить в область, где налоги будут распределяться выборными лицами, а не провинциальными штатами. Ощущая поддержку своей провинции, герцог позволяет Месье убедить себя поднять Юг на восстание, а искуситель собирается поддержать его во главе армии. Но, похоже, сам Господь — об этом пишет Ришелье в своем «Политическом завещании» — разрушает этот недостаточно подготовленный план.

Конечно, «Месье, подстрекаемый испанцами и герцогом Лотарингским, собирает во Франции армию, снабжаемую этими добрыми соседями», но 1 сентября маршал Шомбер разбивает армию бунтовщиков возле Кастельнодари. Раненый и заключенный в тюрьму, Монморанси препровожден в Тулузу, обвинен в преступлении против Его Величества и осужден на смерть парламентом города.

При дворе много тех, кто умоляет о его помиловании. Осужденный принадлежит к славнейшей военной династии. До сего момента он верно служил королю и выиграл битву при Вейлане (июль 1630 г.). Людовик XIII не пользуется своим правом на помилование. Герцог, «получив смертный приговор», заявляет своим судьям: «Молите Бога, господя, чтобы он даровал мне милость по-христиански выстрадать то, что мне только что уготовили», — потом он готовится к смерти, спокойно и набожно. Его смерть во дворе Капитолия, одна из прекраснейших в век прекрасных смертей, была оплакана в Лангедоке, Франции и всей Европе:

Он живет теперь только в наших стихах
И в тех деяниях, кои он свершил своей шпагой.

Сам король не может сдержать слез. Что касается Месье, виновника всей этой истории, он надел траур и убрал в карман свою голубую ленту, заявив, что его «сердце изранено болью и сожалением». Он говорит герцогу Бульонскому: «Опыт научил меня, что никогда не стоит противостоять королю». Людовик XIII, в который уже раз, прекращает бесполезные репрессии. 29 сентября он подписывает со своим братом «соглашение»; в марте 1633 года объявляет о снятии судимости с мятежников Лангедока; в 1634 году примиряется со своим младшим братом, вернувшимся во Францию и поселившимся в Блуа.

УКРЕПЛЕНИЕ ПРЕССЫ

Следует известить Ренодо, чтобы, говоря в своих газетах о снятии осады Фонтараби, он определял потери убитыми в пять или шесть сотен и столько же пленными, с десятью захваченными пушками.

Ришелье в послании Шавиньи

Пресса во Франции была создана, чтобы прославлять власть.

Жан-Поль Берто

Год 1631-й стал решающим для Европы в целом и Франции в частности. Во внешней политике приносит свои плоды «тайная» война. Договоры в Чераско подтверждают французское владение Пиньеролью (какой успех для Ришелье!) и возвращают Казале герцогу Мантуанскому, союзнику Франции. Швеция — особо преданная союзница, с которой Франция заключает договор 23 января, — усиливает в империи враждебную Габсбургам коалицию, а ее король Густав Адольф одерживает победу при Брейтенфельде (17 сентября) над знаменитым Тилли. Внутри страны две партии переживают последствия «Дня одураченных». Король, решительно избавившись от влияния «святош», прославляется Бальзаком в небольшом дифирамбическом произведении, озаглавленном «Правитель» (в нем все добродетельно, даже его ошибки). Он окончательно порывает со своей матерью. Его войска занимают Седан. Он осыпает почестями и привилегиями своего первого министра, делая его герцогом и пэром, а также губернатором Бретани. Происпанская партия полностью повержена: оба брата Марильяка в тюрьме, Бассомпьер заточен в крепость, королева-мать и Месье скрываются за границей. И тем не менее в эти решающие месяцы происходит одно событие, возможно, более значимое и более символическое, чем все вышеперечисленные, — открытие 30 мая «Ля Газетт»: привилегия, дарованная Людовиком XIII Ренодо. Теофраст Ренодо (1586–1653), обращенный протестант (1628), родился в Лудене, обучался на медицинском факультете в Монпелье, поселился в Париже в 1625 году. С 1612 года он королевский врач, с 1618-го — главный комиссар по делам бедноты, изобретатель «адресных бюро Франции» (разновидности

современных агентств по найму). Будучи долгое время доверенным лицом министра-кардинала, Ренодо в 1631 году получает право на печать листка новостей «Ля Газетт». Это исключительная пожизненная привилегия: «газета королей и сильных мира сего», но задуманная своим редактором-основателем как доступная любому читателю. «Эта еженедельная газета, печатавшаяся в адресном бюро Ренодо, имела сперва четыре страницы, а потом стала выходить на восьми» (Ж. Вейль). Она не переиздавалась, будучи полностью посвященной новостям, вначале в основном иностранным. В первом номере были опубликованы новости о персидском султани, папе, пожаре в Мадриде, Португалии, о городе Ульм, об армии Тилли, о рекрутском наборе Габсбургов и т. п. Позднее Ренодо станет давать больше сведений о Франции; и, наконец, он заполнит обычную газету «необычайными происшествиями». Это будет иметь несомненный успех, о чем свидетельствовали многочисленные подделки.

В обмен на свою монополию «Ля Газетт» прославляет монархию и превозносит монарха. Ренодо, например, пишет: «Нет ничего плохого в действиях короля... Я пишу это сейчас с легкостью, которая тем лучше говорит о заботах, которые Его Величество предпринимает во имя спасения своего народа и покоя своего государства». Иногда он становится лиричным — особенно когда речь идет о восхвалении министра-кардинала. Об этом можно судить по двум пассажирам знаменитого выступления Ришелье на заседании парламента 18 января 1634 года.

Согласно Мишелю Моле, «кардинал де Ришелье произнес превосходный панегирик королю и снимал свою шапочку столько раз, сколько называл имя Его Величества. Он произнес свою речь с достоинством, уверенностью и легкостью, которых можно только желать, и с бесподобной грацией». В «Ля Газетт» читаем: «Чем больше он говорил по этому поводу, тем труднее ему было об этом рассуждать; но бесподобное красноречие Его Высокопреосвященства и превосходное знание предмета сделали его речь столь легкой, что он говорил более часа. На протяжении этого времени все проявили доселе невиданное внимание, глаза всего собрания были прикованы к оратору, уши внимали его словам, тела застыли в неподвижности, подобные неким символам, словно их единодушное одобрение, далекое от всяческих подозрений в лести (*sic*), превратило его в объект их восхищения (*sic*), настолько умел он обратить гнев в любовь и благорасположение».

Неоднократно Ришелье приказывал Ренодо публиковать какую-либо информацию или дать опровержение предшествующим утверждениям. Часто в «Ля Газетт» публиковал свои заметки сам король; например, в 1633

году, во время военной кампании в Лотарингии. Людовик XIII обычно забывал упоминать министра-кардинала (он оставил ему внутренние дела и дипломатию, сохранив за собой только военные победы); и Ренодо от себя добавлял одну-две фразы, превознося Его Высокопреосвященство. Когда же сам Ришелье анонимно писал в «Ля Газетт», он никогда не скупился на похвалы своему монарху.

Находясь под пристальным наблюдением первого министра, уважительно принимая советы и заметки Людовика XIII и Ришелье (Ренодо просил передавать ему списки убитых, раненых, пропавших без вести и пленных, а также захваченных и отданных знамен), «Ля Газетт» на деле становится официальной газетой. Публикуемые в ней новости имеют своей целью прежде всего просветить публику, образовать ее, заинтересовать, развлечь порядочных людей и лишь во вторую очередь «восхвалять власть» (Ж.-П. Берто), ту королевскую и монархическую власть, знаменосцем которой является Ришелье.

Пресса по отношению к национальному и международному мнению является лучшим оружием для того, кто желает поддерживать государство. Полемисты составляют вспомогательный боевой корпус. Ришелье искал их начиная с 1617 года и нашел, но никто из них не выказывает по отношению к нему такого рвения и верности, как Теофраст Ренодо. К одним кардинал чрезмерно требователен или в один прекрасный день начинает сожалеть, что посвятил их в слишком большое количество секретов; другие отказываются от своих убеждений, с легкостью переходя в лагерь противника. В первом случае это весьма курьезный персонаж Фанкан; во втором — неистовый памфлетист, аббат де Сен-Жермен.

Франсуа Ланглуа де Фанкан, аббат Болье, являлся разносторонним автором, писателем просвещенным, но без особой оригинальности, как свидетельствует его небольшой труд «Могила римлян» (1626). Будучи каноником и певчим Сен-Жермен-л'Оксерруа, он всегда был готов информировать Ришелье или предложить к его услугам свое перо. Во времена Люиня памфлеты Фанкана были направлены против «партии святош», описывая политику в традициях Генриха IV, то есть «добрых французов». После смерти коннетабля каноник поспешно публикует «Хронику фаворитов», текст с говорящим за себя заглавием. Он авансом работает на будущую политику будущего кардинала; он пролагает ему путь, похоже, излишне благоволя гугенотам. Он является волонтером, «разведчиком» Ришелье, не догадываясь об опасности этой роли, поскольку епископ Люсона, а позднее министр-кардинал может или сможет в один прекрасный день от него отречься, бросить его без малейших угрызений

совести. С 1621 года Фанкан берет в привычку засыпать Ришелье мнениями или советами, спонтанными и излишне вольными. Неизвестно, какой из этих текстов вызвал гнев его покровителя. Мы полагаем, что именно их обилие в конце концов вызвало раздражение кардинала, очевидно, кроме того, предупрежденного отцом Жозефом. 4 июня 1627 года Фанкан будет арестован и умрет в Бастилии до конца года. Опала полемиста повлекла за собой опалу его брата Ланглуа д'Орваля, архидьякона Тулона, и даже заключение под стражу другого брата, Венсана Ланглуа — до этого одного из интендантов Ришелье. На самом деле ни король, ни кардинал так и не решились внести во французское право понятие о коллективной ответственности, но — как в античности и во времена Ренессанса — сыграли на возможном соучастии (до или после преступного деяния).

Случай аббата Сен-Жермена особый. В миру он был дворянином по имени Матьё де Морг. Рожденный в 1582 году, за три года до Армана Жана дю Плесси, духовник королевы Марго, затем проповедник Марии Медичи, он до 1618 года писал памфлеты против Ришелье; например, «Манифест королевы-матери, посланный королю» или «Христианская правда о христианнейшем короле». Но вдруг переменяет фронт в 1626 году, выпустив в свет «Мнение одного бесстрастного богослова». Он обращался к кардиналу с пылкими письмами: «Одобрите то, что я пишу: что религия получила от вас свободу, король — свою славу, государство — спасение, а я — все свои ценности» (29 ноября 1629 г.). Однако впоследствии Морг вновь присоединится в 1631 году к королеве-матери в Брюсселе^[100] и «со всей страстностью на протяжении двенадцати лет будет нападать на Ришелье» (П. Гриллон).

ЛЕТОПИСЕЦ ИЛИ АПОЛОГЕТ?

Летопись. Хронологическая история, описывающая значительные со бытия какого-то государства год за годом.

Фюретьер

«Политическое завещание» — это шедевр здравого смысла, опыта, правды жизни; это вершина и в каком-то смысле итог французского искусства политики.

Леон Ноэль

«„РИШЕЛЬЕ. Арман Жан дю Плесси, кардинал де (1585–1642). Писатель и государственный деятель Франции“. Так в словарях должна была бы начинаться биографическая статья о Ришелье, если бы натура политика не одержала в нем верх над литератором в памяти французов» (Мишель Кармона). Страсть к сочинительству, столь распространенная в наше время, не является новостью, особенно у политиков. Они охотно берут на себя бремя дополнительной славы, результатом чего являются многочисленные эссе, редко когда убедительные за исключением совсем небольшого числа успешных (Юлий Цезарь, Марк Аврелий, Фридрих II Прусский). Труды Ришелье являются успешными ровно наполовину; что доказывает презрительное отношение критиков к его «Мемуарам» и их восхищение «Политическим завещанием». «Есть люди, — напишет Вовенарг, — о которых нельзя сказать, что они гении, и которые, тем не менее, являются великими гениями; таков, например, кардинал Ришелье».

Персонаж той эпохи едва ли способен раскрыться через свою корреспонденцию. И стиль Его Высокопреосвященства вряд ли является здесь исключением. Да и как бы он мог быть другим в то время? При обращении к королю кардиналу приходится использовать уважительный тон, униженный, почти раболепный: такова манера казенного языка эпохи барокко. Когда он пишет королеве-матери — особенно в момент своего предательства, скрыть которое, похоже, невозможно, — тон письма одновременно уважительный и лицемерный: второй шаблонный язык эпохи барокко, наполовину политический, наполовину церковный.

Иногда, однако, мы обнаруживаем приятные сюрпризы.

Когда Ришелье не общается с коронованными особами, когда он диктует слово за словом Шарпантье — своему преданному секретарю, — вместо того чтобы набросать схему, когда Ришелье симпатизирует получателю послания, мы видим человека из плоти и крови, использующего живой, яркий, образный стиль. Человека, противопоставляющего такой стиль педантизму ученых, равно как и общепринятому канцелярскому тону. Знаменитый пример, превозносимый морскими историками, — письмо министра-кардинала своему дяде Амандору де Ла Порту, командору Мальтийского ордена и губернатору Гавра, от 30 июня 1627 года. Речь в нем в основном идет о выборе офицеров, способных командовать сторожевыми таможенными судами в порте Дьепп: «Сообщите мне ваше мнение о тех, кому следует доверить дьеппские суда. *Мне бы хотелось видеть скорее рослых мужественных моряков, запивающих ром морской водой, чем напомаженных шевалье*, поскольку первые лучше служат королю. Ожидаю вашей записки, прежде чем умолять короля утвердить решение».

Попутно можно только восхищаться, как Ришелье, вникая в мельчайшие детали, лично управляет совершенно новым для Франции сюринтендантством морской торговли и навигации. Речь в письме идет о юных «мальтийцах», знатных, но совершенно неопытных. В морском флоте Короля-Солнце их иногда будут называть «котильонными бастардами».

В противоположность Генриху IV или Людовику XIII Его Высокопреосвященство скопил огромное количество заметок, много диктовал и правил. Если бы он был менее осторожным, если бы — как в случае со сторожевыми судами — позволял себе увлечься присущим ему природным остроумием, возможно, он стал бы настоящим писателем. Но Ришелье не таков. От писателя у него больше недостатков — тщеславия, эгоцентризма, зависти, склонности ко лжи, — чем таланта. К тому же его труды неодинаковы — ему не хватает единства и зачастую стиля. А ведь всем известно, что «стиль — это и есть сам человек» (Бюффон).

Много авторов во главе с Корнелем показали себя плохими судьями его произведений. Так что министр-кардинал не смог в полной мере оценить литературный интерес собственной корреспонденции. В его глазах она была повседневной работой, необходимой, государственной обязанностью; скорее рутинной, чем творчеством^[101]. Зато Ришелье переоценивал оригинальность и глубину своих богословских трудов, успех которых тешил его тщеславие. Но в целом его потребность писать полностью сфокусировалась в двух трудах: «Мемуарах» и «Политическом завещании».

Многие люди смешивают эти произведения и восхищаются ими обоими, не всегда даже прочитав их. Конечно, эти произведения имеют общие точки соприкосновения. Их роднит общий автор (или, более точно: автор-создатель), Его Высокопреосвященство. И то и другое свидетельствует о живом интересе Ришелье к Истории — истории прошлого и его собственного времени. Подлинным заглавием так называемых «Мемуаров» было: «История короля Людовика XIII». Но на самом деле и «Мемуары» и «Завещание», под видом восхваления великих деяний монарха, в основном воплощают «желание Ришелье оставить свой образ для потомков» (Ф. Гильдехаймер).

Примечательно, что Ришелье умер, оставив незавершенными два параллельных произведения, в том числе свое драгоценное «Политическое завещание», не издававшееся до 1688 года, а потом раскритикованное Вольтером, Эсмоненом и приписываемое, вопреки всякой очевидности, отцу Жозефу^[102], пока его не переиздали в наше время^[103] и оно не снискало заслуженного признания.

«Мемуары», как и «Политическое завещание», выходят из компетентной мастерской, населенной «воспитанниками» Его Высокопреосвященства. В ней царит преданный Дени Шарпантье. Эта кардинальская «канцелярия» прежде всего занимается разбором документов. Сюда приходят справки, меморандумы, заметки, корреспонденция, ведомости, депеши, законы, договоры. После классификации, сортировки, отбора, составления резюме, компоновки готовится, наконец, окончательный обзор.

Историография долгое время спорила по поводу того, являлся или нет кардинал Ришелье подлинным автором своих политических текстов. Обычно принято считать подобные произведения плодом коллективного творчества. Действительно, Ришелье в своих произведениях бросается из одной крайности в другую. Он является создателем, запустившим огромную машину... которая продолжает работать в «Мемуарах» и после смерти великого министра. На протяжении многих лет он сам контролирует обзоры, поправляет, исправляет, наводит порядок в неразберихе, всегда подлежащей его одобрению. На протяжении всей работы он к тому же принимает в ней деятельное участие, дополняя примечаниями, критикуя, направляя, добавляя или убирая. Но если Людовику XIV не отказывают в праве написания «Мемуаров», предназначенных для его сына-дофина — несмотря на вклад в них Туссена Розе, великого Кольбера и президента Периньи, — к чему упрекать Ришелье за обращение за помощью то к отцу Жозефу (но не в написании «Политического завещания»), то к епископу

Сен-Мало, Ашилю де Арле де Санси?

Тем не менее, хотя в «Мемуарах» и «Политическом завещании» прослеживается общее желание послужить славе их создателя, они сильно отличаются друг от друга. «Мемуарам», появившимся на свет между 1630 и 1631 годами, на следующий день после «Дня одураченных», явно недостает единства. Они написаны от первого лица только в период 1610–1619 годов. «Вы не найдете в них откровений человека, пути, пройденного душой. Речь идет о сухом пересказе, занимающем больше тысячи страниц и не представляющем большой литературной ценности, в котором преобладающее место занимают история и политика» (Мадлен Берто). В целом факты точны, их описание полезно, но интерпретация часто тенденциозна. Кардинал все время стремится играть положительную роль. И, следовательно, вынужден скрывать свои ошибки, придавая значение лишь своим победам. Он почти всегда прав. «Мемуары» заслуживают доверия лишь наполовину. Такой знаток, как профессор Ролан Муснье — кстати, почитатель нашего героя, — неоднократно упоминает об этом^[104].

«Политическое завещание» является с этой точки зрения куда более значительным произведением.

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ»

Сразу же, как Вашему Величеству было угодно предоставить мне возможность заниматься своими делами, я обещал себе не забывать ни одной детали, которая могла бы зависеть от моего умения, дабы способствовать великим замыслам, кои оно имело, а также быть полезным государству, прославленному его персоной.

«Серое преосвященство», скончавшись в 1638 году, никак не мог бы превратиться из знаменитого капуцина, доверенного помощника кардинала, в главного вдохновителя «Политического завещания», особенно в 1639-м и на протяжении 1640 года. Следует называть кошку кошкой и признать, что Ришелье является автором своего знаменитого текста.

Знаменитое (и к тому же незавершенное) это произведение является не менее двусмысленным. Долгое время считалось, что «сочинение было задумано не для публикации» (Леон Ноэль); теперь же уже неизвестно, что об этом думать. Бытовало мнение, что в «Завещании» нет ничего от теоретического трактата, а сегодня вошло в привычку обращать внимание на ту легкость, с которой Ришелье переходит к аксиомам прямо посреди практического рассуждения или приводит точнейший пример среди доказательства, кажущегося в первый момент абстрактным. Книга представляется резюме «Мемуаров», произведением незаконченным и незавершенным — теоретически составленная с намерением прославить монарха, но запоздавшая из-за «постоянных неудобств», от которых страдал министр-кардинал по причине «слабости [своей] комплекции и сильной загруженности».

Успех правления — то есть успех усилий кардинала — должен был давать право, а вернее требовать, чтобы был описан его механизм, проанализированы события, «с той целью, — пишет Ришелье, — чтобы прошлое служило правилом будущему». В целом после практически недвусмысленной подсказки, что простой министр не смог бы заменить монарха, тот же министр позволяет себе дерзость с апломбом изобличать королеву-мать и Месье, комментировать поведение Анны Австрийской и фактически критиковать короля. Но чтобы не слишком изображать из себя педанта, кардинал улаживает все тем, что смешивает прошлое и настоящее,

теорию и ее применение, министерство и кабинет Его Величества, реальность и вымысел, чтобы Людовик XIII смог в случае необходимости проглотить пилюлю, не обращая внимания на ее вкус.

«Политическое завещание» начинается с пояснительной записки о произведении — своего рода послания королю. Кардинал пишет своему господину, что долгое время занимался историей его правления (посмертно получившей название «Мемуары» Ришелье). Это произведение, далекое от завершения, должно прославить деяния правителя и послужить к государственной выгоде. Не будучи уверен в том, что сможет довести работу до конца, кардинал решил подвести итог и закрепить его посредством настоящего «Политического завещания».

Это произведение гораздо короче; это работа по обобщению, если можно так сказать, педагогики государственных дел. «Оставляя его Вам, — пишет министр, — я оставляю Вашему Величеству все самое лучшее, что Господь мог даровать мне в этой жизни». Но чтобы произведение не выглядело примером самодовольного тщеславия, Ришелье тут же начинает с «краткого повествования о всех великих деяниях короля вплоть до мира», мира желанного, в дате которого — 1639? — еще нет уверенности. Вопреки почтительным формулировкам посвящение королю плохо скрывает замысел работы. Министр-кардинал дает монарху учебник, способный помочь ему в «управлении великим государством», то есть следовать начатому делу, продолженному и поддержанному его выдающимся помощником с момента его входа в Совет.

Адресация королю является столь ловким (даже хитрым) и характерным для церковника приемом, что с трудом понятен отказ Вольтера признать за Ришелье авторство его произведения. Не скромность толкает кардинала приписывать монарху успехи его знаменитого министра. Ришелье вот уже более двенадцати лет знает, как надо говорить со своим господином. Достаточно *беспреданно напоминать ему, что он господин*. Следует избегать обвинения в подхалимаже, приписывая королевскую власть Небу, — поскольку любой государь является наместником Божьим, — и королевству, поскольку прославлять государство отныне является способом прославлять правителя.

Ришелье много выигрывает от этого рецепта. Ярый защитник государства, он является им благодаря самому суверенитету главы этого государства. Слуга, но также доверенный советник короля по божественному праву, он проникает в сферу predetermined закона; действительно, все происходит, как если бы он стал посредником (определение Флешье) между королем и подданными Его Величества. Его

сан священника и его кардинальское достоинство, — которое раздражает французских протестантов, но глубоко уважается католиками — превращает великого человека в министра, наделенного божественным правом, посредника, уполномоченного Провидением. Публикация религиозных произведений помогает ему обрисовать и уточнить эту условность. Вовсе не случайно Ришелье уснащает свои политические тексты богословскими формулами.

«Политическое завещание», задуманное как краткое руководство, предназначенное Людовику XIII, на самом деле является заботой кардинала о «создании собственного образа для потомков» (Ф. Гильдехаймер), очевидным желанием «выкрутить руки самой Истории» (Жозеф Бержен). Возможно, его автору показалось, что нет смысла напрямую выходить на сцену. Не важно, что глава VII «Завещания» иногда рассматривается как автопортрет: «Совет правителю» изображает идеального, совершенного Ришелье, такого, каким он мечтал или старался стать. Фраза «Даже лучшие правители нуждаются в добром совете» означает: король Людовик хорошо выбрал себе «правую руку».

Воспоминание о наказании, уготованном графу де Бутвилю в 1627 году, является практически единственным исключением у этого осторожного интригана: «Слезы его жены, — пишет Ришелье, — весьма чувствительно тронули меня, но те потоки крови Ваших дворян, которые могло остановить только пролитие этой крови, придали мне сил, чтобы сопротивляться самому себе и укрепить Ваше Величество исполнить в интересах государства то, что противоречило моему разуму и моим личным чувствам».

И рядом с такой откровенностью — сколько абстракции, ханжества, двусмысленностей! Как мог кардинал сорок шесть раз ссылаться на осторожность как политическую добродетель, когда объявление войны Испании в 1635 году является верхом неосторожности? («Кардинал был бы без промедления, — пишет Вольтер, — погублен этой войной, которую он развязал»). Как он может восхвалять волю, мудрость и здравый смысл и защищать силу — их очевидного врага? Как он может в большой главе о войне и мире — он, самый воинственный из прелатов, — писать столько банальностей таким казенным языком, как если бы он помимо моральных (и религиозных) резонов являлся провозвестником наших современных политических приличий? Он уверен, что следует избегать войны; он заявляет об этом совершенно серьезно. Он говорит, что недостаточно настаивать на мире, следует настаивать на честном мире; это он тоже говорит совершенно серьезно. Он, похоже, открывает прописную истину:

путем к миру являются переговоры!

Автор «Завещания», будучи человеком ловким, много говорит о разуме, — как считается, под влиянием томизма, — много о государстве (первым служителем которого является король независимо от его имени), но редко — всего три раза — о государственных интересах. Он знает, что это выражение неоднократно уже принимало уничижительное значение, уподобляемое мнимому недоброкачественному макиавеллизму, часто чуждому самому Макиавелли.

На разум и здравый смысл можно свалить все. Он оправдывает замыслы, планы и действия. Но разум, превозносимый кардиналом, не является будущим рационализмом эпохи Просвещения; это даже не разум Декарта — это Божий дар (равно как и вера), даруемый для процветания государства, управления им, установления в нем субординации; упрочения реформ, утверждения гармоничного согласия между королем и его советником; ослабления галликанства, предпочтения мира войне. Словом, служение государству необходимо во имя самого Господа.

Видно, насколько все эти идеи или эти формулировки парадоксальны и двусмысленны. Сегодня модно восторгаться скрытым в «Завещании» теологическим смыслом. Некоторые более светские авторы превращают «Политическое завещание» в шедевр приобщения к великим истинам. Мы же можем извлечь из него истины попроще. Следует уменьшить притязания гугенотов, которые «делят государство» с королем; грандов, забывших о своем подчинении государю; губернаторов провинций, правящих, «словно они являются в своих провинциях правителями». Более тонкой представляется защита внешней политики, менее убедительной — ее воплощение. Заявив (часть II, раздел 1, глава 1), что «первая основа процветания государства — основание царства Божьего» (задача амбициозная), — как заставить понять необходимость объединиться с протестантами Европы против двух ветвей католического Австрийского дома? Однако столь немислимая затея вполне по плечу кардиналу, с 1635 года противостоящему новым критикам из «партии святош» и с этого же времени поддерживаемому Ренодо, «Ля Газетт», отцом Жозефом, его «воспитанниками», его кабинетом, его преданными памфлетистами. Ему достаточно вставить между двумя понятиями несколько общеизвестных истин, способных передать этапы логического рассуждения: «Разум должен быть правилом и управлением государством» (было бы неразумным, объединившись с Габсбургами, позволить поглотить или задушить себя державе, так давно нам противостоящей). «Государственные интересы должны быть единственной точкой отсчета для тех, кто управляет

государством». «Предвидение является необходимым для управления государством». «Бесконечные переговоры немало способствуют хорошему ведению дел» (но они не могут отсрочить или даже сократить растущую опасность, которую представляют Испания и империя). Поскольку «государь должен быть силен силой своих границ», следует не только ослаблять тиски Габсбургов, но раскрыть *двери* за пределами современных границ. Это значит содержать мощную армию и сделать так, чтобы король «был силен на море». Вот оправдание войны с Мадридом и Веней. Нет практически никаких комментариев по поводу вступления в конфликт, а требование государственных интересов, похоже, применяется лишь к делам внутренним. Это великое искусство.

О государственных интересах кардинал мог бы сказать: «Думайте об этом всегда, никогда об этом не говоря». Невозможно было бы найти лучшего места и времени для представления знаменитого «Политического завещания», толкование которого никогда не прекратится. Подготовленное четырьмя произведениями друзей или союзников — «Правителем» Бальзака, «Государственным советником» Филиппа де Бетюна, «Государственным министром» Жана де Силона и трактатом «О суверенитете короля» Кардена Ле Бре, вышедшими в 1631 и 1632 годах, — «Политическое завещание», как произведение об «искусстве идеального правления» и как произведение, посвященное внутренним проблемам государства, представляет, похоже, самое умелое и лицемерное оправдание прагматичной и фактически циничной политики, которую взяло на себя христианство или то, что от него осталось.

В ЗАЩИТУ РАЗУМА

Разум должен стать факелом, освещающим путь правителям и их государствам.

Ришелье. Политическое завещание

Во многих отношениях Ришелье, истинный символ привилегированного поколения, символизирует переход Франции от эпохи барокко к эпохе классицизма. Поэтому «общественному мнению» нравится делать из него картезианца, последователя Декарта. Однако тщательный свежий анализ выявляет множество несовместимостей между министром-кардиналом и основателем современной философии^[105]. Ришелье никогда не пытался быть оригинальным. В его время «философом» был не Декарт, а Аристотель. Ришелье не ждал «Рассуждения о методе» (1637), чтобы рассортировать свои мысли. Он интуитивно понял или почувствовал, что Берюль, а вслед за ним и Оратория ошибались, считая картезианскую критику солидной опорой для священников христианской веры (янсенисты, даже когда среди них появится Паскаль, все еще будут поворачиваться в сторону Декарта). Если вспомнить «рационализм» Ришелье — того Ришелье, которого Бремон считал стоящим ближе к суеверию, чем к ханжескому гуманизму, — он сильно напоминает «рационализм» его младшего соотечественника. Действительно, «для Декарта понимать — значит видеть с очевидностью и вниманием; для Ришелье понимать — значит действовать» (Ф. Гильдехаймер).

Общим между двумя гениями является частое повторение слова «разум». Использование этого слова как понятия мы могли бы назвать по-настоящему нелогичным. Изначально разум, которым пользуется Его Высокопреосвященство, происходит от Аристотеля, через посредничество святого Фомы Аквинского, а не от современных ему схоластов, в основном испанских, например, отца Франсиско Суареса. Можно «разделить задачи, методически продвигаться, решать их самым простым способом, чтобы прежде всего действовать в соответствии с разумом» (Ф. Гильдехаймер), можно желать и осуществлять все это, не будучи вольнодумцем или деистом; не заменять Бога «философов и ученых» Богом Авраама, Исаака и Иакова. Достаточно сказать *томисту* о разуме, чтобы предохранить себя от обвинения в лишенном священного характера рационализме. Кардинал

знает это или чувствует, чувствует или догадывается. Добавив несколько «ссылок в прошлое», он может приукрасить свой кардинальский рационализм оттенком человечности.

Однажды оправданный, Ришелье может все свести к разуму, прибегать к практическому смыслу, иметь связь с чистым разумом, жонглировать рациональным, взывать к разумному. Пусть говорит или пишет, взывая к разуму, избегает законных споров, столкновений, затруднительных противоречий. Если кардинал без конца потрясает здравым смыслом, если богиня разума (богиня католическая) всегда на его стороне, то потому, что сей прелат — не перестающий удивлять — всегда прав. Если он часто использует понятие разумности (далекое от фантазий, утопий, крайностей, от вольности и тирании), это потому, что он воплощает благодаря Небу сдерживающий и благодетельный центризм, «средний путь».

Современники Людовика XIII не хотели, чтобы намерения министра воздействовали на хрупкое равновесие. Рациональность, разумность, чистый разум, разум практический — все это смешивается или сочетается. В результате получается двусмысленность, практически всегда благоприятствующая нашему кардиналу-философу. Он в общем-то является человеком здравомыслящим. Умный и хитрый, он пишет то в так называемой богословской сфере, то с историческими и политическими намерениями, а чтобы запутать следы, ежеминутно использует слово *разум*. Так и надо.

Что касается публичных дел, Ришелье остерегается обращаться к государственным интересам; мы знаем, что он считает это выражение слишком уничижительным. Итак, он часто говорит о государстве и мало о государственных интересах; очень часто просто о разуме. В своих религиозных текстах он не нуждается в самоограничении. Не оставляя без внимания веру, не отказываясь от традиции, не умаляя догмы, он использует и злоупотребляет разумом — как концепцией, так и словом, — что выглядит одновременно античным (восходя корнями к Древней Греции) и современным. Автор явно желает заставить забыть читателя о своем желании соединить, спаять, сцепить интеллектуальные и морально-политические понятия в аксиомы, представления и термины веры.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И РАЗУМНОЕ

Ришелье, поднявший знамя разума, далек от того, чтобы самому всегда быть рациональным и разумным. Кольбер, более сдержанный, показывает себя более рациональным и бесконечно более разумным.

Все доводы в области публичных дел кажутся, таким образом, идентичными доводам, поддерживающим и обрамляющим церковь. Если министр-кардинал на самом деле имел семнадцать оснований посадить в тюрьму аббата Сен-Сирана, какой невежа, какой недовольный, какой нигилист осмелился бы оспорить наличие у него не только разумного, но и рационального характера; не только рационального, но и религиозного, легитимного и почти сакрального?

Тонкий формализм и небывалый семантический опыт позволили Его Высокопреосвященству изобрести оригинальную и утонченную форму теократии...

ВОСПИТАННИКИ КАРДИНАЛА

Это длинная и захватывающая история — история образования группы, помогавшей Людовику XIII и Ришелье управлять Францией.

Орест Ранум

Эти фавориты заслуживают эпитета, которым пользуются по отношению к ним, описывая кардинала. Это были воспитанники Ришелье.

Орест Ранум

У британского историка Ореста Ранума, справедливо считающегося одним из знатоков Франции эпохи барокко, возникла великолепная идея — оригинальная и ничуть не анахроничная — называть «воспитанниками Ришелье» членов правительства, то есть канцлера, хранителя печати, сюринтенданта, государственных секретарей, министров и иногда «низших советников». «Тесно связанные» и «работающие сообща», они, широко пользуясь царившим повсеместно «отсутствием разделения обязанностей», решительно поддерживали мысль и дело кардинала, попутно усиливая его влияние на монарха. Как уже было сказано, «воспитанников» кардинала было гораздо больше, чем те двое, кто остался в истории: отец Жозеф и Джулио Мазарини.

Из этого уточнения следует, что важные решения царствования Людовика XIII — все или почти все — были (или могли быть) продуктом коллективного творчества, а не королевской прихотью или кардинальским стремлением. Но при освещении деятельности правителя или главного министра, или их совместной деятельности как-то забываются очевидные истины. Например, то, что «становление французской дипломатии во времена Людовика XIII было делом нескольких министров. Хотя доминирующая роль принадлежала Ришелье, Бульон, Бутилье, Сюбле де Нуайе, отец Жозеф и позднее Мазарини также оказывали свое влияние» (Орест Ранум). А во внутренних делах не следует забывать вклад Шавиньи и тем более Сегье.

Эти люди были разного происхождения и разных способностей. Это можно сказать и о других воспитанниках кардинала — поскольку понятие

умного и преданного сотрудничества, полного согласия, симбиоза связано с выходом за управленческие и административные рамки. Свою лепту внесло духовенство: отец Жозеф, капуцин; отец Карре, доминиканец; духовник Мейлан, иезуит. Не отставала и армия Его Величества: командор Амадор де Ла Порт; Сурди до своей несправедливой опалы; маршалы Брезе и Ла Мейлере. Дипломатия: барон де Шарнасе, Ботру де Серран. Судейство: Лаффема и Лобардемон. Вы найдете в этом списке даже одного принца крови: это Конде, усмирённый в 1619 году, подчинившийся Ришелье в 1629 году и связанный через брак герцога Энгиенского с племянницей министра-кардинала. Кроме того, следует упомянуть в этом списке — не решаюсь назвать его «почетным» — множество офицеров Его Высокопреосвященства: Каюзака, Бискара, Кавуа (по военной части), Дени Шарпантье (по гражданской). Наконец, не будем забывать художников, отобранных Ришелье и покоренных его харизмой^[106]; и особенно литераторов, которых заставляли плясать под дудку кардинала-мецената комплименты, вознаграждения, пенсии, а позднее академические амбиции: Силона, Жана Сирмона, Ла Менардьё, аббата д'Обиньяка и аббата де Буаробера, Жоржа де Скюдери, Демаре де Сен-Сорлена и других.

По правде говоря, интересный и малоизученный вопрос о воспитанниках великого человека может иметь множество ответов. Какие рекомендации требовались, чтобы сторонник кардинала мог получить статус воспитанника? Приведенный нами список мог бы содержать и другие имена. Например: кардинала де Лавалетта (он был скорее другом), Теофраста Ренодо, Мишеля Ле Телье, Ги дю Шатле, Ля Мотта Ле Вайе, Ле Клерка дю Трамбле (брата «Серого преосвященства»). В стороне остались сотни профессионалов и любителей, исполнявших туманные, но необходимые обязанности шпионов и осведомителей того «Ришелье, который был самым осведомленным министром на свете» (Ре).

Как становились воспитанниками этого требовательного мэтра? Впрочем, не стоит задавать этот вопрос — конечно, он выбирал их сам^[107] и выбирал не первых встречных. Он никогда не спешил; к тому же у него не было недостатка в кандидатах.

Кардинал не привлекал неизвестных людей, даже с превосходной репутацией. Особенно он не любил хлыщей, предпочитая одаривать своим доверием людей опытных. После капитуляции Ла-Рошели (1628) граф де Ножан (Ботрю) и шевалье де Мессиньяк предложили ему услуги шевалье де Мере (Гомбо). Это был дворянин из Пуатье, воспитанный иезуитами, будущий теоретик «благородного мужа». Ришелье внимательно выслушал

их, но, не видя просителя, сказал: «Все, что вы рассказали мне об этом молодом человеке, хорошо, но *молодые люди мне подозрительны*». Разумеется, он не отдавал предпочтения старикам, за исключением определенных персонажей, ему нравились люди зрелые, верно служившие своему начальнику или предыдущему патрону и решившиеся предать всего лишь раз в жизни: в день, когда они оставили своего начальника или патрона, чтобы принести свое усердие и талант на службу кардиналу.

Но почему так стремились попасть в этот клуб кардинальских воспитанников? Александр Дюма вбил нам в голову, что к Ришелье стремились, потому что он был всемогущим. С одной стороны, он внушал страх — даже король его побаивался — наличием у него преданных помощников (вроде Рошфора и Миледи), а с другой стороны, все знали или полагали, что знают, что он мог вознаградить своих новых рекрутов так же, как и испытанных слуг. Но эти доводы не являлись ни достаточными, ни даже первостепенными. Вы ничего не поймете ни в самом Ришелье, ни в обществе его времени, ни даже в правлении Людовика XIII, если забудете главное: Его Высокопреосвященство привлекал к себе, вербовал и возглавлял людей всех возрастов — предпочитавших риск осторожности, авантюру^[108] здравому смыслу, честолюбие одиночеству — с помощью невероятного обаяния. Это был мистический феномен, который мы обнаруживаем также у Наполеона и генерала де Голля.

Слово «безоговорочный» используется здесь не случайно. Когда в 1642 году министр-кардинал приказал своей страже и мушкетерам иметь при себе оружие даже в присутствии короля, никто не смутился, не слышно было ни малейшего ропота. Когда Шарнасе, дворянин, военный и дипломат, получил приказ арестовать де Ги де Корменена, своего коллегу, он исполнил его без малейших угрызений совести. У кардинала есть на это веские основания, подумал он — и так же думали они все.

Без наличия этих «воспитанников», усердных и лишенных сантиментов, без логики приказов, отданных означенным воспитанникам, невозможно было бы объяснить удачи и успехи министерства Ришелье, которое к тому же не являлось типичным министерством.

СЛУГА ДВУХ ГОСПОД?

— *Берегитесь, господин д'Артаньян, ибо с той минуты, как вы лишитесь моего покровительства, никто не даст за вашу жизнь и гроша!*

— *Я постараюсь, монсеньор, — ответил д'Артаньян с благородной уверенностью.*

Александр Дюма

Никто не может служить сразу двум господам.

Евангелие от Матфея (VI)

Самые верные следовали за министром-кардиналом если не бездумно, то по крайней мере без лишних вопросов. Таков случай полусхута Буаробера и сильных личностей, таких как отец Жозеф или Мазарини. Главным требованием осторожного Ришелье к своим воспитанникам являлась двойная преданность — королю и кардиналу. Он опирался на эту формулу, одновременно почтительную (суверен стоит на первом месте) и двойственную (поскольку правитель и прелат едины, служить второму значит оказывать почтение и помощь первому).

Однако было несколько человек, из фанатизма или глубинных чувств отказавшихся от принципа двойной преданности. Фанатики делали ставку на Ришелье; люди чувствительные — на Людовика Справедливого. При дворе, в армии, в Париже и провинции можно было заметить или догадаться о разделении лагеря верных. В эпоху Контрреформации любой христианин был знаком с выражением:

«Никто не может служить сразу двум господам», богословской фразой, применимой и в политике.

Самым верным сторонником Ришелье являлся доминиканец отец Жан-Батист Карре. В 1636 году он пишет кардиналу: «Если генерал нашего ордена настолько забудется, что сделает или скажет что-то против службы Его Величеству или Вашему Преосвященству, отныне мне не останется больше ничего *in omnibus et per omnia* (обо всем и для всех), как исполнять приказы или повеления Вашего Преосвященства, который станет, если ему того будет угодно, моим генералом». Нетрудно представить ироническое и удовлетворенное хихиканье Его Преосвященства при чтении этого

вычурного текста. Зато Ришелье не удивился, получив в свое время от этого же отца Карре «тайный обет послушания *usque ad mortem* (до гробовой доски)» (Р. Пиллорже), столь же необычный, как и внушающий доверие, столь же редкий, сколь и неканонический. В знак признательности министр-кардинал избрал Карре духовником герцогини д'Эгийон, своей возлюбленной племянницы.

Зато Людовику XIII охотно служат безоговорочно в убеждении, что служат лишь одному хозяину. К несчастью, кардинал плохо переносит этот факт. Он постоянно перетягивает на свою сторону этих неправильных роялистов, этих непокорных *монархистов*. В случае отказа Ришелье способен заморозить или даже сломать карьеру отказавшегося. В период между 1632 и 1642 годами кажется, что в законах появилась статья об оскорблении кардинала. По этому поводу «Мемуары» Луи де Понти (1676) — «полные правды, наивности и здравого смысла» (мадам де Севинье) — по-настоящему разоблачительны. Самой большой их заслугой являются буквально воспроизведенные слова Ришелье. Конечно, Понти не являлся большим другом кардинала, но этот дворянин, бывший капитан, враг любой лжи, удалившийся в Пор-Рояль к отшельникам, являлся человеком набожным и чрезвычайно честным. Результатом чего явилась сцена, словно сошедшая со страниц «Трех мушкетеров». Действие происходит в сентябре 1642 года, менее чем за три месяца до смерти Ришелье. Маршалы Брезе и Ла Мейлере, друзья Понти и приближенные министра, решили ввести старого вояку в число приближенных кардинала, не слишком расположенного к протекции Людовика XIII. В то время как Понти, не очень верящий в успех предприятия, хранит «глубокое уважительное молчание», маршалы представляют его: — Монсеньор, вот месье де Понти, которого мы привели к Вашему Высокопреосвященству, раскаявшийся и решивший служить Вам.

Его Высокопреосвященство — не дурак и готов вступить в игру. Он говорит полунасмешливо-полушутливо:

— Итак, господин Понти, до сего дня вы один занимались своей фортуной. Вы полагали, что выиграете в другом месте [подле короля] и лучше поспособствуете своей карьере, но вы ничего не потеряли, явившись к нам.

Скрывая неприязнь и раздражение, Понти все так же уважительно отвечает:

— Я смущен, монсеньор, той честью, которую оказывает мне Ваше Высокопреосвященство, думая обо мне, недостойном. Я был бы счастлив, если бы мне удалось верно исполнить Ваши приказы и оказать Вашему

Высокопреосвященству все услуги, на которые я способен. Однако я считаю невозможным оставить службу Его Величеству, не будучи обвиненным Вашим Преосвященством в огромной неблагодарности. Вы и сами знаете, монсеньор, что моя фортуна и жизнь находятся в полном распоряжении короля.

В этом месте, вместо того чтобы уверить, как обычно, что служба кардиналу-герцогу является наилучшим способом прославить монарха, Ришелье внезапно сказал:

— Прошлое, господин Понти, служит лишь для того, чтобы обеспечивать нас лучшими друзьями в будущем. Будущее покажет.

Когда старый вояка доложил Людовику XIII подробности этого разговора, Его Величество не смог удержаться от восклицания:

— Ах, мошенник!

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

Я жил бесподобно и правил несравненно.

Анонимные стихи

Великий министр, почему ты не родился в мое время! Я отдал бы тебе половину моей империи, чтобы ты научил меня управлять другой.

Петр Первый

Франция на протяжении своей длинной истории знавала множество государственных мужей, правителей и министров. Среди них известны те, кто не выказывал никакой мании величия: это Хлодвиг, Людовик Святой, Филипп Красивый, Карл VII, Людовик XI, Людовик XII, Франциск I, Екатерина Медичи, Генрих IV, Людовик XIV, Кольбер, Машо д'Арнувиль, Людовик XVIII, Тьер, Клемансо. Ришелье, с его издерганными нервами, сильной волей, страхом смерти, напротив, не смог избежать этой болезни, поражающей политиков. В 1633 году любой внимательный наблюдатель смог бы распознать ее симптомы: достаточно было бы заглянуть в королевский список награжденных. Этот список от 14 мая (5 прелатов и 43 шевалье) достаточно длинный, но в нем все — или почти все — члены клана дю Плесси: этого пожелал король. Но почему?

Потому что его министр наконец полностью удовлетворен. Он входит в Совет в 1624 году; довольно быстро становится «первым министром» (с осени 1629 г.) и особенно влиятельным начиная со «Дня одураченных» (1630), герцогом и пэром в 1631 году. Его уважает и боится вся Европа. В 1632 году Людовик XIII благодаря его твердости избавляется от опасных противников (обоих Марильяков, Летранжа, Монморанси и др.). Разве не стоит это голубой ленты? В самом деле, орден Святого Духа несет тройную функцию: удостоверяет происхождение (дю Плесси имели признанное старинное происхождение), награждает за службу (отец Ришелье, главный прево, уже был награжден этим орденом в 1585 году) и отмечает заслуги. А ведь министр-кардинал является государственным деятелем, какого Франция не знала на протяжении двух сотен лет.

Второй довод странного списка награжденных основывается на нетерпении Ришелье. Он хочет воспользоваться расположением короля,

дабы отличиться побольше и пораньше. Третий довод: наградив своих приближенных «воспитанников», он укрепляет свою безопасность. Чем больше его поддерживают, тем больше подумает правитель, прежде чем отправить его в опалу. Четвертый довод заключается в мании величия главного министра.

В 1632 году список награжденных орденом Святого Духа включает лишь одно имя — Альфонса Луи дю Плесси-Ришелье, «архиепископа Лионского, высшее духовное лицо при особе короля после отставки кардинала де Ларошфуко и в этом качестве командора ордена Святого Духа». 14 мая 1633 года награждаются кардинал-министр, маршал Брезе, маркиз де Пон-Курле, барон де Поншато, маркиз де Мейлере, то есть пять членов клана Ришелье, что составляет шесть человек, если добавить сюда кардинала Лионского. Урбен де Майе, маршал Брезе, является зятем Армана Жана. Можно оспаривать ценность его службы — военной и дипломатической, — но не происхождение, восходящее к XII веку.

Маркиз де Пон-Курле, Франсуа де Виньеро — племянник кардинала, губернатор Гавра, позднее генерал каторжных работ. Другой племянник, Шарль дю Шамбу, барон де Поншато — губернатор Бреста; его происхождение прослежено до 1276 года. Менее древнего происхождения Шарль де Ла Порт, называющий себя маркизом де Мейлере (все тогда хотели быть маркизами), будущий герцог и маршал, который является кузеном кардинала-министра. Король ради него идет на нарушение правил. Ля Порту следовало бы представить четыре колена дворян, то есть дворянство вплоть до прадеда по отцовской линии, а у его отца всего лишь личные привилегии...

Мания величия Ришелье, столь мощная, столь вызывающая, не дожидается 1633 года, чтобы заявить о себе. Каждый этап его восхождения доказывает и утверждает ее. Накопление церковных бенефиций и пребенд является одним из ее аспектов; жажда титулов — вторым; захват должностей (почетных и полезных) — третьим.

Простой бакалавр богословия — скромное звание, и он добивается избрания себя (в 1622 г.) провизором Сорбонны. Духовник Анны Австрийской с 1615 по 1623 год (должность, которую он счел слишком скромной, едва став кардиналом), он занимает такую же должность при королеве-матери. При ее дворе он становится главой Совета и хранителем печати в 1617 году и канцлером в 1619-м.

Министр с 1624 года, он накапливает должности — фактические, за неимением официальных, — первого министра, гроссмейстера, начальника и сюринтенданта навигации и торговли Франции, то есть, используя

современные эквиваленты, становится адмиралом, министром морского флота, колоний и торговли. Однако, чтобы упрочить это новое ведомство — новое, важное и громадное, — он нуждается в королевском назначении его в качестве главы местных губернаторств. Таким образом, он становится губернатором Гавра в 1626 году, Бруажа в 1627 году, Они, Ла-Рошели и острова Ре в 1630 году. В 1631 году Людовик XIII назначает его губернатором Бретани.

А что сказать о его военных заслугах? Бывший кадет академии Плювинеля, в юности мечтавший служить королю в армии, был по-настоящему счастлив — как его друг Лавалетт, как Сурди, как кардинал-инфант, — только командуя войсками. Он снискал славу, добившись капитуляции Ла-Рошели в 1628 году и Пиньероля в 1630-м. Он командовал всеми войсками (как заместитель короля) в Пуату, Сентонже, Они и Ангумуа (1628), затем в Италии (1629).

Никто не жаждал такого накопления должностей, никто столько не накапливал. Он делал это не только ради почестей и престижа, но и ради выгоды. Так было, когда он охотился за должностями — Бруаж был одновременно арсеналом и важным центром солеварения; так было, когда он торговал бенефициями.

А иногда честолюбие увлекало его в странные мечты, невероятные фантазии. Ришелье полагал, что может выдать свою племянницу Мари, будущую герцогиню д'Эгийон, за графа Суассонского, одного из Бурбонов. Вместо этого ему удалось выдать другую свою племянницу, Клер Клеманс де Майе, за герцога Энгиенского, будущего победителя при Рокруа и Лансе (1641). После этого искусно проведенного дела счастливому кардиналу оставалось лишь произнести свое *Nunc dimittis* (*Ныне отпущаеши*).

КАРДИНАЛЬСКИЙ НЕПОТИЗМ

Непотизм — термин, которым пользуются в Италии, говоря о племянниках нынешнего папы... Папы часто старались искоренить злоупотребление nepотизмом.

Фюретьер

Злоупотребление влиянием, которым пользуется какой-то человек, чтобы добиться преимуществ и должностей для членов своей семьи.

Словарь «Ле Робер»

В истории достаточно примеров пап эпохи Возрождения и их «кардиналов-племянников», использовавших семейный фаворитизм, напрямую связанный с властью и частично предназначенный для ее упрочения. Что касается nepотизма Ришелье, то он быстро достиг размеров, сравнимых с папскими.

Непотизм избирает своих счастливиц из узкого семейного круга. (Александр VI Борджиа осыпал милостями своих детей, Урбан VIII Барберини имел двух племянников-кардиналов). Ришелье расширил семейственность до предела. Его кумовство, его патронат простирались от старшего брата до дяди. Старший брат, известный под именем кардинала Лионского, являлся человеком набожным, здравомыслящим, не имевшим никаких иных помыслов, кроме пребывания в тиши картезианского монастыря. В тринадцать лет Альфонс Луи был назначен на пост епископа Люсона, но «он уступил эту честь Арману Жану», своему брату, и в двадцать лет удалился в картезианский монастырь. Король (читай: министр-кардинал) насильно вернул его оттуда в 1623 году, чтобы сделать архиепископом Эксан-Прованса. Два года спустя он стал примасом Галлии, а 19 ноября 1629 года Урбан VIII произвел его в кардиналы. В Лионе он проявил себя ревностным и очень милостивым прелатом: приказал построить в Омоне больницу после перенесенного в 1638 году инфекционного заболевания. В 1632 году Людовик XIII сделал кардинала Лионского главным духовным лицом при королевской особе — вместо старого кардинала де Ларошфуко; после смерти Ришелье Альфонс Луи

унаследует его должность провизора Сорбонны.

Дядя Амадор, более скромного происхождения, также, несмотря на свое нежелание, был вознесен на вершину социальной лестницы. Можно сказать, что ему недоставало лишь знатности, чтобы быть дворянином. Сын адвоката Шарля де Ла Порта и сводный брат матери Ришелье, Амадор де Ла Порт († 1644) являлся рыцарем Мальтийского ордена и входил в число «самых знатных католических семей Европы» (М. Верже-Франчески). Доверяя уму, храбрости и верности своего дяди, Ришелье сделает его весьма важной персоной и даже наследником Бурбон-Вандомов. Как и в случае с кардиналом Лионским, шевалье де Ла Порт поднялся на вершину, вознесенный туда деятельностью и амбициями другого человека. Отец Ансельм в таких словах резюмировал эту удивительную карьеру: «Амадор де Ла Порт, рыцарь ордена Святого Иоанна Иерусалимского, называемого Мальтийским, настоятель церкви Мадлен, великий приор Франции, бальи Мореи, командор Брака, посол своего ордена во Франции, губернатор города и замка Анжер в 1619 году, Гавра в 1626 году, королевский лейтенант Они, островов Ре и Олерон в 1633 году».

Заметим, что награждение старшего брата, как и награждение дяди-мальтийца, состоялось во время второго входа Ришелье в Совет. Именно Мария Медичи сделала Амадора губернатором Анжера вместо Анри де Ришелье († 1619); именно она потребовала назначения Альфонса Луи в Экс-ан-Прованс. Таким образом епископ Люсонский подготавливал свое собственное восхождение.

Мы уже знаем о списке награжденных орденом Святого Духа за 1633 год и его получателях из клана Ришелье: маршале де Брезе (зять), Пон-Курле и Поншато (племянники), Ла Порт Ла Мейлере (двоюродный брат). Нам также известно о двух кардинальских племянницах — герцогине д'Эгийон и будущей принцессе Конде. Все казалось недостаточно хорошо для первой из них, урожденной Мари де Виньеро (1604), которая умерла осыпанной почестями и доходами в 1675 году. Единственным неверным шагом в ее карьере был брак с Антуаном де Комбале, одобренный будущим кардиналом с целью угодить де Люиню. Овдовев в восемнадцать лет, Мари добровольно принимается служить своему дяде, обеспечивая ему спокойную домашнюю жизнь. С 1625 по 1631 год она является придворной дамой королевы. По просьбе своего первого министра Людовик XIII дарует ей в январе 1638 года герцогство-пэрство Эгийон. Она станет одной из первых наследниц своего дяди. «Кроме разнообразных даров, полученных на протяжении многих лет, он оставил ей Рюэль, королевский домен

Понтуаэ, ренту в пять крупных ферм и драгоценные предметы из главных апартаментов в Малом Люксембургском дворце... Кроме того, он назначил ее управлять имуществом своего наследника до его совершеннолетия» (Ж. Бержен).

В надгробной речи мадам д'Эгийон (1675) Флешье называет Ришелье «арбитром, через которого распределяются помощь и награды». Любимая племянница кардинала, герцогиня д'Эгийон часто являлась посредницей между просителями и арбитром. Герцогине кардинал «оставил управление своими щедротами и милостями». Непотизм, озаренный благодеянием? Нет! Непотизм тонкой пропаганды.

КАРДИНАЛЬСКОЕ ВЫСОКОМЕРИЕ

*Дивись, о Франция, смиренню Армана,
В ком даже древность не увидела б изъяна!*

Стихи неизвестного автора

Ришелье, многогранный гений, бывал иногда практически неуловим. Его амбиции, его политика были слишком изоциренными, чтобы подходить к какой-то однозначной стратегии, окончательному определению. Мания величия, прослеживавшаяся в его поступках, не являлась, например, ни тщеславием, ни поведением выскочки. К этому добавляются два факта: он был принужден действовать гибко — качество, присущее как человеку церкви, так и политику; он был слишком нервным, слишком чувствительным, чтобы всегда управлять притоком адреналина.

Высокомерие, основанное на осознании интеллектуального превосходства, было частью его натуры. Оно проявилось задолго до того, как он стал министром: его блестящее выступление на Генеральных штатах и эффект, произведенный на королеву-мать, бесспорно, слегка вскружили ему голову. Но господин Люсон, понимая, что его восхождение запоздало и недостаточно, пытается ускорить его по мере возможностей, выказывая уважение Кончини, которого в глубине души презирает. Позднее, раболепствуя перед Люином, которого также презирает, он скрепя сердце выдает свою племянницу Мари за Комбале, фаворита Люиня. В окружении королевы-матери он действует с крайней осторожностью и осмотрительностью, стараясь быть необходимым и выступая посредником между королем и его матерью, скрывая свое нетерпение, когда запаздывает его назначение в кардиналы. Обуздывая свое высокомерие, контролируя эмоции, сдерживая честолюбие, он смог смягчить свой кипучий и импульсивный характер, что позволило ему в период между 1624 годом — датой его возвращения в министерство — и 1628 годом завоевать доверие короля, его нового господина.

Все изменяется с осадой Ла-Рошели. Проведение успешных операций обеспечивает министра-кардинала полным доверием подозрительного монарха. Ришелье может гордиться своим успехом и наконец показать себя в своем истинном виде, сохраняя фальшивое смирение лишь для королевы-

матери, которую собирается предать. К тому же в этом славном 1628 году министр может с математической точностью измерить свой престиж и его границы. Достаточно просмотреть списки его корреспонденции. В королевской семье к нему относятся как к ее члену — по крайней мере создается такая видимость. Король, обе королевы и Месье, брат Его Величества, называют его наш кузен. Кретьена Французская, сестра Людовика XIII, зовет его «Месье кузен».

В большинстве случаев министра называют *монсеньор* (титул, подходящий как прелату, так и государственному человеку). Так называют, например, кардиналов (Лавалетта, Берюля), государственных секретарей (Бутилье), герцогов (Бельгарда, Бриссака). Редко, но столь же явно попадают корреспонденты, высокомерные или враждебные настолько, что беззастенчиво называют Ришелье *месье*. Таков магистр Мальтийского ордена (он, правда, обладает рангом правителя государства), принц крови (Конде) или законные принцы (Вандом), Екатерина Гонзага, герцогиня де Лонгвиль, лотарингцы (Эльбёф, Шеврез), а также несколько недовольных герцогов — протестантов (Сюлли) и католиков (Эпернон). Однако кардинал не позволяет топтать себя и, должно быть, с трудом сдерживает насмешливую улыбку, когда сам пишет принцу Конде «месье».

В 1630 году к взятию Ла-Рошели добавляется взятие Пиньероли, что еще больше повышает политическую и военную репутацию Его Высокопреосвященства. Но Ришелье все еще должен следить за своими поступками, жестами, словами, если хочет выйти победителем из поединка между «добрыми французами» и «святошами»: королева-мать невзлюбила его и не простила предательства. 10 и 11 ноября министру-кардиналу, забыв всякий стыд, придется смириться и отказаться от высокомерия по отношению к Марии Медичи. 10 ноября, в воскресенье вечером, эта дама выплескивает на него свое презрение и лишает его обязанностей сюринтенданта и главы ее совета. 11 ноября, в понедельник утром, в присутствии короля, королеву-мать захлестывает «такой прилив гнева и брани, что Ришелье ретируется, лишь поцеловав край платья» (П. Шевалье) своей бывлой покровительницы. В конце дня он пишет ей послание, полное смирения и покорности. Только вечером в Версале Ришелье будет полностью успокоен королем, своим господином. Понедельник 11 ноября вошел в историю Франции как «День одураченных».

В период 1631–1642 годов очевидно, что кардинал полностью уверен в своей судьбе. Ему больше неизвестны тревоги 1630 года. Он подчиняется только королю, в то время как ему подчиняется весь остальной мир. Дворец кардинала посещают чаще, чем двор. У него больше придворных, чем у Его

Величества. Его прихожие полны льстецов и просителей. Когда появляется Его Высокопреосвященство, все падают ниц, как пишет Понти, «с глубочайшим уважением»; министр отвечает каждому: «Ваш покорнейший слуга». Эта куртуазная, почти ироническая формула являет собой полную противоположность истинной покорности.

Ришелье, будучи казуистом, оправдывает свое высокомерие, заявляя, что оно не личное, но символическое. В его лице склоняются то перед князем церкви, то перед «правой рукой» монарха, то перед герцогом и пэром, то перед *двуликим Янусом*, объединяющим в себе множество достоинств.

Просьбам великого человека не отказывают. В 1631 году он отменяет пенсию, который король даровал Гуго Гроцию, выдающемуся юристу, проживавшему во Франции более десяти лет. Дело в том, что автор *De jure belli ac pads*^[109] не отказался от натурализации и использования своих талантов на благо Франции. К тому же он начал оспаривать прерогативы и первенство, связанные с достоинством кардинала-герцога. В 1635 году Гроций возвращается в Париж, на сей раз в качестве посла Швеции. Король уважает его и просит назначить ему пенсию, двор радостно приветствует его. Однако Ришелье продолжает сердиться. Дело в том, что два гения несовместимы. На протяжении семи лет они противостоят друг другу — ученый-протестант и кардинал — в бесконечном споре самолюбий. Его Высокопреосвященство в своем кардинальском звании претендует на первенство перед всеми послами. Гроций, со своей стороны, как посол, также уверен в своем первенстве. Никто не хочет уступить, и посол устраивает дело так, чтобы никогда официально не встречаться с гордым прелатом, столь плохо с ним обошедшимся.

Таков закон жизни: слишком большое высокомерие может привести к мелочности. Слепо веря в свой гений, Ришелье ко всему остальному равнодушен. Дело Гроция дает немалую пищу для размышлений, если брать в расчет исключительно характеры антагонистов: самый великий человек государства своего времени из злобы унижает самого великого юриста и гуманиста эпохи. Эта неприятная реальность, это свидетельство мелочности могут натолкнуть на мысль о пересмотре многих решений и поступков государственного человека. Размышляя на тему повиновения французской знати, не стоит связывать все только лишь с волей Людовика XIII, с заботой о дисциплине дворянства и его полезности государству. *Разве казни Бутвиля (1627), Монморанси (1632), восхождение на эшафот командора де Жара (1633) не являются в какой-то степени социальной ревностью?* Вероятность этого очень велика.

ГЕРЦОГ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Я оставил порядок в семейном доме Ришелье и надеюсь, что Ваше Преосвященство будет этим довольно.

Сурди (1633)

Со времен Античности постройка нового города всегда является признаком славы или по крайней мере подтверждением не имеющего себе равных успеха. Так считал Александр Великий, когда с помощью Динократа Родосского построил в Нижнем Египте знаменитую Александрию. Во Франции также был подобный пример, однако не имевший такого успеха. Ни Сюлли, инициатор затеи, ни Саломон де Бросс, подрядчик предприятия, не преуспели при строительстве Анришмона (1609–1613) в Берри. Сама идея была соблазнительной — Анришмон, располагаясь в центре княжества Буабель, независимой территории вплоть до правления Людовика XV, не попадал под королевскую юрисдикцию и налоговую систему. Размах был грандиозным: порты и улицы должны были носить имена королевской фамилии; центральная площадь — имя Бетюна, покровителя великого министра. Идея была смелой и современной: там должны были мирно соседствовать католическая церковь и протестантский храм.

Сюлли хотел сделать свой Анришмон «одним из элементов кампании по самопропаганде» (Б. Барбиш) и залогом будущей карьеры: он жаждал стать коннетаблем. Убийство Генриха IV нанесло этим мечтам смертельный удар. Можно лишь спрашивать себя, что было бы, если бы сложившиеся неблагоприятные условия не разрушили или, как минимум, не подорвали проект сюринтенданта. Анришмон, слишком удаленный от столицы, «построенный в стороне от большой дороги и судоходной реки, с трудом снабжаемый», был окружен болотами. Финансовые расходы превысили политический кредит доверия его автора. Ришелье, как всегда прекрасно информированный, возможно, должен был бы вспомнить разочарование Сюлли, прежде чем заняться благоустройством своего фамильного феода.

В 1621 году будущий кардинал получил в наследство «землю и сеньорию Ришелье», то есть феодал и замок. Ни один город, ни одна

соседская приходская церковь не носят этого вскоре прославившегося имени. Но Ришелье уже мечтает о том дне, когда он сможет соперничать с домом Ля Тремуя. С 1622 по 1630 год он отщипывает по кусочку земли, смежные с его пуатевинским жилищем, приобретая множество крупных феодалов — Лимур, Бессе, Шанван, Файе, Миребо и Л'Иль-Бушар (последний куплен у Ля Тремуе), получив к началу 1631 года довольно обширную территорию, достойную того, чтобы Его Величество произвел его в герцоги.

Но еще до получения этой привилегии кардинал начиная с 1625 года расширяет, точнее перестраивает замок с помощью архитектора Жака Ле Мерсье. Он также включает в этот проект небольшой город, разрешение на строительство которого получит в мае 1631 года. Это будет укрепленный город с фортификациями, ярмарками и рынками, привлекающий жителей своими льготами, особенно налоговыми. Ле Мерсье планирует строгое упорядочение улиц и домов. Церковь, построенная на деньги кардинала, будет завершена в 1638 году. Однако министр вскоре столкнется с теми же проблемами, что и Сюлли в своем Анришмоне. Местные крестьяне «столь бедны, что не имеют средств даже на то, чтобы построить голубятню» (Сурди). И приходится «давить на королевских офицеров, финансистов, людей [дома кардинала]», чтобы заставить их строить так, как это предписано Ле Мерсье.

Параллельно осуществляются работы в замке под руководством того же Ле Мерсье, а затем двух его братьев, внутренний декор поручен Николя Прево; в целом надзор за строительством (замка, огромного парка, города) ведется коллегой кардинала, архиепископом Бордо Сурди. Поразительно, но Ришелье, перегруженный своими министерскими делами, так и не увидит ни замка, наполненного произведениями искусства, большая галерея которого отражает все известные события его правления, ни своих садов, ни парка, ни большого канала, ни города, строящегося очень тщательно и заселяющегося медленно. Так, в 1634 году министр-кардинал добьется от короля переезда в Ришелье финансовой конторы из Миребо и соляного амбара из Лудена; но ему так и не удастся заставить офицеров подчиняться его юрисдикции.

Среди этих проектов, мечтаний и их реализации остались практически незамеченными наградные патенты августа 1631 года. Однако они возводили сеньорию кардинала в герцогство-пэрство Ришелье, сан, дарованный ему по причине «великих, достойных уважения и важных услуг, которые мы получили от нашего дражайшего и возлюбленного кузена Армана Жана дю Плесси де Ришелье, кардинала» и т. д. и т. п.,

переданных «после его кончины его *наследникам мужского и женского пола* в вечное пользование». Ришелье так и не смогли сравняться с Ля Тремуями, но министр-кардинал, не покидая свой командный пост и свой рабочий кабинет, сотворил чудо на расстоянии: подарил жизнь новому городу с «чудесной судьбой» (Б. и С. Барбиш).

Когда результат велик и благороден, речь идет уже не о мании величия, а о любви к нему.

ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Людовик XIII отправил объявлять войну в Брюссель военного герольда. Этот герольд должен был передать вызов кардиналу-инфанту, сыну Филиппа III.

Вольтер

После смерти своего блистательного союзника Густава Адольфа (17 ноября 1632 г.) Франция наконец решилась бросить открытый вызов империи. Первой жертвой стало герцогство Лотарингия, захваченное Людовиком XIII в сентябре 1633 года. И это был не королевский каприз, а настоящий вызов. В январе король созвал парламент в Меце, имевший в своем ведении три епископства — «епископальную» Лотарингию, захваченную еще Генрихом II. Оккупация Нанси и владений герцога Карла IV стала важным делом, поскольку Лотарингия входила в состав империи.

Миновали времена, когда Ришелье приходилось подталкивать своего господина вступить в противостояние с Австрийским домом. Теперь кардинал уже сдерживает нетерпение короля, жаждущего наступления по всем фронтам. Открытое сопротивление его брата Гастона, его предательство потрясли щепетильного монарха. Людовик XIII был шокирован, узнав, что Месье 12 мая 1634 года — в разгар «холодной войны» — подписал договор о союзничестве с Мадридом. 4 августа требуется вся убежденность Ришелье, чтобы король тут же не объявил войну Филиппу IV.

Его Высокопреосвященство смог подарить Франции десять драгоценных месяцев, так как последние месяцы мирного времени можно считать в двойном и даже тройном размере. В самом деле, год 1634-й увеличивает шансы Фердинанда II. 25 февраля император приказывает (или позволяет) убить Валленштейна, который, ужаснувшись последствиями войны, похоже, склонен принять французскую сторону. 5 и 6 сентября Галлас и кардинал-инфант побеждают шведов при Нердлингене, несмотря на отвагу генерала Горна и Бернхарда Саксен-Веймарского. Согласно принятому выражению, неудача при Нердлингене сделала для Франции неизбежным переход к *открытой* войне. Война начинается в следующем году, но, по мнению министра-кардинала, это все же слишком рано.

Ришелье, всеми силами стараясь выиграть время, чтобы повысить

шансы Франции, готовит вступление в войну (*ревизия*, затребованная сюринтендантом, возрастание налогов, усиление власти интендантов). В то время как лютеранские курфюрсты Саксонии и Бранденбурга объединяются с Фердинандом II, Франция подтверждает союз с Голландией (15 апреля 1634 г. и 8 сентября 1635 г.). Голландцы в то время являлись самыми надежными союзниками французов, более надежными, чем Венеция, Мантуя, Парма или Модена, и более достойными доверия, чем канцлер Оксеншерн. Действительно, война вынудила Францию противостоять Вене и Мадриду, но Швеция, несмотря на помощь, оказанную кардиналом-инфантом Фердинанду II, не воевала с Испанией и не желала мериться силами с ее военной мощью.

Оливарес прекрасно понимает, что «двойственность шведского альянса» (Л. Бели) ослабляет Францию. Предвидя неизбежную войну, он знает, что она развернется по нескольким фронтам (Северной Италии, Бельгии, Франш-Конте, Руссильону), а также захватит район Рейна. Победа при Нердлингене несколько опьянила его, так же как договор с Гастоном Французским, поэтому он перемещает испанские силы в направлении Эльзаса (январь и февраль 1635 г.). В конце концов он заходит слишком далеко. 27 марта испанцы занимают Трир и берут в плен архиепископа-курфюрста, союзника и друга Ришелье^[110]. Это, как некогда говорили игроки, «упреждающий удар». В самом деле, можно считать этот удар крупными силами объявлением войны христианнейшему королю Его католическим Величеством. Что вызывает ответные меры: объявление войны Людовиком XIII Фердинанду Австрийскому и кардиналу-инфанту в Брюсселе 19 мая.

Год 1635-й является годом официального признания войны, а также усиления противостояния. Открытая война между Парижем и Веной продлится тринадцать лет (1635–1648) до Вестфальского мира; между Парижем и Мадридом — не менее 24 лет (1635–1659) до Пиренейского мира, который — никто этого пока не знает — о знаменует конец испанского перевеса и возвестит начало перевеса французского (1660–1763).

Едва становится известно об объявлении войны Людовиком XIII, Пражский мир (30 мая) подтверждает союз саксонских и бранденбургских курфюрстов с императором. А Ришелье Сен-Жерменским договором (27 октября 1635 г.) подтверждает бесценный союз с правителем-лютеранином, в свое время положительно оцененным Густавом Адольфом. Речь идет о герцоге Бернхарде Саксен-Веймарском, гораздо лучше тактике, чем французские генералы, — что было совсем не трудно до появления

Гебриана и Тюренна. Саксен-Веймару обещана огромная годовая субсидия — более полутора миллионов экю, провизия и деньги для 18 000 наемников, именуемых веймарцами, и, наконец, наследственные земли Габсбургов в Верхнем Эльзасе и Брейсгау, которые он хочет завоевать. До своей смерти 18 июля 1639 года Бернхард Саксонский будет множить победы: при Рейнфельдене (2 марта 1638 г.), Фрейбурге (11 апреля), Брейзахе (18 декабря) — после многомесячной осады. Ришелье практически решился, при осторожном согласии короля, сделать южный Эльзас и Брейсгау сателлитами Франции, суверенным правителем которых стал бы Саксен-Веймар.

Тем временем Тридцатилетняя война разворачивается в Германии. Шведский союз, подтвержденный в апреле 1635-го и марте 1636 года, продолжает противостоять императорам Фердинанду II († 15 февраля 1637 г.), затем его сыну Фердинанду III. Заместители Густава Адольфа одерживают победы при Витстоке (4 октября 1636 г.), при Хемнице (14 апреля 1639 г.), при Вольфенбюттеле (25 июня 1642 г.), где отличился Гебриан, при Брейтенфельде (2 ноября 1642 г.). Гебриан, наследник Саксен-Веймара и заместитель Банера, до его смерти 20 мая 1641 г., покрывает себя славой в Кемпене в курфюршестве Кельнском (17 января 1642 г.): не удовлетворившись победой над имперскими войсками, он захватывает в плен двух генералов-противников, Ламбуа и Мерси.

В целом открытая война на землях империи обходится очень дорого — благодаря субсидированию Швеции и веймарцев, — но человеческих жертв мало. Ришелье как можно дольше избегает любого прямого столкновения. Его стратегия сочетается с искусной политикой. Он не считает необходимым демонстрировать чрезмерное рвение, уменьшая помощь шведов. Попутно эти события показывают, что Его Высокопреосвященство никогда не был одержим идеей «естественных границ». Подталкиваемый монархом, он занимает Лотарингию, но не пытается аннексировать ее, хотя Лотарингия говорит на французском языке, а ее герцоги являются вассалами короля Франции. Лотарингии он предпочитает Эльзас. А прямому захвату Эльзаса предпочитает его передачу Бернхарду Саксен-Веймарскому, немцу и протестанту. Таким образом, к однозначной программе, к идее прямолинейных государственных интересов добавляются крайне мягкие поступки, прагматизм, исключаяющую всякую твердость, противостоящий любой идеологии. При столкновении с графом-герцогом, кардиналом-инфантом, испанскими галионами игра в войну становится все более затяжной, трудной, убийственной, невыносимой.

Вольтер заблуждался, когда писал: «Кардинал был бы без промедления

погублен этой войной, которую сам же развязал». Возможно, он ее и развязал, но именно его господин поторопился объявить ее. Однако вызов сделан, и начинается затяжная дуэль, которая противопоставит Оливареса Ришелье, а Ришелье — Оливаресу. Франция имеет в активе большой прирост населения, воинственность крупного и малого дворянства, административную централизацию, почти уникальную в то время, агрессивный характер ее правителя, ум ее первого министра, ежедневно улучшающего материально-техническое обеспечение армии, поместив в военном министерстве Сюбле де Нуайе, бывшего армейского интенданта. Плюс военная добыча, которая, несмотря на свою недостаточность, все-таки превышает запасы Испании, обладающей драгоценными металлами Южной Америки.

В активе Испании превосходные сухопутные войска, крупный военноморской флот, поддержка — на территории противника — сети друзей или сочувствующих, нечто вроде «пятой колонны», причудливой и странной, где соседствуют, *volens nolens*, правящая королева Анна Австрийская (испанская инфанта), сторонники «партии святош», брат короля Месье, политические узники и их друзья — все враги кардинала, не считая многочисленных недовольных, католиков и реже протестантов. Против Испании — ее огромные владения от Неаполя и Антверпена до Лимы и Милана, чрезмерные расходы на транспорт и его ненадежность, слабость и нерегулярность налоговых поступлений, не говоря о непопулярности графа-герцога, еще большей, чем у французского кардинала-герцога.

В подобных условиях франко-испанский конфликт переходит в затяжную войну с чередованием практически одинаковых периодов успехов и поражений, надежд и разочарований — чередованием, затянувшим войну до 1659 года. Если бы знали заранее — 3 декабря 1642 года, когда умер Ришелье, или в январе следующего года, когда Филипп IV отстранил Оливареса, — какая из двух католических держав одержит верх над другой, Франция победила бы по очкам и была бы обязана этим Ришелье.

Испанцы захватывают Леринские острова (1635), угрожают Парижу, взяв Ля-Капель, Ле-Шатле и Корби (1636). Им временно удается ввести в свою игру королеву Франции, духовника Его Величества и королевского фаворита (1637). Они, с позиции силы, тайно входят в контакт с Его Высокопреосвященством (лето 1637-го). Они победоносно сопротивляются французам, осадившим Фонтараби (1638). Сурди не может взять Таррагону (1641). Брат французского короля и его фаворит Сен-Мар отдают себя в распоряжение Мадрида; французы терпят неудачу в Оннекуре.

С другой стороны, маршал де Шатильон побеждает в битве при Авейне, сдается Тирлемон, Роган занимает Вальтеллину (1635), войска Людовика XIII вновь отбивают Корби (1636), Сурди возвращает Леринские острова, кардинал де Лавалетт берет Ландреси и возвращает Ля-Капель (1637), Сурди одерживает верх над испанским флотом в Гветарии, а Пон-Курле — на своих галерах возле Генуи; Ле-Шатле возвращен Франции (1638). Испанский флот сильно потрепан атаками Сурди, Ла Мейлере захватывает Эсден, Тром одерживает верх над испанскими галионами (1639), Майе-Брезе побеждает в битве при Кадисе, капитулирует Аррас (1640), французы берут Эр-сюр-Ли, Людовик XIII становится графом Барселонским (1641), Ла Мейлере берет Кольюр, Ля Мотт-Уданкур становится вице-королем Каталонии, Майе-Брезе побеждает в морской битве рядом с этим крупным городом, капитулируют Перпиньян и Сальс (1642).

Испания и ее гордые жители осознают свое поражение только в 1659 году, но никто не сомневается, что будущими приобретениями по Пиренейскому договору — Артуа, Руссильон, Сердань — Франция обязана Арману Жану дю Плесси, этому священнику, мечтавшему в юности стать солдатом-победителем.

НАЛОГОВАЯ ВОЙНА

Да здравствует король без налогов!

Девиз мятежников (1635)

*Разве у нас нет права на защиту?
Мы полностью погрязли в нищете;
Армия и кардинал —
Вот и все наше имущество и богатство.*

Капитан Жан Босоногий (1639)

В мае 1635 года, как мы уже знаем, Людовик XIII, перейдя от *тайной* войны к войне *открытой*, объявил войну королю Испании. И совсем не случайно на этой же неделе начинается длинная череда народных бунтов (1635–1643), «связанных с налоговой политикой», вызванной подготовкой к войне, а затем и войной. Повышение налогов было неизбежно, и ни король, ни кардинал никогда бы не принудили французский народ к подобным жертвам, если бы их самих не вынуждала к этому внешняя политика. В самом деле, «в течение пяти лет, с 1628 по 1633 год, подготовка к войне с Габсбургом потребовала утроить налог» (И.-М. Берсе). А переход к открытой войне никоим образом не способствовал его уменьшению — совсем напротив.

Цифры, восстановленные мадам Франсуазой Баяр, подавляют. На уровне королевства налоговые поступления более чем утраиваются: 10 500 000 ливров в 1635 году, 20 300 000 в 1638-м, 36 000 000 в 1641 году. В некоторых финансовых округах налогоплательщики полностью разорены: в финансовом округе Парижа налог достигает в 1635 году 440 000 ливров, а в 1641-м — 4 400 000 ливров! Он удесятерился! Юго-восток, где наблюдаются первые народные волнения, также не пощажен войной, поскольку налоговые поступления повышаются в округе Бордо от 400 000 франков в 1635 году до 2 700 000 в 1641-м, что составляет 700 %.

Раньше историография не принимала в расчет эту составляющую войны против Габсбургов, этот пассив министерства Ришелье. Сегодня ученые-историки впадают в другую крайность, забывая, что ни одна победа, ни одно усилие не бывает бесплатным, забывая также, что

протесты современников Людовика XIII были во Франции не первыми. Начиная с Франциска I, «государство расхлебывало последствия своей политики» (И.-М. Берсе). Увеличение налога на соль вызвало в Гиени сильное народное возмущение, довольно жестоко подавленное коннетаблем Монморанси. В период между 1593 и 1596 годами на юго-западе вспыхивает еще один антиналоговый бунт, восстание «запоздавших» (так они себя называли), или «кроканов» (мужиков — так называли их). «Эти кроканы завершили период насилия, который был связан религиозными войнами, бушевавшими с 1562 года». Их движение охватывало Лимузен и Перигор. Другие кроканы поднимут восстание, на этот раз в Керси, весной 1624 года. Они протестуют против размещения у них налоговых бюро. Следующие бунты начнутся только в 1635-м и последующих годах: отныне война давит на налог, а налог — на наиболее бедную часть населения.

На юго-западе — явно самом острореагирующем районе — первое восстание охватывает все города Гиени и тянется с мая по июль. Любопытно, что возмущение провоцирует не увеличение, — хотя и значительное, — подати, а мелкий налог на содержание кабаков (которые, в свою очередь, повышают цены, и стакан красного вина тут же становится безумно дорогим). Второй бунт, бунт «кроканов Шаранты», вспыхивает весной 1636 года — с апреля по июнь — и распространяется на Ангумуа и Сентонж. Третьим станет восстание кроканов Перигора. Начавшись, как и предыдущие, весной (с мая по июль 1637 г.), оно станет «самым крупным крестьянским восстанием того времени» (Берсе). На подавление восстания будет отправлено войско; 1 июня при Ля-Совета-дю-Дро разворачивается настоящее сражение, в котором гибнет более тысячи крестьян. Но эти кровавые события не прекращают восстание — оно перекидывается на соседние провинции. Между 1638 годом и концом царствования Людовика XIII большая часть Гаскони протестует против увеличения подати. Историк М. Берсе, изучающий движение кроканов, подводит резюме: «Министерство Ришелье и царствование Людовика XIII закончились вереницей крестьянских бунтов. Их правление было отмечено самым крупным повышением налогов в истории Франции».

Гиень, Гасконь, Тулузен столь агрессивно реагируют на повышение податей, потому что до сего момента они платили довольно небольшой налог. Удаленность от Парижа, слабое административное руководство, привилегии пиренейских долин, давние освобождения от налогов, — относящиеся к Столетней войне, — таково фактическое положение дел. Ничего подобного нет на севере. Иль-де-Франс, Нормандия — богатые

районы, расположенные близко от Парижа, исправно платят налоги и управляются губернаторами. Но и здесь начинается крупное нормандское восстание босоногих, или «Армии страдания» (1639). Оно захватывает обширный район, вынесший гораздо большие трудности, чем повышение налогов, но сохранивший воспоминания о средневековых льготах и старинных свободах. Подобно кроканам юга, *босоногие* нормандцы мобилизуют силы из-за одного ограниченного налогового проекта — власти рассчитывают аннулировать привилегию на бесплатный сбор морской соли в бухте Мон-Сен-Мишель. Откуп налога на соль распространяется на Котантен, а также на часть Бокажа до Домфронта.

Движение начинается в Авранше 16 июля 1639 года, чтобы завершиться кровопролитием под стенами того же города 30 ноября. *Армии страдания* сплачивают многие тысячи людей; солевары объединяются с крестьянами; те и другие с ремесленниками; прихожан часто благословляют их священники; в их ряды добровольно вступает городская буржуазия и даже магистраты; и тем хуже для несчастных налоговых агентов!

Города объединяются с деревнями. Это происходит в Руане (21–23 августа), в Байё (25 августа), в Кане (с 26 по 29 августа). Это буржасно-крестьянская, так называемая «вертикальная солидарность», вынуждает министра-кардинала без промедлений вмешаться. 30 ноября Армия страдания, разгромленная королевскими войсками, оставляет на поле битвы более трехсот убитых. Кроме того, по требованию Ришелье в 1640 году канцлер Сегье в сопровождении государственных советников приезжает в Руан, чтобы лично осудить более трехсот заключенных. Крупные руанские ведомства (верховный суд, городская администрация), отстраненные от дел, вновь обретут свою законность и начнут работу только с наступлением мира.

Это событие поднимает престиж канцлера; в который раз подтверждается королевская власть (руанский парламент будет восстановлен только в 1641 году), а авторитет Ришелье вырастает, насколько это еще возможно.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ

Наш дражайший и возлюбленный кузен кардинал, герцог Ришелье, представил нам один из самых славных знаков благосостояния государства, в котором расцветают науки и искусства и в котором литература в такой же чести, как и оружие.

Людовик XIII

Любовь к славе заставила его обратиться к царству литературы и образования, вплоть до забвения публичных и своих собственных дел, ведущего к нападкам на его персону.

Вольтер

Все эти имена, ни одно из которых не умрет — как это прекрасно!

Эдмон Ростан

Французская Академия, дама старая, но удивительно молодая, несмотря на свои 369 лет, составляет вместе с церковью Сорбонны самую благородную, самую блистательную часть кардинальского наследства. Однако начинала она весьма скромно, являясь случайным плодом созидательной интуиции и заботы меценатов, в совокупности породивших великолепное предприятие.

В 1620–1630-х годах в моде кружки, частные академии и салоны. Особняк Рамбуйе, настоящий заменитель двора, затмевает слишком специализированных, менее утонченных или неспособных уйти от педантичности и вульгарности соперников. Отец Мерсенн, «секретарь ученой Европы», «превращает свою келью на Королевской площади в очаг научной жизни» (Р. Пилорже), освещающий всю Европу и напоминающий Академию наук. Пьер и Жак Дюпюи, эрудиты и библиотекари, возглавляют научный кружок, вычурно именуемый «Пютеанской академией».

Кружки мадам де Лож и виконтессы д'Оши имеют литературное направление. Первый кружок, посещаемый придворными, любимый

Месье, перевозносимый Ге де Бальзаком, — он называл мадам де Лож «небесной», «божественной», «второй музой», — славится утонченностью бесед и «самым изысканным» языком. Второй, кружок мадам д'Оши, приглашает каждую среду авторов, чтобы они почитали свои произведения. Шаплен презирает эту «женскую академию», где престарелые феи восхищаются второразрядными поэтами. Малерб воспевает хозяйку дома: «*Нет ничего прекраснее Каллисты*». Мадам де Лож (протестантка) и д'Оши (католичка) сходятся в одном: они восхищаются Малербом, стремясь, как и он, пропагандировать изящный язык, избавляя нравы и разговор от некрасивых выражений.

Не претендуя на развенчание «несравненной Артенис», будучи не в состоянии бывать у мадам де Лож или мадам д'Оши, Ришелье, любящий литературу и привыкший считать писателей «весьма учтивыми», незамедлительно учреждает то, что Таллеман де Рео называет «рабочей академией». Иногда там выступает в роли капризного ребенка Соллете; Буаробер постоянно сыплет острыми словечками. Силон, Сирмон, Демаре де Сен-Сурлен, Ла Мотт ле Вайе, Ги дю Шатле, Шаплен окружают Ришелье, восхваляют его, льстят ему, подсказывают ему реплики, снабжают его сведениями и работают на него.

Не стоит забывать, что министр является кардиналом Римско-католической церкви. «Рабочая академия», вполне естественно, занимает свое место в заботе о кардинальском величии наряду с собиранием предметов искусств, «великолепных зданий», библиотек; это меценатство, которое смело можно назвать княжеским. Итак, перед тем как стать патроном Французской Академии, Ришелье создает и возглавляет неформальный частный литературный кружок. Изначально *французская Академия*, вероятно, отчасти подражала итальянским влияниям. Но вряд ли она могла появиться без счастливой случайности и без утонченности аббата Буаробера, которому Таллеман де Рео посвятил «Историю» даже более длинную, чем «История короля Людовика XIII».

Начиная с 1629 года Валантен Конрар, любезный и образованный городской дворянин, принимает в своем парижском особняке поэтов и образованных людей. Этот богатый протестант пишет в 1630 году книгу «Благородный человек», взяв за образец Николя Фаре. Во всяком случае, Шаплен считает Конрара «человеком сердечным и умным». Шаплен к тому же состоит в маленькой группе приближенных, собирающихся у писателя-дворянина, чтобы «обсуждать модные романы, слушать стихи, обсуждать литературу, галантную схоластику» (Ф. Бриссо). И вот как-то январским днем 1634 года к Валантену Конрару приглашен Буаробер, протеже

кардинала. Он соблазнен и покорен и, будучи привилегированным осведомителем своего патрона, спешит доложить тому о характере этих собраний.

Ришелье тут же понимает, что за случай ему предоставляется. Можно стать хозяином этого кружка, привнести в него новые элементы — авторов «рабочей академии», — ориентируя его на прославление французской культуры, репутации государства и самого первого министра. Он спрашивает друзей Конрара, не хотят ли они создать «корпорацию и регулярно собираться под покровительством публичной власти». Это не вызывает энтузиазма. Образованные люди эпохи барокко гораздо меньше интересовались политикой, чем авторы XX века. Но как отказать? И разве это предложение не является приказом?

22 марта 1634 года друзья Конрара приносят всемогущему министру проект, которому приказ короля от января 1635 года придает законную силу. Кружок превращается в официальный орган. Король дарует его членам всевозможные привилегии — и почетные и реальные: не хватает только возведения в дворянство. Кардинал становится покровителем этих господ. Члены набираются путем кооптации, результат выборов представляется покровителю. Изначально решено, что члены академии, знатные и простые, духовные и светские, считаются и будут считаться абсолютно равными между собой. Первым секретарем Академии избирается господин Конрар.

Печать общества, доверенная канцлеру, который назначается на три месяца, будет представлена кардиналу-протектору, а Жан Варен выгравировует знаменитый девиз «*К бессмертию*», из которого последуют звания «бессмертных» для академиков. Само название *Французская Академия*, которое представляется, пожалуй, несколько претенциозным, было выбрано, дабы подчеркнуть конечную цель этого учреждения: постоянное совершенствование французского языка. «Это общество получило название *Французской Академии*, потому что оно наиболее непритязательно (!) и правильно отражало его функции».

С 1634 года кардинал-протектор вводит в Академию своих людей, судейских и дипломатов, членов его «рабочей академии». В конце 1635 года под покровительством Ришелье находятся уже более дюжины французских академиков. Стремясь еще больше усилить свое влияние, кардинал не скрывает своего недовольства выборами, сочтенными им слишком независимыми. Таким образом, появляется привычка испрашивать его одобрение до голосования. В период между 1672 и 1715 годами Людовик XIV проявляет себя в этом отношении гораздо более либеральным.

Эта короткая история об образовании знаменитого учреждения

показывает, что Ришелье, покровитель собрания «бессмертных», был (святым?) покровителем большого числа академиков^[111].

СОБРАНИЕ ПОЭТОВ

Мы входим в тот недолговечный период, когда наша поэзия была наиболее разнообразна и богата... Можно считать, что в эту эпоху все во Франции были поэтами.

Клебер Геданс

На протяжении трехсот лет Французская Академия, исключительную судьбу и постоянство которой не мог представить ее создатель и покровитель, стремилась объединить людей литературы и членов высшего общества. С 1660 года и до Революции рядом с Расином, Боссюэ, Вольтером, Бюффеном будут «восседать» герцоги и священники. Каждый из них будет причислен к разряду «бессмертных». Зато в период с 1634 по 1643 год вы напрасно будете искать в списках крупную знать — позднее их будут называть «партией герцогов» — и великих гениев, которые вскоре сделают Академию уникальной.

Что касается герцогов, то Ришелье, во-первых, не любил знать, а во-вторых, не начинал свою академию с чистого листа. Он унаследовал кружок Конрара, буржуазный, больше озабоченный гуманизмом, чем дуэлями. Следовательно, набор лиц должен был оставаться неизменным. Что касается великих писателей, кооптации было недостаточно, следовало, чтобы эти писатели были живыми, доступными и проживали в Париже. А ведь многие уже умерли. Агриппа д'Обинье скончался в 1630 году, к тому же с 1620 года он жил в Женеве и его агрессивный протестантизм вряд ли понравился бы министру-кардиналу. Теофиль де Вио умер в 1626 году, и беспорядочная жизнь отдалила его от почестей, хотя король и простил его. В списке удостоенных чести не хватает и Малерба — он умер в 1628 году — поэта официального, восхвалявшего правителей и министров (Генриха IV, Марию Медичи, Людовика XIII и Ришелье), «божественного Малерба», того, кто «привнес в поэзию неведомые доселе строгость и суровость» (Клебер Гаэденс).

Также остались в стороне живые и более чем талантливые, но позабытые Ришелье Декарт — вероятно, оказавшийся недостаточно парижанином, и Корнель, пропущенный нарочно (поскольку спор о «Сиде» так и не был закончен).

Среди сорока шести академиков, принятых до смерти Ришелье (34 в 1634 году, 4 в 1635-м, 2 в 1636-м, 3 в 1639-м и один в 1640-м), больше всего поэтов. Они по большей части вычурны — или гротескны, как называл это Теофиль Готье — манерны, педантичны, условны («Аврора с розовыми перстами...»), но они кажутся достаточно авантюрными, бросаясь из одной крайности в другую, из претенциозности в романтизм, пока вслед за Малербом готовятся к «переходу от вольности к золотым правилам» классицизма.

Этими поэтами из гипса являются, например, «пылкий» Габер де Серизи (чей брат Филипп также был поэтом и академиком), Арбо де Поршер — жеманник, которого ценил тот же Теофиль Готье, или двое из «Гирлянды Жюли» (Жюли д'Анжен, дочери «несравненной Артенис»): Мальвиль и Антуан Годо. Клод де Мальвиль пишет религиозные поэмы и любовную лирику; Годо, будущий епископ Грасса, опора особняка Рамбуйе, — где его называли «карлик Жюли», — иногда полон вдохновения.

Два приятеля — или собрата — до сих пор являются членами молодого и активного литературного клуба «Знаменитые пастухи». Это «академик» Гийом Кольте, которому покровительствует и платит Ришелье, и уже упомянутый Серизи. В свое время Малерб хвалится, что вырвал более половины страниц своего Ронсара, и эти странные «пастухи» называют себя «последователями разрывателя» и «почитателями разрывания».

На самом деле не стоит излишне доверять словам Эдмона Ростана («Все эти имена, ни одно из которых не умрет...»). Академия Ришелье объединяла лишь второразрядных авторов (позже над ними насмеялся Буало), хотя в ней было несколько выдающихся личностей. Например, канцлер Пьер Сегье, будущий герцог де Вильмор, избранный в 1635 году, временный покровитель Академии с 1643 по 1672 год, исполнявший эту длительную и деликатную должность в период между Ришелье и Людовиком XIV. С 1672 года протектором Академии становится глава государства.

Весьма знаменитые при жизни, но, к сожалению, позабытые в наше время, среди первых «бессмертных» были Вуатюр, Мейнар, Сент-Аман, Ракан, Ге де Бальзак и Вожела. Вуатюр — писатель, поэт, составитель мадригалов, душа общества в особняке Рамбуйе, чьим «самым прекрасным украшением» он был, сын торговца, пользующийся вниманием знати, «блистающий, — по словам Геданса, — элегантностью манер и ума». Хотя и низведенный до уровня «провинциального поэта» и разочаровавший Ришелье, Франсуа Мейнар остался непризнанным автором стихов «легких,

гармоничных, часто возвышенных или мечтательно-меланхолических». Сент-Аман, прототип «преромантического барокко» (Ж.-Ф. Сольнон), также был, как его назовет Теофиль Готье, «величайшим и оригинальнейшим поэтом».

Будучи не в состоянии оживить Малерба, Академия вынуждена была пригласить Онора де Бюэйля, сеньора де Ракана, верного ученика покойного мэтра, иногда именовавшегося «французским Вергилием». Подобно тому как Вергилий служил Данте проводником в кругах ада, так Лафонтен мечтал оказаться принятым на небесах под звуки ангельской музыки Малербом и Раканом.

Что касается Бальзака, тот имел привычку жить на берегах Шаранты, а не Сены, и потому не мог более одного дня находиться в прославленном обществе. Хотя он покусывал и даже раздражал Ришелье своим эссе «Правитель», льстящим Людовику XIII и критическим по отношению к кардиналу, Бальзак считался в свое время самым знаменитым из людей литературы. Цензор и хранитель чистоты французского языка, Ге де Бальзак являлся в прозе тем, кем Малерб был в поэзии. И тот и другой — как это стало понятно с течением времени, — словно кариатиды, поддерживали портик классицизма. Многочисленные письма «шарантского отшельника» при Людовике XIII были признаны шедевром эпистолярного жанра. На самом деле Бальзак не писал чего-то совершенно оригинального, у него просто был свой стиль. Его торжественная и величавая проза, кажущаяся сегодня излишне помпезной, в его время выходила за рамки тяжелого «официального» языка, считавшегося слишком педантичным. Так же как Бальзак, господин де Вожела из Савойи, дворянин-грамматик, занимал свое место в компании эрудита Конрара и в Академии кардинала. И тот и другой жаждали, чтобы Академия издала «Словарь». Вожела считал это первостепенной задачей, которой посвятил себя с 1638 года и до своей смерти в 1650 году... но первое издание великого труда увидело свет лишь в 1694 году: «бессмертные» так же не имели понятия о времени, как и простые смертные. Как всегда суровый по отношению к кардиналу, Таллеман де Рео приписывал задержку первого издания «Словаря» его скупости (воображаемой): «Если бы он предоставил Вожела средства на достойное существование, дабы тот не занимался ничем другим, кроме „Словаря“, „Словарь“ вышел бы еще при его жизни... Он также позабыл о постройке здания для этой бедной Академии», вынужденной собираться у того или иного ее члена.

СПОР О «СИДЕ»

Я написал «Сиду», чтобы развлечься и чтобы развлечь честных людей, которым нравится комедия.

Корнель

Господа из Академии могут делать то, что им нравится; поскольку вы пишете мне, что монсеньор будет доволен узнать их суждение и это должно развлечь Его Преосвященство, мне нечего сказать.

Корнель

Пусть выступает против «Сиды» министр, Весь Париж видит Химену глазами Родриго.

Буало

Начиная с Вольтера и до наших дней, принято восхищаться трезвым и многообразным умом и работоспособностью Ришелье, уделявшего пристальное внимание культуре в момент, когда росла внешняя угроза и ширилось возмущение против налогов. Разве в начале января 1637 года Ришелье не произвел в дворяне приказом Людовика XIII семью Пьера Корнеля? (Возможно, Наполеон пытался подражать великому кардиналу, когда в 1812 году издал в Москве знаменитый декрет, учреждавший «Комеди Франсез».)

На самом деле, кардинал беспрестанно импровизирует, стремясь, чтобы его не опередило то или иное событие. Это не идеология. Он не догматик, он эмпирик. Он практически всегда способен чередовать или смешивать мечты и реальность, фантазии и требования, честолюбивые устремления и компромиссы. Его способ управления своим «протекторатом» — Французской Академией — дает тому многочисленные примеры.

Начиная с проекта по ее основанию в марте 1634 года, Ришелье одобряет амбициозную цель Академии — защиту и прославление французского языка, того, на котором говорил Малерб (и Бальзак), — но не слишком на это надеется. Он не критикует практическую программу дел,

скромно предусматривающую составление языкового словаря, издание трактата по риторике, поэзии, публикацию грамматики. Пассивность академиков — задержка словаря, забвение трех остальных проектов — несколько его не волнует, за исключением шефства над «Поэтикой» некоего доктора Ля Менардьера, вышедшей в 1639 году.

Этот Ля Менардьер, ставший академиком в 1655 году, оставил драгоценное, хотя и запоздалое свидетельство о планах академиков Ришелье, до того дня неизвестных. В 1642 году в Нарбонне, во время Руссильонской кампании, кардинал рассматривал вопросы: 1) о строительстве «здания для Академии»; 2) о пенсиях, как минимум, для части академиков; 3) о создании суперакадемии, «большого коллежа» в Париже, руководителями которого стали бы современные ему академики. Означенный коллеж требовал 100 000 ливров ренты. Он должен был иметь европейское, а в дальнейшем и мировое значение, открытый для ученых, поэтов и образованных людей всех цивилизованных стран.

За невозможностью осуществления этих планов кардинал пытается, с умеренным, но неожиданным успехом, вдохновить Академию воспользоваться своей привилегией: играть роль арбитра и цензора в спорных вопросах, вызванных литературной продукцией, издаваемой во Франции. Результатом этого становится «спор о Сиде», к сожалению, не делающий чести покровителю Французской Академии.

В первые дни 1637 года — спустя два года после того, как министр-кардинал решил, что способен к написанию драматических произведений^[112], — в театре «Маре» с успехом проходит новая трагикомедия Корнеля «Сид». Она «покоряет весь Париж», — пишет игравший Сидом актер и глава театра «Маре» Мондори Бальзаку 18 января. Успех поистине грандиозен: двор, Париж и народ рассыпаются в похвалах автору. *Весь Париж видит Химену глазами Родриго*; весь Париж видит Родриго глазами Химены. В лагере противника лишь несколько актеров, не любящих Корнеля, несколько завистливых авторов... а также Его Высокопреосвященство. Бытует бездоказательное мнение, что кардинал, не слишком довольный своими собственными драматическими опусами, ревновал к Корнелю. Но тогда почему он приказал играть «Сиду» «два раза у себя во дворце и три раза в Лувре» (Антуан Адам)? Почему позволил смотреть это произведение своей племяннице мадам де Комбале? Почему убедил короля в конце января того же года пожаловать дворянство отцу Корнеля?

На самом деле министр-кардинал в который раз оказался застигнут врасплох, столкнувшись с непредвиденным для него событием. Корнель

начинает его раздражать, успех трагикомедии, похоже, сделал поэта излишне тщеславным. Корнель, несмотря на свои талантливые комедии, уважаем в Париже и в доме кардинала — он один из «пяти авторов»; но, кроме того, он кумир Парижа, потрясатель привычек и идей, полученных от Его Высокопреосвященства. Словом, Корнель раздражает Ришелье, а его успех — тем более. Он невзлюбил Корнеля, но уважает «Сида»; в двойном качестве изворотливого политика и утонченного служителя церкви он принимает следующее решение: бережно обращаться с автором и критиковать его произведение.

Три конкурирующих автора, — но без Буаробера, нормандца, как и Корнель, и славного малого, — помогают Ришелье или снабжают его критическими аргументами. Это аббат д'Обиньяк, — который в своей будущей «Практике театра» отдаст безоговорочное первенство «трем единствам» Аристотеля (единство времени, места и действия); Жан де Мере — чья «Сильванира», пасторальная трагикомедия, претендовала в 1630 году на литературное соответствие вышеозначенным «единствам»; наконец, Жорж де Скюдери, любитель фанфаронства и провокаций, стремящийся попасть в Академию и ради этого готовый любой ценой угодить Ришелье. Этот последний позволяет себе лишь участие в диспуте, храня нейтралитет до лучших времен.

Диспут о «Сиде» затягивается на целый год. В своем мелочном памфлете «Автор настоящего испанского „Сида“», Мере до последней точки и запятой изощряется, «демонстрируя», что пьеса Корнеля является всего лишь плагиатом испанских авторов. Корнель отвечает «Оправдательным письмом». Но Скюдери нападает на него в знаменитых «Заметках на тему „Сида“». Опираясь на академические правила от 1635 года, Скюдери обращается к Академии с просьбой, чтобы это знаменитое общество рассудило противников и сделало выбор между многочисленными возражениями, высказанными Скюдери, и аргументами в защиту Пьера Корнеля.

Корнель добровольно отказывается от такого арбитража (невозможного без согласия защищающегося), но после выговора Буаробера, честного посредника, соглашается на академический экзамен и его вердикт. Друзья Конрара потрясены: многие восхищаются «Сидом»; остальные знают, что народ за молодого драматурга; но и те и другие также знают или догадываются, что Его Высокопреосвященство выступил против произведения. На собрании Академии 16 июня без особого энтузиазма приступают к работе аббат де Бурзей, Шаплен и Демаре де Сен-Сорлен при участии множества членов комиссии. Начинается длительная путаница,

главным зачинщиком которой является Жан Шаплен.

Шаплен, похоже, не слишком расположен к кардиналу, который ставит на полях постановления пометки, часто собственной рукой, пытаясь добавить в критический текст «несколько букетов цветов». Три поэта — Серизе, Габер де Серизи и Гомбо — занимаются исправлением текста. Серизи обвиняют, что он привнес «слишком много цветов». Совсем не этого желает Ришелье. Чтобы разрешить ситуацию, Жан Сирмон, которому доверяет кардинал, пытается все обобщить; но ему это не слишком удается, поэтому автором окончательной рукописи остается Шаплен. 20 декабря выходит постановление, озаглавленное «Мнение Академии о „Сиде“». Шаплен постарался прийти к соглашению. Корнель обижается. Кардинал доволен игрой в кошки-мышки со слишком амбициозным автором. К тому же начиная с 5 октября аббату Буароберу приказано говорить, что Его Высокопреосвященство желает положить конец спорам.

Диспут о «Сиде» продолжается и в наши дни. Авторы, благоволящие кардиналу, все еще настаивают на его роли посредника (*sic!*) и на доброжелательности (*sic!*) Шаплена. Однако вызывает удивление пристрастность будущего автора эпической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция», будущего раздатчика литературных пенсий. Где де Бальзак проявил себя более трезво и храбро, начиная с лета 1637 года встав на сторону Корнеля.

Господа академики поступили честно, защитив автора «Сида» от обвинения в плагиате. У них также достало мудрости не задерживаться на «трех единствах», — которые к тому же Корнель обещал уважать в будущем, — но они упрямо настаивали на ошибках стиля, подлинных или воображаемых. Особенно они осуждали «Сида» за презрение к соблюдению приличий. То, что Химена — так явно и так быстро — была готова выйти замуж за убийцу своего отца, казалось им верхом неправдоподобия, настоящим преступлением против цивилизации и приличий. На самом деле Корнель любил правду, а Академия противопоставляла ей правдоподобие.

Ришелье хватило ума положить конец этой глупой ссоре. Его «литературная» сторона характера увлекла его на дурной путь, сделала враждебным и изменчивым, озлобленным и рассеянным, и это выходит за грани разумного; достойное сожаления отклонение в жизни человека, преклоняющегося перед разумом.

КАРДИНАЛ И ТЕАТР

Комедия оказалась в чести только после того, как кардинал Ришелье взял на себя заботу о ней, а до этого туда не ходили честные женщины.

Таллеман де Рео

Он с удовольствием присутствовал на всех новых комедиях.

Поль Пелиссон

Умный, образованный Ришелье, — с молчаливого одобрения Людовика XIII взявший на себя роль королевского мецената, — знал, какое место занимала в античности драма (Эсхил, Софокл, Еврипид) и комедия (Аристофан, Плавт, Теренций). Воспитанный в духе набожного гуманизма, он не поддерживал укоренившегося убеждения, что театр — это низменное искусство. Пытаясь всеми средствами завоевать общественное мнение, он понимает, что сцена может иметь огромное влияние. Политическая трагедия, несомненно, стоит столько же, сколько шесть месяцев статей в «Ля Газетт». Покровительствуя авторам, открывая новые театры, он служит одновременно поэзии, королю, государству... и своей собственной репутации.

Добавим жажду упорядочивания (отсюда его преклонение перед «тремя единствами» Аристотеля), привычку приказывать (меценат в данном случае руководит больше, чем обычно), манию ссылаться на разум (еще один аргумент в пользу Аристотеля) и, наконец, возможность писать самому, делающая покровителя заодно и автором. Кардинал восхищается политиками-писателями: Цезарем, Цицероном, Марком Аврелием, Данте, Макиавелли. Его «Мемуары» едва ли принадлежат ему. Его «Политическое завещание», которое он так торопится издать, получит признание лишь после его смерти. Словом, если ему хочется получить похвалы на литературном поприще, следует попробовать писать театральные пьесы.

Ему будут помогать в этом три человека — Мере, д'Обиньяк и Демаре, авторы и теоретики, — четвертым станет тайный помощник, незаменимый аббат Буаробер. Мере (1604–1686), популяризатор «Поэтики» Аристотеля, до сего момента не слишком известен во Франции. Во вступлении к своей

трагикомедии «Сильванира» (1631) он представляет себя мастером трех драматических «единств» (действия, места и времени), дающих автору лишь двадцать четыре часа и ни минутой больше (правило двадцати четырех часов). Затем, чтобы убедить публику, Жан де Мере применяет на практике свою доктрину при написании трагедии «Софонисба» (1634). Ришелье может лишь восхищаться им, тем более что пьеса прославляет правление и политику в античном Риме.

Аббат д'Обиньяк вот-вот придет ему на смену. Он пишет «Театральные приемы», замыслы которых черпает у кардинала. Его преклонение перед «единствами» Аристотеля не несет ничего нового. Зато — и вероятно, это внушил ему Его Высокопреосвященство — он жаждет, чтобы король открыто покровительствовал драматическому искусству и избавился от предубеждения по отношению к актерам. И, наконец, Демаре де Сен-Сорлен столь активно будет участвовать в театральных планах кардинала, что послужит ему в некотором роде подставным лицом.

На протяжении трех лет — 1635, 1636 и 1637 годы — пылкое и неловкое восхищение Ришелье театром принимает довольно банальный вид. В один прекрасный день рождается беспрецедентное начинание: театр пяти авторов, «пяти знаменитых поэтов», как их называет «Ля Газетт». Вокруг кардинала по его просьбе собирается несколько выбранных им поэтов — аббат Буаробер, Гийом Кольте (их мы уже знаем), Л'Этуаль, Жан де Ротру (автор пятидесяти пьес) и Корнель, которого Ришелье рассматривает как дебютанта с уже знаменитой репутацией.

По задумке кардинала, академик Шаплен пишет в прозе схему комедии, снабженную пометками и «причесанную» кардиналом. Затем каждый из авторов получает часть пьесы — один акт в стихах каждому. Результатом становится «Тюильрийская комедия» (1635), способствующая успеху Кольте, но не повышающая известности Корнеля. Она сыграна 4 марта и 16 апреля при дворе, вежливо ей восхитившемся. Авторам дается всего один месяц, чтобы написать и поставить свое задание. В 1636 году, «году Корби»^[113], театр по понятным причинам несколько позабыт, но в январе 1637 года в кардинальском дворце играют вторую коллективную комедию (к пяти авторам присоединяется Мере) «Большую пастораль»; затем, в феврале, третью пьесу, «Слепец из Смирны». Нельзя сказать, что пьесы проходят с настоящим успехом. Идет война. Полыхают восстания против увеличения налогов. В городе ходят стихи против министра-кардинала, в которых осуждается автор, равнодушный к бедам, постигшим государство:

Когда государство переживает настоящую беду,
Он пишет новую пьесу.

Очевидное поражение коллективных творений и неприятный спор о «Сиде», также относящиеся к 1637 году, заставляют Ришелье изменить тактику. Он не отказывается от сочинительства, не отказывается и от помощи профессионалов. Но отныне сочинять будут не пять поэтов, а один ремесленник, более или менее способный перенести на бумагу идеи своего покровителя. Эта формула, продолжающая сохранять анонимность Ришелье, послужит выгоде Демаре, отныне осыпаемого милостями признательного кардинала.

Демаре, «писатель, одаренный множеством талантов» (Луиза Годар де Донвиль), один из первых академиков, достаточно гибок, чтобы идти навстречу всем требованиям своего всемогущего покровителя. В 1638 году Демаре де Сен-Сорлен окончательно завоевывает Его Высокопреосвященство, громогласно — и без малейшей жалости — одобряя заключение в Венсеннский замок аббата Сен-Сирана. В 1640 году Демаре приступает к аллегорической комедии под названием «Европа» (1643). Ришелье всеми силами поддерживает его, тем более что этот проект прославляет Францию и великого министра. А из вступительной речи «в большом зале Кардинальского дворца» 14 января 1641 года на представлении «Мириам», трагикомедии, подписанной Демаре, всем становится очевидно, что здесь не обошлось без участия Ришелье.

Это день славы для Его Высокопреосвященства: он демонстрирует королю, королеве, двору великолепный зал для спектаклей, построенный Ле Мерсье, он празднует бракосочетание своей племянницы Брезе с герцогом Энгиенским; и, наконец, он позволяет себе тонко намекнуть, что «Мириам» — на самом деле его произведение.

Пьеса, похоже, навеяна «историей герцога Бэкингемского». Таллеман де Рео считает, что «Мириам» была задумана кардиналом, чтобы «разозлить королеву», виновную в том, что она поддалась слабости и строила глазки английскому соблазнителю Бэкингему, чему было достаточно свидетелей. Словом, трагикомедия — это зашифрованная пьеса, а ее представление становится со стороны кардинала настоящим объявлением войны.

Однако это не совсем так. Конечно, этот спектакль стал «публичным процессом» (Г. Гутон), за которым последовали две хвалебные страницы в официальной «Ля Газетт». Но это «публичный процесс» со знаком «плюс».

Героиня пьесы, конечно, некоторое время колеблется между любовью и долгом, — как, вероятно, в свое время и сама Анна Австрийская, — но довольно быстро вспоминает о своей чести и государственных интересах. Это триумф долга, прославляемый Ришелье и Демаре. К тому же, зачем кардиналу в 1641 году злить королеву? С 1638 года, с рождения дофина (в 1640 году подкрепленного рождением Филиппа Французского), Ришелье, избавившись от Гастона Орлеанского и его амбиций, сближается с Анной Австрийской. Здоровье короля более чем сомнительно, кардинал, стремясь продолжить свое дело, готовит возможное регентство. Не стоит допускать, чтобы Гастон, ничего не получив напрямую, принялся добиваться своих планов косвенным путем. Отсюда использование Мазарини, настоящего *джокера*, если можно так сказать; отсюда общность интересов министра-кардинала с будущей и законной регентшей.

Таким образом, страсть кардинала к сцене способствовала организации публичного театра, увенчанного его пропагандой.

ГОД КОРБИ

Эта новость [падение Корби] приносит в Париж страшное потрясение: все бегут из него, и на Орлеанской и Шартрской дорогах видны лишь кареты, кучера и лошади, покидающие этот большой город, чтобы обезопасить себя, как если бы Париж был уже разграблен.

Монгла. Мемуары

В 1636 году кардинал-инфант, «видя, что французские войска распространились от Адды до Самбры и что граница плохо охраняется^[114], задумывает двинуться на Париж через долины Соммы и Уазы» (Г. Бодинье). Этот план рассматривается и другим кардиналом, Ришелье, особенно озабоченным победой в испанском Франш-Конте^[115]: там принц Конде — отец победителя при Рокруа — напрасно старается взять Доль (29 мая-15 августа).

Пикардийские города, плохо защищенные и практически не снабжавшиеся провизией, не могут служить серьезным препятствием испанцам. Согласно Вуатюру, городки Ля-Капель, Шатле и Корби должны задержать врага «на многие месяцы». А они «продержались едва ли неделю». Людовик XIII обвиняет в некомпетентности Ришелье. Сен-Симон обвиняет Шавиньи, которого спутал с Сервьеном или с Сюбле де Нуайе. Ожидая суда истории, король и Его Высокопреосвященство в течение трех недель заняты обвинением в оскорблении Его Величества Рене де Бека, так быстро сдавшего Ля-Капель, и барона де Сен-Леже^[116], губернатора Катле. 18 августа «их растянули на четырех лошадях, обойдясь с ними так, как они того заслуживали» (Ришелье). Три дня спустя сдается третий пикардийский город — Корби^[117].

С начала августа Людовик XIII и Ришелье мобилизуют парижан, обеспокоенные тем, что враг находится в тридцати шести лье от Лувра. 4 августа выходит ордонанс, приказывающий, «чтобы все мужчины, носящие оружие, отправлялись вербоваться к маршалу де Ля Форсу» в двадцать четыре часа. 5 августа Совет выглядит и действует как совет военный; становится известно, что граф Суассон, за неимением достаточной военной силы, не может помешать испанцам переправиться через Сомму.

Враги кардинала осыпают его упреками. «Не растерялся ли он?» (Вуатюр). Нет, даже когда замечены эскадроны разведки генерала фон Верта, не только в тридцати, а даже в пятнадцати лье от столицы, он демонстрирует пример спокойствия, сопровождаемый не только дюжиной гвардейцев, но и «всего лишь пятью-шестью дворянами». Вместе с королем он принимает меры по защите и подготовке контрнаступления. Вот несколько примеров.

5 августа: Ордонанс предписывает «пересчитать в гильдиях мужчин, способных держать оружие». *6 августа:* Хозяева обязаны «отправить на вербовку в армию своих слуг». Каждый владелец кареты «должен предоставить одну лошадь со слугой или кучером». Хозяева гостиниц и дворяне, служащие королю, в независимости от квартала должны объединиться в «Пикардийскую армию, экипированную и вооруженную». *7 августа:* Капитулы, коллегии, общины и монастыри должны содействовать «военным расходам» (одних молитв более недостаточно).

На улицах постоянно слышен барабанный бой. Люди вербуются в армию. Грузчики пожимают руку старому маршалу де Ля Форсу, участвовавшему еще в кампаниях Генриха IV, и говорят ему: «Да, господин маршал, я хочу пойти на войну вместе с Вами» (Таллеман де Рео). «Парижское население охвачено беспрецедентной патриотической экзальтацией» (Г. Бодинье), неизвестной со времен победы при Фонтен-Франсез (5 июня 1595 г.). Результат весьма ощутим. Только в Париже набрано 15 000 бойцов, рекрутов и добровольцев, в то время как Лонгвиль набирает в Нормандии 10 000, которые присоединяются к 35 000, набранным в Санлисе под командованием (теоретическим и весьма обманчивым) Месье, которому, к счастью, помогает граф де Суассон. Возвращаясь к словам Вуатюра, кардинал демонстрирует «осторожность, постоянство и благородство... Он не казался мне столь великим, столь торжествующим даже тогда, когда вошел в ЛаРошель, а его поездки из дома в Арсенал кажутся мне более славными для него, чем те, которые он совершал по другую сторону гор и из которых он вернулся, взяв Пиньероль и Сузу».

Победа в который уже раз укрепит непостоянное доверие короля к своему верному подданному. 4 октября французские союзники шведы побеждают при Витстоке. В октябре и ноябре французские войска успешно сопротивляются в Сен-Жан-де-Лон (Бургундия) разношерстной армии, объединившей имперцев Галла^[118], испанцев и войска герцога Карла Лотарингского. 14 ноября войска Людовика XIII занимают, наконец, Корби, блокированный ими начиная с 27 декабря.

Как описать этот тревожный год, принесший французам в целом и парижанам в частности столько ужаса и страданий, а также удовлетворение и веру в победу над Австрийским домом? Но не только этим знаменит 1636 год. В 1636 году происходит назначение архиепископа Бордо, монсеньора де Сурди, командующим под вычурным титулом «главы королевских советов и военно-морского флота». Начиная с октября он пытается отбить у испанцев Леринские острова. В этом году Ришелье передает в дар своему господину еще недостроенный роскошный Пале-Кардиналь^[119]. В середине октября из-за сомнений Месье провален заговор амьенцев, в планы которых входило убийство Его Высокопреосвященства...

Наконец, в этом году случается самое парадоксальное: в то время как французы накапливают вполне законные претензии к испанцам, Пьер Корнель завершает свою трагикомедию «Сид», непревзойденный шедевр, прославляющий Испанию, страну гордости, отваги и чести.

Французские войска сперва терпели поражения со всех сторон. Потребовались большие усилия, чтобы оказать сопротивление тем, кого, казалось, можно было столь легко победить.

Вольтер

Не стоит судить о вещах по одному событию.

Ришелье

Декарт, сей смертный, которого обожествили Среди язычников, стоит посередине Между человеком и разумом.

Лафонтен

Слабое место биографий заключается в следующем: или жизнь героя раскладывается на логические главы (пример: «Ришелье и протестанты», «Ришелье и морской флот» и т. п.), или как бы разворачивается в хронологический «фильм» с отдельными «стоп-кадрами»; и в том, и в другом случае авторы не задерживаются на годах, признанных ничем не примечательными. Считается необходимым подробно рассмотреть 1636 год, названный Бог знает почему «годом Корби» — видимо, столь значимой оказалась потеря Корби или его возврат в том же году? — а не 1635 год (начало «открытой» войны) или 1638-й (рождение будущего Людовика XIV). Это ошибка. Даже если Ришелье не мог понять этого в тот момент, год 1637-й, например, был более примечательным, более поучительным. Он показал, что война с Австрийским домом не была выиграна заранее. Конечно, Сурди отобрал у испанцев Леринские острова; конечно, кардинал де Лавалетт взял Ландреси (25 июля) и Ля-Капель (20 сентября); Шомбер стал победителем при Левкате (28 сентября), но министр-кардинал на протяжении лета в строжайшей секретности поддерживал связь с Оливаресом, в то время как весной герцог Роган вынужден был отказаться от Вальтеллины.

Во внешней политике не прошла незамеченной смерть Фердинанда II,

а тем более — герцога Савойского Виктора Амадея. Эти двое всегда являлись предметом первоочередной заботы Его Высокопреосвященства. Однако французские события также вовсе не были обычными. В одном только культурном плане 1637 год был годом исключительным. Не из-за представления комедий, наивным и настойчивым создателем которых был кардинал («Большая пастораль», «Слепой из Смирны» — плоды коллективного творчества), а потому что в этот год на свет явились два несравненных шедевра: «Сид» — в январе, «Рассуждение о методе» — в июне. Вместо того чтобы быть откровенным и показать себя игроком, умеющим достойно признать свое поражение, все, что сделал Ришелье — это стал подстрекателем глупого спора о «Сиде». Этот амбициозный человек, без конца пытающийся подтвердить свою гениальность, совершил в данном случае главную ошибку своей жизни: следовало, пользуясь титулом покровителя, ввести в Академию Пьера Корнеля и Рене Декарта.

На самом деле министр-кардинал в этот момент сталкивается более чем с одной проблемой. Франция исконная, Франция крестьянская и ремесленная восстает против налоговой администрации, то есть против правительства: с мая по июль Ришелье вынужден справляться с крупным восстанием перигорских «кроканов», противников налогов. Еще одна проблема: королева не считает себя до конца француженкой. Она переписывается со своей родиной, Испанией, страной своего брата. Ришелье стремится остановить эту опасную переписку, не дать королю объявить о разрыве отношений с женой, не позволить королеве окончательно возненавидеть главного советника короны. Это представляется легким сегодня, на расстоянии трех с половиной веков, но в 1637 году напоминало квадратуру круга.

Ришелье должен также считаться с окружением Людовика XIII, подстраивать свою тактику под щепетильность Луизы де Лафайет, под любовные, религиозные и политические терзания Людовика XIII, под внезапную твердолобость отца Коссена, духовника Его Величества, настаивающего на франко-испанском мире, о чем он заявляет королю 8 декабря, и на отставке Ришелье. Не в силах безнаказанно дать отпор по всем пунктам, Ришелье помечает свою территорию с помощью символических действий: 27 октября он приказывает арестовать и заключить в Бастилию маршала де Витри, того самого, который избавил короля от Кончини (подобные великие личности не слишком много думают, зато много говорят); 10 сентября он добивается у Людовика XIII отставки и ссылки сочтенного неугодным духовника.

Тем временем в конце года происходит решающее событие, событие

еще неизвестное Его Высокопреосвященству, но которое перевернет сдачу политических карт и судьбу будущего королевства. 5 сентября 1637 года в Лувре волей Провидения или, вернее, стараниями мадемуазель де Лафайет и господина де Гито, капитана гвардейцев, Людовик XIII вопреки всем ожиданиям зачинает будущего Людовика XIV... Он рождается 5 сентября 1638 года.

Однако и это еще не все. 1637 год еще не раскрыл всех своих тайн. 24 августа Антуан Леметр, юный государственный советник, на которого возлагал все свои надежды канцлер Сегье, оставляет двор и столицу и «уединяется» под сенью аббатства Пор-Рояль, пополняя ряды суровых, но страстных августинцев, ряды Контрреформации, важность и ценность которой, несмотря на всю свою гениальность, так никогда и не осознал Ришелье.

СВЯТЫЕ В ТЮРЬМЕ

Следует идти туда, куда ведет Бог, и не лениться.

Сен-Сиран

Я нахожу удивительным в христианнейшем королевстве видеть епископов в комедии, а святых — в тюрьме.

Иоганн фон Верт

14 мая 1638 года в шесть часов утра верховой в сопровождении более двадцати солдат именем короля постучал в дверь господина аббата Сен-Сирана, дал ему время лишь на то, чтобы сменить домашнее платье на сутану, и препроводил его в карете в Венсеннский замок. Никогда еще приказ Его Величества не походил так на указ министра-кардинала. 6 февраля 1643 года — спустя два месяца и два дня после смерти Его Высокопреосвященства — тот же Сен-Сиран покинул стены своего узилища между двумя рядами солдат «под оружейные залпы, барабанный бой и звуки флейт» (Р. Тавено). Почти пять лет, «уверенный, что служит церкви и государству» (Ришелье), кардинал-герцог продержал в своих застенках «самого видного творца католической реформы», «наследника кардинала Берюля, сподвижника святого Винцента де Поля, реформатора монастырей, советника духовной власти своего времени» (Р. Тавено).

Арест Сен-Сирана нельзя объяснить дурным настроением; управитель Венсеннского замка был предупрежден об этом еще 2 мая. Этот арест его инициатор подписывает с легким сердцем, совершенно спокойно, без малейших угрызений совести. В тот же день Ришелье скажет аббату де Бомон-Перефиксу: «Бомон, сегодня я совершил одну вещь, которая восстановит против меня всех. Я приказал арестовать именем короля аббата Сен-Сирана. Ученые и порядочные люди, возможно, поднимут по этому поводу шум. Как бы там ни было, я уверен, что сослужил службу церкви и государству. Мы избавились бы от многих несчастий и беспорядков, если бы заключили в тюрьму Лютера и Кальвина, едва они начали свои проповеди».

Не без юмора Сен-Сиран «насчитал 17 причин своего заключения в тюрьму, хотя среди них не было ни одной законной» (каноник Эрман). Его

гонитель признался в двух. Первая — раненое самолюбие — богословская. Чтобы убедить принца Конде, обосновывая свою жестокую санкцию, Ришелье скажет: «Вы видите у меня на столе мой катехизис^[120], он был издан 22 раза. Я пишу в нем, что на исповеди достаточно аттриции, а он [Сен-Сиран] верит, что необходимо полное раскаяние». Тридентский собор благоразумно решил не делать выбора между аттрицией и раскаянием. Следовательно, можно было, не компрометируя Контрреформацию, склоняться в ту или другую сторону, не будучи обвиненным в опасном «догматизме». Августинцы, и Сен-Сиран первый, проповедовали полное раскаяние (сожаление об ошибке, опечалившей любящего Господа). Их моральный проповедник к тому же требовал: «Будьте совершенны, как совершенен ваш Отец небесный». Ришелье, напротив, подобно иезуитам и казуистам считал, что достаточно аттриции (боязни наказания для грешника), чувства весьма распространенного (Людовик XIII и Ришелье одинаково боялись ада) даже в этом ханжеском веке.

Вторая важная претензия была религиозной и политической. Сен-Сиран признавал законным и легитимным брак Гастона Французского, герцога Орлеанского, брата короля, и Маргариты Водемон, лотарингской принцессы. Брак этот шел вразрез с государственными интересами. Ришелье, превративший его в разновидность оскорбления Его Величества, резюмировал дело следующим образом: «В том, что касается брака Месье, вся Франция солидарна со мной, он один [Сен-Сиран] имеет наглость утверждать обратное».

Третья причина: сильнейший всегда прав. Сильнейшим, естественно, являлся Его Высокопреосвященство. Четвертая причина: если Его Высокопреосвященство всегда прав, достаточно, чтобы остальные признавали свою неправоту даже ценой собственной свободы. Пятая причина — важная, но скрытая: Ришелье никогда не простил аббату Сен-Сирану, что он заменил Берюля († 1629) на посту маяка движения Контрреформации во Франции или, как минимум, разделил этот пост с Винцентом де Полем. Шестая причина вытекает из предыдущей: Сен-Сиран после «Дня одураченных» и опалы братьев Марильяков стал главой «партии святош». Седьмая причина: в качестве главы «партии святош» аббат Сен-Сиран осуждал, особенно начиная с 1635 года, внешнюю политику, которую Ришелье удавалось заставить одобрить Людовика XIII. Открытая поддержка правителей-протестантов империи и двух лютеранских стран, протестантских или англиканских, представлялась Сен-Сирану «противоречащей интересам церкви» и чести христианнейшего короля.

Восьмая причина продолжает, уточняет и усугубляет седьмую: Сен-Сиран являлся другом — и соучастником — Янсения, пылко бельгийского епископа из Ипра (умер от чумы 6 мая), виновного в написании возмутительного памфлета «Mars Gallicus» (1635), осуждающего объявление Францией войны Испании. Девятая причина также касается внешнеполитических дел: Сен-Сиран отказался от назначения духовником Генриетты Французской, королевы Англии.

Другие причины возвращают нас во Францию. Сен-Сиран на самом деле имел слишком большое влияние: Винцент де Поль и отец де Кондрен считали его немного упрямым и самоуверенным, но уважали его. Им восхищались принц Конде, святая Жанна де Шанталь, Арно д'Андильты, генеральный прокурор Матье Моле (будущий хранитель печати), государственный секретарь Шавиньи, герцог де Лианкур. Следы этого влияния обнаруживаются даже в ближайшем окружении министра-кардинала: герцогиня д'Эгийон будет тронута его несчастьем, канцлер Сегье вынужден признать, что в конфискованных рукописях не оказалось никакой ереси. Кроме того, Сен-Сиран занимал важный духовный пост: в 1635 году он стал «настоятелем и исповедником» аббатства Пор-Рояль.

За пределами Пор-Рояля только что образовалось по инициативе Антуана Леметра, чьим духовным наставником являлся Сен-Сиран, маленькая община пустынников, решившая в 1637 году «жить исключительно для и ради Господа» (Р. Таверно), распрощавшись с двором, городом, амбициями и светской жизнью.

Тщетно Ришелье, чтобы притушить блеск Сен-Сирана, пытается привязать его к себе: Сен-Сиран отказывается от епископства Байоннского. К тому же кардинал-герцог окружен людьми, побуждающими его мешать этому слишком влиятельному, слишком благородному священнику: это отец Жозеф^[121] и Заме, епископ Лангра, а также Сюбле де Нуайе, государственный секретарь, «самый ревностный из всех защитников иезуитов» (Ж. Эрман).

К этим шестнадцати причинам^[122] Ришелье добавил еще один повод, еще один удобный предлог. 15 марта появился комментарий к «De Virginitate» святого Августина, труд отца Клода Сегено, ораторианца. Этот монах, «человек столь же набожный, сколь и ученый», собрал в этой книге столько странностей и несуразностей, что против него ополчилась настоящая коалиция религиозных орденов. К несчастью, было решено, что Сегено — подставное лицо аббата Сен-Сирана, тем более что он критиковал сторонников аттриции, похоже, целя в «Наставления

христианину» Ришелье. Ришелье в своем звании провизора Сорбонны приказал передать «De Virginitate» на суд факультета богословия, чтобы подвергнуть его цензуре^[123]. Параллельно именем короля Ришелье 7 мая приказал арестовать Сегено^[124]. Оставалось лишь приказать взять под стражу предполагаемого вдохновителя этого ораторианца. Атриция превратилась в дело государственной важности. Говорили, что «кардинал Ришелье... скорее ревновал к своему Люсонскому катехизису, чем действовал во славу Господа и любви к своей церкви» (каноник Эрман).

В ПРЕКРАСНОМ ЗАМКЕ

С тех пор как я живу в прекрасном замке, который приказал обустроить для меня король, я не перестаю молить Господа за него и за вас, дабы он стал для вас всем и вы преданно служили ему с самого детства.

Сен-Сиран. Моей крестнице

В душе его были только мир, добродетель, смирение, покорность, любовь к Церкви и единству.

Никола Фонтен

Травля иногда оборачивается против того, кто ее устроил. Разрушив Пор-Рояль в начале XVIII века, Людовик XIV, напротив, обессмертил знаменитое аббатство. А Ришелье, приказав арестовать как преступника уважаемого и почитаемого священника, даже не думал, что лишь приумножит его славу, вызовет к нему сострадание, сделает из Сен-Сирана идола.

В начале заключения судьба жертвы более чем тяжела. Камеры в башне Венсеннского замка чрезвычайно темные и мрачные: узник не имеет ни пера, ни чернил, у него есть лишь карандаш, которым он пишет на клочках бумаги. Его здоровье быстро ухудшается. Лишь с помощью молитвы и веры Сен-Сиран переносит свои «тяжкие испытания» (Сент-Бёв). И это длится многие месяцы. Тщетно Жером Биньон, генеральный прокурор Моле, епископ Коспо, монсеньор де Спонд, епископ Памье, принц Конде обращаются к кардиналу Ришелье. Единственным послаблением участи Сен-Сирана будет его перевод 3 декабря в менее суровое и проветриваемое пристанище, прогулки во дворе (под стражей) и позволение иметь слугу.

Время от времени министр-кардинал вновь ужесточает условия заключения, рассчитывая получить от своей жертвы признание вины и повиновение. Так, 15 мая 1639 года Сен-Сирана навещают «воспитанник» кардинала-герцога каноник Леско и государственный советник Лобардемон, подчиняющиеся архиепископу Парижа и явно пренебрегающие церковными привилегиями в вопросе правосудия. Годом позже, 29 апреля 1640 года, Ришелье вновь посылает Леско в Венсенн.

Заклученный избегает западни, которую может представлять любое уточнение об аттриции^[125]; он довольствуется тем, что передает своему не слишком любезному коллеге следующее заявление: «Заявляю пред Господом и ангелами Его, что никогда не имел никаких особых мнений и не желаю никогда иметь никакого иного мнения, отличного от мнения католической апостольской Римской церкви, которой желаю принадлежать всю свою жизнь до последней нитки моего платья. В частности, я верен святому Тридентскому собору, а также канонам, образующим догмы доктрины, как и указам, касающимся дисциплины и управления церковью».

Весной 1641 года навестить узника, которого она уважает и желает лучше устроить, приезжает в Святой вторник герцогиня д'Эгийон, племянница кардинала. Но Сен-Сиран не меняет избранной тактики: он уважает Тридентский собор, а собор не сделал выбора между покаянием и аттрицией, следовательно, во-первых, он не является еретиком, и, во-вторых, он не желает более писать по поводу своего раскаяния. Для Ришелье, не имеющего намерения получить от короля помилование Сен-Сирана, все эти поступки были и остаются прозрачными.

Тем временем появляются новые поводы для оппозиции. В августе 1640 года в Лувене выходит большое посмертное произведение Янсения «Augustinus». Французский перевод — с королевской привилегией — появится в продаже в сентябре 1641 года. Быстро прославившееся произведение тут же порождает множество споров. Это сочинение позитивного богословия прежде всего объединяет все тексты отцов церкви, касающиеся проблемы божественной благодати. Вопрос благодати, всегда связанный с вопросом спасения — объединяющего и разделяющего Реформацию и Контрреформацию, — гораздо тоньше вопроса покаяния. Если в стяжании благодати слишком подчеркивать участие христианина, то велика вероятность впасть в пелагианство; если, напротив, исключить усилия человека и его заслуги, велика вероятность объединить благодать и предназначение. Если объединить тему со смирением и уважением, в божественной благодати появляются таинство и чудо. Если, напротив, без конца рассуждать о благодати, ее средствах, пределах, ее действии, мы подражаем старшему брату из притчи о блудном сыне. Теолог благодати, если не будет осторожным, претендует на то, что лучше Господа знает, как проявляется Его доброта и милосердие.

Иезуиты незамедлительно демонстрируют свою враждебность к «Августину», и Рим тут же проявляет беспокойство: 6 марта 1642 года папа Урбан VIII подписывает буллу «In eminenti», опубликованную в январе

следующего года, то есть уже после смерти Ришелье. Булла осуждает книгу, особенно в том, что касается папского запрета трактовать вопросы благодати.

Сен-Сиран, слишком тесно связанный с Янсением, чтобы не знать истинного смысла «Августина», хорошо осведомлен, что Ришелье проявляет такую чувствительность в области богословия, стремясь скрыть свои претензии, политическое или личное самолюбие. В отличие от него, Сен-Сиран, простой узник, ревностный священник, продолжает трудиться ради веры. Несмотря на сложности, связанные с написанием и пересылкой написанного, он пишет множество писем (изданные, они составили два тома); обращая вольнодумцев и равнодушных, наставляя детей, давая советы родителям, добиваясь милосердия, особенно что касается «людей, стыдящихся своей бедности».

«Особым расположением он одаривал души» (Р. Тавено) Антуана де Ребура, духовника Порт-Рояля; Арно де Люзанси, сына Арно д'Андильи и бывшего приближенного министра-кардинала; Анну де Роган, принцессу де Гемене. Принадлежа «к наиболее высокому слою парижского общества... являясь героиней скандальной хроники», эта дама «послушно позволила руководить собой узнику Венсеннского замка; адресованные ей Сен-Сираном письма позволяют шаг за шагом проследить ее духовный путь» (Р. Таверно). Обращение Анны де Роган, часто называемое «чудом благодати», было совершено ее крестным аббатом Сен-Сираном, заключенным в тюрьму как еретик, жертва ревнивого и злопамятного кардинала.

БЛАГИЕ ССОРЫ

Одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех...

Святой Павел

Арест Сен-Сирана являлся, быть может, самой большой ошибкой Ришелье. Приказав арестовать его, он верил, что защищает церковь и государство. На самом деле он объявил войну важной части Контрреформации — августинскому течению, — и эта война вскоре иссушит богословие, взбудоражит умы, умертвит души. Следом за этой первой травлей будущего янсенизма появятся бесконечные споры между августинцами и молинистами, тайный диалог между Паскалем и отцами-иезуитами, преследование Пор-Рояля и, наконец, политический янсенизм эпохи Просвещения. Поскольку в ту эпоху веры и Реформации, сражавшейся с Контрреформацией, не существовало границ между религией и политикой.

В данном случае Ришелье не хватило осторожности, хладнокровия и чутья. За августинской набожностью он увидел у Сен-Сирана, у первых отшельников, в Пор-Рояле отказ от Града земного (во имя Града Небесного), вредящий государству и королевству; набожный фундаментализм, порождающий разновидность нигилизма. Только так можно объяснить известные слова кардинала принцу Конде, явившемуся просить за Сен-Сирана: «Понимаете ли Вы, о каком человеке со мной говорите? *Он опаснее десяти армий*». Это не суждение, а констатация, отсылающая к королевской политике: сто пятьдесят лет угроз и враждебности со стороны ревностных приверженцев святого Августина. Мазарини и Людовик XIV поддержат нетерпимость Ришелье (тем более удивительную, что кардинал выказывал себя гораздо менее враждебным к протестантам): целой книги не хватило бы, чтобы проанализировать последствия этой политики, начиная от Фронды и до Французской революции.

Однако решимость Его Высокопреосвященства дает нам возможность поразмыслить. Как могли запереть в мрачной башне Венсеннского замка священника, которому годом раньше было даровано епископство? Или почему было даровано епископство влиятельному еретiku (?), которого вскоре заключили в тюрьму? Слишком занятым Реформацией и

Контрреформацией, пасторам и священникам часто не хватало времени, необходимого для правильной оценки. Им нравилось подчеркивать свои отличия, они охотно забывали об общности веры ради полемики по второстепенным вопросам. Так порождаются и развиваются споры. Политика, основанная на религии, ни к чему не приводит, что подтверждает наш XXI век. Он подтверждает также, что разногласия часто бывают такими же сильными и жестокими, как и чувства (израильтяне и палестинцы, сунниты и шииты и т. п.). Вот почему Рим сегодня более снисходителен к Лютеру, чем к Лефевру^[126]. Вот почему иезуиты ненавидят Великого Арно^[127] гораздо сильнее, чем пастора Жюрье. Вот почему Ришелье проявил себя жестче по отношению к аббату Сен-Сирану, чем к мэру восставшей Ла-Рошели.

Сегодня, по прошествии большого промежутка времени, мы можем проанализировать сходства, различия и противоречия христианской веры эпохи барокко. Отец Кондрен, последователь Берюля, вставший во главе ораторианцев, поможет нам в этом. Он пронумеровал и расставил по местам основы веры ораторианцев: Бог (Бог Тридентского собора, Бог триединый — от которого все зависит и к которому все должно приходиться, но берюлианская набожность не только теоцентрическая, но одновременно и *христоцентрическая*), Дева Мария, на третьем месте Церковь и замыкает список Священное Писание, поскольку то, что называют французской школой духовности, всегда неразрывно было связано с евангельским учением. Эта градация (Бог, Дева Мария, Святая церковь, Священное Писание) не является монополией «святош» того времени — мы еще представим параллельные иерархии, — но, несомненно, наилучшим образом передает смысл Контрреформы. Если же мы возьмем веру протестантскую (кальвинистскую), то она состоит всего из трех ступеней: Бог, Священное Писание, Церковь. Между этими двумя крайностями помещаются два конкурирующих и мало согласующихся варианта — иезуитов и Пор-Рояля. Мы позволили себе свести все это в следующую

ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИИ РЕЛИГИИ БАРОККО

Реформация	Контрреформация		
<i>Кальвинистская вера</i>	<i>Ораторианцы</i>	<i>Иезуиты</i>	<i>Пор-Рояль</i>
1. Бог	1. Бог	1. Бог	1. Бог
2. Священное Писание	2. Мария	2. Церковь	2. Священное Писание
3. Церковь	3. Церковь	3. Мария	3. Августин
4. Священное Писание	4. Священное Писание	4. Церковь	5. Мария

таблицу:

Эта таблица, несмотря на свою простоту, показывает, что католики и протестанты имеют три общих элемента веры: Бог, Церковь и Священное Писание. Эта констатация подчеркивает братоубийственный характер религиозных войн. Она также показывает оригинальность Пор-Рояля, превратившего святого Августина в «пятого евангелиста». Янсенисты проявляют больше почтения к Библии, чем все прочие католические течения. Их враги обвиняют их в близости к протестантам. Это обвинение, к тому же необоснованное, присоединяется к упреку в хвастовстве. Впрочем, это не мешает Пор-Роялю почитать Деву Марию.

В целом отличия между ораторианцами, иезуитами и янсенистами являются всего лишь разногласиями; они не превратились в непреодолимые препятствия. Вера едина, и то, что объединяет — Святая Троица, воплощение, искупление, надежда и милосердие, — гораздо важнее того, что разделяет... или отличает.

ИСКУШЕНИЕ ГАЛЛИКАНСТВОМ

Правители обязаны признавать власть Церкви и подчиняться ее святым правилам.

Ришелье. Политическое завещание

В своих трактатах о власти римского папства кардинал Беллармин признавал, что Христос доверил святому Петру и его последователям только духовную власть.

Пьер Бле

В тройном качестве: кардинала Римско-католической церкви, вынужденного уважать папу и Святой престол; главного министра христианнейшего короля и искусного политика, заботящегося о сохранении национального самолюбия, Ришелье не переставал лавировать между Сциллой и Харибдой.

Вовсе не случайно католическая Франция отказалась признать постановления Тридентского собора, которыми она не переставала подпитываться и которые поддерживали ее доктрину и религиозную деятельность. Церковь Франции никогда (или почти никогда) не уступала своим привилегий (которые король обещал хранить во время коронавания) и своей независимости (в 1614 году треть населения Франции потребовала, чтобы независимость в отношении Рима, как и в отношении империи, стала законом). Из этого следует, что тот, кто делает из министра-кардинала творца государственного галликанства образца XVII века, вводит нас в заблуждение. Святой Людовик тоже в некотором роде был одержим галликанством, не говоря уже о Филиппе Красивом — этом очень гибком правителе, гораздо более набожном, чем это принято считать. Ришелье не изобрел ни галликанство — чувство более чем вековой давности, — ни антиклерикализм, появившийся гораздо позднее.

В своем знаменитом «Политическом завещании», будучи хорошим политиком и искусным богословом, он старается выглядеть внушающим доверие, отзываясь о папе и науке об организации и жизни Римской церкви крайне осторожно. Целый раздел произведения озаглавлен «О повиновении, которое следует выказывать папе». Римский понтифик

достоин этого как наследник святого Петра и наместник Бога на земле. Его главенство неоспоримо, но ограничено духовной сферой. Действительно, «хотя короли обязаны уважать тиару суверенных понтификов, они также обязаны хранить власть своих корон». В результате появляется нечто вроде разумного и умеренного галликанизма. Ришелье утверждает, что королевские судьи олицетворяют власть короля с его короной, «которая, будучи круглой, не имеет конца», в то время как ультрамонтаны «очень нескромно» и «слишком открыто показывают себя приверженцами Рима». Но существует также путь, который Боссюэ окрестил «средним». Но был ли он выбором Его Высокопреосвященства?

Этому разделению — папа властвует в сфере духовной, король является хозяином у себя в государстве над всем мирским — противопоставляется практически суверенное честолюбие всемогущего министра. Рене Тавено считает, что истинное галликанство Ришелье должен быть измерен, понят, оценен с точки зрения всемирной политики. Для Его Высокопреосвященства на самом деле речь идет не только о Франции или отношениях между Парижем и Римом, но о точке зрения на всю Европу, о выборе, сделанном в рамках ушедшего в прошлое средневекового христианства. Начиная с 1624 года он, сделав ставку в игре на немецких князей империи против Австрийского дома, католичество и поддержку Контрреформации, «дезорганизует аппарат католической реформы», придает традиционному галликанству большой размах (который идеологи ошибочно соединяют с антиклерикализмом) и проповедует «подчинение духовного мирскому, то есть церкви государству».

Однако в рамках королевства Французского он, похоже, идет еще дальше. Он пытается стать генералом французских бенедиктинцев, объединив их в единую конгрегацию; к сожалению, он недооценил дух независимости аббатств. Он даже добивается должности и обязанностей «постоянного легата Святого престола», но не учитывает ума и осторожности Урбана VIII, весьма уклончивого, когда министр-кардинал в конце 1639 года хочет стать «патриархом галлов». Почему не «патриархом Запада»? Почему не «папой Франции»? На протяжении трех последних лет жизни Ришелье множество авторов пасквилей восхваляют или осуждают патриархат (не является ли это основой раскола на восточный манер?). Это вынуждает Его Высокопреосвященство перейти к более разумному галликанству.

Религиозная политика Ришелье, во-первых, разнообразна, во-вторых, поражает своими противоречиями. Единственное, что, похоже, связывает ее воедино, — служение собственным бесконечным амбициям. Те, кто

восхваляет разум, иногда, как следует из опыта, проявляют себя совершенно безрассудно. Что же происходит тогда с этим политическим и богословским «средним путем», которого мы не перестаем придерживаться?

СТРАННЫЙ БОГОСЛОВ

Любовь и присутствие Господа — вот два мощнейших мотива, которые могут заставить человека очиститься от греха.

Ришелье

Ришелье явно гордился званиями доктора и провизора Сорбонны.

Рене Пиллорже

Первый министр-богослов есть редкость, достойная подражания.

Жан де Вигери

Вот уже несколько лет, как пролит свет на религиозный облик Ришелье, о существовании или подлинности которого позабыла французская патриотическая историография. Профессор Муснье, похоже, совершил настоящее открытие, просто напомнив всем, что Ришелье был священником. Жан де Вигери, большой поклонник томизма, подчеркнул непревзойденное знание и понимание богословия кардиналом-герцогом. Франсуаза Гильдехаймер считает, что «личность Ришелье следует рассматривать сквозь призму его принадлежности к церкви». Она ссылается по этому поводу на очевидный хронологический факт, но также на интеллектуальную причину, поскольку звание христианина являлось «главным определением человека XVII века, а установление Царства Божия — целью, к которой должно устремляться всякое человеческое действие». В ту эпоху в книжных лавках можно найти множество «духовных сочинений» бывшего епископа Люсонского, которых при его жизни было написано две тысячи^[128]. Нет смысла сомневаться в важности, которую министр-кардинал придавал этой части своих трудов.

Преобладают четыре заголовка: «Основы вероучения католической церкви, защищаемые от сочинения, адресованного королю четырьмя пасторами так называемой реформированной церкви» (1617), «Наставления христианину» (1621), «Трактат о совершенствовании христианина» (1646)

и «Метод обращения тех, кто отделил себя от церкви» (1651). Выделяются два из них: «Наставления христианину», часто называемые катехизисом Ришелье, и «Трактат о совершенствовании», появившийся посмертно в 1646 году и написанный между 1636 и 1639 годами. «Наставления» сопровождают недолгое пребывание их автора в Совете; этот катехизис предназначен прежде всего священникам Люсонского епископата; в 1666 году произведение будет переиздано в 31-й раз благодаря знаменитости написавшего его кардинала. Зато в 1639 году публике еще неизвестно содержание «Трактата о совершенствовании», но для размышлений о нем подходит, несомненно, то же время, что и для катехизиса 1621 года.

«Наставления христианину», предназначенные приходским священникам и изданные до создания семинарий, преследовали двойную цель: воспитать священников (например, они могли служить пособием для чтения проповедей во время приходской мессы, если священник не умел хорошо говорить) и наставить паству. Это катехизис упрощенного богословия, подобно обращению. Разумеется, он верен канонам Тридентского собора и близок к известной модели — «Римскому катехизису». Его основным достоинством является педагогическая ценность. В двадцати восьми уроках епископ Люсонский рассматривает: 1) таинство и символ веры; 2) любовь к ближнему и заповеди; 3) упование и молитву; 4) таинства. Последний урок посвящен тому, что Ришелье называет «повседневным уроком христианина»: утренним молитвам («Credo», «Pater noster», «Ave Maria») и вечерним молитвам («Pater», «Ave»), разделенным днем, когда верующий «должен прерывать на время обязанности, к которым призывает его положение, совершая свои деяния во славу Господа».

«Трактат о совершенствовании христианина» является гораздо более философским. Не случайно его автор «около пятидесяти раз» (Вигери) цитирует в нем Фому Аквинского. Этот знаменитый богослов, гений теологии, но теологии умозрительной, в то время как мэтры французской школы богословия (Берюль, Кондрен, Олье, Жан Эд, Сен-Сиран) занимались теологией позитивной (напрямую исходившей из Священного Писания). Читая Ришелье, сперва кажется, что «философия является служанкой его теологии, но говорят, что иногда она бывает ее хозяйкой» (Ж. де Вигери). Разум «является фундаментом философской системы кардинала», проводником «образа действий христианина».

Этот разум подобен лестнице Иакова. Он учит нас, пишет Ришелье, «что совершенство каждой вещи заключено в единстве с ее концом». Он освещает и заставляет понимать дела веры. «Он хочет, чтобы мы предпочли

преходящему вечное». Это сильно отличается от современного рационализма, но тем не менее противопоставляется «фидеизму» Берюля и Паскаля. Ришелье проповедует такой разум, который он возвышает, освящает, насыщает религиозным светом, словно этот разум — тем не менее человеческий и философский — вполне естественно был приобщен к евангельскому Логосу^[129] согласно Иоанну Богослову.

Увы, даже почитатели этой философии, скорее спекулятивной, чем библейской, раскрывают нам свое слабое место в плане веры. Жан де Вигери пишет: «Смысл „[Политического] завещания“ и „Трактата о совершенствовании“ один и тот же». Даже оставив в стороне возможное освящение государственных интересов, следует опасаться богословской мысли, полностью оторванной от смысла действия и поведения политика, прагматика и реалиста, чей разум, как мы надеемся, никогда не станет равнодушным или циничным.

Речь не идет об отрицании ясности веры Ришелье. Священник, не испытывающий к этому призвания, он не лишился христианской веры (к тому же он имел ученую степень по богословию). Каре уверяет нас, что «источником некоторых его сочинений и речей... послужила внутренняя жизнь, подпитываемая опытом подлинной набожности: еженедельной исповедью^[130], сыновней любовью к Богородице, годичным уединением в монастыре, ежедневной молитвой, вечером, на коленях, перед тем Богом, для которого, как говорится в вечерней молитве, *нет ночи*». Следовательно, мы можем снять с Ришелье обвинения в притворстве. Мы думаем, что он искренен, когда соединяет свое богословие с рациональной философией; он искренен также, когда считает свой политический реализм совместимым со своей верой. Таковы парадоксы эпохи барокко; таковы контрасты человеческой природы.

РИШЕЛЬЕ И СОРБОННА

1607 Ришелье становится бакалавром и богословом (29 октября). Он принят в Сорбонне (31 октября).

1622 29 августа и 2 сентября: Он избран провизором Сорбонны.

1626 Он приказывает снести старейшие здания Сорбонны.

1627–1642 Ришелье приказывает реставрировать и расширить здания коллежей Сорбонны. Жан Ле Мерсье назначен архитектором.

1635 15 мая заложен первый камень новой церкви Сорбонны,

построенной под руководством Ле Мерсье и завершенной в 1642 году.

Можно отметить очевидные странные противоречия в этих данных. Бог «духовных сочинений» кардинала является Богом любви^[131]. Пересмотренная и исправленная аттриция составляет свою часть в раскаянии перед Господом; подобно тому, как покаяние, пересмотренное и смягченное аббатом Сан-Сираном, как мы уже видели, оставляет мало места страху наказания. Хотел он этого или нет, Ришелье изменил себе в своем «Политическом завещании». «Естественный свет, — читаем в нем, — заставляет понять, что человек, будучи разумным, должен делать все только с помощью разума, поскольку в противном случае он будет действовать против своей природы и, следовательно, против того, что есть в ней от Творца».

Этим, без сомнения, христианским, но опасным софизмом Ришелье утверждает и канонизирует все свое дело.

ОБЕТ ЛЮДОВИКА XIII

Мы заявляли и заявляем, что, сделав святейшую и славнейшую Деву Марию покровительницей нашего королевства, мы отдали под ее защиту нашу особу, наше государство, нашу корону и наших подданных.

Людовик XIII (10 февраля 1638 г.)

10 февраля 1638 года, когда была зачитана королевская декларация Людовика XIII, отдававшая Францию под защиту Девы Марии, королева Анна была на пятом месяце беременности, но никто не мог утверждать, что она подарит Франции дофина; никто не мог быть уверен в счастливом окончании ее материнства. Февральский акт не мог, следовательно, расцениваться как «*Magnificat*», благодарственный гимн. Юрист Гроций, посол Швеции, и парижский парламент уже ознакомились с первым проектом эдикта осенью 1637 года. А сама идея этого обета, похоже, родилась на свет весной 1636 года.

«Родилась ли мысль об этом посвящении в сердце Людовика XIII или принадлежала отцу Жозефу? Кардиналу Ришелье? Луизе де Лафайет? Отцу Коссену?» (Пьер Делатр). Все указывает на кардинала или, возможно, на общее чувство, связавшее монарха и его министра. 19 мая 1636 года Ришелье пишет своему королю: «Мы молим Господа в Париже, во всех монастырях, об успехе войск Вашего Величества. Мы полагаем, что если Вы сочтете правильным принести обет Деве Марии, прежде чем Ваши войска вступят в бой, это будет очень кстати... Принесение обета Богоматери может привести к очень хорошим результатам». Это повторяющееся МЫ, обычно не входящее в словарь кардинала, возможно, указывает на отца Жозефа. Зато известно, что идея подобного обета исходила от самого Людовика XIII. «Я нахожу очень благим, — отвечает он, — принести обет по примеру, который Вы мне описываете».

Почему Арман Жан дю Плесси вмешивается столь открыто? Можно предложить два объяснения, не противоположных, но дополняющих друг друга. Его личная набожность, вполне естественная для его времени, обращена к Деве Марии, за исключением лишь того факта, что не имеет глубины, убежденности, пылкости Берюля. Но, когда первая мысль об обете обретает форму (за три месяца до падения Корби), проходит всего

лишь год с момента объявления войны христианнейшим королем королю католическому. Одиннадцать месяцев после ужасного разграбления Тирлемона (10 июня 1635 г.) французами и их союзниками, протестантами Голландии. Не только «партия святош» критикует франко-голландский и франко-шведский альянсы против Австрийского дома. Отдать государство под покровительство Марии — значит, успокоить папу Урбана VIII, утихомирить некоторых католиков империи, умиротворить во Франции (особенно в конгрегациях) тех, кто по примеру королевского духовника критикует, а иногда и осуждает слишком смелую политику Ришелье. После испытаний года Корби «партия святош» вновь добивается авторитета.

Декаларация 10 февраля 1638 года касается всех жителей Франции и требует активного содействия гражданских, судебных (верховные суды), муниципальных (городских) и *a priori* церковных властей, обремененных организацией и обеспечением 15 августа каждого года, то есть «в день и праздник Успения Богородицы», большой мессы (с упоминанием об обете в проповеди) и вечерни, следующей за торжественным крестным ходом. Кроме того, следует возвести часовни Деве Марии в церквах, еще не посвященных Богородице. Король и министр-кардинал забывают лишь об одном: о существовании 900 тысяч протестантов, большинство которых не поклоняется матери Иисуса.

В депеше, адресованной шведскому двору, Гроций беззлобно иронизирует: «Если теперь Пресвятая Дева, как можно этого ожидать, сделает кардинала Ришелье своим главным заместителем, королю останется лишь соблюдать хорошую мину при плохой игре». Но все подданные, включая протестантов, когда 5 сентября 1638 года родился дофин, не скрывают своей радости, превращая обет Людовика XIII в настоящий «*Magnificat*».

ДОФИН ЛЮДОВИК

Никогда ни один народ ни по какому поводу не выказывал столько радости.

Гротий

Дофин, подобно солнцу, своим теплом и светом составит счастье Франции и друзей Франции.

Томмазо Кампанелла

Показывая венецианскому послу новорожденного дофина, счастливый Людовик XIII заявляет: «Вот чудесное проявление милости Божьей, ибо именно так следует называть столь прекрасного ребенка после моих двадцати двух лет брака и четырех выкидышей моей супруги». Будущий Людовик XIV появился на свет 5 сентября 1638 года в новом замке Сен-Жермен, поздним утром.

Задержка родов на несколько дней заставила кардинала опасаться появления девочки. Однако вся Франция вздохнула с облегчением: ребенок — мальчик, королевство перейдет в наследство дофину. Шавиньи пишет Ришелье, находящемуся в Сен-Кантене, посвящая его в мельчайшие подробности: радость короля «безмерна»; Его Величество пять раз в день приходит «посмотреть, как сосет грудь и дрыгает ножками... один из самых прекрасных принцев, какого он когда-либо видел». Отвечая Людовику XIII, кардинал поздравляет его с радостным событием и пишет счастливому отцу: «На самом деле я верю, что Господь, подарив его Вам, даровал его миру для великих свершений». По возвращении в Сен-Жермен Его Высокопреосвященство не скрывает своей радости, «видя между отцом и матерью это прелестное дитя, предмет своих желаний и последний предел своего удовлетворения».

Маленький дофин доставляет радость всем. Поэтому не случайно его называют *Богоданным*, то есть подарком Господа. Во всем королевстве одно *Te Deum* сменяет другое; звучат пушечные залпы, устраиваются фейерверки и иллюминация. При дворе бесконечно счастливы три человека: король (он счастлив как отец и успокоен как монарх, обретя надежду вопреки всякой надежде, признательный Деве Марии, которой посвятил свое королевство), министр-кардинал (его дело отныне имеет все

шансы пережить Людовика XIII) и Анна Австрийская (отныне меньше испанка и по-настоящему королева).

Было ли чудом рождение Людовика Богоданного? В любом случае маленькое чудо все-таки случилось: кардинал отныне имеет все основания заключить мир с правящей королевой; королева вскоре догадается, а потом поймет, что всемогущий министр и пристальный наблюдатель превращается в ее преданного союзника. «Ля Газетт» — которой, как мы знаем, распоряжался кардинал — славит, как положено, появление дофина Богоданного; но кроме того, восхваляет «королеву, которой не хватало только материнства».

Недоволен лишь один человек — Гастон Французский, герцог Орлеанский, потерявший свое звание первого наследника престола. «Месье выглядел совершенно ошеломленным [он надеялся на рождение дочери], когда мадам Перонн^[132] продемонстрировала ему *физическое подтверждение* того, что королева родила сына. Стоит простить его, — добавляет Шавиньи, — если он выглядел немного меланхоличным». Чтобы его утешить, Людовик XIII по совету Ришелье дарит своему вечно недовольному брату вознаграждение в шесть тысяч экю. Но Гастон никогда не утешится, тем более что его невестка 21 сентября 1640 года родит еще одного сына, Филиппа, герцога Анжуйского.

ДВОРЕЦ КАРДИНАЛА

*И в целой вселенной нет ничего, что бы
сравнилось
С великолепным дворцом кардинала.
Весь город рядом с этим строительством
Кажется ветхой руиной, чудесным образом
преобразенной.
И нам кажется, глядя на это великолепие,
Что все его жители — боги или короли.*

Корнель. Ментор (1644)

Париж, как и следовало ожидать, праздновал рождение дофина, и особняк кардинала также был украшен декором и иллюминацией. Воспользуемся этим поводом, чтобы познакомиться со знаменитым зданием, задуманным в 1624 году и находящимся в строительных лесах с 1627 года вплоть до смерти своего хозяина; тогда его называли «Особняк Ришелье», теперь гордо именуют «Пале-Кардиналь» — дворец кардинала. Он высится к северу от Лувра, и его роскошный сад простирается до самых крепостных стен. У Ришелье были там скромные апартаменты из трех комнат, окруженные сотней чудес, поскольку «великолепному обрамлению» дворца не уступали «великолепные интерьеры» (зал стражи, две галереи, зал для спектаклей^[133], часовня с изысканным декором, настоящее скопление произведений искусства).

Современный Пале-Рояль, в котором хватает и других прелестей, едва ли позволяет увидеть Пале-Кардиналь, составляющий его основу. Но достаточно представить современное здание в виде буквы «Н», основанием которой будет площадь Пале-Рояль, а левая вертикальная планка выходит на улицу Ришелье. Это огромное «Н» требовало кропотливого исполнения, чтобы покупать, сносить, реконструировать, чтобы украсить и расширить здания и парк. В период между 1640 годом и смертью Ришелье (декабрь 1642 г.) на северо-западе будет пристроен зал для спектаклей^[134], а на востоке — большая библиотека.

Главным архитектором всего творения в целом называют Жака Ле Мерсье, «лучшего и самого известного архитектора своего времени» (Г.

Соваль), также занимавшегося новой Сорбонной и ее церковью, завершением Квадратного двора в Лувре и такого же в Валь-де-Грасе. Но этот архитектор, опять-таки по свидетельству Совалья, отказался от авторства Пале-Кардиналь, заявив, что «единственным архитектором» дворца был сам Ришелье.

Две галереи, расположенные в западном крыле (левая стойка буквы «Н»), более всего способствуют славе кардинальского дворца. Первая имеет своей целью тактичное прославление Его Высокопреосвященства. Мы видим здесь не портреты прелата или министра, а символические полотна. Филипп Шампен, например, написал «Гения», «Проницательность», «Аполлона» (символ меценатства), «Всенародное счастье». Тем хуже для тех, кто не понимает точного смысла этих льстивых произведений. Другая галерея — на северо-востоке — поражает и очаровывает: ее называют галереей знаменитых людей. Эти персонажи, написанные Симоном Вуэ и Филиппом Шампеном, сопровождаются каждый «двумя бюстами белого мрамора... и множеством маленьких картин» (Пиганьоль де Ляфорс), прославляющих их деяния.

Знаменитых людей двадцать пять: три женщины (Орлеанская Дева, королева-мать и Анна Австрийская) и двадцать два мужчины. Королевский дом занимает пять позиций (Генрих IV и его супруга, Людовик XIII, Месье и Анна Австрийская). Здесь же находятся шестнадцать знаменитых воинов, например, Дюгесклен, Гастон де Фуа, Баярд, Монлюк, Ледигьер, и только четыре политика — Сюже, кардинал д'Амбуаз, кардинал Лотарингский и... Его Высокопреосвященство собственной персоной, скромно (?) помещенный среди этого знатного собрания. У Вуэ лучшим признан портрет Гоше де Шатильона, а у Филиппа Шампена — Гастона де Фуа.

Пале-Кардиналь в целом очень выразителен. Он демонстрирует заботу о том, как устроить здесь короля. Об этом же свидетельствует присутствие королевской семьи среди прочих «знаменитостей». Не секрет, что кардинал передал свой ансамбль Его Величеству в июне 1636 года. Однако дворец также является свидетельством кардинальской гордыни и тщеславия, о чем говорит надпись над входом «ДВОРЕЦ КАРДИНАЛА» и подтверждает галерея символов.

То тут, то там видишь проявления обретенного богатства. Редкие предметы, нагроможденные в часовне, не имеют никакой связи с евангелической набожностью. Берюль осуждал «роскошь мебели и предметов культа, изготовленных из золота и инкрустированных рубинами и алмазами» (Откер). В самом ли деле Ришелье нуждался в пятидесяти четырех дюжинах серебряных и позолоченных блюд?

Тем не менее это произведение барокко одного из основателей классицизма дает несколько дополнительных черт к портрету великого персонажа. Он настойчив: строит и украшает не только дворец, но и обновляет целый квартал. Он ведет себя как меценат, отчасти для того, чтобы скрыть нелюбовь короля к изящным искусствам. Его парк питает Париж воздухом и украшает его. Его театр — в нем только 600 мест — открыт тому, кто принимается при дворе и в городе.

И, наконец, дворец кардинала демонстрирует личный вкус его создателя, вкус, который напоминает нам о его отношении к искусству.

ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВА

Ришелье был не только страстным коллекционером: он особенно глубоко любил искусства.

Жак Тюилье

На протяжении восемнадцати лет своего великого министерства кардинал был «так занят управлением государства» (Рюбен), что считалось невозможным, что он мог параллельно вести — ошибка эпохи и ошибка вольнодумства — культурную деятельность. И тем не менее противник Бэкингема, Оливареса и императора, победитель Ла-Рошели, восстановивший морской флот Франции, зачинатель современного государства находил возможность для создания Французской Академии и Королевской типографии, был покровителем Жака Ле Мерсье и Филиппа Шампена, поддерживал Пуссена и Стелла. Он был Меценатом (с большой буквы). Он был, кроме того, «самым страстным коллекционером». Его интерес к изящным искусствам и особенно к живописи имел редкое качество: не выделяться своей уникальностью, но соответствовать некоему неоспоримому вкусу.

В античном Риме Меценат, просвещенный и щедрый любитель, действовал в согласии с Августом, не менее просвещенным императором. Во Франции времен Валуа Меценат был бы бесполезен, поскольку правители этой эпохи лично покровительствовали художникам и поэтам. Первые Бурбоны менее «либеральны» и не слишком стремятся проявить себя в *августейшей* области, за исключением разве что «любви Беарнца к строительству» (Ж.-Ф. Сольнон). «Я делаю три вещи, — говорил Генрих IV, — далекие от скупости, поскольку я занимаюсь войной, любовью и строительством». Между скромными расходами Генриха IV и безудержным августейшеством Людовика XIV Людовик Справедливый выглядит очень сдержанным. Строит он мало. Из изящных искусств больше всего он любит музыку. Он любит также живопись, но гораздо меньше, чем кардинал. Он никогда не дает пенсий поэтам. Это несколько негативное положение дел вынуждает Ришелье стать Меценатом и Августом одновременно.

В сфере искусств, как в любой другой области, всякий замысел эпохи барокко всегда предполагал одобрение короля и его министра. Похоже, что приглашение Симона Вуэ во Францию в 1627 году было сделано с подачи

короля — в это время, как мы помним, он еще не полностью доверял своему министру. А вот приглашение Пуссену оставить Рим ради Парижа уже является примером совершенного согласия правителя и его министра. В большинстве остальных случаев именно Ришелье ориентирует и задает тон. *Grosso modo*, официальный меценат занимается своим делом. Если бы Малерб жил лет на двадцать позже, он мог бы посвятить Его Высокопреосвященству те стихи (1607), в которых он славил Генриха IV:

И его истинная благосклонность к творческим занятиям
Возродит великолепии искусств.

Практически не заметна грань между тем, что является королевским, и тем, что принадлежит кардиналу. Именно Ришелье в сотрудничестве с министром Сюбле де Нуайе и инженером Пьером д'Аржанкуром, являвшимся «мэтром в строительстве оборонительных сооружений», занимается фортификацией Пикардии. По сути, эти работы выявили его пристрастие к изящным искусствам. Потому что еще до Вобана, — что подтверждают и стены Бруажа, — подрядчик требует от инженеров быть архитекторами, а не простыми строителями. Завершение Квадратного двора в Лувре теоретически зависит только от короля; но расширение и украшение Сорбонны становится делом кардинала — ее провизора и покровителя. Строительство Пале-Кардиналь, кажется, касается только Ришелье, но это не совсем точно. Не только само здание было подарено королю — Ришелье во Франции и в Европе столь неотделим от монархии, что перестает быть просто Меценатом и становится уже немного Августом.

Заботой о строительстве, декоре и меблировке резиденций министра (Рюэля, Малого Люксембургского дворца, Ришелье, замков Лимура и Буале-Виконт, особняков в Фонтенбло и Сен-Жермене, Пале-Кардиналь) занимается агентство архитекторов. Кардинал руководит на расстоянии — с помощью писем или посланников, — никогда не вдаваясь в детали, но в то же время требуя полного отчета. Это «Кольбер до Кольбера». Здесь требуются талант, некоторая скромность и искусство не потерять постоянную способность к обобщению. Требуются также интенданты и секретари, включая *missi Domini*: ими становятся Леонор д'Этамп-Балансе; епископ Шартрский; Сурди, архиепископ Бордо. Агентство Ришелье ни от чего не отказывается, и над этим насмеются гугеноты.

Кардинальские дома нуждаются в декоре и мебели. Вскоре министр становится страстным коллекционером. Никогда у него еще не было

столько редких и любопытных предметов: картин, портретов, античной и современной скульптуры и т. д. В Пале-Кардиналь кабинет с фарфором насчитывает около 400 предметов! У Ришелье есть свои поставщики — например, в Риме, являющемся мировой столицей искусств, — но те, кто восхищается им или хочет его улестить, становятся добровольными поставщиками (например, братья Фреар, кузены министра Сюбле) или дарителями (два кардинала Барберини дарят ему для Пале-Кардиналь картины и античную скульптуру). В таких условиях кардинал быстро набирает свою коллекцию, его дворец становится настоящим музеем, хотя не все он выбирает лично. Тем не менее у него вполне сформировавшийся вкус.

Кольбер точно так же, но позднее, превратится в мецената, управляя прекрасными коллекциями Мазарини, как им стал Ришелье благодаря королеве-матери начиная с 1617 года. Он постарался побыстрее забыть об этом; неблагодарность — одна из сторон политики; потомки забыли об этом тоже. Иронизируя над «жирной банкиршей», французы упустили один примечательный факт: «Мария Медичи занимает место среди самых крупных меценатов своего века, включая постройку Люксембургского дворца Саломоном де Броссом и поразительную серию полотен, заказанную Рубенсу для иллюстрирования ее жизни» (Ж.-Л. Аруэль). Епископ Люсонский знал в Люксембургском дворце аббата де Сент-Амбуаза, Саломона де Бросса, Пуссена, Шампена, прославленного Рубенса. В эту эпоху Шампен был еще фламандцем, Пуссен ориентировался на классицизм; Вуэ в Риме находился под влиянием Караваджо.

Став министром, Ришелье тут же испытывает влияние, прямое или косвенное, братьев Фреар. Он учитывает мнения короля, двора и города, когда без особого энтузиазма использует таланты Симона Вуэ в Пале-Кардиналь, но все чаще проявляет собственный вкус. Под влиянием Шампена — который из фламандца все больше становится французом — он смягчает свое пристрастие ко всему итальянскому. Шампен на самом деле его любимый художник. «Он был Апеллесом этого Александра», — скажет Соваль. Шампен скромнее Вуэ и менее завистлив; он нетщеславен и никого не критикует, как это делал Пуссен (который завидовал таланту Жака Ле Мерсье). Единственным его недостатком был отказ уехать из Парижа в город Ришелье.

Кардинал доверяет ему то, что лежит у него на сердце: две дюжины собственных портретов, десять из которых абсолютно достоверны, декор церкви Сорбонны и ее купол, семнадцать портретов «знаменитых людей» и

свою великолепную галерею, «самую богатую и длинную в Париже» (Пиганьоль); Шампен является, также пишет Пиганьоль де Ляфорс, «любимым художником кардинала». На самом деле кардинал не знает, что его любимый живописец, «хороший художник и добрый христианин», близок к тому, чтобы стать «главным и великим художником Пор-Рояля, как Расин был его поэтом» (Сент-Бёв). В промежутке между множеством заказов Шампен пишет для министра самые лучшие свои работы — «Снятие с креста», например, а также знаменитое «Поклонение пастухов».

Однако Ришелье проявляет достаточную гибкость, чтобы не превратить этот фаворитизм в исключительную монополию. Филипп Шампен, бывший рядовой художник королевы-матери, затем художник короля, не является собственностью своего нынешнего покровителя. Ришелье обнимает Пуссена при его прибытии в Париж в 1640 году и доверяет ему роспись своего кабинета — его «Неопалимую купину» мы видим на каминном экране. Он поддерживает короля, когда тот называет Пуссена «первым художником» во Франции.

Поскольку Вуэ не был доволен приглашением Пуссена, министр-кардинал, учитывая чувства и мнение Людовика XIII, предоставляет Вуэ довольно большое место в галерее «знаменитых людей». А когда он организует в Лувре свое великое творение, *Королевскую типографию* под руководством Себастьяна Крамуази, ему хватает мудрости распределить задачи между известными художниками. Королевская типография познает блистательный старт. «Ее первой продукцией были не только несравненные шедевры, — писал Фреар де Шамбрей, — но целые библиотеки; поскольку за два года из нее вышло 70 больших томов на греческом, латыни, французском и итальянском», один только сборник постановлений соборов насчитывал 37 томов. А ведь каждое произведение форматом в пол-листа имело фронтиспис, чаще всего гравированный талантливый Клодом Меланом и нарисованный одним из известных художников. В 1640 году именно Вуэ представлял «*Novum Testamentum*», в то время как Жан Стелла иллюстрировал «*De Imitatione Christi*». Пуссен также был вскоре привлечен к исполнению книжных иллюстраций.

«Во Франции времен Людовика XIII повседневная жизнь, мысли, политическая ситуация — все развивается с поразительной быстротой» (Жак Тюилье).

ТРИ ДВОРА

Кардинал Ришелье... подавлял своей властью и своей поистине королевской роскошью величие Его Величества.

Де Рец

В королевстве Французском, когда говорили слово «двор», имели в виду двор короля. В канцелярском языке принято было объединять правителя и его правительство, правителя и его политику. Однако, — и это, похоже, уникально для Европы, — например, в 1639 году во Франции существует три двора, конкурирующих или дополняющих друг друга, по крайней мере в социальном плане. Двор короля — единственный официальный. Особняк Рамбуйе — школа хорошего тона. А дворец кардинала является нервной системой власти.

Двор Его Величества не имеет ни блеска двора времен Валуа^[135], ни развязности двора первого Бурбона. Ему «регулярно недостает престижности», уверяет его лучший знаток^[136]. Это, можно сказать, «деревенский двор». Слегка «очищенный от гасконцев» после регентства Марии Медичи (которая увеличила личный штат), но «простой, семейный, без блеска». Здесь не увидишь ни пышного общества времен Генриха III, ни его утонченности, разумеется. Не хватает также учтивости и куртуазности. В штате слишком много искателей приключений и бретеров. Придворным скучно. Они развлекаются, нарушая запрет на дуэли.

Король не является ни либералом, ни меценатом, ни душой общества. Он робок и одновременно ревнив к своему престижу. Ему нравится лишь война, охота (соколиная и псовая), интимные беседы со своими фаворитами, музыка и балет. «Мало делая для представительности, он едва ли сознает необходимость двора». Невозможно назвать «придворной жизнью» несколько балетов, множество охот, весьма редкие праздники — например, в 1625 году, по случаю бракосочетания Генриетты Французской с Карлом Стюартом — или участие в демонстрации роскошных платьев. Хорошие манеры, политес появятся при дворе позднее под влиянием особняка Рамбуйе. При дворе Людовика XIII существует только одна по-настоящему утонченная группа. Это кружок Анны Австрийской, деятельный и эстетский, за которым, с одной стороны, наблюдает король, с

другой — кардинал. Первый становится заклятым врагом герцогини де Шеврез (которую называет «дьяволицей»); у второго впадает в немилость Мари де Отфор, считающаяся интриганкой. Поэтому вполне естественно, что главными развлечениями двора, которому не хватает развлечений, становятся шпионство и соби́рание всяческих сплетен.

Ничего подобного мы не увидим в стенах знаменитого отеля Рамбуйе. Здесь царят прекрасные манеры, учтивость, правильный язык, тактичность. «Это была, — пишет Таллеман де Рео, — встреча с тем, что было самым галантным при дворе и самым учтивым среди образованных умов эпохи». Мадам де Рамбуйе задает тон собирающемуся у нее обществу. Во главе угла стоит чистота французского языка: она не больше Филаминты терпела

...эти грязные слогги,
Которые в самых красивых словах скрывают скандал.

Также она блюдет мораль и интеллектуальную порядочность. Отцу Жозефу, который хочет выманить у нее нескромные сведения о принцессе Конде, урожденной Монморанси, и кардинале де Лавалетте, маркиза де Рамбуйе отвечает: «Отец мой, я не верю, что мадам принцесса и господин кардинал де Лавалетт замышляют какие-нибудь интриги; но даже если они это делают, я потеряю честь, если займусь шпионажем»^[137]. Ришелье ошибся в своих расчетах. Позже он сблизится с Лавалеттом и, зная, что несравненная Артенис^[138] его не любит, позволит герцогине д'Эгийон, своей дорогой племяннице, подружиться с Жюли д'Анженн, «принцессой Жюли» — будущей герцогиней Монтозье, — царившей вместе с маркизой, своей матерью, в знаменитой «голубой комнате».

Тот дворец, что Мадлен де Скюдери называет особняком Рамбуйе, на улице Сен-Тома-дю-Лувр, построен на небольшом и плохо расположенном участке. Тем не менее супруга Шарля д'Анженна сумела «устроить там роскошные апартаменты и феерическую атмосферу, в которой одну из главных ролей играли садовые и оранжерейные цветы» (Николь Аронсон). На протяжении тридцати лет, с 1618 по 1648 год^[139], эта прекрасная резиденция на улице Сен-Тома считается, как известно каждому, «сердцем придворной жизни».

Посещающее его общество никогда не скучает. В самих собраниях нет ничего однообразного. Они учат придворных галантности самой высшей пробы; они приглашают к изысканному и приятному общению. Кроме того, с 1625 года маркиза пользуется помощью Венсана Вуатюра, называемого то

El Re Chiquito^[140] по причине своего невысокого роста, то «душой кружка», поскольку он считает себя «мэтром пустяковых искусств». Кружок существует лишь благодаря этому жизнерадостному поэту. В его присутствии собрания превращаются в постоянный фейерверк. Вуатюр придумывает разнообразнейшие развлечения — комедии, концерты, серенады. Всем даются псевдонимы: Арно де Корбевиль становится «мудрым Исааком», мадам Поле — «Львицей». Составляются строфы для знаменитой «Гирлянды Жюли». Пробуются силы в импровизированных литературных конкурсах: «Тысяча безумств... рондо, загадок, метаморфоз... по очереди сменяют друг друга» (Бриджитт Левель).

Все светское общество бывает или стремится побывать в особняке Рамбуйе: и двор и город. Как и во Французской Академии, как позднее в парижских салонах эпохи Просвещения, здесь установлено одно негласное правило, делающее всех участников равными между собой. Венсан Вуатюр — сын виноторговца, даже если в 1634 году он и стал академиком. Отцом прекрасно поющей мадемуазель Поле был финансист (обессмертивший себя налогом, выплачиваемым королю должностными лицами). «Карлик Жюли», поэт Годо, станет впоследствии епископом. Сменяют друг друга поэты: Малерб, Ракан, Бенсерад, Демаре де Сен-Сорлен, Мальвиль. Здесь принимают некоторых ученых, если только они не педанты: Манажа, Патрю, Вожела. Но присутствие такого количества литераторов — мы чуть не забыли Корнеля и его врага Скюдери — не исключает ни Великую Мадемуазель (старшей дочери дяди короля), ни герцога д'Энгиена и его сестры герцогини де Лонгвиль, ни кардинала де Лавалетта, ни герцогини д'Эгийон.

В посредственном и неудобном особняке мадам де Рамбуйе сумела создать дворец мечты, будивший воображение даже два века спустя после своего сноса. Таким же образом эта женщина символизирует во Франции учтивость, элегантность и утонченность, поскольку, хотя и будучи римлянкой по рождению, она «многое сделала для развития французского языка и литературы» (Н. Аронсон). Она заменила собой двор, недружелюбный и несколько вульгарный. Она привечала буржуазию и литераторов, не обращая внимания на их происхождение. Она со своей грацией и воспитанием была живой связью между двором и городом. «Кружок» прекрасной Артенис один заменил собой Лувр, Фонтенбло и Сен-Жермен.

Третий двор, совершенно очевидно, группируется вокруг Его Высокопреосвященства. Мы уже представляем себе его обрамление — Пале-Кардиналь, подаренный королю в 1636 году, заверченный в 1639

году, более роскошный, чем множество иностранных королевских дворцов, во всяком случае, более функциональный, чем Лувр, и более населенный (Анна Австрийская, овдовев, поспешила переехать в него). Единственной фальшивой нотой является надпись золотыми буквами «ДВОРЕЦ КАРДИНАЛА». Она раздражает Их Величества, вызывает насмешки, кажется дурным тоном.

С этими оговорками образ кардинальской жизни одерживает верх над образом жизни экономного, простого и диковатого короля. У короля есть большая конюшня, которой управляет офицер, главный конюший, называемый «месье Главный». У кардинала также есть большая конюшня (управляемая главным конюшим), в которой собраны самые лучшие верховые лошади, боевые и пажеского корпуса. У короля есть малая конюшня, подчиняющаяся первому конюшему, называемому «месье Первым». У кардинала также есть малая конюшня с первым конюшим, восемьдесятю беговыми лошадьми, пятнадцатью тяжеловозами и пятнадцатью мулами. Эти две службы подразумевают наличие множества конюших, пажей (из хороших фамилий), учителей для пажей, слуг, мальчиков-конюхов, кучеров, конюхов, фореиторов, кузнецов — словом, целый мир в миниатюре.

Его Величество располагает штатом военных (почетной стражей, сотней швейцарцев, рейтарами и жандармами охраны, мушкетерами, французской и швейцарской гвардией). Ришелье, «охранявшийся лучше Генриха IV» (Вольтер), также располагает военным штатом, что раздражает Людовика XIII, тем не менее согласного с этим положением вещей. Его Высокопреосвященство охраняется великолепно. У него сто гвардейцев и сто мушкетеров. Это две сотни людей для войны, а не для парадов — преданных, вымуштрованных, прекрасно вооруженных. Они поддерживают свой боевой пыл, провоцируя гвардейцев и мушкетеров короля или отвечая на их провокации^[141]. В то время это было постоянным предлогом, чтобы обойти запрещение дуэлей.

Личный штат министра-кардинала более чем значителен. Руководство им осуществляют совместно дворецкий, управляющий и казначей. Главными лицами являются камергер (он же главный интендант и главный духовник), исповедник (подобно предыдущему, у него есть все шансы стать епископом), три духовника, конюший, пять или шесть дворян на службе, один или несколько интендантов, рядовой врач, значительное число секретарей.

Самые ловкие и верные из этих секретарей составляют нечто вроде кабинета — политического и административного — под руководством

Дени Шарпантье, королевского секретаря, «воспитанника» кардинала, его первого и личного секретаря^[142]. Одним из этих секретарей является шифровальщик, умеющий кодировать и расшифровывать депеши.

Кроме этих офицеров и сотрудников, штат кардинала-герцога включал также двенадцать музыкантов и кучу лакеев, слуг и прислуги. Ни один герцог, ни один банкир не мог соперничать с таким штатом, даже Гастон Французский, брат Его Величества.

Мадам д'Эгийон, признанная королева царства своего дяди, соперничает с Анной Австрийской и привносит во дворец необходимый элемент женского присутствия. Она также заводит знакомство, как мы уже видели, с соседним особняком Рамбуйе. Без нее главная штаб-квартира Его Высокопреосвященства, вместо подобия двору, напоминала бы, возможно, какой-нибудь чопорный английский клуб. Очевидно, что здесь на больших ужинах^[143] не хватает дам. Однако это не мешает министру ежедневно с успехом в конце дня потчевать^[144] чем Бог послал более сотни приглашенных.

Почетный стол накрывался на четырнадцать персон (кардинала, министров, герцогов, маршалов и т. п.). Не существовало специального протокола, за исключением того, кто садился по правую и левую руку от Его Преосвященства. Второй стол, на тридцать персон, собирал офицеров кардинальского штата, а также дворян на службе и конюших. Два стола — на тридцать пять мест каждый — были заняты пажами большой конюшни и наставниками пажеского корпуса. В целом приходилось кормить 114 ртов, но всегда накрывался десяток запасных мест для неожиданных посланников, всадников, курьеров, офицеров.

Этот «большой стол» (ему не хватает только названия), разумеется, составляет элемент престижа. Рассмотрим распорядок этого ужина. Следуют друг за другом три перемены блюд, каждая из которых предваряется величественным дворецким «со шпагой на боку и плащом, наброшенным на плечи». Почетный стол накрыт огромной девственно-чистой скатертью. Тарелки чистые (ничего общего с герцогом Ангулемским). На протяжении трапезы величественный дворецкий, невозмутимый и неподвижный, стоит позади Его Высокопреосвященства, за исключением тех мгновений, когда он протягивает салфетку, если Его Высокопреосвященство желает вытереть руки. За кардинальским столом категорически запрещено плевать, разве что речь идет о герцоге или архиепископе. Сегье этим возмущен, поскольку он ест очень неопрятно.

Известно выражение «общаться за столом». Оно возникнет в XVIII

веке, когда лейтенанты полиции будут приглашать на ужин своих светских осведомителей. Что ж, все средства хороши; той же цели частично придерживается и кардинал за своим столом на четырнадцать персон. Он слушает, узнает, задает вопросы, меняет темы, советует, спорит, приказывает с отсутствующим видом; это искусный человек, скрывающий в бархатных лапках острые коготки. Когда этого требует ситуация, Ришелье приходится оставлять без внимания своих гостей и есть наскоро с единственным гостем. Сюбле де Нуайе, «воспитанник» кардинала, не имеет права отказаться от этого дополнительного часа министерской работы при условии, что потом отправится на второй ужин, более существенный.

Пале-Кардиналь имеет и другие достоинства: прекрасные галереи, собрание произведений искусства являются свидетельством живого и постоянно развивающегося вкуса Ришелье как любителя, коллекционера и мецената. Не случайно Его Высокопреосвященство вскоре приказывает построить у себя во дворце средних размеров театр. Именно здесь 16 апреля 1635 года перед королем, королевой и Месье была сыграна «Тюильрийская комедия», произведение «пяти авто ров»; здесь же кардинал приказал играть «Сида» (1637 г.). Этот «малый зал» может тем не менее вместить шестьсот персон. Но, влюбленный в драматическую поэзию и потерпевший неудачу как автор, Ришелье мечтает подарить себе, двору и городу более крупный театр, способный вместить три тысячи зрителей. Театр готов в январе 1641 года, и его владелец открывает его пьесой, которой придает очень большое значение — подписанной Демаре де Сен-Сурленом и приписываемой ему самому «Мириам», политической и морализаторской трагикомедией. «Кардинал празднует двойной триумф: открытие театрального зала в своем дворце и бракосочетание своей племянницы»^[145] (Г. Кутон). Меценат окончательно уподобился Августу!

Объединив три двора Франции эпохи барокко, мы получаем классический синтез, который впоследствии станет двором Людовика XIV.

РАСКОЛОВШАЯСЯ ИСПАНИЯ

Отныне все принадлежит мне!

Оливарес (1621 г.)

Он совершил много проступков против Фортуны.

Мишель Девез

Оливарес проиграл партию; тем не менее, это был великий проект, который должен был удалиться менее века спустя, и от исполнения которого ожидалось спасение Испании.

Бартоломео Бенассар

Бытует мнение, что История порой бывает подвержена тектоническим воздействиям. Так, в 1660 и 1661 годах некое течение словно сдвинуло Западную Европу (Францию, Англию и т. п.) в сторону абсолютной монархии. Точно так же в 1640–1642 годах, когда странный разлом спровоцировал потрясения и революции. Несмотря на вывоз драгоценных металлов из Америки, несмотря на размеры своей империи, несмотря на отвагу своих моряков и воинскую доблесть своих *tercios*, набранных из числа добровольцев и считавшихся непобедимыми^[146], испанская мощь на протяжении нелегкого 1640 года была сильно поколеблена.

До этого Франция и Испания, похоже, сражаются на равных. Королевство Людовика XIII опережает Испанию в приросте населения, а его гражданские институты власти становятся предметом зависти и восхищения в других европейских государствах. Французский морской флот, не слишком большой, но полностью обновленный, обретает великолепных предводителей — сперва Сурди, а потом Майе-Брезе. Сухопутные военачальники демонстрируют компетентность и невероятную удачливость: Гебриан, похоже, унаследовал таланты курфюрста Саксен-Веймарского, много обещает и молодое поколение (во главе с Тюренном и Гассьоном). Испания Филиппа IV, владения которой в Европе простираются от Антверпена до Неаполя, от Безансона до Гибралтара, от Перпиньяна до Лиссабона, в конце 1639 года является первым

государством в мире. Но ее ахиллесовой пятой становится организационное разобщение: говорят не об Испании, а об Испаниях, даже когда речь идет только об Иберийском полуострове. Король Филипп IV является залогом единства, хотя корона Португалии — достаточно недавнее и искусственно приобретенное наследство (1580). То же касалось, возможно, и языка, поскольку Лузитания и Бразилия продолжают говорить на португальском. Конечно, остается еще религия — католицизм, зрелищный, пылкий, победоносный, редко склонный к тонкостям, а еще менее к терпимости.

Символ этого равновесия двух противников подчеркивается противостоянием двух равных между собой *validos*. Оливарес, родившийся двумя годами позже Ришелье (1587) и умерший спустя три года (1645) после своего противника, так же как Ришелье, пользуется полным доверием своего господина. И тот и другой католики, умные, волевые, талантливые, отважные и прозорливые (а также нервные и страдающие маниакально-депрессивным психозом). Как и Ришелье, «Оливарес является государственным человеком, опережающим свое время». Первый уменьшил власть знати, исправил и развил гражданскую администрацию, создал материально-техническое обеспечение армии, полностью пересмотрел систему альянсов Франции. Вторым, Оливарес, привлек в Испанию марранов (на чью финансовую помощь надеялся), умерил рвение инквизиции, покровительствовал возвращению евреев и мавров. Он без труда понял, что составляет силу и результативность Ришелье: управление страной, «объединенной прежде всего в сфере налогов и национальной обороны» (Б. Бенассар). И попытался сделать из «Испаний» испанскую версию Франции. К несчастью для него, этот проект плохо сочетался с «множественностью институционных систем» Испании, отвернувшихся от своего отважного инициатора и приблизивших закат богатой и гордой страны, переживавшей свой «золотой век». Вынужденный содержать армию в 70 тысяч человек и раздраженный тем, что финансирование и содержание армии ложится тяжким грузом на Кастилию, Оливарес придумал то, что он называл объединением армий: участие каждого королевства или провинции в содержании морского флота и сухопутной армии. Начиная с 1626 года он облагает займами (возрастающими) и набором рекрутов арагонцев, не слишком этим довольных. Затем этот новый порядок, от которого ждут усиления единства и патриотизма, распространяется на другие области. В некоторых районах полуострова противостояние этой насильственной национализации войны вскоре принимает опасный размах. Разумеется, объявление войны Францией в

1635 году вызывает прилив патриотизма, но он тут же уменьшается, когда речь заходит о сражениях с голландцами или оккупации Мантуи. Победы кардинала-инфанта — Нердлинген в 1634 году, Корби в 1636 году — кажутся испанцам достойными и даже славными. В 1638 году Оливарес лично отправляется на помощь осажденному войсками Людовика XIII Фонтараби (этот эпизод обессмертил Веласкес). Но по мере продолжения войны «страна все больше и больше беднеет и деморализуется» (М. Девез). И это только начало.

Постоянно беспокойная начиная с 1636 года Каталония открыто поднимает бунт 7 июня 1640 года. Она отказывается приносить требуемые от нее жертвы. Оливарес быстро разбирается в опасной ситуации. Его верная Кастилия обескровлена; государство на пути к банкротству; Аррас, осажденный в июне, вынужден капитулировать 9 августа. Каталонское восстание, вызвавшее военное вмешательство, открывает границу для французских войск, более чем на два года обрекая на неудачи армию Филиппа IV.

Оказавшись под угрозой уже на двух фронтах — в Барселоне и Артуа, — Оливарес теперь видит, как из-под власти его короля выходят Португалия и ее колонии. Каталония всегда была неприязненной (и таковой осталась); Португалия же на протяжении всех шестидесяти лет своей аннексии оставалась враждебной. Если Оливарес и удивлен восстанием в Португалии, то исключительно из-за недостатка трезвости, порожденной многими заботами. «Он был потрясен, узнав, что группа дворян посадила на трон Жуана IV [герцога Браганса] (1 декабря 1640 г.)» (Вероник Жерар); 16 декабря новый король торжественно вступил в Лиссабон. С этого момента события ускоряются. Каталония обращается за помощью к Людовику XIII. 23 января 1641 года *кортесы* низлагают Филиппа IV, а затем передают титул графа Барселонского королю Франции. 4 декабря 1642 года маршал де Ла Мотт-Уданкур, вице-король Каталонии, торжественно въедет в Барселону. 9 сентября 1641 года испанские войска выведены из Перпиньяна.

Фортуна отказывается поддержать графа-герцога Оливареса. На сей раз — в который уже раз — она помогает Ришелье.

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗЛОПАМЯТНОСТЬ?

Я желаю видеть в армейском генерале много сердца^[147] и средний ум, а не много ума и посредственное сердце.

Ришелье. Политическое завещание

Существует «Реестр тех, кто командовал войсками, начиная с осады Ла-Рошели», выпущенный благодаря кардиналу и для него вплоть до 1642 года. Этот текст, иногда грубый и неожиданный, дает возможность понять, «как Ришелье выбирал своих генералов» (герцог де Ла Форс). Автор «Истории кардинала Ришелье» восхищается в ней «суждениями, сформулированными в столь непреклонном и ярком трактате», «четким и решительным тоном», «безапелляционными приговорами, достойными такого «великого министра», такого «великого ума». Однако не следует забывать, что военачальников назначал король: тем не менее, если «в армии насчитывалось мало хороших военачальников», то, возможно, в этом упрекали министра-кардинала? Иногда, но не всегда.

Похвалы (довольно редкие) и ругань (частая) в «Реестре» от января 1642 года выявляют мысли и настроение Ришелье: решения в отношении генералов и адмиралов указывают на суровость их автора. Они сочатся желчью в ущерб восхищению или признательности, правде и интеллектуальной порядочности. В записках об умерших, сосланных или впавших в немилость военачальниках, которые преданные секретари кардинала сохранили, как того требовал порядок, заметна явная и чрезмерная злопамятность.

Необходимо ли было для государства и армии беспощадно обвинять десятки казненных? Например, Монморанси, Шомбера, Эффиа и Марильяка, всех умерших за десять лет?

Монморанси: «Много сердца, мало характера, неверен до конца».

Марильяк: «Бесчестен и неверен».

Было ли необходимо обвинять Туара, бывшего фаворита Людовика XIII, героя Сен-Мартен-де-Ре, маршала Франции, павшего в бою в 1636 году на службе Савойскому дому? Вынудив короля лишиться услуг «бравого Туара» — не имеющего себе равных в осадной войне, — Ришелье

упорствует в своей ненависти и в посмертном документе называет его «хитрым, амбициозным, бестолковым». С генералами, умершими в 1638 и 1639 годах, обошлись не лучше: и с маршалом де Креки («отважен, но поведение неустойчивое, ленив и не слишком прилежен»), и с графом Кандаль (Эперноном) — «очень небольшой талант», и с бравым герцогом де Роганом — «мало отваги и никакой верности».

Злая участь не обошла даже Бернхарда Саксен-Веймарского. «Великолепный полководец (довольно трудно было бы это не признать), но, кроме него самого, никто другой в этом не уверен».

С умершими в 1641 году кардинал обошелся не лучше. Надгробная речь герцогу Суассонскому, бунтовщику и победителю, убитому при Ля-Марфе, звучит едва ли хвалебно: «Принц с красивой внешностью и минимумом потребностей, с дурными намерениями и против короля, и против государства». Что касается Сен-Прёйля, чью неустрашимость воспел Понти, то он осужден следующим образом: «Бравый, отважный и горячий, но столь плохо управляемый, что правосудие и строгий государственный порядок не могли позволить, чтобы он оставался на своей должности»... а также в живых.

Еще неубитые генералы также не имеют права на снисходительность. Ла Форс слишком стар, чтобы служить. Герцог Ангулемский, «старый полководец» королевской крови, представлен как рутинный и безынициативный военачальник. Месье, брат короля, герцог Орлеанский, имеет «много ума и познаний», но «не слишком прилежен». Герцог де Лавалетт (Эпернон), разбитый в Фонтараби, «не только не способен, но и не расположен к руководству и склонен к измене» (его уже сослали). Второй маршал Шомбер «смел и отважен, но не способен руководить большим войском». (Ну и ну!) Что касается Ранзо, он «смел и мужественен», но является хроническим пьяницей.

Особенно несправедлив Ришелье, когда пригвозждает к позорному столбу архиепископа Бордо Анри де Сурди, вернувшего Леринские острова и Гветарию, но потерпевшего неудачу в Таррагоне. Несмотря на свои «блестящие качества стратега и тактика» (Этьен Тайлемит), бывший «глава Королевского Совета в морском флоте» имеет право лишь на такое прискорбное определение: «Известный плут, злодей, неспособный (*sic!*) руководить, завистник и сплетник, фанфарон, не слишком храбрый, противоречивый и абсолютно неверный».

После подобной гекатомбы кардинал обнаружил лишь девять высших офицеров, способных руководить кампанией 1642 года. Пятеро из них имели большую ценность: герцог Бульонский (король простил ему Ля-

Марфе, но не знал, что герцог войдет в заговор с Сен-Маром), отважный адмирал Майе-Брезе — племянник Ришелье, будущий маршал де Гебриан (соперник герцога Саксен-Веймарского), смелый граф де Аркур, лотарингский принц; не забудем также юного и блистательного виконта де Тюренна, кадета герцога Бульонского. Четверо других не представляли собой ничего особенного. Это были: Франсуа дю Алье, будущий маршал де л'Опиталь, Ла Мотт-Уданкур, вскоре ставший маршалом и вице-королем Каталонии, и, наконец, юный маршал де Грамон (граф де Гиш) и маршал де Ла Мейлере, кузен кардинала.

Если допустить, что Ришелье практически в одиночку выбирал военачальников армии в 1642 году, что мы должны думать о его выборе? Вполне очевидно, что он проявлял злопыхательство человека, не склонного к прощению. Он беззастенчиво практиковал кумовство — как минимум, в одном случае из трех, он покровительствовал одновременно выдающимся полководцам и посредственным генералам; выходит, что человек сильных страстей, воспевающий разум, порой способен был удовлетвориться компромиссом.

СМЕРТЬ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ

О ее смерти при дворе сожалели еще сильнее из-за ее отсутствия, вызванного тем, что она следовала советам некоторых бестолковых умов, которым слишком доверяла.

«Ля Газетт»

3 июля 1642 года незаметно скончалась в своей печальной ссылке в Кельне королева-мать. Ее смерть ничего не изменила в ходе Тридцатилетней войны, не вызвала никаких политических потрясений в королевстве. Эту смерть затмили взятие Перпиньяна и Седана, сухопутная победа Кемпена и морские успехи Майе-Брезе; не стоит также забывать о заговоре и казни Сен-Мара, а также папских приготовлениях, направленных против Янсения. И тем не менее смерть внучатой племянницы Карла V, настойчивой поборницы Контрреформации, «матери европейских принцев», заставила задуматься двор и город. Она выглядела настоящей вехой в политической философии и истории чувств.

Меньше чем за год (июль 1642, декабрь 1642, май 1643 годов) покидают политическую арену королева-мать, министр-кардинал (4 декабря), король Людовик XIII (14 мая). Королевская и политическая драма Франции эпохи барокко уважала единство времени и действия; но это смогли понять лишь весной 1643 года. Зато при известии о смерти Марии Медичи и о том, в какой бедности она встретила свой конец, все испытали чувство «потрясения, жалости или осуждения... Все объединились, чтобы по-христиански поразмышлять о величии и невзгодах этой королевской судьбы» (С. Бертье). И в который раз, вместо того чтобы критиковать короля, негодующие взоры обратились на кардинала, этого бессердечного священника, злого гения правителя, неблагодарного фаворита доброй королевы. Ришелье предусмотрительно задрапировал свое жилище черной тканью и заказал мессы в память о своей бывшей покровительнице, однако его не простили, его, столь богатого и знатного, позволившего королеве-матери умереть от истощения.

ПОСМЕРТНОЕ СЛОВО В ЧЕСТЬ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ

Флорентийский дворец служил мне колыбелью,
Парижский Лувр был свидетелем моей славы,
Имя моего супруга вечной памятью
Сияет на небесах подобно новой звезде;

Моими зятями были три короля, а сыном — сияющий факел,
Тысячами лучей сверкающий в Истории;
Среди стольких великих, можно ли в это поверить,
Я умерла в изгнании, Кельн — моя могила.

О, Кельн, город в немецкой земле,
Если когда-нибудь тебя спросит любопытный прохожий
О пагубных моих страданиях,

Ответ: «В сем печальном бедном гробу
покоится Королева, чья королевская кровь рассеяна по всему
миру
И которая не имела, умирая, ни одной пяди земли».

Добровольная ссылка этой нелюбимой королевы-матери (Гастон, ее второй сын, был, возможно, единственным, кто по-настоящему ее оплакал; но Гастон, как настоящий Бурбон, умел легко плакать и быстро забывать) началась уже давно. Оказавшись после «Дня одуроченных» сосланной в Компьен, она бежала оттуда в ночь с 18 на 19 июля 1631 года (за одиннадцать лет до своей смерти!). 11 августа Монс в Испанских Нидерландах устроил для нее «торжественный прием»; затем следует Брюссель, поскольку инфанта Изабелла-Клара-Евгения желает видеть в ней особого союзника. Поражение ее сына Гастона и средиземноморского бунта Монморанси (1631–1632) понижает к ней доверие; а она недостаточно богата и недостаточно предусмотрительна, чтобы привлечь к своему делу знаменитого кондотьера Валленштейна. В конце 1633 года дела королевы-матери идут плохо. Ее сын Гастон разочаровал ее. Он ожидает только повода, чтобы воссоединиться с Людовиком XIII; инфанта Изабелла умерла, а на ее место пришел кардинал-инфант. В 1634 году Месье мирится со своим старшим братом, переезжает в Блуа, а потом и ко двору. «Она его не простила. Она рассчитывала теперь только на испанцев» (С. Бертье); ее помыслы направлены отныне лишь в сторону Испании. Габсбург по рождению, она думает и строит планы лишь об Испании и для

Испании.

Однако Мария Медичи мечтает также вернуть Францию. Королевство изменилось, но она этого не знает, а король, ее сын, обретший наконец душевный покой, не испытывает ни малейшего желания вновь видеть рядом с собой властную мать; Ришелье — и того меньше. Вот почему посредники, отправленные ею ко двору Франции, ничего не добиваются. Для нее лучше было бы вернуться во Флоренцию, в этом случае Франция определила бы ей достойное содержание, да и великий герцог Тосканский, говорят, был бы чрезвычайно счастлив принять ее у себя. Тем более что во Франции на все ее имущество наложен секвестр. Как продолжать проповедовать мир и возвращение к безупречному христианству, как утешать народы, не имея возможности содержать свой двор (королевский или хотя бы княжеский)? В то время это было совершенно невозможно, во всяком случае, невозможно еще долгое время. Чтобы свести концы с концами, королева-мать нуждается в субсидиях Филиппа IV и кардинала-инфанта, но помощь Испании не бесконечна, и оба брата «не расположены оказывать денежную помощь, если она сама не будет оказывать им пропорциональные этим дотациям услуги». И она не может больше рассчитывать на Месье, который — как и можно было ожидать — отказался в октябре 1636 года содействовать убийству Ришелье.

Сегодня находятся авторы, делающие из Марии Медичи нечто вроде христианской демократки; они забывают, что ее идетиксом было исключительно убийство Ришелье. В 1637 году она заключает договор с кардиналом-инфантом, чтобы набрать армию, способную напасть на Францию и избавить ее от кардинала; план проваливается, поскольку Ришелье смог переубедить графа Суассонского. Этот новый провал обескураживает Испанию. Король и кардинал-инфант обнаруживают, что их союзница надоедлива и неэффективна. Они пытаются от нее избавиться в августе 1638 года, в тот самый момент, когда она сама ищет средство избавиться от них. Ей приходится проникнуть без разрешения на голландскую территорию. «Отказавшись от силы, она хочет играть в дипломатию, чтобы попытаться подчинить короля, своего сына» (С. Бертье).

Вначале Соединенные провинции радостно принимают ее: разве она прежде всего не является вдовой Генриха IV? Но радость длится недолго: Мария Медичи совершает много ложных шагов и раздражает своей надменностью. Она слишком дорого обходится этой торговой республике. Они могли бы оставить ее, если бы их союзник король Франции пожелал поддержать достойное существование своей матери. Но Людовик XIII и

Ришелье не изменили своей программы: королевство поможет королевской матери, только если последняя решит поселиться во Флоренции.

Голландия тактично советует королеве Марии переплыть Северное море и попытаться найти пристанище в Англии, подле «своей любимой дочери Генриетты, обязанной оказать ей гостеприимный прием». Отделавшись от самых радикальных советчиков — особенно от отца Шантелуба, — вдова Генриха IV из непримиримой заговорщицы превращается в «смирненную просительницу»: она больше не желает Ришелье ни смерти, ни даже ссылки, она удовольствуется мирной жизнью где-нибудь во Франции, в провинции. Министр-кардинал не верит ни единому ее слову, но опасается, что мадемуазель де Лафайет и духовник Коссен упрелят Людовика XIII пойти навстречу своей матери. Не решаясь в таком деликатном вопросе слишком открыто противостоять своей бывшей благодетельнице, Ришелье ловко мобилизует своих «воспитанников», и именно Совет будет умолять короля не превращать его королевство в арену для новых заговоров. Франция обращается с конфиденциальной просьбой к королю Карлу I не принимать у себя странствующую принцессу.

5 ноября 1638 года король Англии с большой pompой принимает в Лондоне свою надоедливую тещу. Но ее присутствие сильно его стесняет. Франция все еще отказывается содержать Марию Медичи. Англичане рассматривают беглянку как неисправимую и воинствующую «папистку». В мае 1641 года ситуация обостряется, и парламент настаивает, чтобы король отослал свою тещу. Ситуация разрешается, когда Ришелье дает согласие дать ей скромный пенсioen, при условии, что она наконец вернется во Флоренцию. Действительно, 12 октября 1641 года Мария Медичи появляется в Кельне. Усталая, подавленная, растратившая британские деньги, служившие ей поддержкой, она решает остаться здесь. Она в католической стране, под покровительством курфюрста — архиепископа империи, недалеко от Франции, она связана со всеми заговорами. Она верит, что Людовик XIII, ее безжалостный старший сын, вскоре умрет, что она избавится от своего заклятого врага министра-кардинала и что Гастон — ее сын «с нежным сердцем» — станет регентом, главным правителем королевства, и вернет ей все утраченные права, почести и привилегии.

В Кельне Мария живет, как может, получая помощь от Рубенса, потом от курфюрста, потом «живя на подарки, ссуды, подачки. Все ее имущество заложено, занимать больше не у кого, она в отчаянном положении» (С. Бертье). Она умирает от гангрены, благочестиво, в окружении духовенства, «прижимая к сердцу распятие Карло Борromeо», до конца оставаясь

ревностной участницей движения Контрреформации.

Король и кардинал, стремясь соблюсти приличия, поспешат вернуть покойницу из ссылки. Она будет похоронена согласно обычаю в базилике Сен-Дени, в то время как ее сердце «соединится у иезуитов в Ля-Флеш с сердцем ее покойного супруга, Генриха IV».

ПОСЛЕДНИЕ ЗАГОВОРЫ

Заговоры были уделом повседневной жизни кардинала, быстро ставшего мишенью всех недовольных.

Мишель Кармона

Дорогой друг, что же приятного мы сделали Богу на протяжении нашей жизни, что вынудили Его оказать нам милость умереть вместе?

Франсуа Огюст де Ту

Заговор Сен-Мара, составленный всего лишь за несколько месяцев до смерти Ришелье, полон темных мест, несмотря на свою общеизвестность. О нем сохранилось очень много суждений. Известно, как быстро превращается в романтического героя персонаж, «влекомый злою судьбою, над которой он не властен» (Жак Тюилье). «Миньон» становится бунтовщиком; бунтовщик — символом; придворный — глашатаем недовольной знати, к тому же «Сен-Мар слишком красив, чтобы быть неправым» (П. Гаскар). На самом деле этот юный честолюбивый соблазнитель, которого Людовик XIII называл «Милый друг», испорченное дитя, увлекаемое своей судьбой, оказался способен на настоящее, но неосознанное предательство.

Его звали Анри Куафье де Рюзе, маркиз де Сен-Мар. Он был сыном маркиза д'Эффиа, сюринтенданта финансов и маршала Франции, оказавшегося в «День одураченных» в правильном лагере и преданного кардиналу. Кардинал, стремившийся, как мы уже видели, влиять на короля посредством фаворитов, быстро заметил, что король неравнодушен к невероятному очарованию сына д'Эффиа. Прекрасный юноша был обласкан и осыпан милостями, должностями и почестями: капитан гвардейцев в пятнадцать лет (1635), хранитель королевского гардероба в семнадцать, признанный фаворит в девятнадцать, а 15 ноября 1639 года он назначен главным конюшим. Ему нет и двадцати, а он уже оказался на самой вершине двора. Его называют месье Главный. Он утончен, прекрасно воспитан. Это самый красивый молодой человек Лувра. Он наследует мадам де Отфор в ее завидной, но неблагоприятной роли доверенного лица

Его Величества. К тому же он отважен. В 1640 году он отличится при осаде Арраса; в 1642 году превосходно покажет себя при осаде Перпиньяна.

Но, будучи испорченным, слишком избалованным, слишком завистливым, Сен-Мар не имеет ни терпения, ни искусности, необходимой для честолюбивого фаворита. С одной стороны, он разочаровывается в Ришелье, затем начинает его ненавидеть. С другой — он кокетничает, беззастенчиво пользуется слабостью короля, с трудом выносит его длинные монологи, его монотонные откровения, что вызывает ссоры и примирения, капризы, перебранки и повторные примирения. Людовик XIII имел дурную привычку слишком много говорить о своих бесчисленных трудностях в отношениях с первым министром. Он давал выход своему неудовольствию в беседах с папским нунцием, венецианским послом, отцом Коссеном, мадам де Отфор, Луизой де Лафайет; но его слушатели не имели дурной привычки делать далекоидущие выводы. Господин же Главный верит всему на слово. Он действительно верит, что король не может больше выносить тиранию первого министра. Он думает, что первый министр утратил доверие своего господина. Он уверен, что речь идет о близкой опале. И ему приходит в голову мысль, что он, маркиз де Сен-Мар, мог бы наследовать кардиналу в должности.

В ожидании подобных перспектив главный конюший вступает в контакт с теми, кто ненавидит Ришелье. Начиная с 1640 года он сближается с графом Суассонским. Господин граф, принц крови, кузен Конде, прославленный генерал (он вернул Корби в 1636 г.), готов встать во главе коалиции, враждебной первому министру. Она сильна, но раздроблена. Месье, брат короля, ни в чем не уверен; часть его окружения представляет собой умеренную оппозицию; другая часть рвется в бой, если только речь не идет об убийстве Ришелье, поскольку всем памятно «Амьенское ожидание»^[148]. Внезапная смерть графа Суассонского (1641) осложняет дело. Струсивший Гастон Французский никогда не поддержит убийство кардинала, и гражданская война имеет шанс на успех лишь с поддержкой Испании. Остается давить на короля и убеждать его отправить Ришелье в отставку. Сен-Мар пытается использовать разнообразные тактические приемы. В 1641 году он надоедает Людовику XIII; в 1642 году пытается добиться пособничества Оливареса.

Граф Суассонский умер; Сен-Мар осаждает Месье и герцога Бульонского. Заговор принимает очертания, но план пока остается туманным. Месье, — с которым избегают говорить об убийстве Ришелье, — уговаривает герцога Бульонского взять его цитадель в Седане, но настаивает на помощи Испании. В конце января 1642 года (король — с

одной стороны, кардинал — с другой готовятся отправиться осаждать Перпиньян), Сен-Мар, отныне поддерживаемый своим другом Франсуа де Ту, бывшим интендантом, считает, что имеет согласие Гастона Французского и герцога Бульонского. Похоже, что Анна Австрийская также информирована о заговоре, однако отказывается в нем участвовать.

Среди участников заговора царит двусмысленность, поскольку одни предполагают убийство кардинала (Фонтрейль, Тревиль и др.), а другим довольно было бы его отставки и ссылки. Зато нет непонимания в отношении связей с Испанией. Никто из участников не понимает, что готовит предательство. Месье предлагает Оливаресу франко-испанский мир, обмен взятыми городами, отставку и ссылку Ришелье; взамен Мадрид финансирует бунтовщиков и предоставляет им 18 000 солдат, из которых 6000 всадников. Виконт де Фонтрейль, отважный горбун и вольнодумец, решительно переходит Пиренеи, будучи полномочным представителем Месье. 13 марта он подписывает с Оливаресом союзнический договор.

В королевском лагере атмосфера накаляется. Сен-Мар постоянно надоедает Людовику XIII, требуя то убийства Ришелье — что шокирует короля, — то его отставки. В Лионе Ришелье убежден, что чудом избежал покушения. 12 марта он присоединяется к королю в Нарбонне. Здесь обстановка еще более тяжелая, чем в Лионе. Сен-Мар, уверенный в себе, провоцирует Ришелье. Ришелье убежден, что его пытаются убить, и чутье его не обманывает: предположение обсуждается в присутствии короля и вспыльчивого де Тревиля. Только королевская набожность и, возможно, благодарность за долгие годы преданной службы приостанавливают этот план. Франсуа де Ту, прибывший 19 апреля в Нарбонну, предупреждает Сен-Мара, что не смог набрать вандомцев. Он доказывает своему другу, что испанское вмешательство опасно. Он считает, что следует лучше подождать естественной смерти кардинала, чье здоровье сильно пошатнулось. Но на попятный идти уже поздно: тайный договор подписан, испанцы намерены войти во Францию в июле.

Ришелье на самом деле чувствует себя очень плохо: он страдает от малярии и от нарыва на руке. Опасаясь как естественной смерти, так и убийства, 23 мая он диктует завещание, затем 27 мая уезжает из Нарбонна в направлении Прованса. Король, едва ли в лучшем состоянии (туберкулез даст ему всего лишь год отсрочки), 8 июня передает Шомберу руководство осадой Перпиньяна. Сен-Мар и Франсуа де Ту рассчитывают на отъезд короля, чтобы во время путешествия еще раз попытаться убедить своего господина. Они не знают, что пакт Фонтрейля — Оливареса больше не является тайным.

Никто не знает начала и точного хода провала заговора, но в нем нет ничего удивительного. Столько заговорщиков в курсе тайны! У кардинала достаточно информаторов. Фонтрейль уверенно опознан. Однако вряд ли стоит обвинять в предательстве королеву. Хотя Анна Австрийская предупреждает Ришелье о тайном договоре с Испанией (возможно, потому что ее пугает необдуманность заговорщиков, возможно, потому что, видя нездоровье мужа, надеется на скорое вдовство и длительное регентство; дофину на этот момент всего три года), она, несомненно, никогда не читала статьи этого злосчастного договора и к тому же обещала друзьям герцога Бульонского хранить тайну. Вполне возможно, что Ришелье уже получил доказательства заговора и предательства из других источников и послания королевы (от 7 и 9 июня) не сообщили ему ничего нового. Во всяком случае, он молниеносно посылает Шавиньи информировать обо всем Людовика XIII. Требуется участие, как минимум, двух государственных секретарей — Шавиньи и Сюбле де Нуайе, — чтобы убедить короля в реальности и серьезности преступлений МИЛОГО ДРУГА. С разбитым сердцем, но понимая всю срочность действий, Людовик приказывает арестовать месье Главного, Франсуа де Ту (13 июня) и Бульона (23 июня).

Заговор потерпел поражение. Характеры проверяются испытанию на правду. Месье, брат короля, узнает о поражении из письма 7 июля. Он узнает также о побегах и о том, например, что Сен-Мар пытался посвятить в свой план протестантов Женевы. Сен-Мар и де Ту предстают перед судом чрезвычайной комиссии под председательством канцлера. Большой Ришелье приезжает — одновременно с Франсуа де Ту — 5 сентября в Лион, где началось следствие. Судьи проливают свет на все или почти на все. 29 августа Сегье получает от Месье целую исповедь. Два дня спустя признается в преступлении Бульон. Два главных обвиняемых сперва яростно защищаются, но с помощью хитрости Лобардемон заманивает Сен-Мара в ловушку, заставляя его думать, что де Ту во всем признался. С этого момента смысла защищаться больше нет. 12 сентября подписывается смертный приговор; в тот же день после полудня двое друзей обезглавлены на площади Террео. Несмотря на неумелость нанятых палачей, Сен-Мар и де Ту умирают мужественно и достойно. Месье не выказывает особого волнения, и никто никогда так и не узнает, что творилось в душе короля: ужас перед преступлением против государства или воспоминание о четырех годах сентиментальной привязанности.

Позиция Ришелье, отнюдь не невинная, полностью логична. В глазах народа виновным является один Сен-Мар; но министр-кардинал считает, что Франсуа де Ту — более старший и умный, юридически образованный,

компетентный офицер — не может быть помилован. И король не возражает ему в этом вопросе. Однако Ришелье вмешивается, чтобы освободить двух друзей от допроса, то есть пытки, помогающей получить признание. Можно предположить, что таким образом он защищает королеву. Но, скорее всего, он защищал короля или использовал эту гипотезу, чтобы восстановить доверие монарха. Поскольку в конце концов всякий раз, как возникал вопрос об убийстве Ришелье, суверен подвергался весьма сильному искушению. Людовик XIII не может не знать, что целью некоторых заговорщиков являлось также убийство министра. Отношения между королем и кардиналом на протяжении трех последних месяцев жизни Ришелье становятся понятными только на основании невысказанного.

ИЗ КВЕБЕКА В МОНРЕАЛЬ

Что раньше поражало больше всего иностранца, прибывшего на эти берега, — это наши монастыри, памятники торговли и промышленности.

Франсуа-Ксавье Гарнео

17 мая 1642 года в Гошелаге на реке Святого Лаврентия — вскоре переименованном в Виль-Мари в честь Девы Марии, а затем в Монреаль — проходила праздничная месса. В ней участвовало сорок отважных колонистов, прибывших за неделю до этого из Квебека — в основном ремесленники, поскольку новому городу нужны были мастера всех профессий. Кроме них там были «губернатор», господин де Мезоннёв, благочестивая молодая женщина из Лангра по имени Жанна Манс и один или два священника. Жанна и Мезоннёв являлись членами ассоциации «Общество господ и дам по обращению дикарей Новой Франции», основанной господином Олье и находившейся под покровительством деятельной и душеспасительной компании Святого Причастия. Мезоннёв раньше был военным, из «породы монахов-воинов» (Клод Дюлонг). Жанна собиралась основать больницу, чтобы лечить и обращать «дикарей». Сегодня Монреаль насчитывает более одного миллиона жителей.

Эта история поучительна. Квебек был основан Шампленом в 1608 году. Он использовался французскими колонистами за тридцать четыре года до того, как было принято решение подняться на 60 лье по реке Святого Лаврентия. Тогда франко-канадское население исчислялось смехотворными цифрами, в то время как «Мейфлауэр» в момент своего первого прибытия (сентябрь 1620 г.) перевез из Англии в Америку не менее 120 колонистов, не считая 35 пуритан, укrywшихся в Голландии. Ришелье же очень неохотно соглашался на вовлечение протестантов в свои торговые компании, да и сами французы не соблазнялись колонизацией: Канада интересовала их в основном как источник пушнины. Министр-кардинал, озабоченный соперничеством морских держав (Англии и Голландии) и содействуя миссионерскому движению, сперва одобрял создание коммерческих компаний. В 1626 году он патронировал сразу два сообщества. Компании Морбиана или «ста участников», почти тут же саботированной парламентом Бретани, портами Сен-Мало и Нантом

(однако достойной уважения за борьбу с предрассудками об отсутствии дворянства и за планы по размещению в колониях тунеядцев, нищих, безработных и «королевских девиц» в целях их исправления) не удалось развернуться. Шанс получило конкурирующее предприятие, компания под названием «Украшенная геральдическими лилиями лодка святого Петра». Судя по этому названию, здесь угадывалось вмешательство активной части «партии святош» во главе с Берюлем и Марильяком. Эта компания также пыталась избавить Францию от ее «нищеты», но больше всего она стремилась к распространению миссионеров, созданию монастырей, школ, больниц, обращению гуронов; ее целью было также помешать переселению в Новую Францию протестантов. Душеспасительный и завоевательный характер компании был продолжением предшествующей политики Шамплена в Квебеке. Позднее Кольбер одной фразой подведет итог этому непомерному презрению к мирскому: «Слишком много монахов и недостаточно работников».

В 1628 году у Его Высокопреосвященства родилась счастливая идея аннулировать предыдущие монополии и хартии и основать единую компанию, обобщающую результаты предыдущих попыток. Так, после майского эдикта родилась в разгар осады Ла-Рошели «Компания Новой Франции». Ее целью было превратить Канаду в колонию, населенную 40 тысячами европейцев (!). Увы, эта цифра предполагала прибытие в Америку 3000 колонистов ежегодно. А в июле 1629 года Квебек захватили англичане, вернув его французам лишь в 1632 году^[149]. Шамплен умер в 1635 году, который стал годом объявления войны Испании. Отныне у кардинала в голове другие дела — сопротивление в Европе Австрийскому дому и сражения с морским флотом Оливареса вместо детального продумывания дел в Новой Франции. В результате «истинная история французской Канады, наметившаяся в 1536 году, реально началась только после 1630-го, даже после 1660 года» (Анри Озер).

Генрих IV вряд ли видел в Канаде что-нибудь, кроме базы для торговых предприятий. Ришелье, воодушевленный братьями Разильи, с одной стороны, и желая сделать что-нибудь приятное Берюлю, с другой, принял усредненное решение о взаимодополняемости первых компаний. Возможно, в них действительно было «слишком много монахов и недостаточно работников»; но Ришелье сожалел о предубеждениях и соперничестве, тормозивших его планы. Сперва противодействие портов (особенно бретонских), затем сопротивление торговцев; наконец, в самой Канаде — конкуренция между конгрегациями. Сначала Шамплен принял в Квебеке францисканцев, затем иезуитов, высадившихся в 1625 году.

Новая Франция насчитывала в то время уже восемь мучеников (1625–1649)^[150], все они были иезуитами и жертвами ирокезов. Начиная с 1632 года канадские иезуиты публиковали каждый год миссионерские хроники, так называемые «Реляции». Они были очень популярны и являлись пропагандистским элементом для укрепления веры, призывом к благородству верующих, изобиловали живописными описаниями Нового Света, «их успех объяснялся их живой и яркой формой» (Ж. де Вигери).

В колониальном плане — а в то время еще не было колониальных империй, за исключением, возможно, испанской Америки — канадская авантюра имела жалкий успех. В смысле евангелизации, цивилизации, братской помощи гуронам успех был довольно большим. Современная провинция Квебек многим обязана Ришелье.

СМЕРТЬ КАРДИНАЛА

Умер великий политик.

Людовик XIII

Хотя король испытал от этого невероятную радость, он постарался сохранить все приличия.

Де Рец

Se glie e un Dio, lo pagara; ma verra mente, se non cie Dio, gallant-huomo (Если Бог существует, мне воздастся за все; а если Бога нет — какая удача!).

Слова, приписываемые Урбану VIII

История сохранила — день за днем и практически час за часом — поступки, действия, письма и слова, совершенные, написанные и произнесенные между королем и кардиналом с 13 октября 1642 года — моментом, когда кардинал приехал в Фонтенбло, — до 4 декабря, дня его смерти. И потому нам известно все или почти все об их чувствах, более чем антагонистических, которые вскрыло дело Сен-Мара. Людовик XIII мучается угрызениями совести по поводу своей матери и считает, что Ришелье оказался в этом случае плохим советником. Он проявил равнодушие к судьбе главного конюшего, но его неотвязно преследует образ его мучений, и он считает, что Ришелье был слишком суров. Кардинал, со своей стороны, считает, что король способен его погубить: он может попросить господина де Тревиля, капитана королевских мушкетеров, избавить его от первого министра, как некогда просил Витри избавить его от Кончини. 13 октября встреча короля и кардинала, должно быть, напоминала фехтовальную дуэль. Она длилась три часа; это было «тяжелейшее противостояние двух людей, полностью утративших доверие друг к другу» (М. Кармона). Ришелье пытался заставить Людовика XIII понять, что заговор главного конюшего был не просто заговором против кардинала, но серьезным предприятием, угрожавшим суверенности короля, интересам королевства, аннексиям, укрепленным пунктам и недавним победам. Заговор угрожал лишить Францию преимуществ этих побед и

преимуществ настоящего, стабильного и выгодного Франции мира. «Между двумя великими больными нет больше места симпатии и согласию».

17 октября Ришелье в сопровождении солидного эскорта и верных гвардейцев возвращается в Пале-Кардиналь. Десять дней спустя он дерзает послать своему господину жесткий ультиматум. Он уйдет в отставку, если король не согласится на следующие условия: не заводить другого фаворита, для «блага своих дел» (*sic*); доверять только своему Совету, требуя от него исключительной корректности; «время от времени очищать двор от злонамеренных умов» и изгонять их. Никогда еще Ришелье не позволял себе такой свободы, такого вмешательства в королевский суверенитет.

Рассерженный Людовик XIII воздерживается от ответа. Тогда кардинал посылает к королю 5 ноября своего верного Шавиньи с еще одним меморандумом, сильно смахивающим на шантаж: Сен-Мара не подвергли допросу, а его исповедник помешал осужденному говорить на эшафоте исключительно с целью оградить репутацию Его Величества. На что король отвечает, что следовало позволить говорить фавориту. 7 ноября Шавиньи приносит Людовику новый ультиматум: если правитель не отправит в ссылку друзей Сен-Мара — Тревиля, Ла Саля, Дезессара и Тилладе, гвардейцы кардинала останутся вооруженными даже в присутствии Его Величества. 13 ноября Ришелье, все менее уверенный в своем будущем, возобновляет попытку, но уже не так грубо. Но поединок продолжается. Король отвечает только 20 ноября, а 29-го отправляет в ссылку Тилладе, Ла Саля, Тревиля и Дезессара.

Ответ короля, хотя и запоздалый, успокаивает Ришелье: Людовик XIII, весьма внимательный к своему престижу, признает себя побежденным. Сославшись на дружбу и уважение, которые он испытывает к «своему кузену» кардиналу, он уверяет того: «Я желаю, чтобы так продолжалось, и желаю, чтобы он действовал под моим покровительством с такой свободой и властью (*sic*), каких никогда не имел ранее». Ришелье должен оставаться верным королевским альянсам, сохранять Пиньероль, Лотарингию, Эльзас, Брейзах, Перпиньян, Аррас, Эден и Бапом, отказываться от всякого преждевременного мира и готовить условия для истинного мира, достойного и триумфального. Победа Ришелье кажется очевидной, однако 1) король сохранил все почести и денежное содержание всем сосланным врагам Его Высокопреосвященства; 2) кардиналу осталось жить не более двух недель.

С 28 ноября двор осознает серьезность состояния здоровья министра: у него высокая температура и сильные боли. 2 декабря эти симптомы уже

не оставляют сомнений. Боль ной задыхается и кашляет кровью. В два часа появляется король, несомненно, ожидающий увидеть умирающего в полубессознательном состоянии. Но «Ришелье, который всегда любил драматическое искусство, собирается с духом для последнего прощания»:

— Беря у Вашего Величества отпуск, — говорит он, — я утешаю себя тем, что оставляю Ваше королевство в зените славы и уважения, в каком оно доселе никогда не было, а всех Ваших врагов побежденными и усмирненными.

Кардинал не меняется. Он как всегда умеет набить себе цену под предлогом восхваления правителя. Зрители выходят, Ришелье позволяет себе еще раз дать совет своему господину: чтобы он сохранил лучших министров правительства — Сюбле, Шавиньи и особенно кардинала Мазарини. Перед возвращением в Лувр Людовик XIII лично подает больному два яичных желтка, прописанных врачами. Потом он осматривает галереи Пале-Кардиналя (который он наследует) и, как пишет Монтрезор, слышно, как он «неоднократно смеется^[151]».

С наступлением ночи умирающий, сотрясаемый лихорадкой, требует от своего врача сказать ему все без утайки. Понимая, что близок час смерти, он исповедуется епископу Шартрскому (Леско), затем требует у кюре церкви Святого Евстахия (Ле Тоннелье) причастия и соборования. Когда его спрашивают, прощает ли он своих врагов, он отвечает: «У меня никогда не было врагов, кроме врагов государства».

В этот век прекрасных смертей Его Высокопреосвященство может лишь продемонстрировать свою верность церкви. Примирившись с королем, — который на следующий день, 3 декабря, еще раз приходит провести час у его изголовья, — вполне логично, что он соединяет религиозное благо с заботой о государстве, но, вместо того чтобы спорить о том, насколько верно передана фраза о врагах, следует подумать о ее двойственном характере: Ришелье всегда был убежден, что его враги являются также врагами короля, и использовал свое министерское правление для убеждения в этом Людовика XIII, потому он не нуждается в прощении. А ему бы стоило попросить его у наказанных им, заключенных в тюрьму, погибших в застенках, сосланных, обесчещенных, несправедливо подозреваемых и ошибочно осужденных врагов.

Говорят, что лицо короля после посещения кардинала 3 декабря было взволнованным и серьезным. Нет уверенности, что эта серьезность имела политическое значение. Почему бы не объяснить ее по-человечески (после восемнадцати лет совместной работы) и по-христиански (смерть составляет часть Божьей педагогики)? Словом, никто не мог бы с

уверенностью сказать, какие чувства охватывали короля Франции в начале декабря 1642 года. Позднее де Рец будет говорить о «невероятной радости» Людовика XIII. Об этом говорится и в анонимной эпиграмме:

Монарх сей, по сказам старинным,
Живя у попа под пятой,
Был очень хорошим слугой
И очень плохим господином.

Эта загадка дает простор любым предположениям и домыслам воображаемой истории: что было бы в 1643-м и последующих годах, если бы кардинал и король не покинули сцену? Примирились бы они? Действительно бы передал Ришелье эстафету своему ученику Мазарини? Неизвестно... Месье же не скрывает своей радости и громогласно заявляет об этом: «Слава Богу, моего врага больше нет!»

Кардинал Ришелье благочестиво скончался в четверг 4 декабря 1642 года, уверенный в судьбе своей семьи, порученной заботам короля, и верящий в искусность Мазарини, своего удивительного последователя.

ДЖУЛИО МАЗАРИНИ

Я знаю лишь одного человека, способного стать моим преемником, хотя он иностранец.

Ришелье

Без Ришелье не было бы Мазарини, но без Мазарини не было бы Короля-Солнца и Великого века.

Мадлен Лоран-Портемер

5 декабря 1642 года король Людовик XIII принимает самое примечательное решение за свое длительное правление: назначить Джулио Мазарини (принятого во французское гражданство только в апреле 1639 года) главным министром. Ришелье, который умер днем раньше, действительно «рекомендовал его королю как самого достойного заменить его» (мадам Портемер), и король, хотя и чувствуя облегчение оттого, что освободился от надзора кардинала, не колеблясь, принимает это решение, рискуя потерять свою вновь обретенную свободу, поскольку ценит советы своего покойного ментора.

После рождения дофина 5 сентября 1638 года вопрос о престолонаследии изменяется. Теперь речь идет не о том, как избежать восшествия на трон короля Гастона I, а, учитывая возраст Людовика XIII и его слабое здоровье, о своевременной передаче короны и гармоничном и эффективном регентстве. Ришелье думает об этом постоянно. Еще до рождения будущего Людовика XIV Его Высокопреосвященство молчаливо выбрал джокера: «Серое преосвященство» отца Жозефа дю Трамбле, самого замечательного дипломата своего времени, искусного, знающего, верного, энергичного, умело чередующего политику «кнута и пряника». Поэтому имя этого знаменитого капуцина предложено в Риме на пост кардинала, как «кандидата короны»: кардинал дю Трэмбле был бы совершенен в качестве *Ришелье-второго*. Но отец Жозеф умирает 18 декабря 1638 года в возрасте шестидесяти одного года. Ришелье этим совершенно убит. Он тут же ^[152] представляет папе другого кандидата, преданного Франции, другого джокера, способного продлить министерство, и этот ценный человек зовется Джулио Мазарини, «брат

Палаш» в интимном кругу.

Удивительный персонаж этот фаворит Его Высокопреосвященства! Станный выбор в эпоху барокко. Ришелье придает большое значение своему знатному происхождению; отец Джулио, обладая феодом на Сицилии, был мажордомом у семейства Колонна. Француз Ришелье посвящает свою жизнь службе Франции; Джулио является итальянцем, римлянином, родившимся в Абруццо. Ришелье — священник; у Мазарини есть только тонзура, минимум того, что требуется для обладания каким-нибудь церковным бенефицием. Ришелье знает, что его соотечественники не любят, когда ими управляют иностранцы, — Анну Австрийскую открыто упрекают в том, что она испанка, — но почему-то не боится возможной коалиции королевы-испанки и министра-итальянца. Зато Его Высокопреосвященство быстро отмечает несравненный ум, культуру, любознательность, честолубие, упорство, гибкость, дипломатичность этого «брата Палаша», которому достаточно лишь поддержать кардинала Барберини, чтобы оказаться в пользующемся спросом корпусе нунциев.

Пикантная подробность: они не были знакомы и не знали друг друга в тот момент, когда занимали неподходящие для себя роли. Симон Бертье талантливо и уместно это подчеркивает. Критическим становится год 1630-й — год «Дня одураченных». Мелкий служащий в дипломатическом корпусе Ватикана, Мазарини понимает, что христианский мир готов разделиться, и, разделившись (4 сентября и 26 октября), французы и жители империи уже противостоят друг другу в Казале. Раньше Мазарини — в недавнем прошлом капитан в папской инфантерии — уже видел два раза Ришелье и один раз Людовика; он покорен ими и согласен с их точкой зрения, кто должен обладать Мантуей. Отныне у него появляется мечта — отправиться во Францию в качестве папского нунция. Он добивается этого, но гораздо позднее, в 1634 году, к тому же его должность именуется «чрезвычайный нунций» (то есть внештатный). В Париже он окончательно переходит под крыло Его Высокопреосвященства, натурализуется в 1639 году — в этот год он оставляет Рим, — «назначенный представителем Франции на будущем мирном конгрессе» (1640) и используемый кардиналом Ришелье для деликатных миссий: например, в Турине с Савойским домом или в Седане, чтобы получить заверения в окончании дела Сен-Мара.

Три года требуется королю и кардиналу, чтобы добиться для Мазарини кардинальской шляпы, просимой начиная с 17 декабря 1638 года — еще жив отец Жозеф — до 16 декабря 1641 года. Меньше двенадцати месяцев, чтобы Людовик XIII сделал его первым министром; шестнадцать месяцев,

чтобы кардинал Мазарини именем папы стал поручителем будущего Людовика XIV. Это чудесное и такое же мистическое наследование должности имеет одну причину: гений Армана Жана дю Плесси был способен оценивать людей и готов их использовать.

КАРДИНАЛЬСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Никто тогда не представлял министра бедным или хотя бы скромно живущим.

Пьер Губер

Современная послереволюционная Франция стала пуританской, требовательной, суровой. Политиков подозревают в желании обогатиться, за ними наблюдают, их побуждают таиться, их осуждают, если подозревают в коррупции. Во времена монархии сильные мира сего не имели подобных проблем. Богатство не ассоциировалось с грехом. Правители, министры, генералы, имея определенный ранг, социальные и представительские функции, нуждались в большом количестве денег. Это золото имело много источников: подарки, правильное управление своим имуществом, удачное помещение денег, официальные доходы, вознаграждения и т. д. Если речь шла о короле, никто не имел права его подозревать. Если речь шла о церкви, роптали только гугеноты и некоторые вольнодумцы.

История старого режима сохранила воспоминания о невероятно крупных состояниях; как нарочно, все они принадлежали государственным людям. Я не верю, что французы XVII века находили непомерными состояния великих министров: например, пять миллионов Кольбера в 1638 году или девять миллионов Лувуа (1691). Эти два человека долго и эффективно трудились на благо государства; король их вознаградил. 15 000 000 актива Фуке (о пассиве даже не вспоминали) казались чрезмерными только потому, что были уверены, что эти деньги — следствие злоупотреблений, а не королевских даров.

Никто никогда серьезно не упрекал министра-кардинала в бесчестном присвоении денег. Его доходы в 1642 году насчитывали не меньше 22 000 000 турецких ливров^[153]:

Земли.....	5 000 000
Наличность.....	4 000 000
Налоги с земель в Париже и окрестностях.....	4 000 000
Службы.....	2 600 000
Долговые обязательства.....	2 150 000
Дарованная государственная собственность..	1 400 000
Ренты.....	1 100 000

Вклад в монастыри и дары.....1 510 000
Разное.....824 000^[154]

Из этих двадцати двух миллионов следует вычесть более шести миллионов, переданных короне (возможно, 6 455 000 ливров).

Эта сумма также делится: 1 400 000 ливров, уступленных домену; 2 000 000, как минимум, — стоимость Пале-Кардиналь, подаренного Людовику XIII; около 1 700 000 — содержание дворца; 1 400 000 ливров ушло на разрушение особняка Силлери, чтобы закончить площадь Пале-Рояль; 750 000 ливров бриллиантов — среди которых знаменитый «Ришелье» стоимостью 300 000 — завещанных королю; 1 500 000 ливров наличности. Все вместе составляет 7 490 000 ливров, из которых 1 035 000 ливров составляют долги кардинала короне.

Капитал в данном случае является очень важным. Доходы от него и доходы Его Высокопреосвященства росли. Накануне его смерти они составляли 930 000 ливров. В качестве министра Ришелье получал 40 000 ливров. Его губернаторства приносили ему около 90 000 ливров. Доход от адмиральства, хотя и снизившийся, принес в 1642 году 89 000 ливров. Но самый большой доход (больше, чем земли и ренты) приносили бенефиции, составлявшие самую большую часть доходов кардинала: 318 360 ливров, как сообщает Бержен.

Этот автор настаивает на «контрибуции Церкви». Он не ошибается, но во Франции, относящейся к конкордату, бенефиции принадлежали вовсе не Риму, они находились в ведомстве короля. Жозеф Бержен, скрупулезно восстановивший «охоту за бенефициями», которую вел и в которой добился успехов Ришелье, был по-настоящему шокирован поведением своего героя. Эта охота предшествовала добыванию кардинальской шляпы. Ришелье коллекционирует комменды по всему королевству, изображая реформатора религиозных орденов, но никогда не пренебрегая материальным аспектом дела. Теоретически он трудится во славу Господа: «Я желаю увеличить свои бенефиции настолько, насколько это возможно, путями, выгодными Церкви, дабы те, кто придет после меня, имели повод за меня помолиться!» На практике он повышает свои ренты, деля на участки церковь, деля на участки Францию, приумножая свои источники наблюдения и осведомления.

Когда он оставляет Люсон в 1623 году, он передает его своему преемнику «на драконовских условиях». Затем он выискивает пребенды, завладевает ими, пользуется, передает другим, когда считает это выгодным. В 1642 году, после более чем двадцатилетних изнурительных переговоров,

строгого управления, выгодных уступок (не говоря о дарах короля), министр-кардинал обладает коммендами с пятнадцати аббатств и четырех приорств. Авторы, сегодня представляющие Ришелье честным богословом, — не забыли ли они о его многочисленных пребендах?

Протестанты полагают, возможно оправданно, что покупка церковных бенефиций является симонией. «Симонией занимается тот, — писал Фюретьер, — кто покупает бенефиции или что-то священное за деньги». Страстный бенефициарист, Ришелье также не избег этого обвинения. Когда «Всемирный словарь» (1690) заявляет: «Две бенефиции под одной крышей несовместимы, множество бенефиций опасно», он гораздо ближе к заветам Тридентского собора, чем Ришелье, автор признанного катехизиса и кардинал Святой церкви.

Но стоит вспомнить, что большинство бенефиций этой странной коллекции были дарами короля. Таковы «пять больших аббатств», подаренных в комманду и упавших в его мощну в одном только 1629 году, потому что Людовик XIII пожелал «вознаградить с беспрецедентной пышностью» счастливец, ответственного за взятие Ла-Рошели.

Нельзя закончить эту главу, не упомянув Мазарини, «дофина» и преемника Ришелье. Этот последний также не замедлит показать себя «ненасытным и корыстным» в области сбора бенефиций, которые начнет набирать после Фронды. И тот же Мазарини составит состояние, почти вдвое большее состояния Ришелье: 38 000 000 против 22 000 000. Тем не менее, так ли дорого заплачено за Эльзас и Артуа, коллеж Четырех наций, Руссильон и Сердань? Оставляем это на суд читателя.

ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

Подобное величие его замыслов, такая искусность в их выполнении должны заглушить обычную злопамятность и воздать его памяти похвалы, которых она, безусловно, заслуживает.

Ларошфуко

Все его пороки были пороками, с легкостью заслоненными его великой судьбой, поскольку они являлись пороками, которые могут лишь служить орудием великих добродетелей.

Кардинал де Рец

С расстояния в 360 лет, после стольких поисков, трудов, уточнений, хвалы и критики, можем ли мы наконец понять и описать Ришелье? Судить о человеке за рамками произведения? Хотелось бы попытаться; но понадобится большая смелость, чтобы решить, подобно кардиналу де Рецу, что он «возможно, самый умный человек своего времени» (Клебер Гаэданс). Написанный де Рецем портрет министра-кардинала не имеет ни единой морщины. Это «шедевр глубокой и жестокой психологии». Можно было бы даже добавить: жестокой, но достоверной, а также: жестокой и, однако, восхищенной.

Уже в своих «Мемуарах» будущий автор «Максим», Франсуа де Ларошфуко, хотя и будучи ярким врагом Ришелье, мечется между его осуждением и восхвалением, вспоминая, с одной стороны, «обилие крови», ослабление знати, фискальные налоги, обрушившиеся на народ, а с другой стороны, «взятие Ла-Рошели, укрощение партии гугенотов, ослабление Австрийского дома». В конце концов он предпочел хвалы ругательствам, подтверждая будущую максиму Вовенарга: «Где есть величие, там мы чувствуем его вопреки самим себе».

Рисуя портрет кардинала, де Рец имеет намерение вспомнить в первую очередь происхождение этого великого персонажа: он «имел благородное происхождение». Не таков случай Мазарини или Кольбера. Знатное происхождение Ришелье сокращает дистанцию, отделяющую его от короля,

первого дворянина королевства. Сын обладателя голубой ленты^[155], он никогда не считался выскочкой. В социальном плане он принадлежал к той знати, которую собирался взнуздать. Будучи дворянином, он знал, что значили в его время честь, влечение к битве, верность, война, дуэль. Связанный через мать с парижской буржуазией, он знал, что такое адвокаты и судьи. В его лице соединились три или четыре активных сословия. Он держал в руках двор и столицу. Он не собирался унижать знать. Он только хотел видеть ее деятельной, верной, дисциплинированной, готовой служить государству.

Вслед за этим де Рец воздает должное живому и рано созревшему уму будущего кардинала: «Искры его заслуг вспыхнули еще в юности», — и рассказывает о его учебе в Сорбонне, впрочем, очень кратко. Он забывает упомянуть о его епископстве в Люсоне, знаменитой речи на собрании Генеральных штатов, эфемерном управленческом опыте во времена Кончини, преданности — с выгодой для себя — королеве-матери. Де Рец полагает, что знает особенности его ума: «В уме он имел силу и живость». Это, очевидно, очень одаренный человек, который все быстро схватывает — слишком быстро, по мнению Людовика XIII, — а затем «принимает окончательное решение».

Ум раздражает дураков. Следует превратить его в инструмент завоевания и прельщения, а не высокомерия и провокации, о чем Его Высокопреосвященство забывает время от времени. Ум государственного человека в первую очередь совпадает со способностью к обобщению (чего не хватало Людовику XV, имевшему ум аналитический, но бюрократический). Но гений Ришелье более полон и тонок: ему приходится без конца, например при руководстве морским и торговым флотом, переходить от анализа к синтезу, а затем от синтеза к анализу. Он занимается этой умственной гимнастикой практически без перерыва и очень часто; это талант, который будет упрочен Кольбером. «Великие люди таковы до мельчайших вещей» (Вовенарг). Ришелье постоянно повторяет известную латинскую поговорку: *De minimis non curat praetor*^[156].

Этот ум вертикального действия отточен опытом, поскольку «великие должности, — уверяет нас Вовенарг, — быстро обучают великие умы». Это подразумевает отсутствие предубеждений; это подразумевает постоянный прагматизм. Никто не был более одаренным и более опытным в этой области, чем министр-кардинал.

Однако ум — это еще не все, к тому же Ришелье в своем «Политическом завещании» предостерегает короля против блистательных и

излишне умных офицеров. Государственный человек отличается и благодаря поступкам. Кардинал де Рец говорит о Ришелье: «Он принимал окончательное решение... У него не было ни ума, ни сердца, когда опасность миновала; он не имел ни того, ни другого до нее; можно сказать, он предвидел опасности заранее благодаря своей прозорливости, чтобы преодолеть их благодаря своей твердости». Ришелье ведет себя осторожно, то есть следит за собой и контролирует себя, обуздывая свои реакции торопливого человека, французского дворянина, человека активного. Эта осторожность становится повседневной в его отношениях — также повседневных — с королем. Поскольку все кардинальские планы (подчинение знати, непокорных, усмирение протестантских районов, снижение числа дуэлей, усиление суверенитета, победа над Габсбургами) могут не получиться, быть выполнены не полностью, оказаться неэффективными, без счастливого исхода. Всякий раз сперва приходится убеждать Его Величество в необходимости и срочности каждой инициативы. «Иногда гораздо труднее управлять одним человеком, чем большим народом». Тем более трудно управлять абсолютным монархом, единственное одобрение которого разрешает дела, вершимые от его собственного имени.

Тем не менее де Рец не ограничивается одними восхвалениями. Его портрет Ришелье усеян колкостями: «Он любил славу гораздо больше, чем ему позволяла мораль». Можно констатировать «избыток его амбиций». Он мечтал о народной любви, но не добился ее. «Он слишком легко выходил из себя по пустякам». Творя зло, он творил его по политическим соображениям, полностью отдавая себе в этом отчет. Он был способен на предательство, если этого требовал «великий интерес»: де Рец, разумеется, имеет в виду знаменитый политический переворот, отдаливший Ришелье от королевы-матери.

Однако по двум пунктам портрет министра-кардинала кажется уравновешенным: его жизненный путь и его религия. «Он был подавлен своей властью и королевской пышностью личного величия короля; но он с таким достоинством исполнял свои обязанности, что требовалось быть незаурядным человеком, чтобы, исполняя их, не смешивать добро и зло». Что касается глубины его веры, его морали, его отношений с Церковью, де Рец ничего об этом не пишет или, вернее, довольствуется парфянской стрелой: «Он был достаточно религиозен для этого мира».

НАСЛЕДСТВО РИШЕЛЬЕ

Когда Франция устремилась к преобладанию и силы королевских приверженцев, противостоящие Фронде, казалось, прибывали в том же темпе, как и силы самого короля, все с большей благодарностью вспоминалось предшествующее правление. Похоже, что все годы триумфа Великого века были подготовлены царствованием Людовика XIII.

Виктор Л. Тапье

Обращаясь к французским школьникам 1901 года, Эрнест Лависс, вечный морализатор, так подводит итог знаменитому правлению министра-кардинала: «Трудно любить Ришелье, так как он не был добрым и часто лицемерил (sic); но невозможно не восхищаться им, ибо он желал величия Франции и даровал ей это величие». Мы же предпочтем другое суждение, сделанное на сто лет позже Мишелем Кармона: Ришелье принес королевству, как минимум, шесть позитивных ценностей: 1) *независимость*, 2) *крепкую территориальную базу*, 3) *суверенитет*, 4) *национальное единство*, 5) *толерантность*, 6) *основы близкой гегемонии*.

Следует ли подробно рассматривать эти ясные понятия? *Независимость* была завоевана в ущерб Австрийскому дому, два полюса которого, Вена и Мадрид, были зажаты Францией в тиски. «Ришелье разбил Австрийский дом», став победителем Оливареса и сил империи.

Территориальная база, расширившаяся в 1642 году по сравнению с 1610 годом, не всегда гарантировалась договорами (Мец, Туль и Верден станут окончательно французскими только в 1648 году), но Франция Людовика XIII превратила в поле маневров Артуа, Эльзас и Руссильон, не говоря уже о бедной Лотарингии, без конца подвергавшейся оккупации.

Суверенность удвоилась, и если был в королевстве человек, способный это оценить и наслаждаться ее невероятным прогрессом, то это Карден Ле Бре, певец и теоретик суверенности. Почему удвоилась? Потому что «государство суверенно» и потому что «суверенность короля, которую он воплощает, неразделима. Его власть распространяется на все» (Кармона).

Национальное единство совершило благодаря неустанным заботам

кардинала огромный прогресс в ущерб знати, протестующим гугенотам, офицерам суверенных палат. Все способствовало этому: народ устал от гражданских войн, королевская власть усилила свое влияние — то отеческое, то чрезмерно принудительное и фискальное. Зарождается патриотизм, пока несовершенный, но определенный.

Толерантность, редкая добродетель и реальность в то время, обрела благодаря Ришелье новую форму: можно сказать, что это была вернувшаяся толерантность Генриха IV, только исправленная и отточенная. Что, впрочем, не мешало Его Высокопреосвященству вдохновлять внутренние и иностранные католические миссии способствовать обращению гугенотов и одновременно страстно мечтать о «союзе церквей».

Основы французской гегемонии являются в 1642 году если не совершенными, то реальными и прочными. «Ришелье, — пишет Мишель Кармона, — выковал армию, морской флот, дипломатическую службу, службы осведомителей и шпионов, придавших государственному аппарату, находящемуся в Париже, устрашающую мощь в международном плане».

В противоположность этому негативные элементы кажутся если и не смехотворными, то, как минимум, уступающими подобному итогу. Жестокость репрессий в отношении народных бунтов оставляет здесь и там глубокие следы. Кроканы юга, протестанты юго-востока не забыли атаки королевских драгун и солдат (знать менее злопамятна, поскольку Колиньи, Комон Ла Форс и Монморанси прекратили фронду). Хрупкость обнаруживается в морском деле кардинала, недостаточность — в военном деле. Тяжелым препятствием для нормального руководства армией является мания кардинала ставить во главе армии двух или трех маршалов одновременно. Но главной ошибкой Ришелье, — многие совершали и совершают ее в то время и поныне, — было то, что он считал врагами Пор-Рояль и зародившийся янсенизм. Заключение в тюрьму аббата де Сен-Сирана, после Берюля ставшего духовным главой «партии святош», словно возвещает антиянсенистские ошибки Людовика XIV, разрушение аббатства Шан, досадную буллу «Unigenitus» (1713).

ПОСМЕРТНЫЕ ПОБЕДЫ РИШЕЛЬЕ

1643 17 января: Отставка Оливареса в Мадриде.

19 мая: Герцог Энгиенский громит tercios при Рокруа.

4 сентября: «Морской Рокруа»; Майе-Брезе у Карфагена одерживает верх над испанским флотом.

1644 3–9 августа: Победа герцога Энгиенского над Францем фон Мерси при Фрайбурге.

1645 29 мая: Майе-Брезе добивается капитуляции Росаса.

3 августа: Герцог Энгиенский и виконт Тюренн одерживают победу при Нердлингене над Мерси.

1646 23 августа: Французы берут Мардик.

3 октября: Гассьон захватывает Лен.

21–22 сентября: Герцог Ришелье одерживает морскую победу при Кастелламаре.

1648 30 мая: Маршал дю Плесси-Праслен становится победителем при Кремоне.

20 августа: Победа принца Конде над эрцгерцогом Леопольдом в Лане.

24 октября: Подписание Вестфальского мира.

1659 7 ноября: Пиренейский мир.

В истории всегда затруднительно подводить итоги, как если бы историк доставлял себе тщеславное удовольствие судить министров и советников правителей. Кроме того, как верно писал об этом Поль Валери, «то, что просто, — фальшиво». Но как лишить читателя резюме или по крайней мере предварительного обобщения? Следовательно, мы предлагаем его вниманию схематичное заключение, описывающее то, что можно было бы назвать наследством кардинала.

В первую очередь Ришелье оставил Франции и французам больше чем просто наследство. Он практически одержал верх над Австрийским домом, что уже много. Он создал морской флот. Он снабдил сухопутные войска администрацией (армейскими интендантами и военными комиссарами) и неведомым доселе материально-техническим обеспечением. Он, вслед за Алесским миром, установил во Франции на тридцать лет религиозный мир. Он превратил Анну Австрийскую во французскую правительницу, уважаемую и преданную своей новообретенной родине. Он подготовил регентство, заставив Людовика XIII принять Мазарини и предвидя уход от дел Гастона Французского. Он подарил монархии Пале-Рояль. Он сумел сократить количество дуэлей.

Во вторую очередь: его дело или, как минимум, его идеи и проекты подтвердили достижения века Людовика XIV (1655–1715 гг. или около того). Ришелье, завещая монархию Мазарини, положил начало цепи успешных министерств, поскольку Мазарини передал дело в руки Кольбера, а Кольбер — своему сыну Сеньелэ. Параллельно министр-кардинал способствовал реальному участию во власти

высокопоставленных чиновников режима: Кольбера (который часто будет повторять это Людовику XIV), Лувуа, Поншартренов — отца и сына. Он дал им всем — от Ле Телье до Поншартрена — точку приложения государственных интересов. Он поддержал Людовика XIV в его заботе и, можно даже сказать, в его подчинении государству, в котором король является лишь первым служителем. Он научил, в теории и на практике, короля и его министров всему, что именуется просвещенным правлением.

Изобретатель не абсолютной монархии, существовавшей уже во времена Людовика Святого, но монархии, которая позднее получит название административной, Ришелье стоял у истоков всего того, что сделает из Франции Короля-Солнца современное государство, которое можно назвать образцом, по крайней мере для той эпохи. Для него характерны приобщение знати к публичной службе, разумное административное устройство, уменьшение власти губернаторов, развитие провинциального управления, меритократия, примирение дворян мантии и шпаги, разумное меценатство (силами государства, но без давления). Можно было бы еще добавить помощь Контрреформации, пристальное внимание к назначению епископов, продолжение христианизации и колонизации Канады, поддержка торговых компаний, развитие военно-морского и торгового флота.

Хотя Ришелье самой своей мыслью и собственным примером подготовил множество достижений правления Людовика XIV, можно также считать, что его политика явилась провозвестницей будущего просвещенного деспотизма. Что будут строить маркиз де Помбал в Португалии, Иосиф II в Вене, министры-реформаторы XVIII века в Италии? Регализм. Иными словами, подражая Его Высокопреосвященству, они будут пытаться подчинить церковь государству, тогда как различные «партии святош», ностальгирующих о средневековом христианстве, будут довольствоваться сохранением набожного государства в лоне церкви.

В третью очередь: хотя город Ришелье — лишенный его разрушенного замка — разочаровывает, присутствие Армана Жана дю Плесси до сих пор ощущается в церкви Сорбонны или на торжественных заседаниях Академии. (N.B. Некоторые считают кардинала диктатором; однако у него не было, подобно Наполеону, нелепой идеи нарядить академиков в униформу.) Нельзя посетить Мартинику и Гваделупу, не вспомнив Ришелье. Но, возможно, именно морской флот сохранил до наших дней память о кардинале — его основателе во Франции. Всякий раз, когда заходила речь о стратегии битв на море, с благодарностью вспоминалось имя Ришелье. Когда французский военно-морской флот

возрождался из пепла благодаря Кольберу, а затем Кастри, Наполеону III, Жоржу Легю, все они ссылались на министра-кардинала как на некоего святого покровителя французской навигации.

Я не хотел бы богохульствовать, но военно-морская школа Франции, вместо того чтобы называться «Борда» или «Жанна д'Арк», должна была бы носить имя «Ришелье». Сухопутные войска, возможно, не согласились бы с этим на том основании, что, несмотря на столь великие усилия великого министра по созданию военно-морского флота, в нем видят только грессмейстера флота торгового. Интересно, что сказала бы на это Академия?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беллок Х.* Ришелье. Пер. с англ. М.: Алетейя, 2002.
- Кнехт Р.* Ришелье. Пер. с англ. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997.
- Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М.: Международные отношения, 1990.
- Les Papiers de Richelieu, ed. Grillon. Paris, 1975–1985, 7 vol. (de 1624 a 1631).
- Richelieu (Cardinal de).* Testament politique, ed. Franchise Hildesheimer. Paris, 1995.
- Bergin Joseph.* L'Ascension de Richelieu. Paris: Payot, 1994.
- Bergin Joseph.* Fortune et pouvoir de Richelieu. Paris: Robert Laffont, 1987.
- Bertiere Simone.* Les Reines de France... Les deux Regentes. Paris: De Fallois, 1996.
- Carmona Michel.* La France de Richelieu. Paris: Fayard, 1984.
- Carmona Michel.* Marie de Medicis. Paris: Fayard, 1981.
- Carmona Michel.* Richelieu. L'ambition et le pouvoir. Paris: Fayard, 1983.
- Chevallier Pierre.* Louis XIII, roi cornelien. Paris: Fayard, 1979.
- Dulong Claude.* Anne d'Autriche, mere de Louis XIV. Paris: Hachette, Perrin, 1980.
- Hanotaux Gabriel, La Force Auguste Armand Nompar de Caumont due de.* Histoire du cardinal de Richelieu, nouv. ed. Paris: Plon, 1932–1947, 6 vol.
- Hauser Henri.* La pensee et Faction economique du cardinal de Richelieu. Paris: PUF, 1944.
- Hildesheimer Francoise.* Relectures de Richelieu. Paris: Publisud, 2000.
- Hildesheimer Francoise.* Richelieu. Une certaine idee de PEtat. Paris: Publisud, 1985.
- Kleiman Ruth.* Anne d'Autriche. Paris: Fayard, 1993.
- Mariejol Jean Hippolyte.* Histoire de France illustree..., †. VI, 2 partie. Henri IV et Louis XIII. Paris: Hachette, 1911.
- Mousnier Roland.* L'Homme rouge ou la vie du cardinal de Richelieu (1585–1642). Paris: Robert Laffont, 1992.
- Mousnier Roland.* Richelieu et la culture. Paris: CNRS, 1987.
- Solnon Jean-Francois.* La Cour de France. Paris: Fayard, 1987.
- Tapie Victor Lucien.* La France de Louis XIII et de Richelieu. Paris: Flammarion, 1952.

Voltaire Francois-Marie Arouet. Essai sur les moeurs, †. II, ed. Rene Pomeau. Paris: Gamier, 1963.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Европейские правители

ПАПЫ

Павел V (Камилло Боргезе), 1552–1621, правление 1605–1621.
Григорий XV (Алессандро Лудовизи), 1554–1623, прав. 1621–1623.
Урбан VIII (Маттео Барберини), 1568–1644, прав. 1623–1644.

ИМПЕРАТОРЫ

Рудольф II Габсбург, 1552–1612, прав. 1576–1612.
Маттиас, 1557–1619, прав. 1612–1619.
Фердинанд II, 1578–1637, прав. 1619–1637.
Фердинанд III, 1609–1657, прав. 1637–1657.

АНГЛИЯ (короли)

Елизавета Тюдор, 1533–1601, прав. 1558–1603.
Яков I Стюарт, 1566–1625, прав. 1603–1625.
Карл I Стюарт, 1600–1649, прав. 1625–1649.

БАВАРИЯ (герцоги-курфюрсты)

Максимилиан I Виттельсбах, 1573–1651, прав. 1596–1651. См. также Рейнский Пфальц.

БРАНДЕНБУРГ (маркграфы-курфюрсты)

Иоганн-Сигизмунд Гогенцоллерн, 1572–1619, прав. 1608–1619.
Георг-Вильгельм, 1595–1640, 1619–1640.

Фридрих-Вильгельм по прозвищу Великий Курфюрст, 1620–1688, прав. 1640–1688.

ДАНИЯ (короли)

Кристиан IV Ольденбург, 1577–1648, прав. 1588–1648.

ИСПАНИЯ (короли)

Филипп III Австрийский, 1578–1621, прав. 1598–1621. См. также Португалия.

Филипп IV, 1605–1665, прав. 1621–1665. См. также Португалия.

ЛОТАРИНГИЯ (герцоги)

Карл III, 1543–1608, прав. 1545–1608.

Генрих II, 1563–1624, прав. 1606–1624.

Карл IV, 1604–1675, прав. 1624–1675.

МАНТУЯ (герцоги)

Винченцо I Гонзага, 1562–1612, прав. 1587–1612.

Франческо II, 1586–1613, прав. 1612–1613.

Фердинанд I, 1578–1626, кардинал, прав. 1613–1626.

Винченцо II, 1594–1627, кардинал, прав. 1626–1627.

Карл I, 1580–1637, герцог Неверский, прав. 1627–1637.

Карл II, 1629–1665, прав. 1637–1665.

МОДЕНА (герцоги)

Чезаре д'Эсте, 1562–1628, прав. 1598–1628.

Альфонсо III, 1581–1644, прав. 1628–1629.

Франческо I, 1610–1658, прав. 1629–1658.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ (султаны или императоры)

Ахмет I, 1590–1617, прав. 1603–1617.

Мустафа I, 1591–1639, прав. 1617–1618 и 1622–1623.

Осман II, 1603–1622, прав. 1618–1622.

Мурад IV, 1609–1640, прав. 1623–1640.

РЕЙНСКИЙ ПФАЛЬЦ (пфальцграфы)

Фридрих V Виттельсбах-Зиммерн, 1596–1632, прав. 1610–1623. В 1619–1620 гг. был также королем Чехии.

Максимилиан I Баварский, 1573–1651, прав. 1623–1648. См. также БАВАРИЯ.

Карл-Людвиг Виттельсбах-Зиммерн, 1617–1680, прав. 1648–1680.

ПАРМА (герцоги)

Рануччо I Фарнезе, 1570–1622, прав. 1592–1622.

Одоардо I, 1612–1646, прав. 1622–1646.

ПОЛЬША (короли)

Сигизмунд III Ваза, 1566–1632, прав. 1587–1632.

Владислав IV, 1595–1648, прав. 1632–1648.

ПОРТУГАЛИЯ (короли)

Филипп III Австрийский, 1578–1621, прав. 1598–1621. См. также Испания.

Филипп IV, 1605–1665, прав. 1621–1665. См. также Испания.

Жуан IV, 1604–1656, герцог Браганса, прав. 1640–1656.

НИДЕРЛАНДЫ (штатгальтеры)

Мориц Нассаусский, 1567–1625, штат. 1584–1625.
Фредерик-Хендрик, 1584–1648, штат. 1625–1647.

РОССИЯ (цари)

Михаил Федорович Романов, 1596–1645, прав. 1613–1645.

САВОЙЯ (герцоги)

Карл-Эммануил I, 1562–1630, прав. 1580–1630.
Виктор-Амедей I, 1587–1637, прав. 1630–1637.
Франциск-Гиацинт, 1632–1638, прав. 1637–1638.
Карл-Эммануил II, 1634–1675, прав. 1638–1675.

САКСОНИЯ (герцоги-курфюрсты)

Иоганн-Георг I, 1585–1656, прав. 1611–1656.

ШВЕЦИЯ (короли)

Карл IX Ваза, 1550–1611, прав. 1607–1611.
Густав II Адольф, 1589–1632, прав. 1611–1632.
Кристина, 1626–1689, прав. 1632–1654.

ТОСКАНА (великие герцоги)

Фердинандо I Медичи, 1549–1609, прав. 1587–1609.
Козимо II, 1590–1621, прав. 1609–1621.
Фердинандо II, 1610–1670, прав. 1621–1670.

Как Генрих IV шесть раз сменил вероисповедание

(Напомним, что Генрих IV был крещен в 1554 году кардиналом

д'Арманьяком.)

1559 Жанна д'Альбре приказывает воспитать своего сына в протестантской религии.

1562 Награждение Генриха Наваррского орденом Святого Михаила (1 июня), что равноценно первому отречению от кальвинизма.

1562 Генрих вновь возвращается к протестантизму месяц спустя после смерти (в ноябре) своего отца Антуана Бурбона.

1572 Месяц спустя после Варфоломеевской ночи (24 августа) король Наваррский отрекается от протестантизма под принуждением (26 сентября).

1576 13 июня он открыто возвращается к протестантизму.

1593 Став после смерти Генриха III королем Франции и Наварры, Генрих IV (25 июля) отрекается от протестантизма в базилике Сен-Дени («Париж стоит мессы»).

«На самом деле, через отречения, вызванные условиями, абсолютно чуждыми истинной вере, Беарнец пытался сохранить определенную линию вероисповедания, не имеющую ничего общего как с фанатизмом, так и со скептицизмом» (Ж.-П. Бабелон).

Людовик XIII Справедливый

Таково... было постоянство Людовика XIII, неутомимого в своих обязанностях и всегда стремившегося делать все во благо своему государству, своему народу и ничего для себя; не признававшего своих подвигов, своих военных способностей, вспоминая о них лишь на мгновение, чтобы принять верное решение и самому его исполнить; зарывавшего в землю не только навыки, но и память о своих талантах с самым строгим, самым глубоким, самым постоянным смирением; с радостью смотревшего, как хвалы, предназначавшиеся исключительно ему одному, потоком льются на его генералов и министров, вплоть до запрещения всяческих похвал в свой адрес и отнесения их к его потомству. Какое требовалось невероятное и постоянное терпение в его глубоко скрытой и строго ограниченной жизни; какое отречение от себя и своей эпохи, чтобы назначить первого министра, и какое усилие над собой, чтобы следовать правоте своего решения в этом выборе, несмотря на личную неприязнь! Какое постоянство в его использовании, какая сопротивляемость давлению тех, кто требовал прогнать его или уволить; какая рассудительность в следовании или не следовании его советам и в

принятии правильных решений, например в Сузе, Корби и по многим другим вопросам, которые столь хорошо продемонстрировали осада Ла-Рошельских островов и множество происшествий, случившихся во время этой великой осады, не считая прочих тайн в их отношениях с Ришелье. И среди этой рассудительной твердости, держащей поводья управления, *какое колоссальное отречение от самого себя, чтобы стать управляемым*; всегда остерегаясь надменности и блеска, окружающих трон, и, тем не менее, не теряя величия, благопристойности, благородства, он умел всегда сочетать самые совершенные доброту и смирение с предельной справедливостью.

СЕН-СИМОН

«Сравнение трех первых королей династии Бурбонов»

Фавориты Людовика XIII

1616–1621: ЛЮИНЬ (Шарль д'Альбер, будущий герцог де), 1578–1621, умрет коннетаблем и хранителем печати.

1617–1618 (фаворит № 2): МОНПУЛЛАН (Жан де Комон, маркиз де), сын маршала де Ля Форса; ум. 1622, первый дворянин Палаты.

1623–1624: ТУАРА (Жан де Кайлар де), 1585–1636, будущий маршал Франции.

1625–1626: БАРАДА (Франсуа де), 1600–1683, первый конюший, королевский наместник в Шампани.

1626–1636: СЕН-СИМОН (Клод де Рувруа, герцог де), 1607–1693, первый конюший.

1630–1635 (фаворитка): ОТФОР (Мари де) 1616–1691.

1635–1637: ЛАФАЙЕТ (Луиза Мотье де), 1618–1665, будущая монахиня.

1637–1639: ОТФОР

1639–1642: СЕН-МАР (Анри Куафье де Рюзе д'Эффиа, маркиз де), 1620–1642, главный конюший, заговорщик, казнен.

Правительственные чиновники

Канцлеры и хранители королевской печати

Канцлеры Франции: СИЛЛЕРИ (Николя Брюляр, маркиз де), с 10

сентября 1607 г. до своей смерти 1 октября 1624 г.

АЛИГРЕ (Этьен I д'), с 3 октября 1624 г. до своей смерти 11 декабря 1635 г.

СЕГЬЕ (Пьер), с 19 сентября 1635 г. до своей смерти 28 января 1672 г.

Хранители королевской печати: ДЮ ВЕР (Гильом), с мая по 25 ноября 1616 г. и с 25 апреля 1627 г. до своей смерти 3 августа 1621 г.

МАНГО (Клод), с 25 ноября 1616 г. по 24 апреля 1617 г.

ЛЮИНЬ (Шарль д'Альбер, герцог де), с августа до своей смерти 15 декабря 1621 г.

ВИК (Мари де), с 24 декабря 1621 г. до своей смерти 2 сентября 1622 г.

КО МАРТЕН (Луи Ле Февр де), с 23 сентября 1622 г. до своей смерти 21 января 1623 г.

АЛИГРЕ (Этьен I д'), с 24 января 1624 г. по 3 октября 1624 г., когда он стал канцлером.

МАРИЛЬЯК (Мишель де), с 1 июня 1626 г. до своей отставки 12 ноября 1630 г.

ШАТОНЁФ (Шарль де л'Обепин, маркиз де), с 14 ноября 1630 г. по 24 февраля 1633 г., и со 2 марта 1650 г. по 3 апреля 1651 г.

СЕГЬЕ (Пьер), с 28 февраля 1633 г. по 19 декабря 1635 г., когда он стал канцлером.

Сюринтенданты финансов

ЖАННИН (Пьер), с октября 1614 г. по сентябрь 1619 г.

ШОМБЕР (Анри, граф де), с 6 сентября 1619 г. по январь 1623 г.

ЛЯ ВЬЕВИЛЬ (Шарль, маркиз де), с 6 января 1623 г. по 13 августа 1624 г.

БОШАР ДЕ ШАМПИНИИ (Жан), с 27 августа 1624 г. по январь 1626 г.

МАРИЛЬЯК (Мишель де), с 27 августа 1624 г. по 1 июня 1626 г.

ЭФФИА (Антуан Куафье де Рюзе, маркиз д'), с 9 июня 1626 г. до своей смерти 27 июля 1632 г.

БУЛЬОН (Клод де), с 4 августа 1632 г. до своей смерти 22 декабря 1640 г.

БУТИЛЬЕ (Клод), с 4 августа 1632 г. до июня 1643 г.

Государственные секретари (№ 1 — военные)

ВИЛЛЕРУА (Никола де Невилль де), с сентября 1594 г. до своей смерти 12 ноября 1617 г.

ПЮИЗЬЕ (Пьер Брюляр, маркиз де), по праву преемственности с марта 1606 г., в должности до 9 августа 1616 г.; позднее с 30 апреля 1617 г. по 5 февраля 1624 г.

МАНГО (Клод, сеньор де Вилльеран) с 9 августа по 25 ноября 1616 г., после чего стал хранителем королевской печати.

РИШЕЛЬЕ (Арман Жан дю Плесси де) с 30 ноября 1616 г. по 24 апреля 1617 г.

БОКЛЕР Д'АШЕР (Шарль де) с 5 февраля 1624 г. до своей смерти 12 октября 1630 г.

СЕРВЬЕН (Абель, маркиз де Сабле), с 11 декабря 1630 г. по 16 февраля 1636 г.

СЮБЛЕ ДЕ НУАЙЕ (Франсуа), с 16 февраля 1636 г. по 10 апреля 1643 г.

Государственные секретари (№ 2)

ЛЯ ВИЛЬ-О-КЛЕР (Антуан де Ломени де), с 6 ноября 1613 г. до своей смерти 17 января 1638 г.

БРИЕНН (Анри Огюст де Ломени, граф де), с 18 января 1638 г. по февраль 1643 г.

Государственные секретари (№ 3)

ПОТЬЕ (Антуан, сеньор де Ско), с мая 1610 г. до своей смерти 13 сентября 1621 г.

ПОТЬЕ Д'ОКЕРР (Николя), с 15 октября 1622 г. до своей смерти в сентябре 1628 г.

БУТИЛЬЕ ДЕ ПОН (Клод), с 29 сентября 1628 г. по март 1632 г.

ШЕВИНЬИ (Леон Бутилье, граф де), с 18 марта 1632 г. по июнь 1643 г.

Государственные секретари (№ 4)

ПОНШАРТРЕН (Поль Фелипо, сеньор де), с 21 апреля 1610 г. до своей смерти 21 октября 1621 г.

ЭРБО (Ремон Фелипо, сеньор д'), с 5 ноября 1621 г. до своей смерти в Сузе 2 мая 1629 г.

ЛЯ ВРИЛЬЕР (Луи Фелипо, сеньор де), с 16 июня 1629 г. до своей смерти 5 мая 1681 г.

Маршалы Франции (1610–1643)

- 1613 Анкр (Кончино Кончини, маркиз д'), †1617.
- 1615 Сувре (Жиль де), † 1626.
- 1615 Рокелор (Антуан де), † 1625.
- 1616 Ля Шатр (Луи де), † 1630.
- 1616 Темин (Понс де Лозьер, маркиз де), † 1627.
- 1616 Монтиньи (Франсуа де ля Гранж, синьор де), † 1617.
- 1617 Витри (Николя де л'Опиталь, маркиз де), † 1644.
- 1619 Праслен (Шарль де Шуазей, маркиз де), †1626.
- 1619 Сен-Жеран (Жан-Франсуа де ля Гиш, синьор де), † 1632.
- 1619 Шолн (Оноре д'Альбер, герцог де), † 1649.
- 1629 Обетерр (Франсуа д'Эспарбе де Люссан, виконт де), † 1628.
- 1621 Креки (Шарль де Бланшфор де), принц де Пуа, герцог де Ледигьер, † 1638.
- 1622 Шатильон (Гаспар де Колиньи, граф де), герцог де Колиньи, † 1646.
- 1622 Ла Форс (Жак Номпар де Гомон, герцог де), † 1652.
- 1622 Бассомпьер (Франсуа де), † 1646.
- 1625 Шомбер (Анри де), граф де Нантей, † 1632.
- 1626 Эстре (Франсуа Аннибаль, герцог д'), † 1670.
- 1626 Орнано (Жан-Батист де), герцог де Монтлор, 11 626.
- 1627 Сен-Люк (Тимолеон д'Эпине, маркиз де), † 1644.
- 1629 Марильяк (Луи де), † 1632.
- 1630 Монморанси (Анри, герцог де), † 1632.
- 1630 Туара (Жан дю Келар де), маркиз де Сен-Бонне, † 1636.
- 1631 Эффиа (Антуан Куафье де Рюзе, маркиз де), † 1632.
- 1632 Брезе (Урбан де Майе, маркиз де), † 1650.
- 1643 Сюлли (Максимильен де Бетюн, герцог де), † 1641.
- 1637 Шомбер (Шарль де), герцог д'Альвен, † 1656.
- 1639 Ла Мейлере (Шарль де Ля Порт, герцог де), † 1644.
- 1641 Грамон (Антуан, герцог де), † 1678.
- 1642 Гебриан (Жан-Батист де Бюд, граф де), † 1643.

1642 Ла Мотт-Уданкур (Филипп де), герцог де Кардонн, † 1657.
1643 Л'Опиталь (Франсуа де), сеньор дю Аллье, граф де Росне, † 1660.

46 академиков эпохи Ришелье

*Вот эти имена, и ни одно из них не умрет, Как это
прекрасно!*

Эдмон Ростан

1634

Арбо дю Поршер (Франсуа), † 1640.
Бальзак (Жан-Луи Ге де), † 1654.
Барден (Пьер), † 1637.
Бодуан (Жан), † 1650.
Буаробер (Франсуа Ле Метель, аббат де), † 1662.
Буасса (Пьер де), † 1662.
Бурзе (аббат Амабль де), † 1672.
Шаплен (Жан), † 1674.
Кольте (Гильом), † 1659.
Коломби (Франсуа де Ковиньи де), † 1648.
Конрар (Валентен), постоянный секретарь в 1635 г., † 1675.
Кюро де ля Шамбр (Марен), † 1669.
Демаре де Сен-Сорлен (Жан), † 1676.
Фаре (Николя), † 1646.
Годо (Антуан), † 1672.
Гомбо (Жан-Оже [де]), † 1660.
Гомбервиль (Марен Ле Руа де), † 1674.
Абер (Филипп), † 1637.
Абер де Серизи (Жермен), † 1654.
Абер де Монфор (Анри-Луи), † 1679.
Э дю Шатле (Поль), † 1636.
Л'Этуаль де Соссе (Клод Тезан де), † 1652.
Маллевиль (Клод де), † 1647.
Менар (Франсуа), † 1646.
Мезирьяк (Клод-Гаспар Баше де), † 1638.
Поршер, см. также Арбо.
Поршер (Оноре Ложье де), † 1653.
Ракан (Оноре де Бюэй де), † 1670.

Сент-Аман (Антуан Жерар де), † 1661.

Серизе (Жак де), † 1654.

Сервьен (Абель), † 1659.

Силон (Жан де), † 1667.

Сирмон (Жан), † 1649.

Вожеля (Клод Фавр, сеньор де), † 1650.

Вуатюр (Венсан), † 1648.

1635

Ботрю де Серран (Гильом) † 1665.

Шамбон (Даниэль Э дю Шатде, аббат де), † 1671.

Гранье (Ожер [де] Молеон де), исключен в 1636 г., † после 1652.

Сегье (Пьер), Протектор в 1643 г., † 1672.

1636

Баро (Бальтазар), † 1650.

Жири (Луи), † 1666.

1637

Бурбон Младший (Николя), † 1644.

Перро д'Абланкур (Николя), † 1664.

1639

Эспри (аббат Жак), † 1678.

Ла Мотт Ле Вайе (Франсуа Ле Вайе де Ла Мотт), «французский Плутарх», † 1672.

Пьезак (Даниэль Жини де), † 1662.

1640

Патрю (Оливье), † 1681.

Ни Декарт, ни Ферма, ни Гассенди, ни Карден Ле Бре, ни отец Мерсенн, «секретарь ученой Европы», ни Пьереск, ни Ротру (которому, однако, покровительствовал Ришелье) не вошли в списки «бессмертных». Пьер Корнель был принят в Академию только в 1647 году.

Карьера министра-кардинала

1585

9 сентября: Рождение в Париже Армана Жана дю Плесси де Ришелье.

1586

5 мая: Крещение в церкви Сент-Эсташ.

1607

17 апреля: В Риме посвящен в епископы кардиналом Живри.

29 октября: Становится бакалавром богословия.

31 октября: Принят в качестве бакалавра в Сорбонну.

1608

25 декабря: Ришелье принимает должность епископа Люсонского в кафедральном соборе города Люсона. (Он останется епископом до 1623 г.)

1615

24 января: Духовенство избирает епископа Люсонского, чтобы «сделать внушение» в заключительной речи на собрании Генеральных штатов.

23 февраля: Торжественная речь, посвященная королеве-матери, делает Ришелье знаменитым.

1 ноября: Епископ Люсонский становится духовником юной королевы Анны Австрийской.

1616

25 ноября: Епископ Люсонский входит в Королевский Совет.

30 ноября 1616 — 24 апреля 1617: Ришелье — государственный секретарь по поручению.

1617

29 апреля: Смерть маршала д'Анкара (Кончини), прерывающая восхождение епископа Люсонского.

19 мая: Он становится главой Совета и хранителем печати королевы-матери.

1622

29 августа и 2 сентября: Епископ Люсонский избран провизором Сорбонны.

5 сентября: Получение кардинальского сана.

1623

9 сентября: Ришелье продает свою должность духовника королевы.

1624

24 апреля: Людовик XIII вводит нового кардинала в Совет.

13 августа: Ля Вьевиль впадает в немилость, Ришелье становится номинальным главой Совета и фактическим главным министром (но без официального занятия этой должности).

1626

20 мая: Король разрешает кардиналу иметь личную гвардию, насчитывающую 12 капитанов (*sic*) и четыре всадника.

Октябрь: Король делает Ришелье гроссмейстером, главой и сюринтендантом военно-морского и торгового флота Франции.

22 октября: Людовик XIII назначает Ришелье губернатором Гавра.

1627

4 февраля: Король назначает Ришелье губернатором Бруажа.

15 марта: Он дарует ему «вход, решающий голос и мнение» в парламенте с «правом заседать рядом с пэрами».

1628

4 февраля: Ришелье становится генерал-лейтенантом королевской армии в Пуату, Сентонже, Ангумуа и Они.

1629

21 ноября: Приказом Людовика XIII Ришелье назначен главным министром государства.

24 декабря: Кардинал назначен заместителем короля во главе итальянской армии.

1630

12 декабря: Он становится губернатором Они, Ла-Рошели и острова Ре.

1631

Август: Министр-кардинал становится герцогом и пэром (де Ришелье).

16 сентября: Король назначает его губернатором Бретани.

1633

14 мая: Ришелье становится рыцарем ордена Святого Духа.

1634

Июль: Кардинал-герцог Ришелье становится герцогом де Фронсак.

1641

11 февраля: Племянница Ришелье Клер Клеманс де Майе сочетается браком с герцогом Энгиенским, будущим Великим Конде, принцем крови.

1642

4 декабря: В Париже, в Пале-Кардиналь, умирает Арман Жан дю Плесси.

Венецианский дипломат Джованни Батиста Нани скажет, что он вновь объединил Францию, помог Италии, поразил империю, разделил Англию, ослабил Испанию, а также что он был инструментом, избранным Небом для преобразования Европы.

Кардинал, мишень памфлетистов

Ришелье избирают своей мишенью рифмоплеты — осторожно на протяжении его опасного для них правления, безудержно с момента его

смерти. Их скверные, хотя и окрашенные неподдельным чувством, стихишкы источают — от имени знати, буржуазии и народа — язвительность, гнев и злобу. Разумеется, они не являются единственными выразителями общего мнения — у кардинала сохранилось несколько защитников, например, Буаробер и Скюдери, — но анализ нанесенного ему ущерба весьма поучителен, так же как разнообразие и страстность обвинений.

В алфавитном порядке Ришелье именуется: атеистом (*sic*), безбожником, вором, то демоном, то дьяволом — его часто связывают с адом. Еще он животное, злодей, змей, извращенец, кровожадный колдун, кровосмеситель (к этому мы еще вернемся). Лгун, мошенник, нечестивец и отступник. П: палач (на него возлагают всю ответственность за казнь Шале, Бутвиля, Монморанси и Сен-Мара). С: стяжатель и скупец. Т: Тиран, У: узурпатор (власти? суверенитета?). И напоследок: убийца, царек, чудовище и шарлатан.

О жестоких антономазах: Данные ему эпитеты и прозвища не всегда имеют отношение к истории или мифологии. Используются также некоторые риторические приемы. И тогда кардинал становится *ad libitum* (на выбор) тираном Дионисием, Тиберием, Иродом или Гелиогабалом.

Плеяда убийственных перифраз: На фоне десятков выражений и пересекающихся, запутанных перифраз выделяется несколько излюбленных тем: честолюбие, злоба, тирания, вольность мыслей и нравов и, наконец, «демоническая чудовищность».

1. Необузданное честолюбие. Странная мешанина превращает Ришелье в «хитрого кардинала», «великого обманщика», «опасного фаворита» и «злокозненного слугу». То он «придворный кумир» (*sic*), то «очередной золотой телец» (*sic*). Он также «король без королевства», «парижский папа» (любопытное обвинение) и «галльский император», а также «мировой честолюбец»...

2. Злодей. «Великий вор», «народная чума», «отец всех налогов», министр-кардинал именуется любезно «Мэтр Коготь». «Когтем, — пишет Фюретьер, — называют злых людей, использующих свою власть, дабы грабить и мучить других». Помимо Когтя он еще Лицемер и Папаша Юбю.

3. Жестокий тиран. Ришелье называют «спесивым царьком» и «небывалым палачом», «жестоким филистером», «князем войны». «Бич Земли» (*sic*), он является также «смутьяном рода человеческого». Воплощение безграничного деспотизма, этого министра, «насаждающего несправедливость и железную волю», именуют «тираном своего господина», «тираном французов», «тираном Франции», «великим неподражаемым тираном» и даже «тираном, превосходящим всех

тиранов»!

4. *Недостойный служитель Божий*. Всемогущий министр Людовика XIII кажется полной противоположностью своему коллеге Берюлю или Винценту де Полю. «Исповедник без веры», «варварский священник», «священник без посвящения», «священник без требника» или еще: «епископ без посоха», «политик без веры», «безбожный кардинал», а иногда «великий враг Господа»!

5. *Развратник*. Интимная жизнь кардинала оставалась за семью печатями, и писаки, за неимением фактов, их изобретали. Такова абсурдная и постоянно повторяющаяся история любовных отношений между Ришелье и его племянницей. Вот подобный пример в стихах под названием «Визит к мадам Комбале»:

Бонжур, мадам консьержка,
Вы, кумушка, очень добры,
Муж оставил вас девственницей,
А дядюшка сделал мамашей.

Вот еще один катрен, написанный уже после смерти Ришелье:

Не стоит удивляться,
Что бедная герцогиня плачет,
Ведь она потеряла одновременно
И отца, и дядю, и супруга.

6. *Чудовище*. В стихах нам изображают, как святой Петр отказывается впустить Ришелье в рай:

Иди к Плутону, там брячай своим оружием,
Мой замок закрыт для тебя.

Разумеется, на небесах не могли бы принять «столь дерзкое чудовище», «чудовище отвратительное», «этого гнилозадого министра», «самого бесчеловечного из людей»...

7. *Пособник Сатаны*. Вероятно, существуют чудовища, внушающие жалость. Но Арман Ришелье не таков, он сочтен чудовищем сатанинским,

«демоном среди людей», «вселенским демоном» (*sic*), «адским министром», «достойным представителем Люцифера», «сыном Люцифера». Он также безрогий Сатана, «князь ада».

Подобные вирши служат эпитафиями и другим деятелям Великого века — Мазарини, Кольберу, Людовику XIV; но нигде вы не найдете столько ядовитой враждебности и злобы.

Сонеты и эпиграммы

Здесь покоится самый знаменитый из французских министров,
Самый счастливый из смертных, коего рождало Небо,
Самый могущественный человек, которого некогда боялись,
И вечный пример того, каким следует быть.

Он начал побеждать, едва появившись на свет,
Его великим подвигам всегда сопутствовала слава;
Он полностью владел разумом своего господина,
Но его господин благодаря ему стал владыкой королей.

Его предприятия окрасили наши нивы кровью еретиков,
Заставили побледнеть от ужаса полумесяц Востока,
Разожгли огнем войны холодные сердца северян.

Чтобы узнать еще больше о жизни столь великого человека,
Отправляйся за этим в Мадрид и Рим,
Ибо, если бы я решился рассказать все, мне бы не поверили.

*

Я жил бесподобно и царил несравненно.
Повсюду восторгались моими добродетелями и пороками;
Мои замыслы, сравнимые с моими свершениями,
Заставляют сомневаться, кем я был — правителем или вассалом.

За что бы я ни брался, хорошо ли это было или плохо,
Я всегда находил верных помощников,
И Небо, и Ад столь мне благоприятствовали,
Что неизвестно, кто из них назначил меня кардиналом.

Я посадил на царство сына, я прогнал мать,
И если бы прожил еще, устранил бы и брата,
Желая единолично управлять государством.

Всякий был потрясен, чувствуя мою власть,
Чтобы укротить Испанию, я разрушил Францию:
Судите сами, был ли я ангелом или демоном.

*

Государственный министр, по двум надуманным причинам
Бесконечной войной заложив основы,
А своими бескрайними амбициями добавив,
Разорил огнем наши плодородные нивы.

В этих бедствиях, плодах его неустанных забот,
Виновны те, кого он поставил у кормила власти,
Он развратил духовенство, завладел судами,
Захватил сокровища самых сильных городов.

Чтобы облагодетельствовать своих, он лишил привилегий
И мать правителя, и принцев крови,
Он разоружил своего короля, заставил сослать его брата,

И вот, наконец, он издох.
Теперь, зная о том зле, которое он совершил,
Возблагодарим же Бога, поддерживающего скипетр наших
королей.

*

Если бы ты мог, Арман, невзирая на сжимающий тебя свинец,
Поднять свое августейшее чело и бросить из-под земли
Свой благородный, подобный молнии взор,

Страшнее тех молний, которые посылает Небо,

Ты бы заставил побледнеть земных выродков,
Осыпающих тебя несправедливыми обвинениями,
Ты бы заставил покраснеть неблагодарных злопыхателей,
Превративших без тебя все несчастья в войну.

Но нет, покойся с миром, таково последнее усилие
Воли, умершей с твоей смертью.
Твоя память сияет, несмотря на клевету,

И Франция, и Испания своими вялыми умами
Смогут верно оценить твою добродетель:
Одна — взвесив твою славу, другая — свое облегчение.

Жан ДЕМЛРЕ де СЕН-СУРЛЕН,

Член Французской Академии

*

При добродушном короле амбициозный, коварный,
Жадный, наглый, предательский, неблагодарный,
кровожадный священник,
За счет Франции утолил свой гнев,
И все находилось под ярмом этого наглеца.

Боясь, что помешают его гнусным замыслам,
Отнимут его богатства, он изгнал королеву-мать,
Разоружил своего короля, заставил сослать его брата,
Вопреки соблюдению земных и небесных законов;

Тюремщик знати, пожиратель всех князей,
Вымогатель последнего добра из провинций,
Желающий при этом, чтобы его любили во имя Ришелье.

Вот деяния этого отвратительного чудовища,

Чье имя навсегда останется пугающим,
Поскольку он, наконец, умер, так и не пожелав поверить в Бога.

*

Скончался Ришелье, французский гений.
О, горе для грядущих поколений!
Но
От нас дожидаться слез и пеней
Ему вовек не суждено.

Сезар БЛО, барон де Шовиньи

*

Ты подчинил монарху ЛаРошель,
Форт, ересью грозивший нам досель,
И против новых козней принял меры:
Сорбонну сделал фортом нашей веры.

Ля ЖИРОДЬЕР

*

*На смерть кардинала Ришелье, которая наступила
от острого геморроя
Тяжело заболев, Ришелье догадался,
Что не зря Сатана к изголовью подкрался,
Что он душу его день и ночь стережет.
И тогда кардинал как ни в чем не бывало
Сунул судно в постель, и душа кардинала
Отлетела тайком через задний проход [\[157\]](#).*

Сей муж, нас грабивший помалу и помногу,
Принес французам уйму бед.
Теперь он душу отдал Богу,
Но взял ли Бог ее — вестей покуда нет.

Надгробное слово герцогини д'Эгийон

Вступивший в управление делами ради славы своего дома и еще более ради славы Франции, человек, более великий своим умом и добродетелями, чем званием и состоянием; всегда используемый и всегда стоящий выше своих занятий, способный управлять настоящим и предвидеть будущее, обеспечивать хорошие события и исправлять плохие; разносторонний в своих планах, мудрый в советах, справедливый в выборе, счастливый в выполнении задуманного, одним словом, полный тех великолепных даров, что Господь дает некоторым душам, кои создает, чтобы главенствовать над другими и приводить в движение те пружины, которые Его провидение использует, чтобы возвышать и ослаблять, согласно Его вечным законам, фортуна королей и королевств.

Портрет кардинала Ришелье

Кардинал Ришелье имел благородное происхождение. Искры его заслуг вспыхнули еще в юности: он проявил себя в Сорбонне; в добрый час заметили, что в уме он имел силу и живость. Обычно он принимал правильные решения. Он был человеком слова, и даже большой интерес не позволял ему от этого слова отказываться; и в этом случае он ничего не забывал, чтобы соблюсти видимость доброй веры. Он не был либералом, но давал больше, чем обещал, и оказывал благодеяния. Он любил славу больше, чем это позволяла ему мораль; но следует отметить, что он злоупотреблял ею лишь соразмерно тем заслугам, которые он стяжал ввиду избытка честолюбия. У него не было ни ума, ни сердца, когда опасность миновала; он не имел ни того, ни другого до нее; можно сказать, что он предвидел опасности заранее благодаря своей прозорливости, чтобы преодолеть их благодаря своей твердости. Он был добрым другом; он даже желал быть другом народа; но, хотя он обладал учтивостью, достойным

внешним видом и многими другими достоинствами, у него никогда не было того задушевного, что важно более всего другого. Благодаря своей власти и пышному величию он уничижал личное величие короля; но он с таким достоинством исполнял обязанности по управлению королевством, что не надо быть мудрецом, чтобы не понять того добра и зла, что он свершил. Он ясно различал границы между злом и худшим злом, между добром и лучшим добром, что является великим качеством для министра. Его слишком легко раздражали мелочи, заслонявшие важные вещи; но этот недостаток, происходящий из возвышенности ума, всегда связан со светом, его дополняющим. Он был достаточно религиозен для этого мира. Он исходил из добра или здравого смысла всякий раз, когда интересы приводили его ко злу, но, совершая зло, он прекрасно это осознавал. Он использовал государство для своих целей; но никогда министр не имел больше прилежания, заставляя понимать, что он работает на будущее. Наконец, следует признать, что все его пороки были прославляемы фортуной, поскольку они были пороками, служившими добродетели.

Кардинал де РЕЦ. Мемуары

Министерство Ришелье: суровость, величие, мастерство

Франсуа, герцог де Ларошфуко, будучи фрондером еще до Фронды и хорошо относившийся к Ришелье, вспоминает о его смерти (1642) и пишет следующее:

«Радость, которую, должно быть, испытали его враги, видя, что его так поносят, сменилась через некоторое время пониманием того, что эта потеря оказалась весьма убыточной для государства и что, поскольку он решил изменить его устройство столькими способами, он единственный мог бы успешно им управлять, если бы его правление и его жизнь имели более долгую продолжительность. Никто кроме него не осознавал до сего момента всю мощь королевства и не сумел поместить ее целиком в руки правителя. Суровость его правления была подтверждена большим кровопролитием, французская знать была усмирена, народ — обременен налогами; но взятие Ла-Рошели, поражение партии гугенотов, поражение Австрийского дома, подлинное величие его замыслов, такая искусность в их выполнении должны заглушить обычную злопамятность и воздать его памяти похвалы, которых она, безусловно, заслуживает».

Ларошфуко. Мемуары

Кардинал Ришелье и великий Корнель **(Из «Диалогов» Вовенарга)**

КОРНЕЛЬ

Правда ли, что Ваше Преосвященство ревновало к моим сочинениям?

РИШЕЛЬЕ

Почему бы мне этого не делать? Какой-нибудь скудоумный министр мог бы быть достаточно ослеплен своей властью, чтобы презирать Ваши таланты; я же сознавал ценность гения и ревновал к славе, в которой не участвовала Фортуна. Разве я в этом виноват?

КОРНЕЛЬ

Эта зависть делала честь Корнелю и не должна была повредить репутации его покровителя; ибо Вы достойны были им быть, и *Вы были вознаграждены, как министр, тем же самым гением, к которому Вы ревновали как поэт.* Единственное, что меня удивляло, что Ваше Преосвященство дарило своим покровительством недостойных писателей.

РИШЕЛЬЕ

Я пришел в плохое время, мой дорогой Корнель; во время моего правления было мало достойных людей, я же хотел побудить людей работать, покровительствуя всем искусствам; правда, я недостаточно выделял Вас: в этом я достоин порицания.

КОРНЕЛЬ

Мало сознаться в этом, Ваше Преосвященство. Ведь я обладал некоторым гением, но я не был придворным; я имел тот негибкий ум, которым столь часто награждал своих героев. Как и они, я имел стойкую добродетель, негибкий ум, слишком зажатый в рамках моего искусства; неудивительно, что великий министр, привыкший к почтению и лести самых могущественных лиц государства, пренебрег человеком с моим характером.

РИШЕЛЬЕ

Прибавьте, что мне было неизвестно все, что доступно Вам. Мой ум, возможно, был зажат, как и Ваш, в рамках своего таланта; у Вас не было придворного ума, мой же ум был недостаточен для занятий литературой.

Золотой век анаграммы

Анаграмма, изящная игра, получила распространение в античности; ею забавлялись римляне. Век гуманизма также практиковал это искусство,

как на латыни, так и на французском. ROSE DE PINDARE (РОЗА ПИНДАРА) передавала глубину, форму, сами буквы имени *Pierre de Ronsard* (Пьер Ронсар). С'EST L'ENFER QUI M'A CRÉÉ (МЕНЯ ПОРОДИЛ АД) — такова была анаграмма брата Жака Клемана (*Frère Jacques Clément*), убийцы короля Генриха III.

В середине Великого века эта мода или причуда эпохи барокко позабудет всякую меру. Она будет сильно раздражать Гийома Кольте, академика, которому покровительствовал Ришелье:

И на Парнасе мы полагаем,
Что все те, кто перевертывает имена,
Имеют перевернутый мозг ^[158].

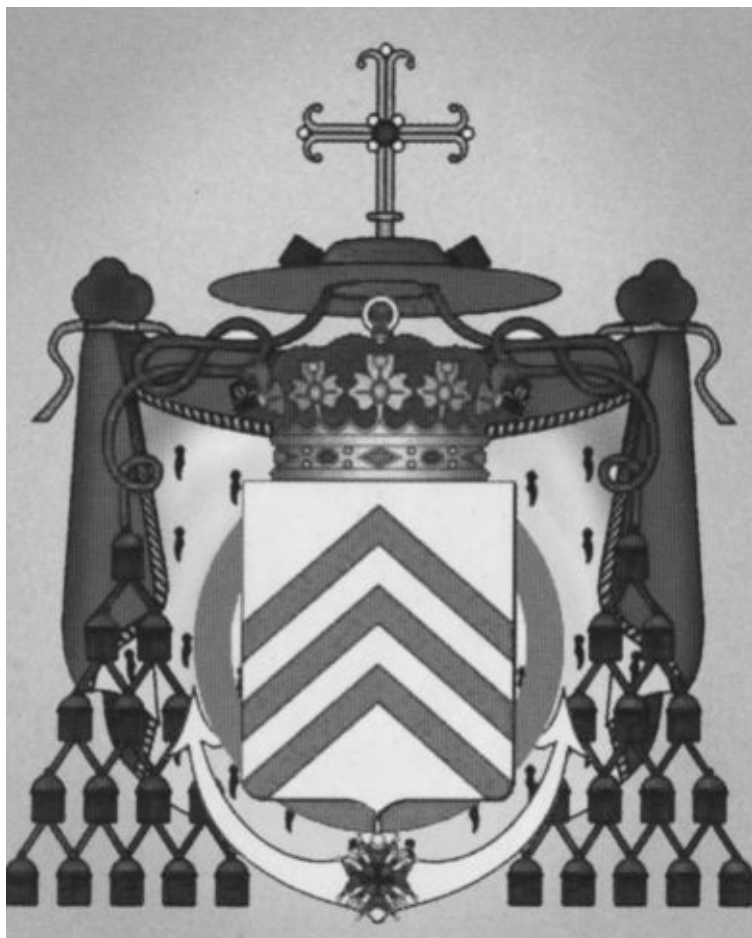
Отец Пьер де Сен-Луи (1626–1684), тихий провансалец, собирался опубликовать «Ля Мадлен», поэму из двенадцати песен, результат пятилетних трудов. Теофиль Готье обнаруживает там «прекраснейшие и поэтические» строфы, но сожалеет о злоупотреблении французскими и латинскими перевертышами, бесконечными и монотонными. В самом деле, постоянно переставляя слоги, монах «превращает в анаграммы имена пап, императоров, королей и множество других знаменитых персонажей».

Франция Людовика XIII охотно занималась этим искусством, но не ведала в нем меры. Ронсар превратил имя *Marie* (Мария) в прелестную анаграмму АИМЕР (ЛЮБИТЬ). Двусмысленное J'ESPÈRE GUÉRIR (НАДЕЮСЬ ИСЦЕЛИТЬ) обозначало сурового канцлера Пьера Сегье (*Pierre Séguier*) ^[159]. Племянница Ришелье, мадам де Комбале, герцогиня д'Эгийон была урожденной Мари де Виньеро (*Marie de Vignerot*). Рифмоплет аббат Дюло сделал из ее девичьего имени анаграмму о спорной девственности: VIERGE DE TON MARI (ДЕВСТВЕННОСТЬ СВОЕГО МУЖА). После смерти кардинала, в 1643 году, враги кардинала были выпущены из тюрем, откуда появилась анаграмма, касавшаяся знаменитого маршала: *François de Bassompierre* = FRANCE, JE SORS DE PRISON (Франсуа Бассомпьер — ФРАНЦИЯ, Я ВЫШЕЛ ИЗ ТЮРЬМЫ). Но ни один подданный Людовика XIII не понял пророческого характера анаграммы *Versaille* = VILLE SERAS (*Версаль* = ГОРОД БУДЕТ)...

Вершиной искусства анаграммы эпохи барокко стало достижение Малерба. Помогая своему ученику Ракану, он менее чем за день придумал три прекрасные анаграммы имени *Catherine* (Екатерина): ÉRACINTE, CARINTÉE, ARTHÉNICE (ЭРАЦИНТА, КАРИНТЕЯ, АРТЕНИС),

греческие имена с ароматом мирта и меда. Так обрела бессмертие «несравненная Артенис» Екатерина де Вивонн, маркиза де Рамбуйе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Герб рода Ришелье, увенчанный кардинальской шляпой самого знаменитого его представителя.

Собор в Люсоне, где Ришелье начал свою духовную карьеру.

Людовик XIII в начале своего правления.

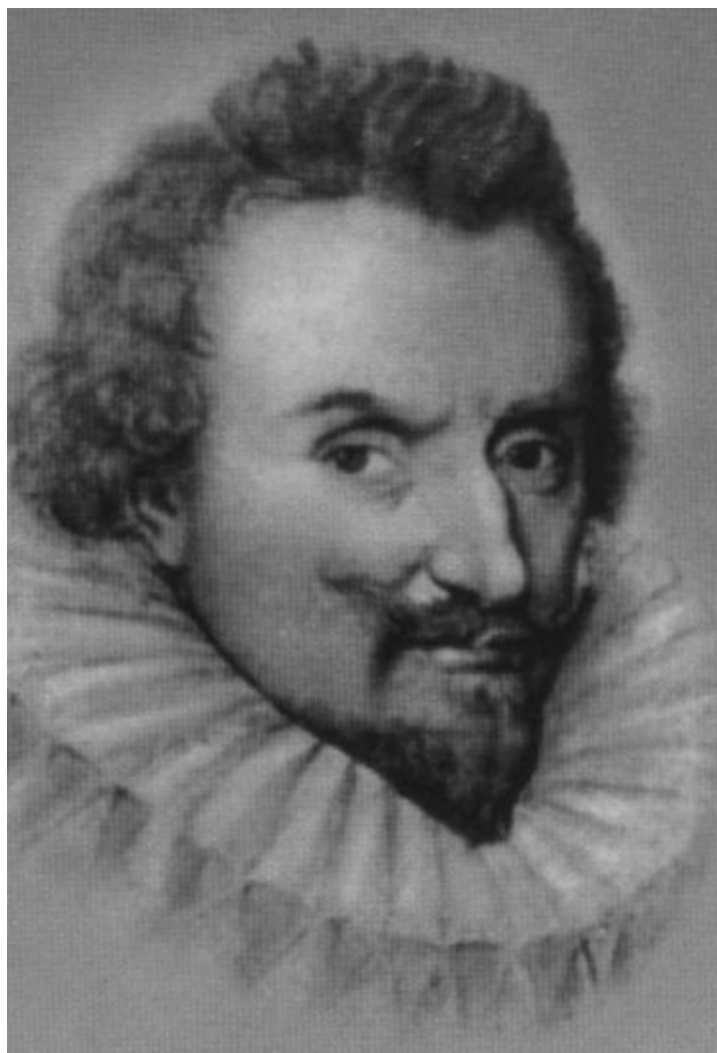
Королева-мать Мария Медичи.

Картина Рубенса «Испанские свадьбы» запечатлела недолговечный успех политики, направленной на примирение Франции и Испании.

Анна Австрийская, в 14 лет ставшая королевой Франции.

Всесильный фаворит Кончино Кончини, маршал д'Анкр.

*Шарль де Люинь, ставший первым министром после убийства
Кончини.*

Преимник Люиня Николая де Виллеруа.

Курфюрст Пфальца Фридрих V — протестант, активный участник Тридцатилетней войны.

Император Фердинанд III, глава католического лагеря.

Командующий императорской армией Альбрехт Валленштейн.

Шведский король Густав Адольф II.

Французская армия времен Тридцатилетней войны.

Ришелье на подступах к Ла-Рошели. Художник А. Мотте.

Осада Ла-Рошели. Гравюра Ф. Калло.

Король и кардинал Ришелье у стен осажденной Ла-Рошели.

«Серое преосвященство» отец Жозеф.

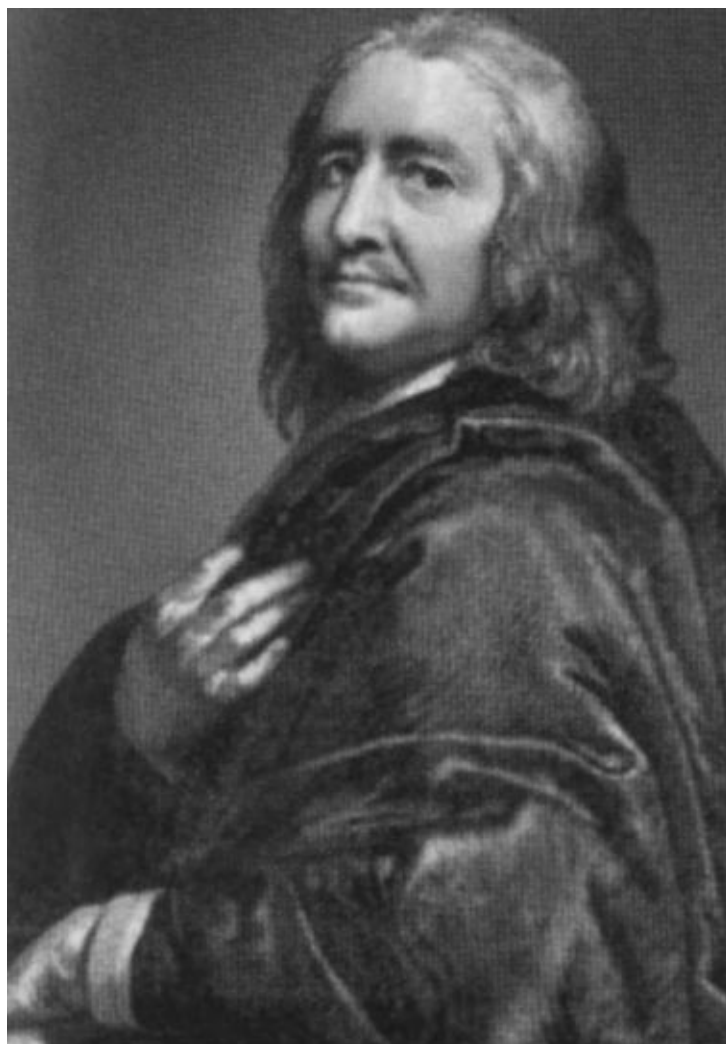
Основатель журналистики, платный агент кардинала Теофраст Ренодо.

Пале-Кардиналь, роскошный дворец Ришелье.

Знаменитый архитектор Франсуа Мансар.

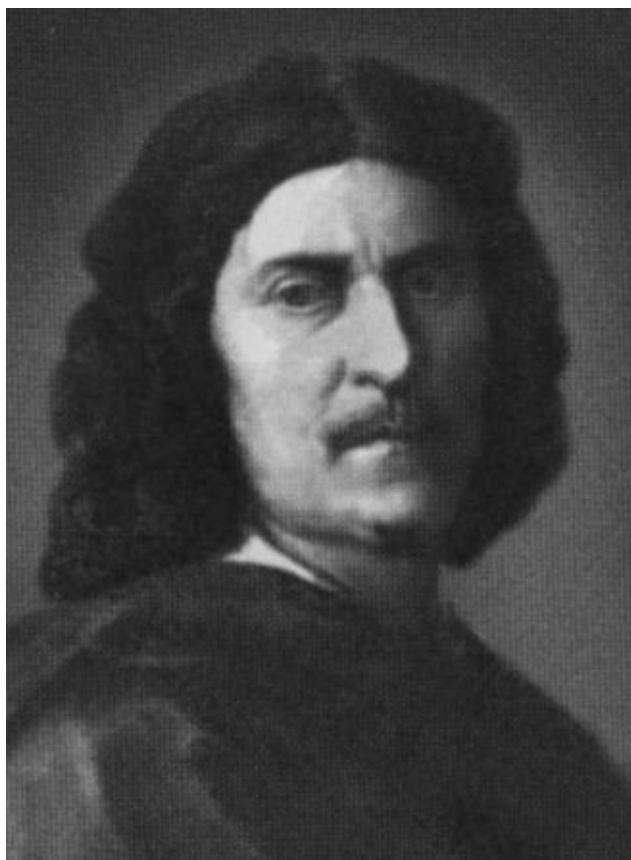
Филипп Шампер

и Симон Вуэ — любимые художники кардинала.

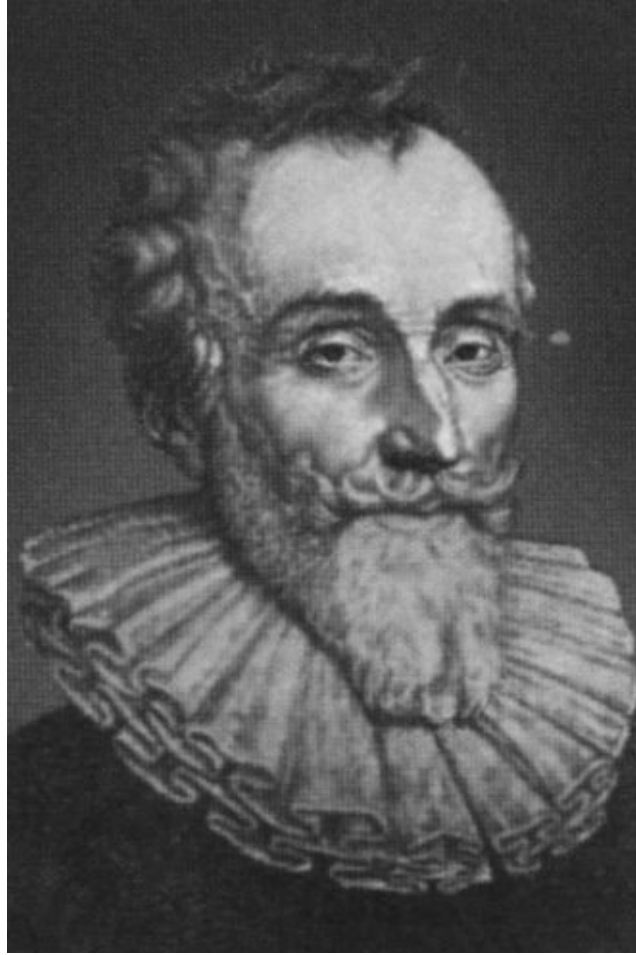
Многоликий Ришелье. Художник Ф. Шампен.

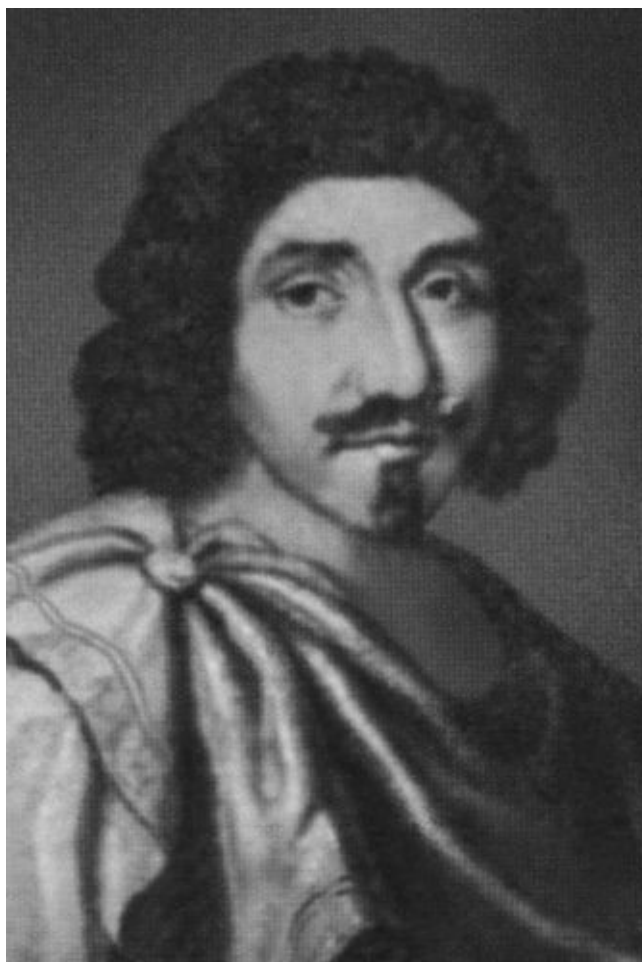
Художник Николя Пуссен.

Поэт Венсан Вуатюр.

Поэт Франсуа де Малерб.

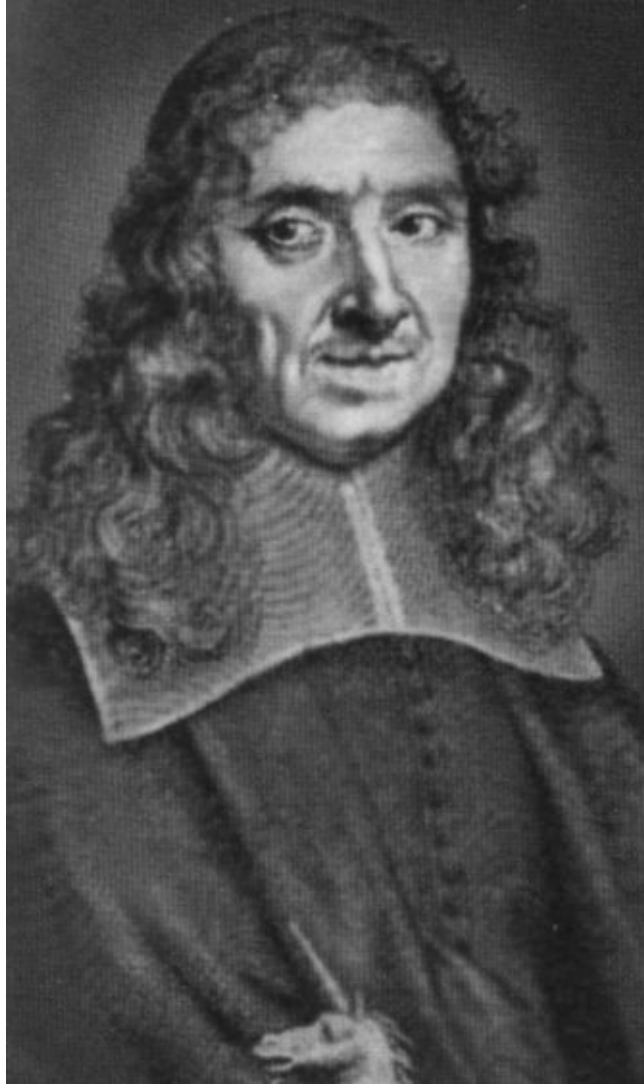
Писатель Ге де Бальзак.

Придворные музыканты.

Актер французской комедии. Гравюра А. Боссе.

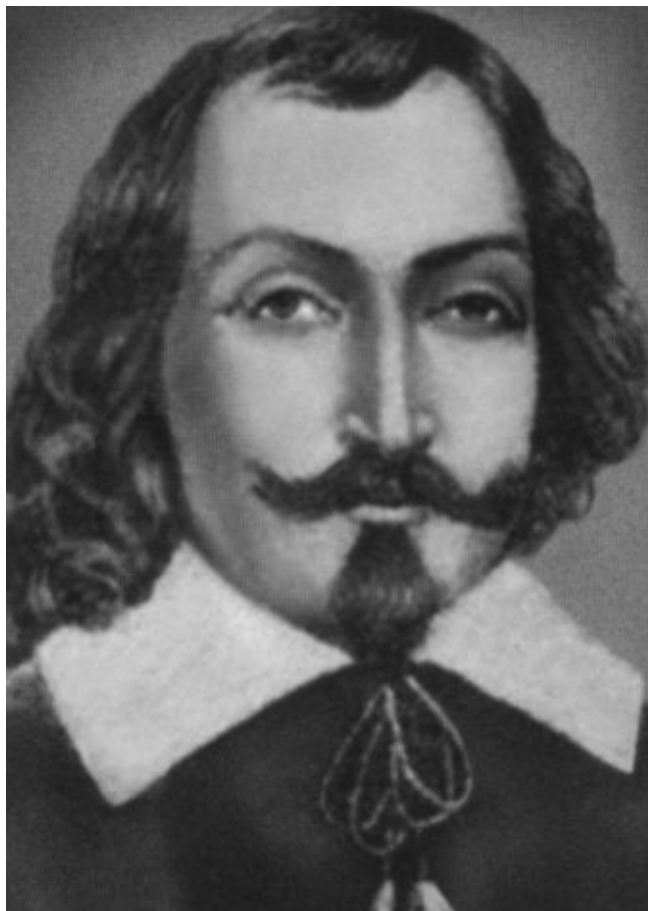
Пьер Корнель, реформатор французского театра.

Ришелье и отец Жозеф обсуждают строительство флота.

Карта Новой Франции, будущей Канады.

Первый губернатор Квебека Самюэль де Шамплен.

Стычка французских колонистов с индейцами.

*Герцог Бекингем, фаворит английского короля и французской королевы.
Художник П. Рубенс.*

По легенде, влюбленный кардинал танцевал для Анны Австрийской сарабанду, переодевшись в испанский костюм.

Людовик XIII в зрелые годы.

Мария Медичи в изгнании. Гравюра Л. Готье.

Гастон Орлеанский, брат короля и враг кардинала.

Королевская армия на марше.

Король Испании Филипп IV. Художник Д. Веласкес.

Французский крестьянин приносит подать сеньору. Гравюра XVII в.

Отдых крестьян. Художник Ж. Ленаэн.

Лавка колониальных товаров. Гравюра А. Боссе.

Парижский прево и его советники. Художник Ф. Шампен.

Противник Ришелье — герцог Роган.

Противник Ришелье — герцог Субиз.

Противник Ришелье — маршал Бассомпьер.

Противник Ришелье — неутомимая интриганка герцогиня.

Большой суд провинции Овернь.

Жертвы кардинала — хранитель печати Анри де Марильяк

и герцог Анриде Монморанси.

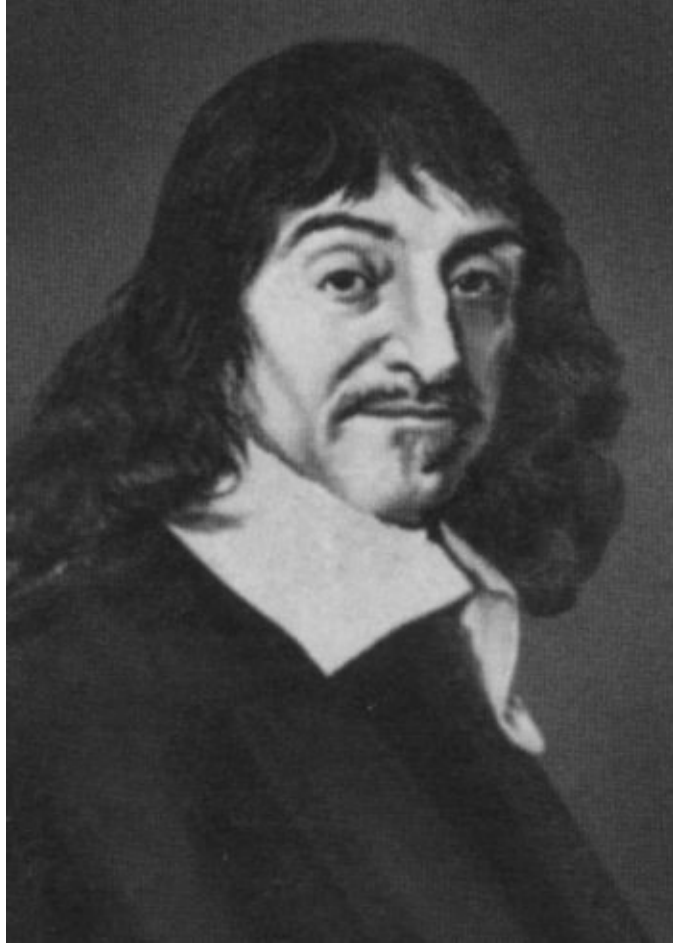
Это не Дон Кихот Ламанчский, а Ришелье, вспомнивший свою давнюю мечту о военной карьере.

Кардинал во всем величии духовной и светской власти.

Святой Винцент де Поль — выдающийся деятель церкви.

Великий философ Рене Декарт.

Голландский богослов Янсений.

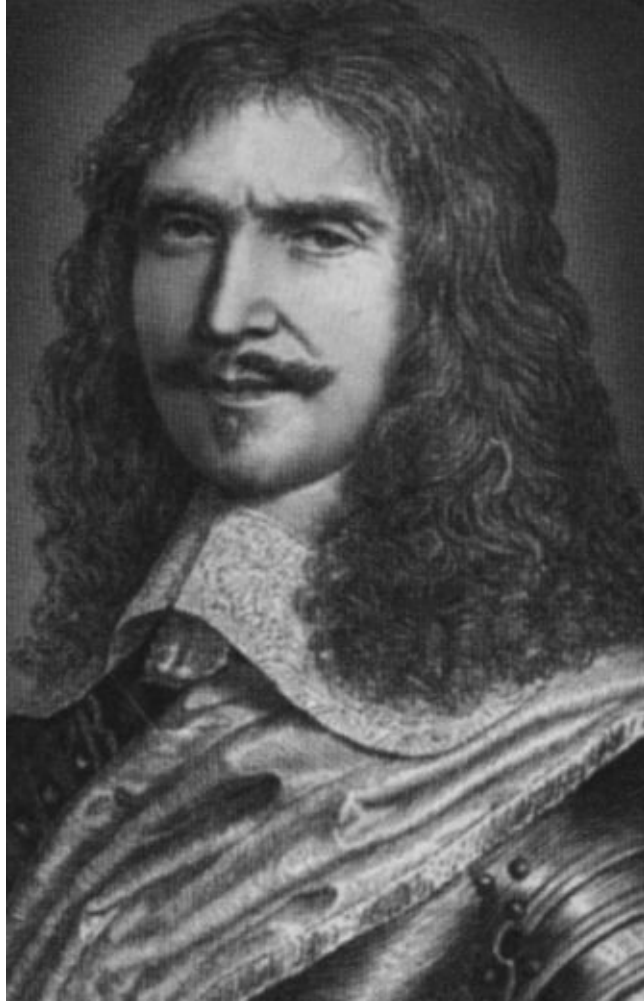
В таких дамских салонах рождались и распространялись сплетни о Ришелье.

Многие из этих сплетен отразились в романе Александра Дюма, где д'Артаньян отважно противостоит интригам кардинала.

Выдающиеся французские полководцы — принц Конде

и герцог Тюрени.

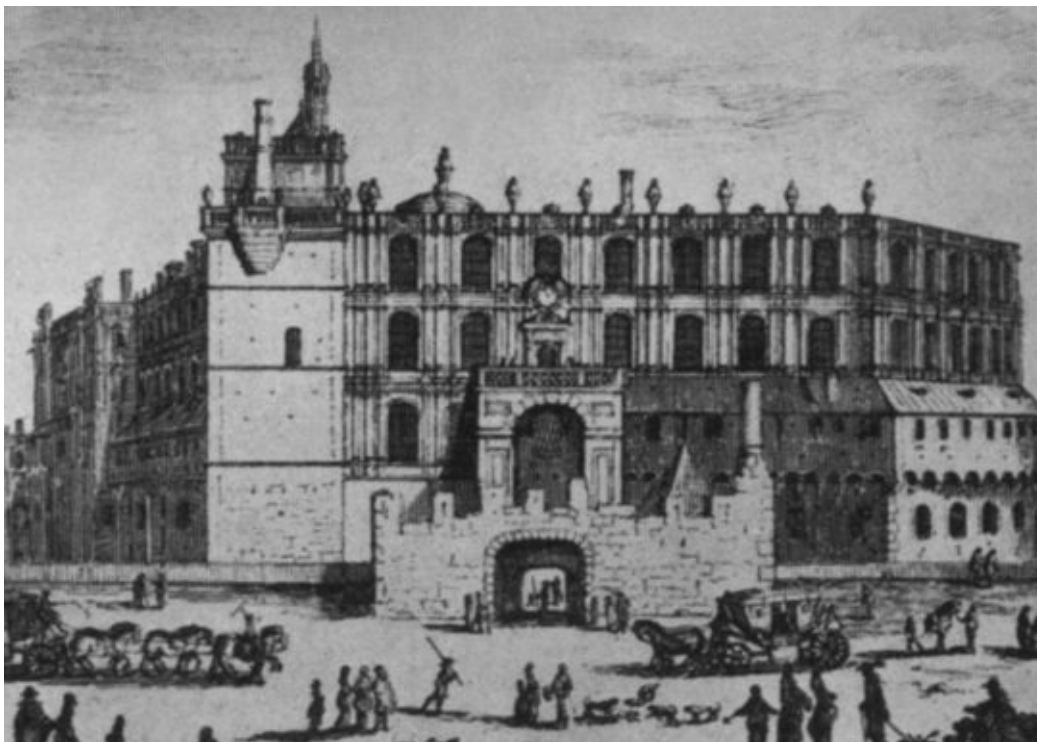
Гравюра Ф. Калло из цикла «Бедствия войны».

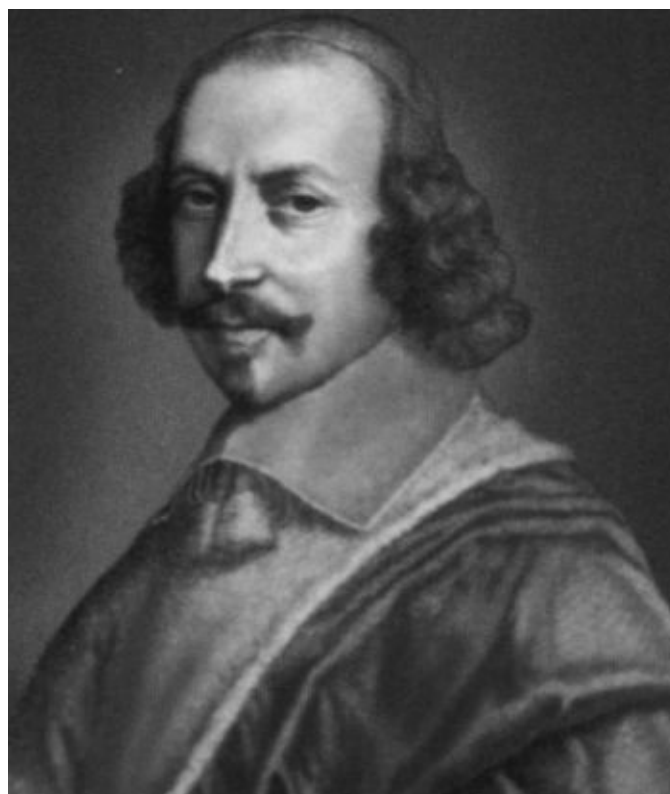
Руководители последнего заговора против кардинала — маркиз Анри де Сен-Мар

и его друг Франсуа де Ту

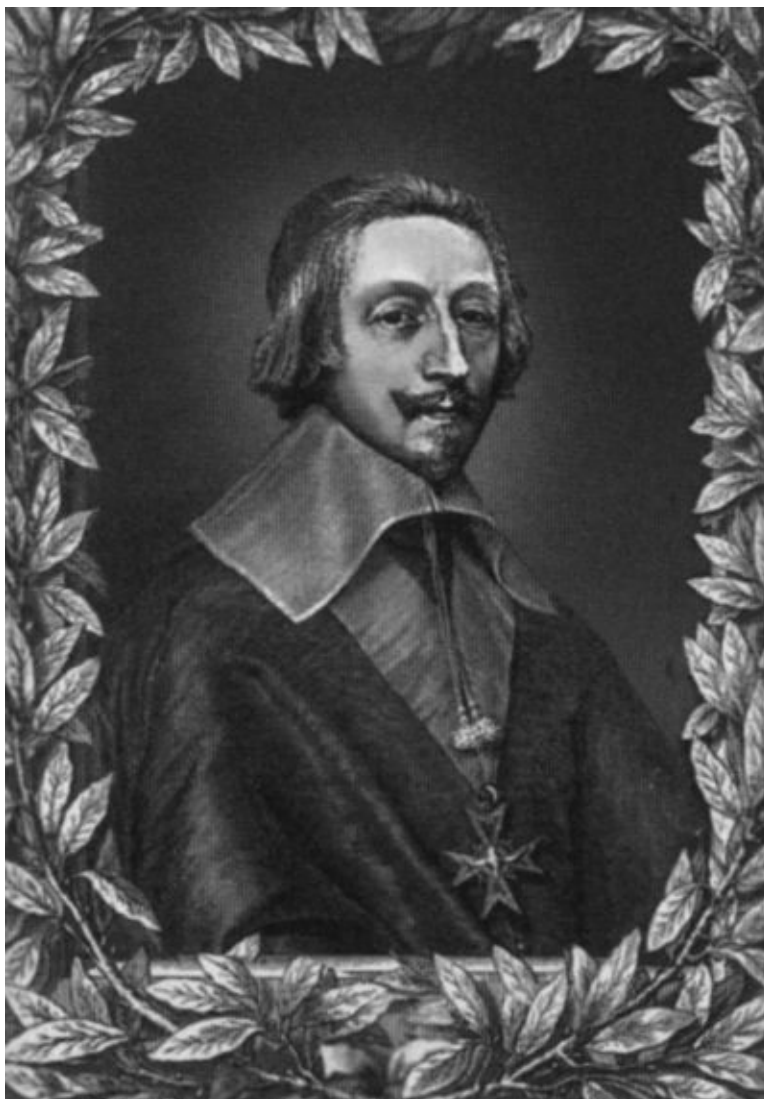
Дворец Анны Австрийской в Сен-Жермен-ан-Лэ.

Верный помощник и преемник Ришелье — кардинал Мазарини.

Королева Анна с маленьким Людовиком XIV.

Кардинал на склоне лет.

Последнее плавание Ришелье по Роне. Художник Ж. Деларош.

Жан-Батист Кольбер, продолживший политику Ришелье.

Надгробие Ришелье в парижской Сорбонне.

Памятник кардиналу в городе Ришелье.

ХРОНОЛОГИЯ

1585, 9 сентября — Рождение Армана Жана дю Плесси, будущего кардинала де Ришелье.

3 ноября — Рождение Янсения.

31 декабря — Франсуа дю Плесси де Ришелье, отец Армана Жана, становится рыцарем ордена Святого Духа.

1586, 5 мая — Крещение в Париже (церковь Сент-Эсташ) Армана Жана дю Плесси.

1589, 1 августа — Убийство Генриха III. Восшествие на престол Генриха IV, короля Наваррского.

1590, 10 июля — Умирает Франсуа дю Плесси.

1593, 25 июля — Генрих IV отрекается от протестантской веры.

1594, 27 февраля — Коронация Генриха IV.

29 декабря — Иезуиты изгоняются из Франции.

1595, 5 июня — Победа при Фонтен-Франсез над испанцами.

1598, 13 апреля — Нантский эдикт устанавливает во Франции гражданскую терпимость.

2 мая — Вервенский договор между Францией и Испанией.

13 сентября — Восшествие на престол Филиппа III Испанского.

1599, 17 декабря — Аннулирование бесплодного брака между Генрихом IV и Маргаритой Валуа.

1600, 5 октября (Флоренция) и **17 декабря** (Лион) — Бракосочетание Генриха IV и Марии Медичи.

1601, 5 октября — По Лионскому договору герцог Савойский уступает Франции Бресс, Бюге, Жекс и Вальроме.

27 сентября — Рождение в Фонтенбло Людовика XIII.

1603, 1 сентября — Возвращение во Францию иезуитов.

1604, 12 декабря — Введен «налог, выплачиваемый королю должностными лицами», королевская декларация о наследовании купленных должностей в обмен на «ежегодное право» платить за свои должности.

1608, 25 апреля — Рождение брата Людовика XIII, Гастона, герцога Анжуйского (позднее Орлеанского), называемого Месье.

21 декабря — Ришелье вступает во владение Люсонским епископатом.

1609, 25 сентября — День Гише, реформа Пор-Рояля.

1610, 14 мая — Убийство Генриха IV. Восшествие на престол

Людовика XIII.

15 мая — Парламент провозглашает регентство королевы Марии Медичи.

17 октября — Юный Людовик XIII коронован в Реймсе.

1 сентября — Канонизация Карло Борromeо.

1611, *11 ноября* — Отец Берюль основывает во Франции Ораторию.

1613, *18 ноября* — Кончини становится маршалом д'Анкром.

1614, *2 октября* — Людовик XIII в парламенте заставляет признать свое главенство.

27 октября — Открытие Генеральных штатов.

1675, *23 февраля* — Депутат от духовенства епископ Люсонский произносит на заседании Генеральных штатов торжественную речь.

7 июля — Ассамблея духовенства получает декреты и каноны Тридентского собора.

28 ноября — Людовик XIII сочетается браком с Анной Австрийской.

1616, *3 мая* — Луденский мир.

30 ноября — После вступления в Совет двадцати пяти епископу Люсонскому поручено руководство иностранными и военными делами.

1617, *24 апреля* — Убийство Кончини, маршала д'Анкра, фаворита королевы-матери, во время ареста.

3 мая — Королева-мать уезжает в Блуа вместе с епископом Люсонским.

19 мая — Ришелье становится главой совета королевы-матери.

11 июня — Догадываясь о намерениях короля, Ришелье покидает Блуа.

8 июля — Казнь маршалши д'Анкр (сожжена по обвинению в колдовстве).

1618, *7 апреля* — Ришелье сослан в Авиньон.

23 мая — Пражское восстание, развязавшее жестокую Тридцатилетнюю войну (1618–1648).

1 сентября — Пастырское послание епископа Люсонского своему духовенству по поводу его «Наставлений христианину», еще неопубликованных.

1619, *январь-сентябрь* — Запоздалый медовый месяц короля и королевы.

21/22 февраля — Мария Медичи бежит из Блуа.

22 февраля — Начало первой войны между матерью и сыном.

30 апреля — Благодаря Ришелье, по просьбе короля, конфликт завершается подписанием Ангулемского договора.

Июнь — Ришелье назначен канцлером королевы-матери.

20 октября — Освобождение принца Конде, арестованного в 1616 г.

Декабрь — Ложная беременность Анны Австрийской.

1620, 7 июля — Начало второй войны между сыном и матерью.

7 августа — «Смешная история» в Пон-де-Се, победа Людовика XIII, поражение Марии Медичи.

10 августа — Очередные переговоры епископа Люсонского, подписание Анжерского договора, заканчивающего вторую войну между матерью и сыном, Ришелье обещана шляпа кардинала.

15 октября — «Как правитель Беарна», Людовик XIII входит в По и соглашается на извинения чиновников наваррского парламента.

19 октября — Король, председательствуя на собрании провинциальных штатов, утверждает присоединение Беарна к короне.

8 ноября — Победа императора у Белой горы.

25 декабря — Ассамблея Ла-Рошели, незаконные требования гугенотов.

1621 — Первое издание «Наставлений христианина» Ришелье.

22 марта — Отец Жозеф дю Трамбле добивается от папы разрешения на то, чтобы религиозная община Дев Кальвера стала конгрегацией.

31 марта — Люинь становится коннетаблем. Смерть короля Испании Филиппа III.

10 апреля — Конец двенадцатилетнего перемирия в Нидерландах.

30 апреля — Король направляется на юго-восток, где взбунтовались протестанты.

27 мая — Он обвиняет в оскорблении Величества участников Ла-Рошельской ассамблеи.

17 августа — 10 ноября — Неудавшаяся осада Монтобана.

15 декабря — Смерть Люинья, фаворита, ставшего неудобным для всех.

1622, 22 января — Рубенс приступает к написанию 24 полотен истории Марии Медичи.

12 марта — Григорий XV канонизирует Терезу Авильскую, Филиппа Нери, Игнатия Лойолу и Франциска Ксавье.

16 марта — Новая ложная беременность королевы.

5 сентября — Епископ Люсонский становится кардиналом.

19 октября — Мир в Монпелье.

28 декабря — Смерть Франсуа де Саля.

1623, январь — Шарль Сорель публикует «Комическую историю Франсиона».

Февраль — Отец Берюль публикует «Рассуждения о состоянии и величии Христа».

7 февраля — Соглашение между Францией, Савойей и Венецией о Вальтеллине.

25 февраля — Герцог Баварский получает сан имперского курфюрста в ущерб Пфальцу.

19 мая — Ришелье отказывается от епископства Люсонского.

19 июня — Рождение в Клермоне (Овернь) Блеза Паскаля.

6 августа — Избрание папы Урбана VIII (Барберини).

1624, 1 января — Опала канцлера Силлери. Ля Вьевиль становится главным министром.

3 февраля — Немилость Пюизье.

Весна — Восстание кроканов в Керси.

Конец апреля — Появление Пуссена в Риме.

29 апреля — Ришелье входит в Совет после шести лет отсутствия. Май — Эдикт о военных комиссарах.

10 июня — Компьенский договор между Францией и Соединенными провинциями.

13 августа — Опала Ля Вьевиля. Ришелье становится номинальным главой Совета.

26 ноября 1624 — январь 1625 г. — Кёвр, будущий маршал д'Эстре, занимает Вальтеллину.

1625, январь — Восстание Рогана и Субиза.

18 января — Субиз атакует Порт-Луи с моря.

11 февраля — Устав для государственных секретарей.

17 апреля — Винцент де Поль основывает орден лазаристов.

11 мая — Генриетта Французская сочетается в Париже браком по доверенности с Карлом I Стюартом.

16 мая — В Люксембургском дворце открытие галереи Медичи.

21 мая — Франческо Барберини, кардинал-легат, прибывает в Париж для переговоров по поводу Вальтеллины.

Июнь — В Амьене Бэкингем встречается с Анной Австрийской и компрометирует ее.

11 июня — Субиз захватывает Кастильон в Медоке. *16 июля* — Он приказывает поджечь корабль голландского адмирала, союзника королевского флота на западе. *Сентябрь* — Французы снова занимают Ре.

15 сентября — Монморанси одерживает морскую победу над Субизом.

22 и 24 сентября — Король поздравляет Туара.

29 ноября — Чрезвычайный Совет по поводу Вальтеллины.

1626, январь — Марильяк остается единственным сюринтендантом

финансов.

Февраль — Торжественный эдикт против дуэлей.

5 февраля — ЛаРошельский мир.

5 марта — Монзонский франко-испанский договор по поводу Вальтеллины.

17 марта — Устав для военного ведомства и ведомства иностранных дел.

31 марта — Соглашение о «Компании Морбиана или ста компаньонов».

7 апреля — Д'Орнано — маршал Франции.

4 и 5 мая — Арест братьев Орнано.

19 мая — Соглашение о создании «компании Украшенной геральдическими лилиями лодки святого Петра».

20 мая — Ришелье добивается разрешения на вооруженную гвардию.

7 июня — Марильяк становится хранителем королевской печати.

8 июня — Д'Эффиа становится сюринтендантом.

9 июня — Людовик XIII отказывается принять отставку кардинала.

13 июня — Арест братьев Вандомов.

22 июня — Доктора и бакалавры Сорбонны благодарят и славят Ришелье за его план реконструкции университетских зданий.

Июль — Король дает Месье в апанаж герцогство Орлеанское.

8 июля — Арест Шале.

30 июля — Приказ короля предписывает разрушить укрепленные замки протестантов.

6 августа — Месье сочетается браком с Марией де Бурбон-Монпансье.

19 августа — Казнь Шале. Герцогиня де Шеврез изгнана из двора. *2 сентября* — Смерть в Венсеннском замке герцога Орнано.

28 сентября — Смерть Ледигьера, последнего коннетабля. *Октябрь* — Король создает должность гроссмейстера, главы и сюринтенданта военно-морского и торгового флота Франции и передает ее кардиналу. Создание «Компании святого Христофора».

2 декабря — Открытие в Тюильри ассамблеи нотаблей.

1627, январь — Людовик XIII отменяет должности коннетабля и адмирала.

Февраль — Снятие судимости с герцога Вандомского.

4 февраля — Ришелье становится губернатором Бруажа.

24 февраля — Закрытие ассамблеи нотаблей.

Март — Первый проект будущей «Компании Святого причастия».

20 апреля — Франко-испанский договор против Англии.
8 мая — Запрет на торговлю с Англией.
12 мая — Дуэль графа де Бутвиля-Монморанси на Королевской площади.
4 июня — Герцогиня Орлеанская умирает родами.
22 июня — Казнь де Бутвиля и де Капеля.
28 июня — Королева-мать дарит Ришелье Малый Люксембургский дворец.
20 июля — Нападение британских войск на остров Ре.
5 августа — Королевский указ против Субиза и его сторонников.
30 августа — Отец Берюль становится кардиналом.
10 сентября — Начало осады Ла-Рошели.
6 октября — Осада крепости Сен-Мартен на острове Ре (с 22 июля), Туара начинает переговоры с Бэкингемом.
7/8 октября — Туара получает продовольствие и боеприпасы.
14 октября — Королевский указ против Рогана и его соучастников.
6 ноября — Бэкингем терпит поражение при осаде крепости Сен-Мартен.
8 ноября — Новое поражение англичан на острове Ре; вскоре они уйдут в море.
30 ноября 1627 — март 1628 г. — По плану Клемана Метезо и под наблюдением Жана Тирио Ришелье строит гигантскую плотину, закрывающую с моря вход в ЛаРошель.
26 декабря — Смерть Винченцо II Гонзага дает Карлу Неверскому право на обладание герцогством Мантуанским.
1628, 4 февраля — Людовик XIII назначает Ришелье генерал-лейтенантом своих войск в Пуату, Сентонже, Они и Ангумуа.
10 февраля — Заболев, король отправляется в Париж, где остается с 28 февраля по 3 апреля. 3 марта — Создание «Компании длительных путешествий».
9 марта — Конде берет Памье.
15 марта — Кардинал чествует Малерба за его оду об осаде Ла-Рошели.
17 апреля — Король, вернувшись, селится в Сюржере.
30 апреля — Жан Гитон становится мэром Ла-Рошели.
Май — Эдикт учреждает «Компанию Новой Франции».
11–19 мая — Английские корабли не могут преодолеть плотину, закрывающую доступ в ЛаРошель.
Июль-август — Маленькая армия маркиза д'Юкселя, старающаяся

поддержать нового герцога Мантуанского, не может проникнуть в Пьемонт.

16–20 августа — Людовик XIII предлагает ларошельцам сдаться.

2 сентября — Бэкингем убит в Портсмуте, но король Франции узнает об этом только 13 сентября.

Октябрь — Новый английский флот пытается разрушить творение Метезо 3, 4 и 23 октября, 25 октября он уходит восвояси.

28 октября — Капитуляция Ла-Рошели.

15 декабря — Королевский указ против непримиримых протестантов.

1629, *13 января* — Ришелье просит об отставке.

15 января — Король вынуждает парламент принять кодекс Мишо — великий ордонанс Мишеля де Марильяка из 461 статьи, отвечающий жалобам ассамблеи нотаблей.

8 февраля — Смерть в Венсенском замке великого приора Вандомского.

27 февраля — Берюль раскрывает Ришелье политико-религиозные переживания королевы-матери.

6 марта — Людовик XIII форсирует перевал Сузы.

15/16 марта — Испанцы осаждают крепость Казале.

29 мая — Капитуляция Прива.

2 июня — Луи де Марильяк — маршал Франции.

7 июня — Король Дании решается на мир.

28 июня — Алесский милостивый мир.

Июль — Нимский эдикт подтверждает и дополняет Алесский мир.

19 июля — Шамплен оставляет Квебек.

21 августа — Ришелье входит в Монтобан.

3 сентября — Месье уезжает в Лотарингию.

13 и 14 сентября — Разговор между министром-кардиналом и королевой-матерью.

15 сентября — Ришелье вновь просит об отставке.

Октябрь — Ришелье становится губернатором Олерона.

2 октября — Смерть кардинала Берюля.

19 ноября — Старший брат Ришелье также становится кардиналом.

21 ноября — Ришелье, «главный министр королевства», представляет Людовику XIII «Соображения по поводу Италии».

29 декабря — С титулом заместителя короля министр-кардинал покидает двор, чтобы командовать войсками в Италии.

1630 — Полная публикация произведений Малерба.

Начало 1630 г. — Успех «Мелиты», комедии Корнеля.

Январь — Людовик XIII дает своему брату в апанаж Валуа.

- 18 января — Устав Королевского Совета.
- 28 января — Ришелье встречается с Мазарини в Лионе.
- 29 января — Ришелье определяет в Лионе этапные пункты армии в Италии.
- 18 февраля — Лионский мятеж.
- 10 марта — Сообщение Ришелье о конфликте между Францией и Савойей.
- 18/19 марта — С криком «На Турин!» французские войска форсируют Дуару.
- 22 марта — Ришелье осаждает Пиньероль.
- 29 марта — Падение крепости.
- 3 апреля — Записка Ришелье королю о делах в Италии.
- Май-июль — Людовик XIII побеждает Савойю.
- 16 мая — Падение Шамбери.
- 27 мая — В Аннеси король принимает Мазарини.
- 15 июня — Союзнический договор между Францией и Соединенными провинциями.
- 29 июня — Новая встреча в Гренобле министра-кардинала и Мазарини.
- 8 июля — Мишель Марильяк больше не скрывает, что следует политике Берюля.
- 10 июля — В Вейлане Монморанси одерживает победу над союзниками герцога Савойского.
- 18 июля — Из-за плохой защиты венецианцев Мантуя попадает в руки имперских войск.
- 19–21 июля — Беспокойство по поводу болезни короля, заболевшего 13 июля.
- 26 июля — Смерть Карла-Эммануила I, герцога Савойского. Ему наследует его сын Виктор-Амедей, зять Людовика XIII.
- 4 сентября — Мазарини добивается короткого перемирия (до 15 октября) в Казале, осажденном испанцами и имперцами Спинолы, цитадель которого защищает Туара.
- 22–30 сентября — Король тяжело болен в Лионе и получает отпущение грехов.
- 26 сентября — Смерть Спинолы.
- Октябрь — Приказ короля, подтверждающий создание «Компании Святого причастия».
- 13 октября — Регенсбургский договор о наследовании Мантуи.
- 21 октября — Людовик XIII отказывается его ратифицировать.
- 26 октября — В Казале посланник папы Мазарини останавливает

французскую армию (Шомберга) и армию Австрийского дома криками: «Мир! Мир! Прекратите!» Результатом этого становится снятие осады.

10 ноября — Ришелье поддерживает опалу королевы-матери. Король готовится доверить маршалу Марильяку руководство военными действиями в Италии.

11 ноября — Ришелье готовит свою отставку; королева-мать и хранитель печати Марильяк уверены в своей победе; но вечером в Версале кардинал узнает от короля, что в опале оказывается происпанская «партия святош». Этот понедельник вскоре назовут «Днем одураченных».

Вторник 12 ноября — Людовик XIII отбирает печать у Мишеля де Марильяка, которого приказывает арестовать, и пишет Шомберу в Италию, чтобы тот арестовал маршала Марильяка.

21 ноября — Арест маршала Марильяка. Маршальский жезл передан Туара и Монморанси.

12 декабря — Ришелье назначен губернатором Оне, Ла-Рошели и острова Ре.

30 декабря — Освобождение Сезара Вандомского, просидевшего в тюрьме более четырех лет.

1631, 23 января — Барвальдский франко-шведский союзнический договор.

30 января — Месье покидает двор.

22 февраля — Король на Совете решает отправить Марию Медичи в ссылку.

23 февраля — Королева-мать получает приказ о ссылке, отказывается и заключается в тюрьму в Компьене. Арест Бассомпьера, который пробудет в Бастилии до 1643 года.

Март — Месье уезжает из Франции.

30 марта — Королевское заявление против Месье.

6 апреля — Договор в Чераско по поводу Казале и Пиньероли.

28 апреля — Гастон Орлеанский прибывает в Нанси.

Май — Король дарует привилегии жителям города Ришелье.

22 мая — Шомбер настаивает, чтобы Мария Медичи согласилась уехать в Мулен.

26 мая — Заявление короля в пользу кардинала.

30 мая — Теофраст Рендо получает право издавать «Ля Газетт».

(В 1638 г. он купит «Меркюр Франсез».) Подписание тайного франко-баварского договора.

30 мая — Заявление Месье против кардинала.

19 июня — Второй договор в Чераско, по которому герцог

Мантуанский получает обратно Казале, Франция сохраняет Пиньероль.

18/19 июля — Мария Медичи бежит из Компьена.

Август — Ришелье становится герцогом и пэром.

5 августа — Месье присоединяется к королеве-матери в Бельгии.

16 сентября — Король назначает Ришелье губернатором Бретани.

17 сентября — В Брейтенфельде возле Лейпцига шведский король Густав Адольф побеждает Тилли.

Октябрь — Ге де Бальзак публикует хвалебную оду Людовику XIII «Правитель».

17 ноября — Королевские войска берут Седан.

1632, *3 января* — Тайное бракосочетание Месье и Маргариты Лотарингской, сестры герцога, в Нанси.

6 января — По договору в Вике герцог Карл IV уступает Марсалу Людовику XIII.

10 марта — Завершение печати знаменитого произведения Кардена Ле Бре «О королевском суверенитете».

29 марта — По Сен-Жерменскому договору Англия возвращает Франции Канаду и Акадию.

Весна — Сен-Сиран публикует свой «*Petrus Aurelius*».

5 апреля — Слуги и сподвижники королевы-матери и Месье подозреваются в оскорблении Величества.

20 апреля — Исаак де Разильи становится вице-королем Новой Франции.

8 мая — Смертный приговор маршалу Луи де Марильяку, казненному 10 мая.

Июнь-сентябрь — Месье возвращается в Лангедок, вскоре поддерживаемый Монморанси.

20 июня — Победа над войсками герцога Лотарингского.

26 июня — Ливерденский договор, отдающий Франции Стене, Ден и Ямец.

Июль — Восстание Монморанси.

27 июля — Смерть маршала д'Эффиа, замененного Бульоном и Бутилье.

7 августа — Смерть Мишеля де Марильяка, заключенного в Шатодене.

11 августа — Заявление против Месье.

23 августа — Заявление против Монморанси.

1 сентября — В Кастельнодари Шомбер одерживает верх над Монморанси и заключает того в тюрьму.

6 сентября — Казнь виконта Летранжа (Отфора).
29 сентября — «Примирение» короля и Месье.
28 октября — Урбан де Брезе становится маршалом Франции.
30 октября — Казнь маршала Монморанси, губернатора Лангедока, «славы храбрецов» (отец Ансельм).
16 ноября — В Лютцене Густав Адольф одерживает победу над Валленштейном, но при этом погибает.
1633 январь — Людовик XIII создает парламент Меца.
14 февраля — Ордонанс о местах постоя и жилье для военных.
25 февраля — Арест хранителя печати Шатонёфа, замененного 28 февраля Пьером Сегье.
Март — Отмена льгот бунтовщикам Лангедока.
Апрель — Эдикт об оскорблении Его Величества.
13 апреля — Лига Хейльбронна объединяет против императора Швецию и рейнские государства (объединившиеся в августе с Гессеном и Ганновером), но туда не входят Саксония и Бранденбург со стороны протестантов и Бавария со стороны католиков.
5 мая — Людовик XIII исключает из членов ордена Святого Духа герцога д'Эльбёфа (Лотарингского) и маркиза де Вьёвиля.
14 мая — Награждение орденом Святого Духа Ришелье. Награждены также Пон-Курле, Ла Мейлере, Урбан де Брезе и Поншато.
2 сентября — Король пишет парламенту Меца о своем намерении занять Лотарингию.
20 сентября — Он сообщает герцогству об оккупации по договору в Шарме.
25 сентября — Он занимает Нанси.
Ноябрь — Король открывает командорство Сен-Луи для искалеченных солдат. Винцент де Поль предлагает мадемуазель Ле Гра, урожденной Луизе де Марильяк, возглавить орден «сестер милосердия».
19 сентября 1633–18 августа 1634 — Лобардемон курирует, а затем возглавляет в Лудене дело о колдовстве Урбана Грандье.
1634 — Новое издание «Правителя» Ге де Бальзака.
Январь — Эдикт, содержащий указ о размерах и ограничениях множества привилегий. Представление «Софонисбы» Мере.
16 января — Королевское заявление о возвращении Месье.
Февраль — Богословское мнение Янсения о законности лотарингского брака Месье.
11 февраля — Великие дни в Пуатье.
25 февраля — Убийство Валленштейна, которого сочли

сочувствующим французским интересам.

22 марта — Проект Французской Академии, задуманный министром-кардиналом благодаря кружку Конрара.

15 апреля — Новое франко-голландское соглашение.

Май-июнь — Генерализация института бессменных интендантов.

12 мая — Договор Месье с Испанией.

18 августа — Казнь кюре Грандье в Лудене сразу же после его осуждения.

5 сентября — Парламент аннулирует лотарингский брак Месье.

5/6 сентября — Поражение Швеции при Нердлингене делает неизбежным вступление Франции в Тридцатилетнюю войну.

16 сентября — Основание в Нанси суверенного совета.

18 сентября — Сюлли становится маршалом Франции, но отказывается от звания гротмейстера артиллерии.

28 сентября — Решение Совета поручает интендантам контроль за податями.

Октябрь — Заявление, позволяющее Месье поселиться в Блуа. *8 октября* — Месье покидает Испанские Нидерланды (Бельгию).

24 ноября — Курфюрсты Бранденбурга и Саксонии примиряются с Веной.

26 ноября — Въезд в Париж Мазарини, чрезвычайного папского нунция.

Декабрь — Антуан де л'Аж, племянник Ришелье через брак, становится герцогом Пюилораном. 1635–1659- Франко-испанская война.

1635–1648 — Активное участие Франции в Тридцатилетней войне. 1635–1638 — Франсуа Мансар работает для Месье в Блуасском замке.

Январь-февраль — Испанские войска подступают к Эльзасу. *Январь* — Королевский приказ о снятии судимости с бунтовщиков Руана и Сен-Ло. Приказ, официально признающий Французскую Академию. Приказ, производящий Сен-Симона в герцоги.

Февраль — Привилегия, утверждающая эксклюзивное право Теофраста Ренодо на издание всех французских газет.

8 февраля — Договор между Францией и Соединенными провинциями.

12 февраля — Создание «Компании Американских островов».

14 февраля — Арест Пюилорана.

4 марта — «Тюильрийская комедия», написанная пятью авторами по идее кардинала.

8 марта — Обязательство регистрации постоянного места жительства,

возложенное на губернаторов, мэров городов и начальников укреплений.

15 марта — Пон-Курле, племянник Ришелье, становится начальником каторжных работ. Людовик XIII в Шантильи танцует в «Мерлезонском балете».

27 марта — Испанцы берут Трир и захватывают курфюрста-архиепископа, заключив его в тюрьму до 1645 года.

28 апреля — Франко-шведский договор в Компьене.

Май-июль — Городские восстания в Гиени.

Май — Король дарует титул конюшего военным комиссарам.

14 мая — 1 июля — Антиналоговые восстания в Бордо.

15 мая — Заложен первый камень церкви Сорбонны, построенной Ле Мерсье.

19 мая — Людовик XIII торжественно объявляет войну королю Испании.

20 мая — 30 августа — Призыв на военную службу вассалов.

20 мая — Маршал Шатильон одерживает победу в Авейне над испанцами герцога Томаса Савойского.

30 мая — Пражский мир провозглашает примирение саксонского и бранденбургского курфюрстов с императором.

Июнь-ноябрь — Кампания герцога Рогана в Вальтеллине.

10 июня — Французы и голландцы берут и грабят Тирлемон.

25 июня — Герцог Бульонский переходит в католичество.

28 июня — Французы высаживаются на Гваделупе.

Июль — Антиналоговые волнения в Бордо и городах Сентонжа.

1 июля — Смерть в Венсенне герцога Пюилорана.

7 июля — Ассамблея духовенства объявляет недействительным лотарингский брак Месье.

11 июля — Договор между Францией, Савойей, Мантуей, Пармой и Моденой.

17 августа — Выход в Лувене «Mars Gallicus» Янсения, вызвавшего раздражение Ришелье.

12–15 сентября — Испанцы захватывают Леринские острова.

15 сентября — Закрепление французов на Мартинике.

27 октября — Сен-Жерменский договор между королем Франции и герцогом Бернхардом Саксен-Веймарским.

14 ноября — Антуан Арно защищает в Сорбонне свою первую диссертацию.

19 сентября — Пьер Сегье становится канцлером.

25 декабря — Смерть Шамплена в Квебеке.

1636 — «Год Корби» (Корби взят и возвращен) и вступления императора в войну против Франции.

16 февраля — Отставка военного государственного секретаря Абея Сервьена, замененного Сюбле де Нуайе.

17 февраля — Король позволяет Ришелье, разочарованному в своем племяннике, соединить гроссмейстерство морского флота и торговли и командование каторжными работами.

30 марта — Франко-шведский договор в Висмаре.

Апрель-июнь — Народное восстание кроканов, жителей Ангума и Сентонжа.

12 апреля — Сурди назначен «главой Королевского Совета в военно-морском флоте».

5 мая — декларация «Против бранящихся и богохульствующих».

29 мая — Начало осады Доля.

6 июня — Акт передачи королю дворца Пале-Кардиналь, право пользование которым остается за Ришелье.

7 июля — Капитуляция Ля-Капели.

16 июля — 19 августа — Янсений становится епископом Ипра.

25 июля — Испанцы берут Ле-Катле.

4/8 августа — Ордонанс о наборе рекрутов.

15 августа — Корби в руках испанцев. Париж в панике. Принц Конде отказывается от осады Доля.

Сентябрь — декабрь — Регенсбургский сейм.

1 сентября — Королева назначена правительницей Парижа.

27 сентября — Французские войска блокируют Корби.

Октябрь-ноябрь — Сен-Жан-де-Лон осажден имперскими войсками.

4 октября — Победа шведов при Витстоке.

12 октября — Попытка Сурди вернуть Лери некие острова.

Середина октября — Амьенский заговор против Ришелье.

14 ноября — Возвращение Корби.

22 декабря — Сын Фердинанда II Австрийского избран королем Римским.

1637 — Год «Сида» и «Рассуждения о методе».

Начало 1637 г. — Аббат Сен-Сиран отказывается от епископства Байонского.

2 или 9 января — Первая постановка «Сида» Корнеля.

2 января — В особняке Ришелье играется «Большая пастораль» пяти авторов.

18 января — «„Сид“ очаровал весь Париж» (Мондори).

27 января — Грамота о пожаловании дворянства отцу Корнеля.
15 февраля — Смерть императора Фердинанда II.
22 февраля — Представление «Слепца из Смирны» пяти авторов.
Март-декабрь — Скандал вокруг «Сида».
23 марта — Завершение печати «Сида», посвященного мадам де Комбале.
Конец марта — «Настоящий испанский Сид» Мере.
1 апреля — «Рассуждения о „Сиде“» Скюдери.
Май-июль — Крупное восстание кроканов Перигора против налогов.
12/13 мая — Сурди возвращает Леринские острова.
19 мая — Луиза де Лафайет уходит в монастырь. 25 мая — Роган вынужден оставить Вальтеллину.
Июнь — Публикация в Лейдене «Рассуждения о методе» Декарта. Николя Павильон избран епископом Алета.
1 июня — Кроканы Перигора разгромлены у Ля-Совета-дю-Дро.
16 июня — Шаплен передает своим братьям «Мнение Академии по поводу „Сида“», которое выйдет в декабре.
Лето — Секретные переговоры между Ришелье и Оливаресом.
25 июля — Кардинал Лавалетт берет Ландреси.
Август — Дело о тайной переписке королевы с Испанией.
13 августа — Обыск в Валь-де-Гра.
24 августа — Блестящий государственный советник Антуан Леметр решает уединиться в Пор-Рояле; он предупредит об этом Сегье только 15 декабря.
8 сентября — Смерть герцога Савойского Виктора-Амедея I. Его вдова, «Мадам Руаяль», сестра Людовика XIII, становится регентшей.
20 сентября — Лавалетт берет Ля-Капель.
28 сентября — Победа Шомбера при Лекате.
5 октября — Ришелье умиряет Мере, чтобы пощадить Пьера Корнеля.
27 октября — Маршал Витри арестован и помещен в Бастилию.
Декабрь — Делая одолжение Ришелье, Корнель отказывается отвечать на «Мнение Академии по поводу „Сида“».
5 декабря — Ночь примирения в Лувре между Людовиком XIII и королевой.
8 декабря — Отец Коссен, духовник короля, побуждает его заключить мир с католической Испанией, иными словами, отправить в отставку Ришелье.
10 декабря — Опала отца Коссена.

1638 — Год рождения дофина, будущего Людовика XIV. Восстание против налогов в гасконском графстве Пардьяк.

Январь — Мадам де Комбале, племянница кардинала, становится герцогиней д'Эгийон.

10 февраля — «Его Величество заявляет, что просит Пресвятую Деву Марию стать особой покровительницей его королевства».

2 марта — Бернхард Саксен-Веймарский, союзник Франции, становится победителем при Рейнфельде.

15 марта — Публикация «De Virginitate» святого Августина с комментариями ораторианца Сегено.

27 марта — Сен-Мар (Анри д'Эффиа) назначен гроссмейстером королевского гардероба.

11 апреля — Герцог Саксен-Веймарский берет Фрайбург.

Май — Французы осаждают Сент-Омер.

6 мая — Янсений умирает от чумы в Ипре.

7 мая — Ришелье приказывает арестовать отца Сегено.

14 мая — Арестованный Сен-Сиран заключен в Венсеннский замок до 1643 года.

10 августа — Королева-мать отправляется в Голландию.

22 августа — Сурди одерживает победу над испанским флотом при Гетарии.

Сентябрь — Приказ короля по поводу Бриарского канала.

1 сентября — Победа Пон-Курле над испанскими галерами в Вадо, возле Генуи.

5 сентября — Рождение в Сен-Жермене дофина, Людовика Богоданного, будущего Людовика XIV.

7 сентября — Серьезное поражение французов при Фонтараби.

14 сентября — Французы возвращают Ля-Катле.

15 сентября — Людовик XIII назначает командора Пуанси губернатором Подветренных островов.

4 октября — Смерть герцога Савойского Франциска-Гиацинта влечет за собой новое регентство Мадам Руаяль.

18 декабря — Смерть отца Жозефа дю Трамбле, «Серого преосвященства». Ришелье предлагает Риму кандидатуру Мазарини на звание кардинала.

19 декабря — Армия Бернхарда Саксен-Веймарского входит в Брейзах, осажденный с апреля.

1639, 15 января — Король назначает Николая Пуссена придворным художником и приказывает ему вернуться в страну из Рима.

17 января и 14 мая — Призыв ополчения.
Апрель — Мазарини принимает французское подданство.
14 апреля — Шведская победа в Хемнице.
Июнь-август — Морские победы Сурди.
7 июня — Поражение французов при Тионвилле.
29 июня — Людовик XIII берет Эсден благодаря Мейлере, будущему маршалу.
Июль-ноябрь — Антиналоговое восстание босоногих в Нормандии, усмиренное в январе 1640 года.
Июль — Восстание кроканов в Миранде (Гасконь).
16 июля — Крупный мятеж в Авранше.
18 июля — Смерть Бернхарда Саксен-Веймарского.
20–23 августа — Восстание в Руане.
22 августа — Николя Павильон посвящен в Сен-Лазаре и 8 октября отправляется в свой маленький диоцез Алет.
25 августа — Восстание в Байё.
26/29 августа — Восстание в Кане.
28 сентября — Смерть кардинала де Лавалетта.
21 октября — Победа адмирала Тромпа над галионами Испании при Дувре.
15 ноября — Сен-Мар вступает в должность главного конюшего и становится «месяе Главным».
24 ноября — Эдикт о регулировании расходов.
30 ноября — Босоногие разбиты при Авранше.
14 декабря — Мазарини уезжает из Рима, решив отныне жить во Франции.
17 декабря — Король налагает запрет на руанский парламент, податной суд, бюро налогов и городской суд.
19 декабря 1639/27 марта 1640 г. — Канцлер Сегье наводит порядок в Нормандии.
28 декабря — Граф де Гебриан переходит Рейн с намерением соединиться с Банером и шведами.
1640 — Коронация в Бранденбурге Фридриха-Вильгельма Гогенцоллерна (1620–1688), курфюрста Бранденбургского.
2 января — Въезд в Руан канцлера Сегье.
31 марта — Королевское заявление по поводу переплавки монет и введения новой монеты — луидора.
Май — Представление «Горация» Корнеля.
8 мая — Сюбле де Нуайе обязывает Шантелу отправиться в Рим за

Николя Пуссеном. Тот отправляется в путь только 28 ноября.

Июнь-август — Восстание в Шотландии против Карла I.

Июнь — Начало осады Арраса французскими войсками.

7 июня — Восстание в Каталонии против испанской власти.

22/23 июля — Победа Майе-Брезе над испанским флотом при Кадисе.

Август — Публикация посмертного сочинения Янсения «Augustinus» в Лувене.

9 августа — Капитуляция Арраса в присутствии короля.

Сентябрь — Победы графа Аркура в Казале и Турине позволяют Мадам Руаяль вернуться в свою столицу. Королевское позволение Ришелье учредить Академию и коллеж.

21 сентября — Рождение герцога Анжуйского (будущего герцога Орлеанского), Филиппа, второго сына Людовика XIII.

23 сентября — Регенсбургский сейм.

Ноябрь — Налог на продукты питания.

3 ноября — По воле первого министра Мишель Ле Телье назначен интендантом итальянской армии.

17 ноября — Ришелье посещает открывающуюся Королевскую типографию.

1 декабря — Антииспанское восстание в Португалии, находящейся под властью Испании с 1580 года. Письмо короля парламенту по поводу дуэлей.

15 декабря — Герцог де Браганса (Жуан IV) вступает в Лиссабон.

16 декабря — Каталонцы признают протекторат Людовика XIII.

17 декабря — Пуссен приезжает в Париж.

29 декабря — Смерть сюринтенданта Бульона.

1641 — Пуанси объявляет остров Тортугу владением французского короля.

Январь — Восстановление руанского парламента.

7 января — Смерть отца Кондрена, генерала ордена ораторианцев.

14 января — Премьера «Мириам» Демаре де Сен-Сорлена.

15 февраля — Завершение печати «Горация», посвященного Корнелем кардиналу.

23 января — Кортесы Каталонии голосуют за низложение Филиппа IV.

Февраль — Эдикт, запрещающий парламентам заниматься государственными делами; он войдет в силу 21 февраля.

1 февраля — Союз между Францией и Португалией.

11 февраля — Клер Клеманс де Майе, племянница Ришелье, сочетается браком в Пале-Кардиналь с Луи Бурбоном, герцогом

Энгиенским, которого впоследствии назовут Великим Конде.

29 марта — Мирный договор между Францией и Лотарингией.

20 мая — Смерть блестящего шведского генерала Банера, замененного Гебрианом.

22 мая — Дочь маркизы де Рамбуе представляет «Гирлянду Жюли», удивительный сборник, начатый в 1632 году и вдохновленный господином де Монтэзе, настоящий шедевр добродетели и изящества.

25 июня — Франко-шведская победа при Вольфенбюттеле.

6 июля — Маршал де Шатильон побежден при Ля-Марфе, возле Седана, графом Суассоном, убитым во время боя.

26 июля — Французы берут Эр-сюр-ля-Лис.

8 августа — Поражение герцога Бульонского.

Сентябрь — Герцог Карл IV опять переходит на сторону императора, французы снова оккупируют Лотарингию. Публикация в Париже «Августинуса».

9 сентября — Опала Сурди, который не смог взять Таррагону.

14 сентября — Людовик XIII диктует условия протектората в Монако.

19 сентября — Король Франции принимает титул графа Барселонского.

12 октября — Persona non grata в Англии, Мария Медичи прибывает в Кельн.

9 ноября — Смерть кардинала-инфанта. Казнь Сен-Прёйля, губернатора Арраса.

13 декабря — Смерть Жанны де Шанталь.

16 декабря — Мазарини становится кардиналом.

22 декабря — Смерть Сюлли.

29 декабря — Олье закладывает основы семинарии Вожирара.

1642 — Английская революция. Открытие Бриарского канала. Юный Блез Паскаль изобретает арифметическую машину.

Январь — Грамота о снятии судимости с бунтовщиков Перигора.

17 января — Гебриан одерживает победу над имперцами при Кемпене, захватив в плен генералов Ламбуа и Мерси.

6 марта — Урбан VIII подписывает буллу «In eminenti», осуждающую «Августинус» (она будет обнародована только в январе 1643 г.).

13 марта — Тайный договор между Месье и королем Испании.

22 марта — Гебриан назначен маршалом.

13 апреля — Ла Мейлере берет Кольюр.

Май — Король делает герцогом Валентинуа Оноре Гримальди, князя Монако.

- 8 мая — Первая французская фактория в Виль-Мари (Монреале).
- 23 мая — В Нарбонне кардинал диктует свое завещание.
- 26 мая — Поражение при Оннекуре.
- Июнь — Смягчение ситуации в Пьемонте. Антиналоговое восстание в Плейзансе (Гасконь).
- 12 июня — Раскрытие заговора Сен-Мара.
- 13 июня — Арест Сен-Мара и де Ту.
- 23 июня — Арест герцога Бульонского.
- 25 июня — Маршал де Ла Мотт-Уданкур становится вице-королем Каталонии.
- 28 июня — Встречи короля и кардинала.
- 30 июня/1 июля — Морская победа Брезе при Барселоне.
- 3 июля — Кончина королевы-матери в ее ссылке в Кельне.
- 9 сентября — Испанцы покидают Перпиньян.
- 12 сентября — В Лионе обезглавлены Сен-Мар и де Ту.
- 15 сентября — Капитуляция Сальсы.
- 29 сентября — Солдаты короля берут Седан.
- 13 октября — Ришелье прибывает в Фонтенбло, где видится с королем.
- 27 октября — Вернувшись в Париж, кардинал адресует королю настоящий ультиматум.
- 2 ноября — Шведы маршала Торстенсона выигрывают сражение при Брейтенфельде.
- 5 ноября — Меморандум Ришелье Людовику XIII, за которым следует второй (7.11) и третий (13.11), более мягкие.
- 20 ноября — Успокаивающий ответ монарха.
- 28 ноября — Ришелье тяжело болен.
- 1 декабря — Королевское заявление против Месье.
- 2 и 3 декабря — Король у изголовья своего первого министра.
- 4 декабря — Смерть Ришелье. Ла Мотт-Уданкур триумфально входит в Барселону.
- 5 декабря — Мазарини заменяет Ришелье в правительстве.
- 13 декабря — Тело кардинала погребено в еще недостроенной часовне церкви Сорбонны.
- 1643, 13 января — Месье возвращается ко двору.
- 17 января — Испанский король отправляет в отставку Оливареса.
- 19 января и следующая неделя — Освобождение политических узников — Крамеля, Витри, Бассомпьера и др.
- 20 января — В Нотр-Дам-де-Пари состоялась церемония памяти

Ришелье.

6 февраля — Освобождение аббата Сен-Сирана.

4 марта — Мария Медичи захоронена в базилике Сен-Дени. *Апрель* — Указ о налогах.

10 апреля — Опала Сюбле де Нуайе.

21 апреля — Крещение будущего Людовика XIV, Мазарини — крестный отец.

14 мая — Смерть Людовика XIII. Коронация Людовика XIV.

19 мая — Блистательная победа герцога Энгиенского при Рокруа; «угрозы страшного врага обернулись против него, регентство укрепилось, Франция успокоилась, а царствование, которое должно стать столь прекрасным, началось со столь счастливого предзнаменования» (Боссюэ).

11 октября — Смерть Сен-Сирана.

1648–1653 — Фронда.

24 октября — Вестфальский мир.

1659, *7 ноября* — Пиренейский мир.

1660, *2 февраля* — Смерть Гастона Орлеанского.

27 сентября — Смерть Винцента де Поля.

1661, *8 марта* — Кольбер становится интендантом финансов.

9 марта — Смерть Мазарини. Начало единоличного царствования Людовика XIV.

Март-апрель- Реорганизация Совета.

5 сентября — Арест Фуке.

1675–1694 — Жирардон делает надгробие Ришелье, «представляя кардинала покоящимся на руках Набожности с возлежащей у ног его Христианской доктриной» (Франсуа Сушаль).

1826, *апрель* — Публикация «Сен-Мара», «политического романа» Альфреда де Виньи.

1831, *11 августа* — Первое представление «Марион Делорм», драмы в пяти актах в стихах Виктора Гюго. (В 1829 году произведение, которое тогда будет называться «Дуэль во времена Ришелье», будет запрещено цензурой.)

1844, *14 марта-14 июля* — Публикация в газете «Секль» исторического романа Александра Дюма-отца «Три мушкетера».

1873 — Спуск на воду бронированного корабля «Ришелье». Поставленный на стапели в 1868 году, он был разоружен в 1900 году.

1939, *17 января* — Спуск на воду нового броненосца «Ришелье», линейного корабля водоизмещением 35 000 тонн, вступившего в строй в 1940 году и разоруженного в 1966-м.

1987 — Строительство авианосца «Ришелье». Был переименован в «Де Голля» в 1988 году, спущен на воду в 2001-м.

2002 — Проект строительства второго французского авианосца. Стоит вопрос о присвоении ему имени Ришелье.

ГЛОССАРИЙ

А

Аббат — аббатом назывался человек, получивший бенефиций, даже сугубо светский, а также духовное лицо с неясно определенными обязанностями. Аббатами называли также получавших комменды, хотя их отношения с аббатствами иногда заключались лишь в получении трети монастырских доходов. Наконец, «аббатом являлся глава монастыря, возведенного в ранг аббатства» (Р. Даррико). Он мог иметь звание епископа.

Аббатство — монастырь, представлявший собой важнейший бенефиций. Во главе его стоял аббат, избираемый аббатами нескольких видных аббатств, называемых «главами орденов». В большинстве случаев аббат начиная с 1516 года назначался в Риме по предложению короля. Такой аббат, когда он пользовался коммендой, не имел духовной власти. Подобная противозаконная интерпретация Болонского конкордата считалась протестантами симонией. Впрочем, руководство общиной в этом случае в основном принадлежало приору, назначаемому капитулом (собранием монахов его ордена), и было вполне мотивированным. Пользователь комменды довольствовался третью доходов аббатства.

Абсолют — безграничный. Пример: абсолютная монархия.

Абсолютизм — слово, употребляемое с 1796 года для обозначения абсолютистской монархии.

Автаркия — создание замкнутого хозяйства в рамках отдельной страны.

Адмирал — адмирал Франции, высшее должностное лицо при короле, «стоящий во главе военно-морского флота» (М. Верже). Он также являлся главой морского суда. Сам он не был моряком. Адмирал Франции, вопреки унитарным попыткам герцога де Монморанси, не имел власти над всем побережьем; Бретань, Гиень, Лангедок и Прованс имели в качестве адмиралов своих губернаторов. В 1626 году Ришелье перекупил у Монморанси адмиральство Франции и получил от короля новый титул гроссмейстера навигации. В январе следующего года Людовик XIII упразднил должность адмирала Франции; в 1631 году, став губернатором Бретани, кардинал завершил унификацию королевского флота

(командования, суда и управления).

Академия — «собрание ученых, где культивируются науки и искусства» (Фюретьер). Это определение во времена Людовика XIII применялось к кружку отца Мерсенна на Королевской площади, к ученому собранию братьев Дюпюи, к кружку виконтессы де Рона и т. п.

Академия кавалерии — школа, где молодых дворян обучали верховой езде, владению оружием, танцам и хорошим манерам. Инициатором и образцом для нее стала Академия господина Плювинеля, действовавшая под покровительством короля.

Академия женская — презрительное название, данное в 1638 году салону виконтессы д'Оши Шапленом.

Академия игр — публичные места, отведенные под игры (кости, карты и т. д.), как дозволенные, так и полуподпольные или запрещенные.

Академия протестантов — университетские коллежи двойного назначения, которые давали общее образование и одновременно готовили пасторов. Самыми известными были академии Сомюра и Седана.

Академия Французская — литературный кружок, взятый под покровительство Ришелье в 1634 году и официально признанный королем в 1635 году.

Акты королевские — королевские законы (ордонансы, эдикты, декларации, грамоты и т. д.).

Амнистия — королевское прощение в виде грамоты.

Амнистия генеральная — амнистия, пожалованная королем.

Анаграмма — модная игра времен Людовика XIII; «слово, полученное перестановкой букв из другого слова» (Робер). Ришелье превратил *Mazarin* (*Мазарини*) в *Штата*, сделав из этого имя. Подробнее см. приложение «Золотой век анаграммы».

Анахронизм — соединение неодновременных событий; отнесение какого-нибудь факта к другой эпохе.

Англиканство — официальная церковь Англии. Одно из направлений, составляющих реформизм или протестантство. Организация и доктрина англиканства близка скорее к лютеранству, чем к кальвинизму.

Антономазия — риторический прием, когда человека характеризуют, сравнивая его с типическим персонажем. Например: «Это настоящий Гарпагон».

Апанаж — важная часть государственной собственности, которую король может пожаловать своему брату или сыну. Людовик XIII даровал в апанаж своему брату герцогство Орлеанское.

Аппелянт — тот, кто провоцирует дуэль.

Арест — постановление суда.

Арест Совета — высочайшее решение Королевского Совета, сравнимое на практике с королевскими актами.

Арсенал — место по производству военного оружия. При Людовике XIII морской арсенал находился в зачаточном состоянии. Единственным местом, достойным этого названия, был арсенал галер в Марселе. Ришелье не интересовался арсеналами ни в Тулоне, современный порт которого был заложен во времена Генриха IV, ни в Гавре, губернатором которого он являлся, ни в Бресте, на ценности которого настаивал начиная с 1631 года. Однако выделял Бруаж, о неудобствах которого забыл и значение которого переоценивал.

Артиллерия — см. *Гроссмейстер артиллерии*.

Архиепископ — прелат, стоящий во главе какой-нибудь церковной области. Епископы на такой территории подчиняются архиепископу.

Ассамблея духовенства — официальное собрание французских епископов. Проходила каждые пять лет.

Ассамблея нотаблей — см. *Нотабли*.

Атеизм — отрицание Бога. При Людовике XIII настоящие атеисты встречались чрезвычайно редко. Во французских письмах первой половины XVII века в ранг атеистов возводится разве что Сирано. Зато от XVI века французами была унаследована привычка обвинять в атеизме и содомии всех инаковерующих. Ни городское вольнодумство, ни деревенское «язычество» — которое пытались ликвидировать местные миссионеры, не имели ни малейшего отношения к атеизму. Участники последних религиозных войн (до 1629 года) могли совершать множество ошибок, но, разумеется, не были атеистами.

Аттриция — неполное раскаяние; сожаление о грехе, порожденное страхом перед адом.

Б

Бакалавриат — ступень образования, дающая возможность студенту получить ученую степень первого уровня высшего образования.

Бастилия — бывшая парижская крепость, ставшая, как и Венсеннский замок, государственной тюрьмой. Людовик XIII приказал заключить туда множество известных персонажей, которых счел виновными или подозреваемых в измене.

Безбожник — так католики называли протестантов.

Безопасность — «гарантия уверенности, когда это необходимо» (Фюретьер). Гугеноты всегда нуждались в «местах безопасности». Королевская грамота от 30 апреля 1598 года, сопровождавшая Нантский эдикт (13 апреля), гарантировала протестантам во Франции 147 мест безопасности, охранявшихся солдатами их конфессии.

Бенефиций — церковная должность, приносящая доход.

Богословие (теология) — учение о Божестве и вере, наука, заключающая в себе совокупность учений, относящихся к какой-нибудь определенной исторической религии, преимущественно к христианской.

Богословие моральное или практическое — раздел богословия, касающийся этики и жизни церкви.

Богословие позитивное — богословие, основанное исключительно на текстах основателей христианства: Библии для протестантов, Библии и сочинения отцов церкви для католиков.

Богословие умозрительное — богословие, не делающее разделение между богословием и философией. Примером тому является томизм.

Богохульство — преступление, которое заключалось в оскорблении Господа с помощью слов, «хулящих святое имя Божье». Множество эдиктов запрещало божбу и богохульство.

Большой совет — верховный суд, выделившийся в 1497 году из королевского правосудия. В его компетенции, «разнородной и непостоянной», в основном находились епископальные и бенефициарные дела, но она распространялась на все королевство. К тому же, если король по определенному делу не доверял парламенту, он передавал дело в высшую инстанцию, чтобы его решал Большой совет. Не стоит путать Большой совет с Королевским Советом.

Босоногие — название восставших в Нормандии в 1639 году.

Брандер — метательный снаряд, наполненный зажигательным веществом.

Бреве — папское предписание, менее торжественное, чем булла.

Булла — важное папское послание. Пример: в 1653 году булла *Cum occasione* осудила пять «пропозиций», излагавшихся в «Августинусе» (1640) Янсения.

Бугр — простонародное название содомита.

В

Valido — испанское слово, «фаворит короля, допущенный к власти» (Б.

Бенассар). Герцог Лерма был *valido* Филиппа III; граф-герцог Оливарес — *valido* Филиппа IV.

Ведение — толкование и границы компетенции какого-нибудь важного администратора.

Великие дни — оригинальная форма правосудия, чрезвычайные судебные сессии, проводившиеся по королевскому поручению. Великие дни проводились, чтобы судить должностных лиц, избранных в соседнем парламенте. Великие дни, например, прошли в Пуатье в 1634 году.

Великий приор — в абсолютном смысле великий приор означает самый высокий сан во французском Мальтийском ордене. Великим приором был шевалье де Вандом или Александр де Бурбон-Вандом (1598–1629), сын Генриха IV.

Вероисповедание — открытое признание религиозного учения какой-либо церкви; принадлежность к одной из существующих религий по рождению или выбору.

Веротерпимость — терпимое отношение к той или иной религии, допущение государством свободы вероисповедания.

Верховный суд — суд, назначаемый королем в завоеванной провинции.

Верховные суды — верховные суды занимались обычными делами (гражданскими и уголовными). К ним относились парламенты, Большой совет, счетные палаты, высшие податные суды и монетный двор.

Виллан — «Простолюдин, крестьянин, деревенщина» (Фюретьер).

Vistanvoire (vistenvoire) — мужские гениталии (арго того времени).

Вольнодумец (либертин) — человек, не подчиняющийся моральным устоям. Вольнодумцем также называли того, кто, не будучи атеистом, не принимал христианскую ортодоксальность и требования церкви.

Вольнодумство (либертинаж) — слово, использовавшееся для обозначения поведения, сочтенного аморальным.

Вновь обращенный — протестант, перешедший или вернувшийся в католицизм.

Всеобщее ополчение — призыв короля к владельцам феодалов для усиления армии. Людовик XIII набрал ополчение в мае 1635 года вскоре после объявления войны Испании.

Встреча — разновидность дуэли, непреднамеренная или неподготовленная вооруженная стычка. Встреча — на такой погиб старший брат Ришелье — являлась промежуточной стадией между дуэлью и простой дракой.

Второе сословие — дворянство. Первым сословием было духовенство.

Вызов — см. *Вызов на дуэль*.

Вызов на дуэль — подстрекательство к поединку. См. также *Вызов*.

Вызванный — тот, кого вызвали на дуэль.

Высшие должности при короле — см. *Высшие должностные лица при короле*.

Высшие должностные лица при короле — так называли главных сановников двора и государства. В 1626 году ими были: коннетабль (Ледигьер), канцлер (д'Алигр), хранитель печати (Марильяк), великий магистр, главный камергер, адмирал (Монморанси), генерал-полковник от инфантерии (д'Эпернон), главный конюший (Бельгард), гроссмейстер артиллерии (Сюлли), а также пятнадцать маршалов Франции.

Высший податной суд — верховный суд по налоговым делам.

Г

Габель — налог на соль.

Галеры — боевые корабли, использовавшиеся на Средиземном море. Это были парусники удлиненной формы, быстроходные, передвигавшиеся с помощью весел на параде, в бою или просто при отсутствии ветра.

Галионы — большие корабли с высокими бортами, использовавшиеся в испанском флоте.

Галликанский — т. е. французский. Галликанская церковь означала просто Церковь Франции.

Генерал-лейтенант — главный офицер сухопутных войск (превосходил полевых маршалов) или морского флота (командовал начальниками эскадр).

Генерал-лейтенант суда бальи — при Людовике XIII бальи играл исключительно представительскую роль. Настоящим председателем и главой суда бальи являлся генерал-лейтенант. То же относилось к гражданским и уголовным судам.

Генерал-лейтенант армии — титул или должность, дарованная королем принцу крови (например, Конде) или крупному сановнику (Ришелье, кардиналу де Ла Валетту), чтобы командовать от его имени даже маршалами Франции.

Генерал-лейтенант провинции — заместитель и/или помощник губернатора.

Герцоги — «Вслед за королевской семьей и принцами крови герцоги составляют вершину дворянской иерархии. Их превосходство выделяет их из других владельцев феодалов» (Ж.-Ф. Солон). При французском дворе было

четыре разновидности герцогов. Несколько редких фамилий (например, Гизы из Лотарингии) претендовали на титул иностранных принцев. Некоторые герцогства были возведены королем в пэрства (например, Ришелье), что давало их владельцам свободный доступ и право заседания в парламенте. За ними шли герцоги, не имевшие звания пэров и получившие герцогства королевской грамотой, внесенной в списки парламента. Все герцогства, переданные по наследству, передавались от мужчины к мужчине по праву первородства. Также существовали «герцоги по привилегии», чьи грамоты о пожаловании герцогства не были внесены в список. Эти последние обладали лишь пожизненным титулом. Царствование Людовика XIII не скупилось на раздачу герцогств.

Главный (месье) — титул главного конюшего, высшего должностного лица при королевской особе. В 1642 году месье Главным называли Сен-Мара.

Главные бухгалтерские офицеры — так называли богатых королевских финансистов — например, казначеев (позднее их стали называть хранителями государственной казны) или главных военных казначеев. Филипп де Куланж (ум. в 1636 г.), предок маркизы де Севинье, был чрезвычайным военным казначеем и «знаменитым откупщиком».

Главный прево — обеспечивал охрану и функционирование двора. Он возглавлял, хотя и являлся человеком военным, дворцовый трибунал, называемый жандармерией, и командовал жандармами в качестве светской власти. С февраля 1578 года Франсуа дю Плесси де Ришелье (ум. в 1590 г.) имел двойной титул «Прево королевского дворца и главный прево Франции».

Город — французы говорили «Двор и Город», имея в виду не дворянство и буржуазию, а придворное общество и парижскую элиту.

Государственный советник — этот титул «означает высшую категорию членов Королевского Совета, обязанность которых [заключается] не в какой-то должности, не в поручении, но в сане» (М. Антуан). Король выбирал государственных советников из числа опытных следователей.

Гражданский лейтенант — верховный судья в Париже, исполняющий в Шатле роль первого председателя.

Гражданский и уголовный суд — с середины XVI века суд, находящийся в ведении судов бальи.

Граф (месье) — титул, изобретенный графом Суассонским, принцем крови, чтобы подражать своему кузену Конде, называемому месье Принц.

Граф-герцог — так называли министра Филиппа IV, дона Гаспара де

Гусмана, графа Оливареса, испанского гранда, герцога де Сан-Лукар (1587–1645), неудачливого противника Ришелье.

Гроссмейстер артиллерии — высшая офицерская должность, носитель которой заведовал всеми арсеналами Франции, контролем за производством пороха и взрывчатых веществ, производством пушек, а также наблюдением за перевозкой артиллерии на марше и расстановки батарей перед осадой. Он командовал всеми офицерами-артиллеристами. Сюлли получил эту должность 13 ноября 1599 года, в январе 1601 года Генрих IV внес эту должность в число высших должностей короны.

Гроссмейстер, начальник и сюринтендант навигации и торгового флота Франции — этот титул и должность, дарованные Ришелье эдиктом от октября 1626 года, предоставили министру-кардиналу огромную власть не только над военно-морским флотом (все адмиральства были упразднены), но и над морской торговлей и колониями. После смерти кардинала должность перешла к его племяннику Майе-Брезе.

Губернатор города — эта военная должность часто совмещала в себе также административные и политические функции. Назначаемый королем губернатор какого-нибудь города мог превратиться в местного тирана, как Агриппа д'Обинье во время своего управления Мейлезе в Пуату. В 1627 году Ришелье был назначен губернатором города Бруажа.

Губернатор провинции — «представитель короля в провинции». Представлял короля и его власть. Во времена Людовика XIII губернаторство достигло своего апогея и представляло собой не покупную должность или простое поручение — это была обязанность, сан и власть. Ришелье стал губернатором Гавра (приравненного к провинции) в 1626 году и Бретани в 1631 году. Губернатора мог заменять генерал-лейтенант.

Гугеноты — название французских протестантов, возникшее около 1560 года.

Гуманизм — анахроничное понятие. В эпоху Ришелье существовало слово «гуманизм», уже употреблявшееся в XVI веке и означавшее того, «кто знает гуманитарные науки» (Фюретьер). Гуманизм пытался подвести итог основному вкладу Ренессанса: повторное открытие и углубление наследия греко-римской античности, включая ее философию и, в некоторой степени языческую религию. В конце концов, разве человек не являлся мерилем всех вещей?

Гуманизм благочестивый — анахроничное, но богатое смыслом выражение, изобретателем которого был аббат Анри Бремон. Отточив концепцию христианского гуманизма — применимого к Пико дела Мирандола, Эразму, Кальвину, — Бремон воспел сияние гуманизма не

только христианского, но и благочестивого, избавив античный гуманизм от его язычества и христианизируя его к вящей славе Божьей. Дело святого Франциска Сальского подвело итог этой оптимистичной программе.

Д

Двор — по определению Фюретьера, двор — это прежде всего место, где живет король (это место непостоянно). «Двор также означает всех офицеров и свиту правителя» (эти офицеры называются комменсалами). «Двором также называются занятия живущих при дворе». При Людовике XIII двор отошел от распущенности царствования Генриха IV, но был еще далек от упорядоченности и дисциплины Версаля периода Великого короля. Он также менее утончен, чем общество, собирающееся в особняке Рамбуйе. Ге де Бальзак восхваляет Малерба, который сумел «избавить двор от гасконцев». Людовик XIII слишком необщителен, чтобы любить и тем более превозносить придворную жизнь. Холодность его отношений с королевой, простота личных вкусов и пристрастие к охоте отворачивают и изолируют его от жизни двора.

Дворянин — в строгом смысле человек, способный представить четыре поколения благородных предков; обычно так называют любого человека благородного происхождения.

Декаполис — десять эльзасских городов Священной Римской империи (Ландау, Виссебург, Хагенау, Росгейм, Оберне, Шлештадт, Туркхейм, Кайзерберг, Кольмар и Мюнстер), которые отошли к Франции по Вестфальскому миру (1648).

Декрет — решение Совета. Его также называют каноном.

Дела королевские — так назывались преступления, слишком серьезные, чтобы их рассматривали сеньориальные и превотальные суды. Такими являлись святотатство, оскорбление Его Величества, ересь, похищение человека, лжемонашество, мятеж и т. п.

Дела превотальные — в уголовном праве так называли нарушения, нуждавшиеся в быстром урегулировании и не требовавшие сеньориального суда: воровство, грабеж, дезертирство и т. п. Эти дела рассматривали маршальские прево. Отсюда их названия.

Делегаты — офицеры, заседавшие в финансово-податных судах.

Десятина — налог, налагаемый церковью на плоды земли и приплод домашних животных.

Диархия — власть, разделенная между двумя королями, двумя

магистратами или двумя военачальниками. Правление Людовика XIII и Ришелье напоминает диархию, но не следует забывать, что король все-таки обладал абсолютной властью.

Диоцез — в католической церкви округ в ведении епископа.

Дипломатия — анахроничный термин, означающий межгосударственные отношения, а также полномочия, права и привилегии послов и полномочных представителей.

Дипломатический — анахроничный термин, применяемый к образцам хартий, грамот и других официальных актов.

Добродетель — в эпоху Людовика XIII слово «добродетель», — когда оно не означало «привычку творить добро» (Фюретьер) — имело смысл римского слова *virtus*, означавшего физическую и моральную стойкость.

Договор — слово, до сего дня означающее соглашение, подписанное между правительствами. Но договорами также называли контракты между государством и финансистами, которым правительство предоставляло на откуп непрямые налоги.

Доктор — человек, получивший университетский диплом, что позволяло ему практиковать (например, медицину) или преподавать (например, богословие). Название применялось только к богословам. Иногда уничижительное слово, синоним педанта.

Должность — титул (сан) и обязанность (служба). Должность практически всегда была обязательна при публичной службе (где, напротив, редки «поручения», бесплатные, временные и сменяемые). Большинство должностей покупалось. От покупки во Франции перешли к наследованию должностей благодаря «полетте» (1604), ежегодному налогу, пропорциональному цене за должность.

Должности, дающие дворянство, — некоторые должности в канцелярии (королевские секретари) и городском управлении (см. Мэр, Эшевены), а также множество должностей магистратуры (мантии). Они возводили в личное дворянство самого владельца или его потомков через два поколения (последовательное дворянство), согласно условиям, записанным в королевских актах (в основном по истечении двадцати лет службы).

Дом — так называли великие королевские династии (Капетинги — Французский дом; Габсбурги — Австрийский дом; Гогенцоллерны — Бранденбургский дом; Виттельсбахи — Баварский дом и т. д.) или знаменитые дворянские фамилии (Гизы, Монморанси, Оранж-Нассау и т. д.). См. также *Знать*.

Домен — в абсолютном употреблении означает королевскую

собственность. Во времена монархии являлся неотъемлемым и, следовательно, неотчуждаемым — правило, возводимое в ранг фундаментального закона. Поэтому, если король давал его в апанаж своему приближенному, тот пользовался им лишь пожизненно.

Допрос — законное применение пыток в процессе суда, предполагаемое судебными ордонансами, чтобы добиться от подсудимого признаний (подготовительный допрос), а затем получить от него имена соучастников (предварительный допрос).

Дофин — начиная с Римского договора (1349), присоединявшего область Дофине к королевству Французскому, старший сын короля Франции носил титул дофина Вьеннского, сокращенно дофина.

Дуумвират — см. *Диархия*.

Духовенство — общее название служителей церкви. Разделяют белое (светское) духовенство, включающее епископов, каноников, кюре, викариев, диаконов и т. п., и черное, объединяющее монахов и других служителей церкви, проживающих в монастырях или религиозных общинах. При монархии духовенство являлось первым из трех сословий, как было записано в протоколе Генеральных и провинциальных штатов. Король обещал ему свое покровительство во время коронации. Духовенство имело имущество, в основном земельное, и денежные доходы, в основном десятину, но также нелегкие обязанности: просвещение населения, оказание помощи больным и нищим и т. д. Духовенство было привилегированным сословием. Ассамблея духовенства, собиравшаяся раз в пять лет, голосовала (вернее соглашалась) на дар королю, представлявший налоговую контрибуцию от всех орденов.

Дуэль — особый поединок между числом участников, кратным двум (один против одного, двое против двух и т. д.), условия проведения которого были оговорены заранее. Этим дуэль категорически отличалась от драки или встречи. Сражаются в основном из соображений чести. Дуэль Бутевиля в 1627 году, проведенная практически сразу после антидуэльного эдикта 1626 года, была жестоко наказана, сочтенная оскорблением Его Величества.

Е

Ересь — религиозное учение, отклоняющееся от официальной доктрины церкви в области догматики, культа или организации.

Ж

Жаловать дворянство — облагораживать, делать более знатным. Не путать с пожалованием дворянства.

Жезл — знак и символ командующего, вручаемый королем тому, кого он назначал маршалом Франции. Жезл был украшен цветами лилий. Победа при Хесдене (1639) принесла маршальский жезл Ля Мейлере, а победа при Рокруа (1643) — Гассьону.

З

Запад — западное побережье Франции. Гавр, Порт-Луи, Бруаж считались городами «запада».

Заседание парламента в присутствии короля — торжественное заседание парламента. В начале его монарх просил канцлера зачитать текст, содержащий его волеизъявление или решение. В некоторых случаях подобные заседания проводились, чтобы объявить о регентстве или отметить совершеннолетие короля. В основном же речь шла об утверждении какого-нибудь королевского акта, который до этого отклонялся парламентом.

Звания — звания первостепенной важности (высшие должностные лица при короле, государственные секретари, государственные советники) имели свойство незамедлительно наделять дворянством их носителей. В случае государственных советников этой привилегией обладали только советники, назначенные королевской грамотой.

Знать — известны старания Ришелье, выраженные в его «Политическом завещании», помочь королю «усмирить гордость знати». Под понятием «знать» подразумеваются принцы королевской крови, герцоги, губернаторы провинций. В 1660 году Блез Паскаль изложит свои знаменитые «Рассуждения о положении знати».

И

Иезуиты — члены общества Иисуса, знаменитого религиозного ордена — миссионеры, советники правителей, воспитатели, подчинявшиеся Святому престолу. Орден создан святым Игнатием

Лойолой в 1540 году. Был запрещен во Франции с 1594 по 1603 год.

Император — император германской Священной Римской империи. Титул не являлся наследственным, хотя создавалось впечатление, что им владеет Австрийский дом (Габсбурги). Императора выбирали курфюрсты империи.

Империя — см. *Священная Римская империя*.

Имперцы — это не солдаты империи, но солдаты императора, то есть венского Габсбурга.

Инженеры — офицеры, специалисты по фортификации.

Интенданты — комиссары, судьи и администраторы, которым король временно доверял «правосудие, полицию и финансы», чтобы установить порядок в провинциях, иногда помочь губернаторам, ввести или принудительно собрать налоги. Интенданты зависели от канцлера.

Интенданты армейские — офицеры военной администрации, введенные Ришелье в 1635 году. Король выбирал их среди следователей или провинциальных интендантов. Интенданты помогали военачальнику в управлении, правосудии и материально-техническом снабжении и наблюдали за ним от имени военного государственного секретаря. Армейские интенданты отдавали приказы военным комиссарам, ответственным за пропитание и места постоя. Сервьен, Сюбле де Нуайе, Мишель Ле Телье были сперва армейскими интендантами.

Исповедь — признание в своих грехах (таинство покаяния).

К

Кабинет — комната в королевских апартаментах, предназначавшаяся для переговоров и собраний Совета. Фюретьер дает в качестве примера: «Этому придворному ведомы все тайны кабинета».

Кабинет тайный — орган, перехватывающий послания, чтобы сообщать о них королю... или кардиналу Ришелье.

Казуисты — богословы, специализирующиеся на доказательстве ложных или сомнительных положений.

Кальвинист — адепт реформации, принимающий доктрину Жана Кальвина, наиболее удаленную от католицизма и более суровую, чем доктрины Лютера или англиканской церкви. Французские кальвинисты назывались протестантами или гугенотами; английские кальвинисты, которых считали раскольниками, назывались пресвитерианами.

Канон — решение Королевского Совета. Его также называют

декретом.

Канцлер Франции — высшее должностное лицо при дворе, до 1626 года второе после коннетабля, начиная с 1627 года — первое. Пожизненная должность, за исключением изъятия печатей в случае опалы. Канцлер заведовал королевским судом.

Капуцины — ответвление францисканского ордена, чей устав был одобрен в 1616 году Павлом V. Отец Жозеф Парижский — «Серое преосвященство», — который при Людовике XIII возглавлял капуцинов, развивал среди них миссионерство.

Кардинал — церковный сан. Прелат, назначаемый папой и таким образом становящийся членом электорального корпуса, образующего конклав, который выбирал папу. В эпоху Людовика XIII кардиналами во Франции были: кардинал де Сурди (назначен в 1599 г., умер в 1628 г.), кардинал дю Перрон (1604–1618), кардинал де Ларошфуко (1607–1645, высшее духовное лицо при особе короля), кардинал де Бонзи (1611–1621), кардинал де Ришелье (1622–1642), кардинал де Маркемон (1626–1626), кардинал де Берюль (1627–1629), «Лионский кардинал» Альфонс де Ришелье, старший брат Армана Жана дю Плесси (1629–1653), кардинал Антонио Барберини (1627–1671) и Джулио Мазарини (1641–1661).

Кардинал-инфант — прозвище Фердинанда Австрийского (1609–1641), прелата и главнокомандующего армией, сына испанского короля Филиппа III.

Квартал — обычно три месяца. Означал время службы некоторых офицеров, особенно комменсалов.

Кличка — «Смешной эпитет, данный кому-то» (Фюретьер). Например, Ришелье называл Мазарини «брат Палаш».

Кодекс — сборник законов и ордонансов. В 1629 году Мишель де Марильяк, хранитель печати, обнаружил «большой кодекс по реформированию, стремясь создать из огромного числа законов гражданское и уголовное право» (Ж. Барбей). Этот ценный свод, которому недоставало порядка, состоял из не менее чем 461 статьи. Он раздражал магистратов, консерваторов и недовольных, которые насмеялись над ним, называя его «кодексом Мишо» и ничего не делая, чтобы облегчить его применение.

Колдовство — правление Людовика XIII прославилось охотой на ведьм. Так объяснялась склонность простого народа к суевериям. Жан Боден (1530–1596) выпустил в 1581 году трактат под названием «О демономании и колдунах», тут же ставший классическим и без конца переиздававшийся вплоть до 1604 года.

Колена и ступени — в генеалогии, особенно при доказательстве знатности, выясняются «колена и ступени», то есть степени родства и родственные связи между поколениями. Во французской традиции древность рода определяется коленами. Доказать четыре колена дворянства — значит доказать, что ваши прадед и дед по отцовской линии, так же как ваш отец, были дворянами и вы четвертый. Доказательство по ступеням — это доказательство только древности имени, а при доказательстве колен запрещается мезальянс.

Командир полка — высший офицерский чин, эквивалент полковника.

Комиссары — агенты королевской власти, назначенные по поручению. Каждый офицер исполнял одно поручение.

Комиссар военный — административный военный чиновник, «обеспечивающий поддержание порядка в войсках на марше, устраивающий привалы и обеспечивающий войска жильем, также проводит военные смотры» (Фюретьер).

Комменсалы — высшие должностные лица при дворе или при короле, в основном принадлежащие к старинным дворянским родам.

Компания Святого причастия — ассоциация богомольцев, созданная в 1627 году и структурированная в 1630 году, первым председателем которой стал герцог де Вентадур. Объединяя священников и набожных мирян, военных и гражданских, она являлась во Франции до 1660 года одним из духовных двигателей Контрреформации.

Кондотьер — предводитель наемного военного отряда, находящегося на службе отдельных государей.

Конкордат — соглашение, в основном между папой и светским правительством. Согласно Болонскому конкордату (1516) между папой Львом X и Франциском I, король приобрел право назначения на высшие церковные должности и таким образом получил возможность, распоряжаясь церковными доходами и бенефициями, вознаграждать дворянство.

Коннетабль — высшее должностное лицо при короле, глава маршалов Франции. «Именно коннетабль несет королевский меч» (Фюретьер). Ледигьер (ум. в 1626 г.) был последним коннетаблем Франции.

Конституция (основное законоположение) — свод главных законов государства, предназначенный детально контролировать государственное право. В рассматриваемое нами время две страны имели свод постановлений обычного права — Великобритания (начиная с *Великой Хартии вольностей* — 1215 г.) и Франция со своими *фундаментальными законами*, твердо определенными «Трактатами» (1419) Жана

Терревермейля.

Контроверза (ученый спор) — начиная с Реформации (1517) и развития Контрреформации (1545), произведения контроверзы (печатные религиозные диспуты) не перестают противопоставлять друг другу богословов двух лагерей. Люсьен Деграв насчитывал 3595 контроверз, опубликованных во Франции между 1598-м (Нантский эдикт) и 1628 годами (капитуляция Ла-Рошели).

Контрреформация — ответ папства и католических стран на протестантскую реформу 1517 года. Основные постулаты Контрреформации были утверждены на Тридентском соборе (1545–1563); ее влияние ощущалось на протяжении трех веков.

Контрэскарп — ближайший к противнику откос рва долговременного или временного укрепления.

Конфессия — одно из ответвлений христианства (католичество, протестантство, англиканство и т. д.).

Конфирмация — у католиков таинство миропомазания, совершаемое обязательно епископом не одновременно с крещением, как у православных, а в более поздние годы.

Королевские грамоты — королевские акты, заверенные государственным секретарем и предназначенные для регистрации в парламенте. Королевские грамоты в основном касались назначений или дарования привилегий.

Королевские законы — см. Акты королевские. Королевские законы не могли входить в противоречие с фундаментальными законами.

Королевские ордена — Людовик XI некогда создал орден Святого Михаила, рыцарский орден, довольно быстро обесценившийся. Поэтому Генрих III учредил в 1578 году орден Святого Духа, соперничавший с английским орденом Подвязки (1334) и бургундским орденом Золотого руна (1430, впоследствии перешел к Австрийскому дому). Однако орден Святого Духа невозможно было получить, не удостоившись предварительно ордена Святого Михаила. Отсюда множественное число — *королевские ордена* — для обозначения ордена Святого Духа. Носившие голубую ленту и обладавшие «королевскими орденами» образовывали нечто вроде касты, в которую стремились попасть, поскольку она была промежуточной ступенью между знатью и рядовыми придворными.

Королевские права — права короля (издавать законы, чеканить монету, подписывать договоры, объявлять войну, узаконивать, натурализовывать, жаловать дворянством и т. п.). Знаменитая регалия (королевское право на получение доходов с вакантных епископств) являлась одним из

королевских прав.

Королевское правосудие — так называлось правосудие, осуществлявшееся лично королем. Это право символизировалось изображением Людовика Святого под его знаменитым дубом. Убийца герцога де Гиза (1588) по просьбе Генриха III, убийца Кончини (1617) по просьбе Людовика XIII были подсудны этому правосудию.

Королевская свита — крупный многофункциональный институт, следящий за безопасностью монарха (военная свита), управлением его двора и нуждами его повседневной жизни (личный штат). Военная свита включала в себя конные части (телохранителей, рейтаров, жандармов, мушкетеров и т. д.), а также пехоту (французских гвардейцев, швейцарских гвардейцев и т. д.). В личном распорядке короля находились часовня, гардероб, королевская спальня, здания дворца, конюшни, псарня, соколиный двор и т. д. Короля обслуживал один государственный секретарь, власть которого часто выходила за рамки двора.

Королевский советник — гражданский офицер из судебных или писарей, каков бы ни был его чин в иерархии государственной службы.

Коронование — коронация французских королей, торжественный религиозный акт (традиционно происходивший в Реймсе, хотя Генрих IV довольствовался церемонией в Шартре), центральным ритуалом которого являлось помазание правителя из «сосуда с мирром», легендарного предмета, как говорят, принесенного с неба голубем в ответ на молитву святого Реми. Таким образом, коронование — это нечто большее, чем просто коронация. Его называли «восьмым таинством».

Корпорации — объединения профессиональных цехов.

Кортесы — сословно-представительные собрания в Испании и Португалии.

Кроканы — бедняки, жившие в сельской местности. Так назывались мятежники юго-востока Франции начиная с 1594 года.

Cujus regio, ejus religio — «Чья страна, того и вера». Подданные естественным образом должны были исповедовать религию своего правителя. Эта формула, возникшая в Германии в середине XVI века, употреблялась во времена Людовика XIII по всей Европе. С этой точки зрения веротерпимость, признанная Нантским эдиктом, выглядела исключением из правила.

Курфюрсты — сановники Священной Римской империи, составлявшие корпус, который избирал императора. Их было семь: архиепископы Майнца, Кельна и Трира, король Чехии (Габсбург), пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский

(Гогенцоллерн), в 1623 году к ним добавился восьмой курфюрст, герцог Баварский (Виттельсбах).

Л

Лазаристы — священники Миссии; орден лазаристов был создан Винцентом де Полем 17 апреля 1625 года, утвержден папой в 1632 году. Преследовал двойную цель: внутреннее миссионерство, а также создание семинарий и руководство ими.

Левант — восток, в основном для моряков. В плаваниях в Левант особую роль играли галеры. Города Леванта являлись торговыми портами в восточном Средиземноморье.

Либерал — щедрый человек.

Ливр — турецкий ливр, предок современного франка, примерно соответствует 7 нынешним евро.

Лицензиат — бакалавр, которому разрешено чтение лекций в зарубежных университетах до получения ученой степени.

Люди короля — главные члены прокуратуры: прокуроры и генеральные адвокаты, прокуроры и королевские адвокаты.

Лютеранство — Изначальный протестантизм, вытекавший из знаменитого протеста Мартина Лютера против индульгенций (1517). Лютер перевел на немецкий язык Библию. Его доктрина, сформулированная Филиппом Меланхтоном в «Аугсбургской исповеди» (1530), гораздо ближе к католицизму, чем кальвинизм.

М

Мадам Руаяль («королевская») — так называли Кристину — или Кретьенну — Французскую, сестру Людовика XIII, супругу Виктора-Амедея I, герцога Савойского (правил в 1630–1637), напоминая, что она была дочерью Генриха IV и супругой князя, облеченного королевской властью. Действительно, герцоги Савойские в конце XV века на протяжении нескольких лет владели титулом королей Кипра.

Мадригал — небольшое лирическое стихотворение любовного содержания из трех строф, соединенных общими приемами стихосложения.

Мантия — речь идет о тоге или платье, в которое одевались судьи. Мантия также означает происхождение (например, дворянство мантии, то

есть полученное на судейской службе), обязанности или среду (например, «Мантия часто завидует Шпаге»). В XVII веке мантия означала любую гражданскую службу, включая перо.

Маркиз — маркиз являлся дворянином, главой фамилии (или, как минимум, ее ветви), которой король даровал в маркизат землю, или владельцем земель одного из своих предков по прямой линии. Это был модный титул — достаточно вспомнить маркиза де Ришелье, старшего брата кардинала, персонажа знаменитых сказок Перро маркиза Карабаса и маркизов, которых высмеивает Мольер, — фальшивых маркизов, на самом деле простых дворян или буржуа, маркизов без титула и без земли.

Марраны — евреи Испании и Португалии, насильственно обращенные в католичество. Многие марраны достигали высокого положения и нередко вступали в брак с представителями знатных и состоятельных испанских родов.

Маршал боевой — должность или обязанность офицера, который, как приписывает его титул, помогает руководить армией во время сражения. Боевой маршал обладал также властью над военными прево и их помощниками.

Маршал полковой — первое звание генерала в сухопутной армии.

Маршал Франции — высокий армейский чин, офицер короны.

Мезальянс — неравный брак, например, когда дочь герцога выходит замуж за мелкопоместного дворянина; брак дворянина и булочницы, брак нотариуса и служанки и т. п.

Мелкий дворянин — мелкое провинциальное дворянство. См. *Мелкий помещик*.

Мелкий помещик — мелкое провинциальное дворянство. См. *Мелкий дворянин*.

Меритократия — власть, основанная на заслугах; правление наиболее достойных в интеллектуальном, моральном и других отношениях.

Места безопасности — См. *Безопасность*.

Месье — титул старшего брата короля.

Милосердие — церковное выражение Божьей доброты; богословское условие спасения верующих. Самым знаменитым богословом в области милосердия считался святой Августин. Августинианство породило множество контроверз на всем протяжении XVII века. См. *Янсенизм*.

Милостивый мир в Але — этот текст, подписанный Людовиком XIII 27 июня 1629 года, положил конец последней религиозной войне во Франции. Он подтверждал статьи Нантского эдикта по поводу свободы вероисповедания и даровал амнистию протестантам (по крайней мере в

теории), но король потребовал разрушения замков и крепостей, занятых протестантами, что положило конец режиму мест безопасности. Несмотря на его ограничения — и при том, что его заключение не означало возможное аннулирование Нантского эдикта, — Алесский мир даровал протестантам период веротерпимости. Партия протестантов стала победительницей, протестантизм сохранился как политическая сила.

Министр — так называли протестантского пастора. В широком политическом значении министром называли государственного секретаря. Однако в узком смысле настоящим министром (или государственным министром) был тот, кто избирался сувереном, дабы заседать в Совете.

Миссионеры внутренние — занимались проповедованием и обращением, появились при царствовании Людовика XIII в рамках воинствующей Контрреформации. Во Франции миссионеры пытались обратить протестантов в католичество. Таков случай иезуита Жана-Франсуа Режиаса (ум. в 1640 г.), «апостола из Виваре». Также речь шла о преодолении равнодушия к вере, порожденного религиозными войнами, недостатком священников или их некомпетентностью. Так было в Бретани, где Мишель де Ноблез, а затем блаженный Жюльен Монуар множили народных миссионеров. Винцент де Поль со своими лазаристами, Бурдуаз, ораторианцы (со святым Жаном Эдом), капуцины и иезуиты, а позднее эвдисты соперничали друг с другом в религиозном рвении.

Миссионеры дальние — в Риме 6 января 1622 года Григорий XV создал конгрегацию *de propaganda fide* (для пропаганды веры), призывавшую проводить христианизацию во всем мире. Иезуиты и капуцины были самыми многочисленными миссионерами. Миссионерская Франция во времена Ришелье сосредоточила свои усилия на Канаде, в которой она насчитывала множество мучеников, жертв ирокезов.

Молинисты — слово образовано от фамилии испанского иезуита Молины. Богословы, в рассуждениях и размышлениях по поводу милосердия Господа уделявшие слишком много внимания свободной воле христианина, рискуя впасть в пелагианство.

Монархия — политический режим, заключающийся в единоличном правлении. Монархия, таким образом, являлась синонимом царствования.

Монархия абсолютная — монархия совершенная, но не безграничная. Не стоит путать это выражение с «монархией божественного права», поскольку история знает примеры абсолютной монархии, отрицающей всякое упоминание о божественном праве (пример — Фридрих II, король Пруссии, в XVII веке).

Монашество — социальная религиозная группа, члены которой

принимают на себя ряд обязательств: в первую очередь «уход из мира»; как правило, отказ от имущества; безбрачие; разрыв старых родственных и социальных связей; подчинение суровой дисциплине. Для монаха обязательно выполнение правил и устава монастыря. Существовало множество монашеских орденов: бенедиктинцы, францисканцы, цистерцианцы, картезианцы, капуцины и др. Они составляли черное духовенство.

Монетный суд — верховный суд с 1552 года, занимался выпуском монет из драгоценных металлов.

Мушкетеры — мушкетеры в военной свите короля были сравнимы с драгунами в регулярных войсках; элитные кавалеристы, способные быстро перемещаться и сражаться верхом. Первая рота мушкетеров охраны была создана в 1622 году. Их ссоры, драки и дуэли с ротой гвардейцев Ришелье вдохновили Александра Дюма на создание знаменитого романа.

Мэр — «Так называют теперь первого офицера города, председательствующего над эшевенами» (Фюретьер). В эпоху Людовика XIII были пожалованы дворянством мэры Анжера, Ангулема, Буржа, Ниора, Пуатье, Тура. Из-за протестантских войн этой привилегии были лишены мэр Сен-Жана-д'Анжели (27 мая 1621 г.) и мэр Ла-Рошели (ноябрь 1628 г.). В Париже и Лионе глава города назывался не мэром, а городским прево.

Н

Налог, взимающийся сеньором при переходе имущества от одного ленника к другому — см. *Сеньориальное право*.

Непотизм — (от лат. nepos, род. падеж nepotis — внук, племянник) раздача римскими папами ради укрепления собственной власти доходных должностей, высших церковных званий и земель, своим родственникам (прежде всего сыновьям и племянникам); был распространен особенно широко в XV–XVI веках; слово стало нарицательным и употребляется как синоним «кумовства».

Низший офицер — унтер-офицер.

Нотабли — представители трех сословий (духовенства, знати и третьего сословия), избираемые королем и призываемые им на «ассамблеи», чтобы уведомлять их о тех или иных реформах. Менее нервные и недоверчивые, чем депутаты Генеральных штатов, нотабли часто демонстрировали — особенно в 1626 году, — что соблюдают

государственные интересы.

Нунций — папский посол.

О

Области, где налоги распределялись выборными лицами, — провинции с финансовыми округами, где действовало общинное право в области налогов.

Обязанность — служба. См. также *Должность*.

Обязанность пользоваться за плату мельницей или печью феодала — сеньориальное право на переработку урожая. Цензитарии должны были пользоваться мельницами, печами и прессами сеньора. Эти мельницы, печи и прессы назывались общинными.

Одинокие бойцы — разведчики, в основном добровольцы.

Округа — округами империи называли «различные провинции и княжества империи, имевшие право проводить сеймы. Пример: округ Бавария» (Фюретьер). «Армии округов» действовали совместно с войсками венских Габсбургов и имперцами.

Ораторианец — член Французской оратории, конгрегации мирских священников, основанной в 1611 году будущим кардиналом Берюлем. Оратория распространяла духовность французской школы, организовывала приюты, создавала семинарии и множество коллежей, соперничавших с коллежами иезуитов.

Орден Святого Духа — см. *Королевские ордена*.

Орден Святого Михаила — рыцарский орден, учрежденный Людовиком XI в 1469 году. Слишком часто раздаваемый, он обесценился, когда Генрих III учредил параллельный орден Святого Духа.

Ордонансы — важные королевские акты (например, кодекс Мишо 1629 года), а также королевские грамоты.

Оскорбление Величества — понятие оскорбления Величества, происходящее из античного Рима, было перенято в Средние века французскими законоведами и объединяет все оскорбления против короля, его семьи, его дома, его приближенных и его суверенных прав. Этот вид оскорбления в конце XVI века определял «оскорбление Его Величества первой степени». При Людовике XIII юрисконсульты и судьи, искусно направляемые Ришелье, разработали «оскорбление Его Величества второй степени». Отныне сюда включили не только исключительно физические оскорбления короля и его изображения или преступления против

государства, но также покушения на членов Совета, заговоры против генералов армии, губернаторов провинций и т. п. В ту же эпоху распространяется двусмысленное и смущающее понятие «божественного и человеческого оскорбления», которое, под предлогом искоренения ереси, святотатства и богохульства, «сплавляет воедино все покушения — политические, религиозные и моральные» (Ж.-М. Карбас), а также преступления против Господа, монархии и божественного права. Это добавило законности абсолютному характеру королевской власти.

Основные законы (или законы королевства) — во Франции представляли собой основной свод кутюмов королевства. Они касались королевского имущества (теоретически неотчуждаемого) и особенно передачи прав владения короной (так называемый «салический закон»). Генеральные штаты 1614 года требовали добавить к ним «закон о независимости», заявляющий о суверенитете короля от папы и императора. Король не имел права ни покушаться на основные законы, ни издавать тексты (королевские законы), противоречащие их духу.

Откуп — экономическая система, при которой государство передавало налоговым откупщикам заботу о сборе не прямых налогов (податей и пошлин, налога на государственное имущество, налога на соль и т. д.).

Откупщик — финансист, гарантирующий «соглашение», касающееся данного в откуп налога. Дворяне Филипп де Куланж, Поле и др. были откупщиками.

Отшельники — в абсолютном смысле это слово означало отшельников Пор-Рояля, мирских богомольцев, которые, подражая Антуану Леметру, удалялись от мира, дабы думать о своем спасении.

Офицеры — это слово, сегодня в основном относящееся к армейским кадрам (существуют также офицеры полиции, министерские офицеры и т. д.), раньше означало в девятнадцатом столетии случаи из ста агентов общественной службы. Практически все они занимали одну должность, в основном покупную. Только несколько высших сановников и комиссаров были, как мы говорим сегодня, безвозмездными исполнителями.

II

Палаты эдикта — особые палаты, которые на основании Нантского эдикта объединяли католические и протестантские магистраты. Они были созданы, несмотря на колебания парламентов, для покровительства подсудным протестантам, дабы к ним не относились пристрастно.

Парижский парламент — введенный в XIII веке, парламент был весьма значимым судом, округ которого занимал около четверти королевства, и важнейшим политическим органом. Имея привилегию регистрировать королевские законы, он задерживал исполнение наказаний, давая возможность подсудимому воспользоваться его правом на ремонстрацию. В 1648 году он временно станет парламентом на английский манер, зачатком Фронды.

Парламент — верховный суд, имеющий, кроме того, право и привилегию регистрировать королевские акты. Говоря «парламент», имеют в виду парижский парламент, но были также парламенты в Тулузе, Эксе, Бордо, Дижоне, Гренобле, Меце (с 1633 г.), По, Ренне, Руане.

Пастырское послание — приказ духовного лица. В каноническом праве — указания епископа своему духовенству и/или своей пастве.

Пелагианство — учение христианского монаха Пелагия (ок. 360 — после 418). В противовес концепции благодати и предопределения святого Августина, делало акцент на свободе воли человека, подчеркивало его собственные внутренние возможности в достижении нравственного совершенства и «спасения», отрицая наследственную силу греха. Осуждено как ересь на Третьем Вселенском соборе в Эфесе (431).

Первый (месье) — титул первого конюшего, важного начальника королевской службы.

Перевал — наиболее низкое и доступное место в гребне горного хребта между соседними речными долинами. Служит местом наиболее легкого и удобного перехода через хребет из одной долины в другую, например, Сузский перевал.

Перо — «людьми пера» называли государственных секретарей и их подчиненных, следователей, интендантов — гражданских и военных — и их подчиненных, военных комиссаров и т. п. Правление и политика Людовика XIII были посвящены профессиональному продвижению людей пера.

Пистоль — десять ливров (десять франков).

Подать — один из самых тяжелых и непопулярных прямых налогов. В Северной Франции знать и некоторые носители привилегий не платили *персональную подать*. На юге *действительная подать* налагалась на всех владельцев недворянских земель. Подать налагалась на ценные металлы, железо, мыло, масло, вино и т. д.

Подставной солдат — фальшивый солдат, занимавший чужое место на смотре.

Пожалование дворянства — дарование привилегий наследственного

дворянства. пожалование дворянства являлось королевской прерогативой. На это имел право лишь король Франции, или напрямую — грамотой, или опосредованно, когда предоставлял в распоряжение честолюбивого и удачливого простолюдина дворянские должности. Не стоит путать пожалование дворянства и жалование дворянства.

Полевая подать (шампар) — натуральный оброк крестьянина своему сеньору.

Полепта — слово, образованное от имени финансиста Поле, означавшее «ежегодное право», налог, выплачиваемый королю должностным лицом. Он появился в 1604 году и облегчил переход от покупки должностей к их наследованию. Таким образом, офицер получил право выбирать своего наследника или покупателя своей должности.

Полномочное правосудие — представляло как бы совокупность королевского правосудия (залог разделения юридической власти при независимости, усугубленной продажностью и наследственностью многочисленных должностей). Суд бальи, гражданские и уголовные суды, финансово-податные округа, солевые амбары, парламенты, другие верховные суды, Королевский Совет и другие суды, управлявшиеся канцлером, действовали ежедневно от имени короля и государства.

Получатель комменды — бенефициарий некоей «комменды». Это мирянин, получающий доходы какого-нибудь аббатства, но не облеченный духовной властью, сохраненной за аббатом-монахом.

Поручение — временно назначаемая и отзываемая должность. Например, хранитель печати, хотя и являлся высшим должностным лицом при короле, был должностным лицом по поручению.

Посещение — официальный визит с целью административного контроля. Например, часто устраивались посещения подчинявшихся королевской комиссии офицеров, рассматривавших жалобы.

Потеря в правах — потеря дворянского звания с целью получения возможности заниматься профессиями, несовместимыми с дворянством (розничная торговля, ремесленничество, низкие должности и т. п.). В моральном смысле потеря достоинства и потеря лица.

Право — правила, подразумевающиеся (естественное право) или буквальные (позитивное право) в отношениях между людьми. Франция Людовика XIII была правовым государством.

Право божественное — «право, начертанное и установленное Богом» (Фюретьер). Король является сувереном по божественному праву, согласно святому Павлу, ибо «нет власти, не идущей от Господа» («Послание к римлянам», XIII, 1).

Право гражданское — см. *Право частное*.

Право естественное — моральные максимы, основанные на здравом смысле и, следовательно, обязательные, важнейшие и непреложные. Они были общими и для христиан, и для язычников.

Право каноническое — совокупность законов церкви.

Право частное — законы и правила, применимые к частным лицам.

Право народное — на латыни народ обозначается словом «нация». Так называлось право естественное или межгосударственное (например, неприкосновенность послов) или их сочетание.

Право общинное — «повседневное право», в основном применяемое в повседневной жизни. Привилегии были исключением.

Право обычное — право, управлявшее провинциями Севера (Бретанью, Нормандией, Пикардией, Парижем и др.). Его продолжали так называть, хотя обычаи уже были записаны и кодифицированы.

Право письменное — юридические законы, вытекающие из римского права и сохранившиеся в средиземноморских провинциях, например, Лангедоке.

Право публичное — законы и права, касающиеся государства. Основные законы, сборник основных законов Франции, направляли французское публичное право.

Право римское — см. *Право письменное*.

Право феодальное — юридические законы, применимые к отношениям между сеньорами и вассалами, особенно в феодах.

Прево — многозначное слово (городской прево, главный прево и т. д.). Когда говорили коротко «прево», то, как правило, имелся в виду прево маршалов. Он был офицером юстиции и полиции, занимался прево-тальными делами, осуществляя со времен Франциска I достаточно скорое и эффективное правосудие в провинциях.

Прево городской — офицер полиции и юстиции, занимавшийся быстрым и эффективным решением прево-тальных дел.

Прево Парижа — знатное лицо, номинально ответственное за трибунал Шатле.

Предопределение — предварительный и окончательный выбор будущих избранников Божьих (верящих, что они предназначены Небу). Кальвин, опираясь на святого Августина, создал принцип «двойного предопределения». В этом случае кому-то из людей было предопределено спастись, а кому-то погибнуть.

Предсмертное причастие — название причастия, даваемого умирающему.

Пресвитерианство — см. *Кальвинист*.

Прибрежье — морские берега в портовой зоне.

Privado — испанское слово, «фаворит какого-нибудь правителя, не обязательно короля» (Фюретьер).

Привилегии — преимущества, предоставленные их получателю за рамками общинного права. Эти преимущества могли быть почетными (место по рангу и т. п.), полезными (освобождение от налогов) или почетными и полезными одновременно. Привилегиями пользовалась не только знать. Слово «привилегия» не всегда имело пренебрежительную окраску, часто оно было синонимом слова «свободы» (во множественном числе).

Привилегированные — институты или лица, которые пользовались почетными или налоговыми преимуществами, дарованными или признанными королем. Знать имела привилегии, но не была исключительным их пользователем.

Примас — архиепископ, обладающий высшей духовной юрисдикцией над епископами страны.

Примирение — дружеское прекращение ссоры.

Принц (Месье) — прозвище принца Конде, первого принца крови.

Принцы законные — так называли незаконнорожденных детей королей Франции после их признания. Они занимали промежуточное место между принцами крови (имевшими право наследовать корону) и герцогами и пэрами. Законными принцами были Орлеан-Лонгвили (восходящие к «бравому Дюнуа»), граф д'Овернь (незаконнорожденный сын Карла IX), граф де Море и Бурбон-Вандомы (их отцом был Генрих IV).

Принцы крови — титул, применимый к кузенам Его Величества, законно восходящим по мужской линии к Гуго Капету. Принц Конде и его сын герцог Энгиенский были принцами крови.

Принцы иностранные — так называли нескольких герцогов (Рогана, герцога Лотарингского и др.), чьи предки были суверенами.

Провинция — в узком смысле провинциями считались церковные провинции государства, возглавляемые архиепископами. Военные провинции назывались губернаторствами, провинции интендантского ведомства — финансовыми округами. В противоположность двору и городу слово «провинция» слишком часто имело презрительное значение. Об этом свидетельствуют «Всеобщий словарь» Фюретьера, романы и комедии.

Провинции, обладавшие самоуправлением, — провинции, управлявшиеся провинциальными штатами, особенно в плане сбора

налогов. Это были главным образом Лангедок и Бретань.

Провизор — надзиратель, смотритель.

Произношение — в эпоху Людовика XIII некоторые слова — особенно фамилии и названия земель — полностью изменились из-за укороченного произношения. Суэкур произносился как Сокур. В некоторых случаях полностью изменилась орфография слова (имя епископа Коспо стало произноситься и писаться как Коспеан). Иногда превращение невозможно было объяснить: писалось и произносилось Крамай, а не Кармен. То же стремление к краткости изменило порядок произнесения фамилий и названия областей: де Морне дю Плесси превратился в Дюплесси-Морне; граф д'Амбуаз де Бюсси — в Бюсси д'Амбуаз, Ле Вайе де Ла Мотт — в Ла Мотт Ле Вайе.

Прозвище — см. *Кличка*.

Прокурор — рабочий сотрудник суда, следящий за процедурой; позднее он стал стряпчим.

Прокурор королевский — глава судей и адвокатов в королевском суде.

Прокурор генеральный — глава судей и адвокатов в парламенте или другом верховном суде.

Простолюдин — недворянин.

Протестант — в узком смысле лютеранин; в широком смысле любой сторонник Реформации.

Проходы — «укрепленные места», завоеванные или предназначенные для завоевания иностранной страны — например, Пиньероль в Пьемонте или Брейзах в империи. Они должны были защищать границы Франции, а также способствовать наступательной политике за ее пределами.

Пэры — см. *Герцоги* и *Суд пэров*.

P

Раскаяние — сожаления или угрызения совести согрешившего христианина, сознающего свою ошибку. Полное раскаяние является настоящим раскаянием, то есть раскаянием согрешившего пред Господом и решившего исправиться.

Регалия — важное королевское право, благодаря которому французский король получал доходы от вакантных епископских должностей.

Регализм — королевские прерогативы в отношении церкви.

Реформа — в переносном смысле означает реформу протестантов,

проведенную Мартином Лютером в 1517 году и получившую название *Реформация*. Реформацию поддержала практически вся Северная Европа от Шотландии до Швеции и Бранденбурга. Тремя основными течениями Реформации были лютеранство, кальвинизм (преобладал во Франции, Голландии, Женеве и Пфальце) и англиканство.

Реформисты — другое название кальвинистов, то есть во времена Ришелье, протестантов Франции. В XVII веке государство называло их «слывущими реформистами». Их также называли людьми «той религии». Католический люд называл протестантов гугенотами или «безбожниками».

Р.С.Р. — эта официальная аббревиатура выражения «религия, слывущая реформистской», свидетельствовала о враждебности и презрительном отношении короля и государства к кальвинизму и кальвинистам. Она использовалась вплоть до революции.

С

Салон — «Альков или иное украшенное место, в котором дамы принимали своих посетителей либо в постели, либо сидя в кресле» (Фюретьер).

Самоуправство — самоуправство короля вызвано его положением арбитра, а не его прихотью. Самоуправство судей подчеркивает, что эти магистраты не были приверженцами строгой системы наказаний, как это вменяет им в обязанность современное законодательство.

Сатисфакция — «Извинение, удовлетворение, вознаграждение» (Фюретьер). Сатисфакция могла освобождать от дуэли или вендетты.

Свободы — название коллективных привилегий провинций, корпораций, городов или цехов.

Святотатство — осквернение какой-либо священной или посвященной Богу вещи или персоны. Религиозные войны породили многочисленные святотатства в обоих лагерях.

Священная Римская империя — средневековая держава, продолжательница Западной Римской империи, теоретически включавшая в себя кроме Германии Чехию, Северную Италию, Франш-Конте, Нидерланды, Лотарингию и даже швейцарские кантоны, но раздробленная на отдельные владения. Империя включала в себя семь курфюрств и более трехсот мелких государств (ландграфств, герцогств, епископств и т. п.), не считая вольных городов (Любека, Регенсбурга и др.). Эльзасский декаполис, например, объединял десять маленьких городов империи.

Габсбурги не являлись автоматическими — а еще менее наследственными — германскими императорами. Суверенитет императора ограничивался властью имперского сейма. Религиозные проблемы и Тридцатилетняя война еще больше ослабили власть Австрийского дома.

Святоша — «Тот, кому нравится служить Богу, пылкий богомолец» (Фюретьер). Настольной книгой набожных людей во времена Людовика XIII было «Вступление в святую жизнь» (1609) святого Франциска Сальского. «Партия святош» — религиозная и политическая — возглавлялась Берюлем (ум. в 1629 г.), а затем Сен-Сираном (ум. в 1643 г.).

Сейм — политическая ассамблея. Польский сейм избирал своего короля. Имперский сейм — проводимый императором, например в Регенсбурге, — был «необходим императору для всех основных постановлений его правительства, начала войны и заключения мира, повышения налогов, издания законов» (Ж.-Ф. Ноэль). Он состоял из трех коллегий: коллегии курфюрстов, коллегии князей (включая графов и прелатов) и коллегии городов.

Секретари государственные — четыре государственных секретаря возглавляли четыре ведомства. Вместе с канцлером и сюринтендантами финансов они занимали места в правительстве. Назначаемые королем, они, с одной стороны, платили за свою должность налоги, с другой стороны, были сменяемы. Основные ведомства занимались военными и иностранными делами. При Людовике XIII государственные секретари становятся лучше подготовленными и переходят в разряд высших должностных лиц короны. В 1616 году епископ Люсона стал государственным секретарем по поручению, не заплатив за должность даже налога.

Секретари королевские — офицеры канцелярии. Они дорого платили за свою должность, бывшую настоящей синекурой, но приносящую дворянство по прошествии двадцати лет или в случае смерти на службе. Не следует путать королевского секретаря с королевским советником, государственным советником или государственным секретарем.

Семинарии — заведения, появившиеся благодаря Тридентскому собору и предназначенные в католической церкви для образования священников. Три человека — Винцент де Поль, Бурдуаз и Олье — создали три модели семинарии. Ришелье также создал семинарию в своем диоцезе, а позднее поддержал инициативу Винцента де Поля.

Сенешальство — синоним суда бальи.

Сеньория — «территория в собственности» (Луазо), основной пережиток старинной феодальной системы. Сеньория была реальностью

территориальной (сеньор с помощью своих офицеров ценза собирал налоги или шампар с цензитариев), а также юридической и административной (сеньориальные суды играли будущую роль мировых судов). Ришелье смог уменьшить их важность в пользу королевских судов.

Сеньориальные права — некоторые были *почетными*, потворствовавшими сеньору и иногда возмущавшими народ. Таковы были право на охоту, право на обладание голубятней, приходские и погребальные почести. Другие были *полезными (льготными)*: ценз, полевая подать, налог, взимающийся сеньором при переходе имущества от одного ленника к другому, обязанность пользоваться за плату мельницей или печью сеньора, считавшиеся анахроничными (что соответствовало истине) и слишком тяжелыми (с тех пор как королевская налоговая система взяла это на себя).

Сеньориальное правосудие — права на суд (разрешение важных дел и вынесение смертных приговоров, разрешение дел средней степени важности и разрешение мелких дел), принадлежащие сеньору, который вверял свои полномочия офицерам. Тем не менее королевская власть стремилась сократить его значимость (см. *Превотальные дела и Королевские дела*). Сеньориальное правосудие сохранилось до Французской революции.

Серое преосвященство, или Серый кардинал — прозвище, данное капуцину Франсуа Жозефу Ле Клерку дю Трамбле, или отцу Жозефу Парижскому, дипломатическому агенту Ришелье.

Синод — собрание, национальное (во времена правления Ришелье их было три) или провинциальное, депутатов от реформистских приходских церквей. Синод собирался с позволения короля и проходил под контролем комиссара королевской власти.

Скряга — скупец. Противоположность либералу (щедрому).

Скудный достаток — прожиточный минимум, определенный королем для достойной оплаты кюре и викариев.

Следователь — офицер, точно именуемый «следователем по королевским делам». Он выбирался из числа молодых судей парламента или других верховных судов и являлся главным администратором современного типа. Следователи служили в Совете, их выбирали на должности интендантов. Обычно заканчивали карьеру в чине государственного советника.

Смешная история — «шутка, ловкий оборот речи» (Фюретьер). Также название битвы у Пон-де-Се (7 августа 1620 г.), когда Людовик XIII одержал победу над маленьким войском своей матери.

Смотр — смотр войск.

Собор — собрание епископов, обсуждающих и уточняющих пункты веры, мораль или налагающих дисциплинарные взыскания. Существовали региональные и национальные соборы. Вселенским собором называлось собрание епископов всего христианского мира. Первый собор состоялся в 325 году в Никее. Контрреформация была порождена, начата и руководима знаменитым Тридентским собором (1545–1563), который протестанты сочли слишком римским или средиземноморским, чтобы считать его вселенским.

Совершеннолетие — подданные короля становились совершеннолетними в 25 лет; сам король считался совершеннолетним в 13 лет.

Совет — в абсолютном значении означает Королевский Совет.

Совет королевский — основная часть французских институтов при монархии. Капетинги считали, что король должен править «с помощью Большого совета», то есть не по своему разумению, а консультируясь с опытными советниками. Совет мог быть совокупностью институтов, или одной из его специализированных ветвей (например, совет веры), или, наконец, советом по делам, узким советом или тайным советом, членами которого являются так называемые министры или государственные министры. Подобное устройство, все еще довольно неустойчивое, являлось зачатком коллегиальной системы, начавшей функционировать с 1661 года.

Соляной амбар — судебный орган, касающийся налога на соль и контролирующий запасы соли. Апелляции на его решения подавались в высший податный суд.

Сорбонна — знаменитая богословская школа, основанная в Париже в 1253–1257 годах Робером Сорбоном, духовником Людовика Святого; до революции богословский факультет Парижского университета.

Сословия — во Франции существовало три сословия: духовенство, знать (или второе сословие) и третье сословие, представлявшие как на Генеральных штатах — например в 1614 году, — так и на провинциальных штатах. На деле представителями третьего сословия всегда была буржуазия.

Ступень — поколение. См. *Колена и ступени*.

Суверенитет — верховная власть монарха. Был определен в 1576 году Жаном Боденом («Шесть книг о республике»), уточнен Карденом Ле Бре в 1632 году («Трактат о суверенитете короля»). Боден писал: «Никто не может быть сувереном в государстве, кроме одного человека». Ле Бре декларировал, «что король является единственным сувереном в своем королевстве и что суверенитет так же неделим, как точка в геометрии».

Результатом этого стала французская абсолютная монархия.

Суд бальи — трибунал высокой инстанции и ведомство этой инстанции.

Суд пэров — парламент также являлся судом пэров. Церковные или мирские пэры собирались в нем на заседаниях парламента или чтобы судить одного из них.

Судебные палаты — королевские судебные палаты, созданные, по-видимому, Карлом VII и «по своему усмотрению формируемые королем, часто с членами Большого совета, парижского парламента или провинциальных парламентов» (Ж. Барбей). Собирались, когда монарх питал недоверие к медлительности или излишней независимости своего уполномоченного суда. Судьи судебных палат назначались по поручению, эти палаты относились к королевскому суду. Подобные палаты судили Шале в 1626 году, маршала Марильяка в 1632 году, Сен-Мара в 1642 году.

Схоластика — школа и аристотелевская традиция умозрительного богословия. Основной характер схоластического философствования заключается в том, что придает чрезмерное значение некоторым общим понятиям, а за ними и означающим эти понятия словам, так что в результате пустая игра понятиями и словами заступает место действительного исследования природы и фактов. Прежде всего схоластика ссылается на святого Фому Аквинского. Поддерживаемая иезуитами, она была оспорена Декартом, августинским и янсенистским течениями.

Счетная палата — верховная палата, занимавшаяся контролем за управлением государственной собственностью. Парижская счетная палата — самая старинная и самая важная.

Сюринтендант — название владельцев некоторых очень значительных административных должностей (людей пера). Существовал сюринтендант зданий (эту должность занимали Сюлли в 1602 году и Сюбле де Нуайе в 1638 г.). В 1626 году Ришелье стал грессмейстером, главой и главным сюринтендантом навигации. Но когда используют название «сюринтендант» в абсолютном смысле, речь идет о сюринтенданте финансов.

Сюринтендант финансов — ответственный за экономику, финансы и налоги, сюринтендант являлся одним из самых влиятельных министров; более важным, чем канцлер, если последний не обладал яркой индивидуальностью. Во времена правления Ришелье было шесть сюринтендантов; то по одному — Ля Вьевиль с 1623 по 1624 год, д'Эффия с 1626-го до своей смерти в 1632 году, то по двое — Бошар де Шампиньи и Марильяк в 1624-м, Бульон и Бутилье в 1632 году. Как ни парадоксально,

самым знаменитым сюринтендантом финансов этой эпохи был Сюлли (1598–1611), «сюринтендант на деле, но не по праву» (Б. Барбиш).

Т

Таинство — все христиане вслед за святым Августином определяли таинства как обряды, приобщающие верующих к божественной благодати. Католики, укрепленные решениями Тридентского собора, признавали семь таинств: крещение, миропомазание, исповедь, причащение, соборование, священство (посвящение в священнослужители) и церковный брак. Реформисты признавали только два таинства: крещение и причащение. Англиканская церковь добавляла к ним церковный брак.

Тайная война — в XX веке то, что Ришелье называл «тайной войной» (заклучавшейся в политическом обмане противника, в открытом или тайном субсидировании врагов вышеозначенного противника, в подготовке политических, военных и материально-технических условий к возможной «открытой войне»), появилась вновь. Такие силовые отношения стали называть «холодной войной». В 1635 году Людовик XIII и Ришелье отказались от войны *тайной*, взяв на себя риск развязать войну *открытую*. Война против императора, и империи продлится до 1648 года; война против Испании — до 1659 года.

Почетная гвардия — конные солдаты, разделенные на четыре роты (по 100 человек в каждой) и составлявшие элиту военной свиты короля. Их офицеры назывались «офицерами почетной гвардии».

Tercio — испанское слово, боевая единица, «объединяющая три категории военных. Синоним лучших испанских войск» (Б. Бенассар). При Рокруа герцог Энгиенский наголову разгромил такие войска.

Терпимость — обычно используется в смысле «терпеть», значит «сносить боль», за исключением случаев, когда говорят о веротерпимости (то есть признании существования другой религии или конфессии). Нантский эдикт и «Милостивый мир» в Але утвердили терпимость по отношению к протестантам.

Томисты — теологи, верные доктрине святого Фомы Аквинского или схоластике.

Третье сословие — широкая социальная категория «знатных буржуа» (Фюретьер). На Генеральных или провинциальных штатах они идут последними после духовенства и дворянства.

Тридентский — имеющий отношение к городу Триденту (ныне Тренто

в Италии), в основном к знаменитому Тридентскому собору (1545–1563), вдохновителю Контрреформации.

Триумвират — правление, осуществляемое тремя лицами. Правление Людовика XIII на протяжении нескольких лет знало подобный триумвират (1625–1629), когда власть делилась между королем, королевой-матерью и Ришелье.

Тюрьма — «охраняемое помещение», служащее прежде всего для временного заключения под стражей. Тюрьма была также наказанием для закоренелых должников.

Тюрьма государственная — прежде всего Бастилия и Венсенн, в которые король приказывал заключить под стражу лиц, сочтенных им опасными.

У

Ученый — «образованный человек, который много читал и видел» (Фюретьер).

Ученый либертинаж — неологизм, рожденный современной Сорбонной и неизвестный при Людовике XIII. Его недостатком является объединение атеистов (таких как Сирано) и католиков-вольнодумцев (Гассенди, Пьереск, Ла Мотт Ле Вайе и др.), не слишком верных сторонников Аристотеля, чтобы быть приверженцем «сомнительной методики» следом за Монтенем.

Ф

Фаворит — «пользующийся расположением правителя» (Фюретьер). Первая половина XVII века была эпохой фаворитов. Бэкингем в Англии, Лерма и Оливарес в Испании были фаворитами, привлеченными к власти. Невозможно также не сказать о фаворитах Людовика XIII обоих полов — Монпуллене, Барада, Сен-Симоне, Туара, Сен-Маре, Мари де Отфор, Луизе де Лафайет. Эти «сердечные фавориты», за исключением, возможно, Люиня, коннетабля и хранителя печати, не допускались на политическую арену, так же как королевские духовники.

Феод — дворянская земля, принадлежащая королю «или другому сеньору, верному и преданному», с условием оплаты некоторых прав.

Феод сановный — герцогства, маркизаты, графства, виконтства и

баронства, земли, титулованные королем.

Феодальные права — правила, ставшие редкими и анахроничными во времена Ришелье. В основном сохранялось право сеньора требовать присяги на верность и честь от нового вассала.

Фидеизм — религиозное мировоззрение, утверждающее примат веры над разумом.

Финансы — во времена Ришелье о финансах начинают говорить так же, как говорят о шпаге (обозначая военного) или мантии (в отношении судейского офицера). Финансисты взбираются по социальной лестнице. Финансистами называют собирателей налогов и податей. Когда речь идет о королевских финансах, полупрезрение уступает место некоторому почтению. На самом деле трудно с презрением относиться к главному сборщику налогов, казначею или главному военному казначею. Наконец, не стоит забывать, что часто главный налоговый офицер совмещал свои обязанности с функциями откупщика.

Финансовый округ — ведомство в компетенции интенданта.

Финансово-податные округа — королевские налоговые суды. Апелляция на их решения направлялась в высший податный суд. Один финансовый округ объединял множество финансово-податных округов.

Фортификация — искусство строительства военных лагерей, оборонительных сооружений и крепостей.

Фортуна — во времена Ришелье это слово скорее означало удачу, чем богатство.

Французские гвардейцы — эти пехотинцы образовывали полк королевского дома, созданный в 1563 году. В 1635 году этот привилегированный полк, разделенный тогда на 20 рот по 80 человек, перешел к 30 ротам по 300 гвардейцев и составил 9000 человек.

Х

Хлыщ — молодой человек, одетый элегантно, но вычурно. См. *Щеголь*.

Хранитель печати — высшее должностное лицо короны, назначаемое королем по поручению. Заменяет канцлера в случае его опалы, имеет те же функции и привилегии, но сменяем.

Ц

Ценз — ежегодный оброк с вассалов сеньора в виде недворянской земли, которую он использует.

Цензитари — анахроничный термин, означавший налогоплательщиков, плативших ценз.

Ч

Четверть — четверть ливра или четверть от ста (то есть двадцать пять).

Ш

Шляпа — «так называемый знак церковного сана, основное отличие кардинала» (Фюретьер).

Шатле — Парижское превоство, гражданский и уголовный суд, самый крупный суд в Европе. Его главными офицерами были: прево города Парижа, королевский судья по гражданским делам (исполнявший роль первого судьи) и королевский судья по уголовным делам.

Шарантонцы — парижские протестанты из приходской церкви Шарантона.

Шпага — признак военного дворянина. Различали дворянство шпаги и дворянство мантии.

Штатгальтер — военачальник голландской армии, ставший из соображений престижа Оранж-Нассауского дома разновидностью наследственного монарха во главе республики Соединенных провинций (Северных Нидерландов).

Штаты Генеральные — собрание по приказу короля представителей трех сословий — духовенства, дворянства и третьего сословия. Ришелье прославился речью на Генеральных штатах 1614 года.

Штаты провинциальные — за неимением собрания Генеральных штатов в период с 1614 по 1789 год, провинциальные штаты, представлявшие сословия более низкого уровня, позволяли власти узнавать о жалобах подданных. Самыми крупными были провинциальные штаты Бретани и Лангедока. Они принимали или не принимали «бесплатный дар».

Щ

Щеголь — разодетый и надушенный хлыщ.

Э

Эдикт — королевский акт, подписанный монархом, заверенный государственным секретарем и предложенный парламенту для утверждения. Тема эдиктов в основном более важная и более широкая, чем темы королевских грамот.

Эдикт Нантский — знаменитый королевский акт, подписанный Генрихом IV. Символизировал примирение с реформистами, давал гугенотам свободу вероисповедания и богослужения, гарантирующуюся большим числом «безопасных мест» и присутствием протестантских судей в некоторых верховных судах, Нантский эдикт установил временный статус веротерпимости. Веротерпимость будет подтверждена в 1629 году «Милостивым миром» в Але.

Эшеваны — муниципальные офицеры, предшественники современных муниципальных советников.

Я

Ягдташ — сумка для дичи. Пьер де Ла Порт называл Исаака де Лаффема, сурового исполнителя приказов Ришелье, «Большой Ягдташ Франции».

Язычество — сложно обсуждать язычество французских деревень времен Людовика XIII, даже до миссионерства Ле Ноблеза или святого Жана Эда, но это слово достаточно хорошо определяет смесь отхода от христианства с суевериями, затруднявшую деятельность миссионеров.

Январское солнце — так называли деятеля, не обладавшего большой оригинальностью или властью.

Янсенизм — богословская доктрина, заимствованная у святого Августина Гиппонского Янсением, епископом Ипра (Испанские Нидерланды), умершим в 1638 году, автором «Августина» (1640), сочинения позитивного богословия, осужденного Римом в 1653 году. Янсенизм процветал во Франции и всем христианском Западе на

протяжении двух веков. Вслед за святым Августином он акцентировал внимание на ничтожестве человека без Бога и на всемогуществе деятельного милосердия и божественного предопределения.

notes

Примечания

1

Здесь и далее непонятные слова поясняются в глоссарии.

Пер. В. Эрлихмана.

Пер. В. Васильева.

Например, у Марейоля, Пьера Шевалье, Мишеля Кармона и даже Жозефа Бержена.

Ролан Муснье пишет о «настоящих дворянах, происходящих от военной знати». Виктор Тапье упоминает «то среднее дворянство, которое надеялось закрепиться при дворе».

6

Год, когда король произвел кардинала в герцоги и пэры.

Соваж (sauvage) — «дикарь» (фр.).

Придворные почести позволяли садиться в королевские экипажи и сопровождать Его Величества на охоте.

Монморанси возводят свой род к 955 году.

Род Рошешуаров ведет свое начало с 980 года.

Карьерный рост (*лат.*).

Если король случайно назначал простолюдина высшим должностным лицом при короле или при дворе, этот простолюдин тут же безоговорочно становился дворянином.

Регентство и правление королевы-матери.

Род известен с XII века, проявил себя в XIII веке.

Известный в основном как Майе-Брезе, он был одной из основополагающих фигур в истории военно-морского флота Франции.

Будущий Великий Конде, победитель при Рокруа, женившийся против своего желания.

Сиречь свой зад.

Например, человек может вообразить, что оставил в соседней комнате свою ногу.

Табурет (разрешение сидеть в присутствии Его Величества) являлся привилегией герцогинь.

Увлечшись критикой, Таллеман де Рео считал, что кардинал не побоялся пнуть Бульона и дать пощечину Кавуа (Éd. de la Pléiade, t. I, p. 304, 979). Это слишком неправдоподобно.

Имеется в виду святой, а не дурачок.

Ришелье, однако, был уверен, что Ботрю де Серран стоил в этой области «двух Берюлей».

Деяний Божьих, осуществляемых через франков (название хроники времен Крестовых походов).

В 1629–1643 годах он вместе со своим преемником, аббатом Сен-Сираном, был скорее вдохновителем, чем главой «партии святош».

«Самый великий из наших тружеников, он подарил нам мистицизм»
(Бремон).

Христианская доктрина реального присутствия Иисуса Христа в освященной гостии.

Не таков и случай Ришелье.

Главное дело (*лат.*).

Берюль, дворянин мантии, являлся двоюродным братом будущего канцлера Сегье.

Но не лицензиат или докторство.

В 1607 году Ришелье было всего лишь 22 года.

Д'Аленкура, сына министра Виллеруа.

Жозеф Бержен настаивает, что до 1619 года известен был Анри, а не Арман Жан Ришелье.

Долгое время ту же ошибку совершали в отношении Генриха III.

7 августа.

Например, он выдал свою любимую племянницу за господина Комбале, только чтобы быть замеченным всемогущим фаворитом.

Ришелье отказался от епископства 19 мая 1623 года.

Мы имеем в виду Гонди, наследовавших друг у друга епископство Парижское.

Священник без призвания не равнозначен неверующему.

18 000 ливров — это, к примеру, в 1786 году доход (в серебре, девальвированном по отношению к 1608 году) всего диоцеза Перпиньяна.

Сравнение с Павильоном (назначенным в свой диоцез в 1639 году) допускает анахронизм. После 1608 года, во многом благодаря Оратории, французские священники и епископы были более усердными.

Жозеф Бержен, «Восхождение Ришелье». С. 121.

Фолиант в 677 страниц.

Трое последних были кальвинистами.

Ветвь францисканцев, получившая свое название благодаря остроконечному капюшону (ит. *cariscino*).

Главный викарий Люсона Жак де Флавины по просьбе Ришелье написал «Короткую и простую инструкцию для исповедников».

Этот требник Тридентского собора был менее объемистым, чем пуатевинский. Чтение римского требника было обязательным также для диаконов и иподиаконов.

Сеньоры, как и светские аббаты, часто были протестантами.

Что можно возразить такой плеяде серьезных авторов?

Лилии — геральдический символ французских королей.

Речь идет о Кур-ля-Рен (королевском дворике).

Пусть ученые-демографы простят мне дерзость статистика-любителя.

Гражданская война, ставшая начиная с 1630 года международной.

Протестантского кантона, расположенного на юго-востоке Швейцарии и известного сегодня под немецким названием Граубюнден.

В это время отправленный Ришелье в Рим отец Жозеф неоднократно встречается с папой, обсуждая с ним широкий круг вопросов, в том числе и проблему Вальтеллины.

«Смерть Помпея» (1643), трагедия, посвященная Мазарини.

Chevallier Pierre Louis XIII, roi cornélien. Paris: Fayard, 1979.

К счастью для Ришелье, королева-мать закрыла задвижку.

Так Людовик XIII называл Сен-Мара.

Дворец кардинала, будущий Пале-Рояль.

61

Задним числом (*лат.*).

Duccini Hélène, Concini, Paris, Albin Michel, 1991.

Напротив, Пьер Шевалье (Chevallier P. Louis XIII. Paris: Fayard. 1979. P. 352) обнаружил «прелюбопытнейшее письмо» кардинала Берюля, предоставляющее, как он утверждает, «доказательство, что этот мистик был преданным учеником Макиавелли».

Аббат Бремон, напротив, считал религию Ришелье чересчур простой (страх перед адом) и народной (недалеко ушедшей от суеверий).

Кальвер — придорожное распятие, обычно с изображением Спасителя на кресте в сопровождении Богоматери и святого Иоанна, а также эпизоды Страстей.

Coier по-французски — не только «сердце», но и червы (еще одна карточная масть).

См. приложения.

Просвещенному читателю известен сын Кольте, жертва нападок Буаробера.

Французские короли достигали совершеннолетия в тринадцать лет.

См. хронологию фаворитов Людовика XIII в приложениях.

Титул старшей дочери брата короля.

Волей-неволей (*лат.*).

Гармодий и Аристокитон — убийцы тирана Гиппарха (Афины), Жак Клеман — убийца Генриха III, Равальяк — убийца Генриха IV, Дамьен покушался на убийство Людовика XV. *Прим. ред.*

Франсуа де Бутвиль был посмертным сыном маршала Люксембурга, называемого «Нотр-Дамский ковровщик».

В 1631 году.

Ришелье имеет в виду Испанские Нидерланды, а также итальянские владения — Милан и т. д.

«Политическое завещание» заявляет об этом с несколько наивной убежденностью и рядом уточнений.

См. следующую главу.

Порты Восточного Средиземноморья назывались городами Леванта.

Вскоре герцог, обидевшись, отказался участвовать в осаде.

Общей протяженностью 12 километров.

Косинус — суховатый ученый, герой книг из серии «Математика для детей». Турнесоль — чудака-профессор из фантастических комиксов Эрже (Жана Реми), популярных в 1950-е годы. *Прим. ред.*

Псалом 68 в протестантской Библии, псалом 67 в Вульгате и Библии православной.

Месяц спустя убитым оказался герцог Бэкингем.

Он даже вынужден был, несмотря на свою веру, просить помощи у католической Испании.

Малерб совершил в июле 1628 года путешествие в ЛаРошель с намерением (несбывшимся) потребовать от короля правосудия для своего сына, погибшего 13 июля 1627 года от руки Пьера-Поля де Фортиа де Пиля. Сам Малерб умер в Париже 6 октября 1628 года.

Marie de Medici. Paris: Fayard, 1981. P. 433.

Доверие никогда не было безоговорочным. В августе 1629 года в письме Берюлю Ришелье жаловался своему коллеге, что король соглашается с ним или одобряет его предложения лишь в одном случае из двух!

Мир в Але датируется 28 июня 1629 года.

Две «маски» барона де Сигоньяка, героя романа Теофиля Готье «Капитан Фракасс». *Прим. ред.*

К сожалению, при этом было уничтожено множество архитектурных памятников Средневековья.

Что превосходно было продемонстрировано Пьером Шевалье.

Chevallier P. Louis XIII. P. 361.

Традиционная историография настаивает на титуле «главный государственный министр», присвоенном Ришелье королем 21 ноября 1629 года. Жозеф Бержен не согласен с особым или новым значением этой должности.

Будущая герцогиня д'Эгийон.

Сестрой герцога Карла IV.

Катерине Медичи, умершей в 1631 году.

В своем «Политическом завещании» Ришелье заявляет, что Марильяк был «приговорен справедливо».

Упраздненной январским эдиктом 1627 года.

Королева-мать, умирая в Кельне в 1642 году, оставит Матье де-Моргу свою серебряную посуду — впрочем, помятую и разрозненную.

Богатство огромной переписки кардинала раскрыл Пьер Грильон. См. Les papiers de Richelieu, Paris, 1975–1985, 7 vol.

Так решил историк Луи Андре, издатель «Политического завещания».

Переиздание было сделано мадам Франсуазой Гильдехаймер (1995 г.) под покровительством Общества истории Франции.

«„Мемуары“ — восхваление Ришелье в виде истории Людовика XIII, весьма подозрительны» (L'Homme rouge, p. 139).

Мы имеем в виду прежде всего труды мадам Франсуазы Гильдехаймер.

Можно упомянуть архитектора Жака Ле Мерсье, художника Филиппа де Шампена.

Например, Мишель Ле Маль (1588–1662), преданный секретарь кардинала, пример доверенного человека.

«Если бы мы захотели одним словом охарактеризовать XVII век, мы сказали бы, что это был век авантюрный» (Клебер Геданс).

О праве войны и мира (*лат.*).

110

Он будет освобожден только в 1645 году.

В конце книги приведен список академиков периода 1634–1642 годов.

Глава «Кардинал и театр».

См. главу «Год Корби».

Эта граница всегда была уязвимой, о чем будет писать также Клаузевиц.

Испанском — согласно тогдашнему суверенитету, имперском — согласно феодальному праву.

Клод, первый герцог де Сен-Симон, уведомивший своего дядю Сен-Леже об ожидавшем его наказании, впал в немилость.

Максимильен де Бельфорьер (1591–1649), сеньор де Суакур, губернатор Корби, бежал в Англию; он был приговорен к смерти заочно.

Матиас Галла, граф де Кампо и герцог де Лучера, воевал во Франции во главе имперских войск, в то время как Фердинанд II объявил войну Людовику XIII только в декабре.

Впрочем, оставив за собой право пользования.

«Наставление христианину», первое издание в 1621 году.

Отец Жозеф умер 18 декабря 1638 года.

Реконструированных нами и не пронумерованных Сен-Сираном.

123

Произведение было передано суду 1 июля.

Как и Сен-Сиран, отец Сегено просидел в тюрьме пять лет.

Позднее Сен-Сиран писал: «Я верю во мнение тех, кто считает, что аттриции достаточно, как и во мнение тех, кто полагает, что ее недостаточно, не желая судить ни тех, ни других, поскольку Церковь этого еще не рассудила».

Лефевр Марсель (1905–1993) — французский архиепископ, лидер и глава современных традиционалистов или интегрисов. Выступал против курса на обновление Римско-католической церкви.

Арно Антуан (1612–1694) — крупнейший из деятелей янсенизма во Франции, один из основателей монастыря Пор-Рояль.

Не считая «проповедей, синодальных ордонансов, указов и руководств» (Ж. де Вигери).

Логосом (словом) святой евангелист Иоанн Богослов называет Сына Божия, второе Лицо Троицы.

Он всегда имел одного исповедника, выбранного после долгих размышлений.

Бог Берюля, Олье, Кондрена, Сен-Сирана точно так же и еще больше является Богом любви.

Акушерка, принимавшая у королевы роды.

Где в 1637 году был показан «Сид».

Он будет торжественно открыт в 1641 году представлением трагедии «Мириам».

Не говоря о дворе Короля-Солнца.

Жан-Франсуа Сольнон, автор «Французского двора» (J.-F. Solnon La Coure de France. Paris: Fayard, 1987).

Согласно Таллеману де Рео.

Артенис является анаграммой Катерины, имени мадам де Рамбуйе.
(См. приложение «Золотой век анаграммы».)

В 1647 году впал в немилость Вуатюр, умерший в 1648 году.

Маленький король (*исп.*).

Это упоминается у Таллемана де Рео, а также, разумеется, в «Трех мушкетерах» А. Дюма.

Личный секретарь имеет право, в силу своих полномочий, исправлять ошибки своего хозяина. Он имитирует почерк и подпись того, кому служит. Туссен Розе был личным секретарем Людовика XIV.

Ужин того времени — это наш обед. Ришелье, будучи умерен в еде и питье и не желая посягать на часы своей наиболее интенсивной работы, ужин пропускал.

Потчевать — это всего лишь манера выражаться. Несмотря на три перемены блюд, гости едва ли получали что-нибудь вкуснее трактирной кухни.

Речь идет о браке племянницы кардинала Клер Клеманс де Майе-Брезе с Луи Бурбоном, герцогом Энгиенским 11 февраля 1641 года. «Мириам» была сыграна 14 января.

Вплоть до сражения при Рокруа в 1643 году.

«*Сердце* в данном случае означает отвагу, силу, неустрашимость» (Фюретьер), подобно знаменитому: «Родриго, есть ли у тебя сердце?»

Когда заговорщики ждали сигнала Месье, чтобы убить кардинала, а тот так и не решился его подать.

По Сен-Жерменскому договору (от 25 января)

Самым известным из этих мучеников является святой Жан де Бребёф (1593–1649).

Таллеман де Рео утверждает, что король «ушел очень веселым» из дворца кардинала после своего посещения Ришелье.

И даже заранее — 17 декабря.

1 турецкий ливр составляет 20 су.

Эти цифры округлены; подсчеты — упрощенные — не имеют математической строгости заметок Жозефа Бержена в его произведении «Власть и состояние Ришелье» (J. Bergin «Pouvoir et fortune de Richelieu»).

То есть ордена Святого Духа.

Претор не занимается мелкими делами (*лат.*).

Пер. эпиграмм В. Е. Васильева.

Сын академика, Жан-Клод Кольте (*Jean-Claud Colletef*), стал жертвой злой анаграммы: IL A LA TÊTE D'UN COCU (У НЕГО ГОЛОВА РОГОНОСЦА).

Буквы I и J остались неиспользованными.